

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

4 (46) 2016

Журнал издается с 2008 года

Решением Минобрнауки России журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Журнал включён в базы данных ВИНТИ РАН, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, а также в Российский индекс научного цитирования и представлен в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская национальная экономическая библиотека включила журнал в свой фонд.

Журнал также направляется в Библиотеку Конгресса США.

Редакционный совет:

- Макаров В.Л.**, академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)
Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)
Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Горшков М.К., академик РАН, директор Института социологии РАН (Москва, Россия)
Некипелов А.Д., академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (EHSS), Центра исследований индустриализации (SEMI) (Париж, Франция)
Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)
Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)
Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Ильин В.А., д.э.н., проф., научный руководитель Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)
Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)
Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)
Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)
Ленчук Е.Б., д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Москва, Россия)
Максимцев И.А., д.э.н., проф., ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)
Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)
Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Штомпка Пётр, проф., декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)
Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
У Эньюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)
Пейтер Оуй – старший научный сотрудник и консультант, Нидерландская организация прикладных научных исследований (Делфт, Нидерланды)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

- д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,
д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,
д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),
к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),
д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Теребова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698

Адрес в Интернете: <http://esc.vscac.ru>

© ИСЭРТ РАН, 2016

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

4 (46) 2016

The Journal is published since 2008

According to the decision of the Russian MES the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The Journal is covered in Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Editorial Board:

- V.I. Makarov**, RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Ivantsev, RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
V.V. Okrepilov, RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
P.A. Vityaz, Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
P.G. Nikitenko, Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
M.K. Gorshkov, RAS Academician, Director of RAS Institute of Sociology (Moscow, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS Academician, Director of Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
J. Sapir, Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
S.D. Valentey, Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
A.E. Dayneko, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
V.A. Ilyin, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
A.I. Kibitkin, Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
M. Kivinen, Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
F.D. Larichkin, Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
E.B. Len'chuk, Doctor of Economics, Professor, Director of RAS Institute of Economics (Moscow, Russia)
I.A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
A.V. Putilov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Yu.Ya. Chukreev, Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
P. Sztompka, Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
D.V. Afanasyev, Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)
Peter Oeij – Senior Research Scientist and Consultant, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research (Delft, The Netherlands)

Chief Editor - V.A. Ilyin

Editorial Staff:

Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED RAS, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А.* Правящие элиты – проблема национальной безопасности России..... 9
- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 35

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Лажнецов В.Н.* Общественный характер концепций развития экономики северных и арктических районов России 43

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Ласточкина М.А.* Барьеры модернизации и уровень согласованности ее основных составляющих в макрорегионе РФ 57

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Важенина И.С., Важенин С.Г., Сухих В.В.* Конкуренция регионов за доверие: особенности становления.....72
- Барсуков В.Н., Калачикова О.Н.* Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт..... 88
- Осипова Л.Б., Энвери Л.А.* Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования..... 108
- Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В.* Мониторинг возможностей развития самозанятости в Новосибирской области..... 130

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Поварова А.И.* Проблемы и особенности исполнения субфедеральных бюджетов в 2015 году 144
- Воронова Н.С., Мирошниченко О.С., Тарасова А.Н.* Детерминанты развития российского банковского сектора как факторы экономического роста 165

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Румянцев А.А.</i> Институциональные возможности развития инновационной деятельности в регионе	184
--	-----

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Куан Сяоцянь, Ай Шуцинъ.</i> Исследование развития «умного» туризма в провинции Цзянси в рамках концепции «Интернет+»	199
--	-----

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Панов А.М.</i> Неустойчивая занятость в Вологодской области: состояние и тенденции	206
---	-----

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

Итоги Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2015 года	223
Правила приёма рукописей статей	226
Информация о подписке	232

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

- Ilyin V.A.* The Ruling Elites: a Problem for Russia's National Security 9
- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 35

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Lazhentsev V.N.* Public Nature of the Concepts for Economic Development
in the Northern and Arctic Regions of Russia 43

THEORETICAL ISSUES

- Lastochkina M.A.* Barriers to Modernization and the Degree of Coherence
of Its Main Components in a Macro-Region of the Russian Federation 57

SOCIAL DEVELOPMENT

- Vazhenina I.S., Vazhenin S.G., Sukhikh V.V.* Regional Competition for Confidence:
Features of Formation 72
- Barsukov V.N., Kalachikova O.N.* Study of the Quality of Life of the Older Generation:
a Regional Experience. 88
- Osipova L.B., Enveri L.A.* Life Strategies of Young People: Sociological Research
Experience 108
- Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V.* Monitoring of Opportunities
for Development of Self-Employment in the Novosibirsk Oblast 130

PUBLIC FINANCE

- Povarova A.I.* Problems and Specific Features of Sub-Federal Budgets Execution
in 2015 144
- Voronova N.S., Miroshnichenko O.S., Tarasova A.N.* Determinants of the Russian
Banking Sector Development as the Drivers of Economic Growth 165

INNOVATION DEVELOPMENT

<i>Rumyantsev A.A.</i> Institutional Capacity of Innovation Activity Development in the Region.....	184
--	-----

FOREIGN EXPERIENCE

<i>Kuang Xiaoqian, Ai Shuqin.</i> Research on the Development of Smart Tourism in Jiangxi Province under the Background of the “Internet +”	199
--	-----

YOUNG RESEARCHERS

<i>Panov A.M.</i> Precarious Employment in the Vologda Oblast: Current State and Trends	206
--	-----

SCIENTIFIC REVIEWS. OPINIONS

Results of the Best Scientific Book – 2015 All-Russian Competition	223
Manuscript Submission Guidelines	226
Subscription Information	232

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.1

УДК 338.24, ББК 65.050.17

© Ильин В.А.

Правящие элиты — проблема национальной безопасности России

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
ilin@vscc.ac.ru

Национальная безопасность: глобальные угрозы и внутренние противоречия

Обеспечение национальной безопасности — ключевая функция государственной власти. Здесь мы имеем в виду безопасность не только от внешней агрессии, но и конкурентоспособность внутреннего состояния страны — ее экономической модели, системы государственного управления, социальной структуры общества и т.д. Исторический опыт России, возможно, как никакой другой мировой державы наглядно показывает, что именно внутренний подрыв государственных устоев влечет за собой максимально тяжелые

последствия, затрагивая целые поколения людей, демографическую структуру нации, основы менталитета. Таким был плачевный итог развала Советского Союза, от которого российское общество не оправилось до сих пор. Таким был результат крушения Российской Империи, на «реабилитацию» которого потребовалось более 50 лет. С другой стороны, тот же российский опыт показывает, что благодаря мобилизации всех производственных и человеческих сил можно отразить практически любую внешнюю агрессию. Как это было, например, в период Великой Отечественной войны.

Для цитирования: Ильин, В.А. Правящие элиты — проблема национальной безопасности России / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 4. — С. 9-34. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.1

For citation: Ilyin V.A. The ruling elites: a problem for Russia's national security. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 9-34. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.1

Таким образом, бессмысленно и крайне опасно сводить проблемы национальной безопасности к вопросам территориальной целостности и военной мощи. История учит тому, что ее главные угрозы таятся внутри, а не снаружи¹. Ключевым фактором национальной безопасности является отсутствие адекватной реакции со стороны правящей элиты на длительное, нарастающее недовольство населения динамикой уровня жизни и решением вопросов социальной справедливости в обществе, что рано или поздно приводит к социальному взрыву. «Подпитывается» ли это социальное недовольство геополитическими конкурентами, насколько международная политическая ситуация вносит коррективы во внутреннюю политику государства и т.д. – всё это вопросы крайне важные, но второстепенные. И в этом смысле главная роль в обеспечении национальной безопасности заключается в эффективности государственного управления именно по вопросам организации внутренней жизни в стране, а если выразиться более точно – в эффективности действий правящей элиты по удовлетворению важнейших потребностей населения в повышении качества жизни и в социальной справедливости.

Характеризуя современную властвующую элиту в России, многие эксперты не стесняются в выражениях, что само по себе свидетельствует о затяжном кризисе

¹ К примеру, именно внутренние противоречия стали причиной Нидерландской революции XVI века, Английской революции XVII века, а также Великой французской революции XVIII в.

Если в 2012 г. (первый год третьего президентского срока) контекст выступления Президента перед Федеральным Собранием был достаточно мягким – речь шла о длительном существовании проблем и необходимости активизировать усилия по их решению, то в последующих Посланиях Федеральному Собранию всё чаще фигурируют такие фразы, как **«Давайте посмотрим на эти проблемы ещё раз со всех сторон, чтобы наконец привести ситуацию в соответствие со здравым смыслом, с требованием времени» (2013 г.), «Все всё уже понимают, что надо делать, надо только начать это делать» (2014 г.) и «Мы уже сколько лет об этом говорим? А воз и ныне там» (2015 г.)**. Таким образом, отчетливо проявляется неудовлетворенность В.В. Путина ходом реализации поставленных в 2012 г. задач и приоритетов, а по сути – неэффективностью государственного управления. Ощущается то, что глава государства вынужденно мирится с некомпетентным исполнением его указов.

(Источник: Ильин В.А. Эффективность государственного управления и накапливающиеся проблемы социального здоровья // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №6 (42). – С. 26.)

государственного управления². Глава государства также неоднократно обращал внимание на недостаточную степень эффективности российских чиновников, их бездействие на фоне усиливающихся социальных проблем.

Актуальность вопроса повышения эффективности государственного управления по решению внутренних задач

² «К сожалению, многие сегодняшние люди, которым должно быть за державу обидно и которые не должны брать мзды, действуют ровно наоборот. И только по недоразумению, по привычке мы называем этих грязных чиновников элитой... Российские элиты зачастую представляют собой временщиков, случайно вырвавшихся к рычагам власти, укрепившихся там и использующих служебное положение для личной наживы» (источник: За державу обидно! Таможня – дело тонкое (мнение политолога Ф. Бирюкова) // Газета «Завтра». – 2016. – 4 авг. – №31(1183). – С. 5).

усугубляется хаотичностью мировых процессов и всё более усиливающимися темпами глобальной конкуренции. Заявив о себе как об одном из ключевых игроков на международной политической арене и подтверждая этот статус последующими действиями³, Россия приняла на себя и историческую ответственность перед миром за формирование адекватного ответа назревающим глобальным проблемам, а также роль полноправного участника геополитической конкуренции с ведущими мировыми державами. После краха СССР появление еще одного конкурента не могло не восприниматься «в штывы» геополитическими противниками России. Развернувшаяся на этом фоне гибридная война, с одной стороны, показала, что они действительно боятся возрождения России из небытия 90-х, с другой стороны, многократно увеличила актуальность вопросов эффективности государственного управления во внутренней жизни в России, сделав их важнейшим оружием глобальной конкуренции.

«История повторяется, — как отмечал классик немецкой философской мысли Г. Гегель, — и повторяется она до тех пор, пока люди не усвоят уроки, которые они должны извлечь из истории».

100 лет назад неразрешимые противоречия и геополитические амбиции ведущих мировых держав привели к началу Первой

мировой войны, в которую оказались вовлеченными 34 из 56 суверенных государств⁴.

За прошедшие 100 лет мировая цивилизация вышла на качественно новый уровень своего развития. Технологический прогресс изменил социальную и демографическую структуру общества, вывел на новый уровень качество жизни населения, привел к обострению новых глобальных угроз (таких как новые заболевания, прежде всего, касающиеся психического здоровья, угроза ядерной войны, исчерпание природных ресурсов и т.д.).

Однако, хотя вся мировая цивилизация и каждое отдельно взятое государство в корне отличаются от своих аналогов 100-летней давности, есть в них много схожего — то, что позволяет проводить исторические параллели и извлекать уроки из прошлого.

Сегодня мир также терзаем противоречиями: Россия ищет пути снижения международной конфронтации путем установления единых для всех правил ведения внешней политики, но ей противостоит рост геополитических «аппетитов» США на Ближнем Востоке и в Европе, вследствие которых актуализировалась проблема международного терроризма и неконтролируемого наплыва беженцев в странах Старого Света, повлекшего за собой не только социальный, но и культурный и политический кризисы. Всё это

³ Речь идет о выступлении В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. и последующих шагах Президента по укреплению международных позиций России, в том числе в ходе украинского и сирийского конфликтов.

⁴ «Вспышку войны 1914–1918 гг. как мирового вооруженного конфликта определило соотношение сил, сложившееся в мировом хозяйстве в предшествующие годы. Страны, наиболее промышленно развитые и занимавшие по этому показателю первые места в мировом хозяйстве, США и Германия, значительно уступали старинным европейским государствам Великобритании и Франции по таким сопутствующим индустриальному могуществу показателям, как экспорт капитала и колониальные владения. И наоборот, страны, возглавлявшие в предыдущем XIX в. мировое промышленное производство, Великобритания и Франция, были теперь, перед войной 1914 г., оттеснены на третье и четвертое места, но являлись крупнейшими экспортёрами капитала и крупнейшими колониальными державами» (источник: Причины экономических противоречий и соперничества ведущих стран накануне Первой мировой войны // База данных «Мир знаний». — Режим доступа: <http://mirznaniy.com/info/1-prichiny-ekonomicheskikh-protivorechiy-i-sopernichestva-vedushchikh-stran-nakanune-pervoy-mirovoy-278616>).

сопровождается еще более комплексными угрозами, связанными с непредсказуемостью и хаотичностью мировых событий, ставящих всё более сложные вопросы перед капиталистической системой, господствующей в развитых странах.

После «успешной» реализации стратегического плана по развалу СССР⁵, являвшегося во второй половине XX века одной из двух самых мощных держав мира, США фактически стали монополистами в диктате своей политической, экономической и идеологической воли⁶. Политика двойных стандартов и военные вмешательства США во внутренние дела суверенных государств стали регулярным явлением. «Неоконсерваторы, которые после терактов 11 сентября 2001 года получили в свои руки все рычаги внешней политики Вашингтона, исходили из того, что в относительно короткий исторический срок (лет за десять) им удастся подавить всех основных конкурентов на планете экономически,

финансово, а кое-где – и военным путём. После этого США смогут сохранить свою «империю доллара», продолжая ограбление всего остального мира»⁷.

Однако по мере распространения по миру неолиберальной модели капитализма «накапливались и все больше проявлялись ее собственные противоречия и диспропорции – прежде всего рост имущественного неравенства и порожденное этим постепенное сокращение спроса на производимые товары»⁸. Уже через несколько лет американской гегемонии стали проявляться признаки того, что доминирующая держава, с ее экономической, управленческой, духовно-ценностной системой, неспособна играть роль единоличного лидера: «США надорвались из-за необходимости постоянно вести несколько войн»⁹.

В 2007 г. Россия напомнила об опасностях однополярного мира и снова заявила о себе как о равноправном международном партнере¹⁰. В 2008 г. зависимость мировой

⁵ «Если смотреть с позиций сегодняшнего дня и уже известных фактов, то нужно иметь в виду следующее. В начале 80-х годов, в период вступления на пост президента США Р. Рейгана, директором ЦРУ Кейси была предложена программа, по сути дела, развала Советского Союза. Сегодня можно уверенно говорить, что нашим противником реализовывалась целенаправленная программа по дестабилизации и разрушению СССР как страны и государства. Это очень важно для понимания нынешней ситуации в России.» (Источник: Ивашов Л. Сподручники и наследники Рейгана [Эл. рес.] // Литературная газета. – 2016. – № 31. – 3 авг. – Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/-31-6562-03-08-2016/avgust-1991/>).

⁶ «США поставили в экономическую и политическую зависимость от себя многие из стран мира. Они устроили глобальную систему долларовой подкупа правящей элиты ряда стран, т.е. глобальную компрадорскую систему. Они покупают за доллары не только ресурсы, но и правителей, законодательство и законодателей, законы, экономическую политику зависимых стран. Управляя компрадорским меньшинством зависимых стран, США эксплуатируют в своих интересах труд социального большинства, которое влачит жалкое существование и борется с вымиранием. Вот что такое долларизация мира. Это и есть однополярный мир. Это и есть глобализация по-американски, мировое господство США. Не случайно кризис долларизации означает и кризис американской глобализации» (источник: Социальный контракт власти с сырьевым олигархатом: рост без развития: интервью С.С. Губанова на радио «Говорит Москва» от 18.03.2009 [Эл. рес.] // Информационно-аналитическая служба «Русская линия» – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2009/03/19/social_nuj_kontrakt_vlasti_s_syr_evym_oligarhatom_rost_bez_razvitiya/).

⁷ Вопрос в лоб Ростиславу Ищенко // Газета «Завтра». – 2016. – № 31 (1183). – 4 авг. – С. 1.

⁸ Кагарлицкий Б. Кто подавит восстание элит // Эксперт. – 2016. – № 30–33. – С. 52.

⁹ Там же.

¹⁰ Выдержка из выступления В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г.: «Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном – именно в современном – мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации... Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня» (источник: Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>).

экономики от экономики США привела к тому, что ипотечный и банковский кризис в Штатах (начавшийся еще в 2007 г.) перерос в глобальный финансовый кризис, который показал, «что способности либеральных элит контролировать ситуацию ограничены, а их ресурсы исчерпываются»¹¹.

Сегодня ведущие зарубежные и отечественные ученые предрекают трудные времена для капитализма, которые могут завершиться его глобальным кризисом. При этом они акцентируют внимание на следующих тезисах:

1. «В мире накапливаются причины для кризиса именно структурного, т. е. неразрешимого в пределах стандартных политических и инвестиционных решений наших дней... Капитализм не сможет процветать, если институты не будут реформированы, занятость — восстановлена, а экологические, относящиеся к здравоохранению и другим сферам проблемы — так или иначе решены...»¹²

2. «До глобального финансового кризиса 2008 года некоторые идеи, такие как гипотеза эффективного рынка или «великое смягчение», были живее всех живых. Их сторонники главенствовали в мейнстриме экономической науки... Результатом этого стало возникновение глобальной экономики, где и домохозяйства, и целые страны жили не по средствам... Очевидно, что с экономической наукой что-то сильно не так. Громадный финансовый кризис разворачивался на глазах у представителей экономической науки, и все-таки большинство из них не замечало ничего необычного... Идеи, которые вызвали кризис и были — хотя бы на короткое время — погребены им, снова оживают и пробивают себе

¹¹ Кагарлицкий Б. Кто подавит восстание элит // Эксперт. — 2016. — № 30–33. — С. 53.

¹² Есть ли будущее у капитализма? : сборник статей / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун. — М.: Институт Гайдара, 2015. — 320 с.

путь на поверхность. Если мы не убьем эти зомби-идеи раз и навсегда, в следующий раз они принесут еще больше страданий»¹³.

3. «Во втором десятилетии XXI в. не только в России, но и во многих странах мира обозначилась потребность в гуманистическом повороте наук о человеке и обществе, который выражает потребность в гуманистическом векторе эволюции самого общества»¹⁴.

4. «Внезапно мы обнаруживаем, что в двух ведущих странах капиталистической мир-системы социализм не только воскрес, но и выставил себя в качестве мощной политической альтернативы господствующему либеральному мейнстриму... Либеральный «конец истории» закончился слишком быстро. И если эта волна не дошла ещё до нас, то лишь потому, что и наш либерализм, и наш капитализм весьма специфичны, а наш политический процесс далёк от игры по правилам западного мира. Но закрыться от революции идей невозможно, и несомненно, что скоро поступь нового социализма мы услышим и в России»¹⁵.

Столкновение капиталистической и социалистической парадигм развития выражается в обострении геополитической конкуренции и сопровождается напряженностью международной политической обстановки, периодически возникающими затяжными и кратковременными локальными вооруженными конфликтами, вспыхивающими в разных странах мира революциями. Наличие ядерного оружия, делающего мировую войну бессмыслен-

¹³ Куиггин Дж. Зомби-экономика. Как мертвые идеи продолжают блуждать среди нас / пер. с англ. А. Гусева; под науч. ред. А. Смирнова. — Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — С. 11, 14.

¹⁴ Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социс. — 2016. — № 5. — С. 29.

¹⁵ Холмогоров Е. О нерешенной проблеме социализма // Газета «Завтра». — 2016. — № 17 (1169). — 28 апр. — С. 3.

ной, поскольку «в глобальном конфликте не может быть победителя»¹⁶, является, пожалуй, главным барьером, препятствующим развязыванию третьей, на этот раз ядерной, мировой войны.

Однако бесперспективность ядерной войны не означает полное отсутствие военных действий, а лишь «диктует» форму их проведения. Сегодня война между ведущими мировыми державами ведется в гибридной форме, посредством информационных ресурсов, с обращением к общественному сознанию. **Таким образом, глобальная конкуренция стран происходит на фоне проблем, аналогичных тем, которые 100 лет назад привели к Первой мировой войне. Разница лишь в том, что в начале XXI в. геополитическое соперничество развивается на качественно новом уровне – технологическом, экономическом, политическом и т.д.**

Поэтому сегодня для всех государств мира, и прежде всего ключевых игроков, от действий которых зависит дальнейшее развитие событий на международной политической арене (таких как США, Китай, страны Евросоюза, Россия, Индия), как никогда актуальна задача поиска исторических параллелей, необходимых для эффективного извлечения уроков истории.

Некоторые причины Русской революции 1905 – 1917 гг.

Первая мировая война вошла в историю как одна из самых кровопролитных и жестоких войн¹⁷. Для многих стран участие в ней стало «последней каплей», переполнившей чашу накапливавшихся внутренних противоречий, от которых страдали прежде всего широкие слои населения. В послевоенные годы во многих странах Европы и мира прокатилась волна революционных движений, которые открыли новую эпоху, именуемую историей новейшего времени. Не исключением стала и Россия, которая, как отмечают некоторые эксперты, в Первой мировой потеряла больше всего¹⁸.

«Русская революция перевернула не только Россию, она радикально изменила весь мир. И тот мир, который мы видим вокруг нас, просто немыслим был бы без нее, как мир XIX столетия – без французской революции»¹⁹.

Русская революция, начавшаяся в 1905 году с расстрела императорскими войсками в Санкт-Петербурге мирной демонстрации рабочих во главе со священником Георгием Гапоном, была обусловлена как международным положением России, так

¹⁶ Путин В.В. Речь на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 22.10.2015 // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548>

¹⁷ По оценкам экспертов Россия по военным потерям в ходе Первой мировой войны превзошла все другие мировые державы. Безвозвратные потери (убитые в бою, умершие от ран, пропавшие без вести, умершие в плену и не вернувшиеся из плена) России составили 3,3 млн. чел., Германии – 2 млн. чел., Австро-Венгрии – 1,5 млн. чел., Франции – 1,4 млн. чел., Британской Империи – 0,7 млн. чел., Италии – 0,5 млн. чел., США – 0,08 млн. чел. (источник: Степанов А. Потери населения России в Первой мировой войне // Журнал «Демоскоп Weekly». – 2014. – № 623–624. – 15–31 дек. – С. 7).

¹⁸ «Результаты Первой мировой войны хорошо известны: военно-политическая победа США, Британской Империи, Франции, Италии и Японии над Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, а в России – широкомащтабная гражданская война, национально-территориальный раскол и иностранная военная интервенция. Россия из огня Первой мировой войны попала в полымя гражданской войны и иностранной интервенции» (источник: Степанов А. Потери населения России в Первой мировой войне // Журнал «Демоскоп Weekly». – 2014. – № 623–624. – 15–31 дек. – С. 8).

¹⁹ Революция 1917-го радикально изменила весь мир: интервью директора Института глобализации и социальных движений Б. Кагарлицкого информационному portalу Правда.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.pravda.ru/news/society/07-11-2013/1181206-revolution-0/>

и накопившимися противоречиями внутри самого российского общества. В конце XIX – начале XX в. Российская Империя, несмотря на тенденцию роста общего объема промышленного производства, существенно уступала по данному показателю ведущим странам Запада (табл. 1).

Главная проблема России заключалась в огромном отставании от западных стран по уровню и качеству жизни населения. К концу XIX в. сельские сословия составляли

около 77% населения страны (табл. 2). При этом «русский крестьянин был далек от европейского наследственного землепользователя. Житель европейской деревни в гораздо большей степени чувствовал себя хозяином земли, нежели ее подданным. А такая деревня шла навстречу более глубоким изменениям всего общества, его превращению в городское, рыночное... Даже после отмены крепостного права, на пороге XX века, идея наследственного землепользо-

Таблица 1. Доли в мировом промышленном производстве

Страна	1881-1885 гг.		1896-1900 гг.		1913 г.	
	В %	В % от вклада лидера (США) в мировое промышленное производство	В %	В % от вклада лидера (США) в мировое промышленное производство	В %	В % от вклада лидера (США) в мировое промышленное производство
Россия	3,4	11,9	5	16,6	5,3	14,8
США	28,6	100,0	30,1	100,0	35,8	100,0
Великобритания	26,6	93,0	19,5	64,8	14	39,1
Германия	13,9	48,6	16,6	55,1	15,7	43,6
Франция	8,6	30,1	7,1	23,6	6,4	17,9

Источник: Петров Ю. Россия в 1913 году: экономический рост // Наука и жизнь. – 2014. – № 7. – С. 6.

Таблица 2. Распределение населения Российской Империи по сословиям в 1897 г.

Сословие	Мужчины		Женщины		Оба пола *	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Дворяне потомственные и их семьи	583824	0,9	636345	1,0	1220169	1,0
Дворяне личные, чиновники не из дворян и их семьи	303653	0,5	326466	0,5	630119	0,5
Лица духовного звания всех христианских вероисповеданий и их семьи	275813	0,4	313134	0,5	588947	0,5
Потомственные и личные почетные граждане и их семьи	175689	0,3	167238	0,3	342927	0,3
Купцы и их семьи	137522	0,2	143657	0,2	281179	0,2
Мещане	6534117	10,5	6852275	10,8	13386392	10,7
Крестьяне	47969068	76,8	48927580	77,5	96896648	77,1
Войсковые казаки	1448382	2,3	1480460	2,3	2928842	2,3
Иногородцы	4423808	7,1	3874157	6,1	8297965	6,6
Финляндские уроженцы без различия сословий	16811	0,0	18774	0,0	35585	0,0
Лица, не принадлежавшие к этим сословиям	210801	0,3	143112	0,2	353913	0,3
Лица, не указавшие сословия	36410	0,1	35425	0,1	71835	0,1
ИТОГО русских подданных	62115898	99,4	62918623	99,6	125034521	99,5
Иностранные подданные	361450	0,6	244050	0,4	605500	0,5
ВСЕГО русских и иностранных подданных	62477348	100,0	63162673	100,0	125640021	100,0

* Расчеты Демоскоп Weekly http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_sos_97.php
 Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А.Тройницкого. – Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. – С.-Петербург, 1905. – Табл. VIII. Распределение населения по сословиям и состояниям.

вания, а тем более частной собственности на землю не вызрела в российском обществе, казалась чем-то инородным в русской деревне...»²⁰

В то же время, несмотря на отставание России от Запада в плане социально-экономического уклада и качества жизни, уже в XIX в. в российском обществе выработалось то, что Н.А. Бердяев назвал «инстинктом государственного могущества»²¹. После падения Константинополя в XV веке Россия, «единственное свободное православное государство после гибели Византии»²², стала новым геополитическим полюсом на востоке Европы. Статус «Третьего Рима» обязывал Россию «к участию в европейских, чтобы не сказать в мировых, делах и притом к участию на первых ролях, что требовало энергичного экономического, политического, военного, культурного взаимодействия с соседями, в первую очередь, с западными... К началу XX в.

²⁰ Там же. – С. 22.

²¹ «К XIX веку империя была очень нездоровой и в духовном, и в социальном отношении. Для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самолюбию, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человеческий, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный. Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа» (источник: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж, 1955. – С. 15).

²² В 1453 г. Константинополь – столица Византийской Империи и православной культуры, «наследник» Греции и Рима – был взят турками и оставался столицей Османской Империи до 1922 г. Многие историки считают падение Константинополя ключевым моментом в европейской истории. Византия перестала существовать как политическая сила, вскоре после падения Константинополя Османская Империя поработила и остальные православные страны на Балканах (источник: Падение Константинополя (29 мая 1453 года) // Сайт Храма Живоначальной Троицы на Воробьёвых горах. – Режим доступа: <http://hram-troicy.prihod.ru/articles/view/id/1166651>).

Россия ощущала себя мощной державой, привыкшей одерживать победы, раздвигать границы и диктовать свою волю сопредельным государствам»²³.

Однако «ощущать себя мощной державой» и быть ей на самом деле – не одно и то же. Объективная необходимость для России конкурировать с ведущими странами Запада сочеталась с элементарной отсталостью от них в плане политического, экономического, социального развития. Уровень производительных сил в стране не соответствовал требованиям времени. Царский режим так и не смог найти выход из этого противоречия, что привело к революционным событиям 1905, 1917 гг. и его смене, предопределив ход дальнейшего развития России и всего мира в середине XX века.

Россия в XX и XXI вв.: история повторяется

Предреволюционную Российскую Империю, СССР периода «заката» и современную Россию разделяют значительные по историческим меркам промежутки времени. За прошедшие 100 лет российское общество и государство, как и весь мир, качественно изменились. Достаточно упомянуть революционные события 1905 – 1917 гг., победу в Великой Отечественной войне, освоение космоса и ядерного оружия, чтобы понять, насколько разными были эпохи начала XX и XXI столетий. 70-летний период советской власти сделал СССР одной из главных держав мира, и сегодня остается только догадываться о том, каким бы был уровень экономического развития и политического веса России, если бы не ошибки государственной власти, своевременно не «прочувствовавшей» изменяющиеся потребности населения, и если бы не национальное предательство политических

²³ Вишневский А.В. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998. – С. 14.

Крушение СССР и – шире – всей советской жизни было явлением в определяющей степени внутренним, а не внешним. Мы как-то забыли, что СССР рухнул фактически на пике военного и индустриального могущества, вернее, на застойном скольжении с него. И это крушение было воспринято огромным числом граждан с восторгом и энтузиазмом, прошло под бурные и продолжительные аплодисменты. Свержение «совка», если судить по всем этим настроениям, не было ни заговором, ни переворотом – это было подлинно народное дело. Хотя, конечно, были там и заговор, и переворот, и предательство, но без народной поддержки, и даже не поддержки – живого участия – не получилось бы ничего.

(Источник: Воеводина Т. Чего совкам в совке не хватало // Литературная газета. – 2015. – № 33. – 26 авг. – 1 сент.)

элит в конце 1980-х гг., приведшее к «параду суверенитетов» и последующему обрушению всех сфер жизни в эпоху «лихих 90-х».

Как в начале XX в., когда властвующая элита Российской Империи не смогла дать ощутимый для широких слоев населения ответ на их растущие потребности, так и в конце 1980-х гг. правящие элиты Советского Союза не смогли создать условия для удовлетворения потребностей россиян в материальном достатке и предоставлении больших свобод (прежде всего, свободы слова и свободы выбора). Политическая «машина», созданная советской властью, успешно работала долгие годы: благодаря ей была одержана победа в Великой Отечественной войне, именно ей советская экономика обязана своим расцветом в послевоенные годы, и именно благодаря четкому планированию и ключевой роли государства в управлении страной СССР смог стать одной из двух ведущих держав мира. Но эта «машина» эффективно работала на укрепление государственности, а не на удовлетворение социальных потребностей населения. Советская система оказа-

лась ригидной, бюрократический аппарат властвующей элиты не смог вовремя адаптироваться к тем условиям, когда российское общество стало «уставать» от серости и однообразия советской идеологии и в него стали проникать ценности капитализма и демократии Западного мира. «Советское руководство вообще недооценило обывательское в обывателе. Советских людей потчевали полезным – во всех отношениях – а им хотелось – вкусного, терпкого, шипучего, яркого»²⁴.

Трагедия крушения СССР не в том, что американцами был успешно реализован стратегический план по ликвидации геополитического конкурента, а в том, что внутри политической элиты Советского Союза появились люди, которые были готовы реализовывать этот план, а это уже – проблема не «внешних врагов», а внутренних издержек системы.

Сегодня о потенциальных возможностях СССР можно говорить только в сослагательном наклонении. По факту же Россия существенно уступает своим геополитическим конкурентам (США, Японии, странам Западной Европы) по уровню экономического развития²⁵.

«Инстинкт государственного могущества», которым Бердяев характеризовал российское общество на рубеже XIX – XX вв., присущ и современному российскому социуму. Он «проснулся» вместе с национальной идентичностью, которая «лежит в основе русского цивилизационного

²⁴ Воеводина Т. Чего совкам в совке не хватало // Литературная газета. – 2015. – № 33. – 26 авг. – 1 сент.

²⁵ Индекс физического объема ВВП на душу населения в России составляет 45% от уровня США. Для сравнения: в Германии и Канаде – по 82%, во Франции – 73%, в Великобритании – 70%, в Японии – 69% (источник: Российский статистический ежегодник – 2015 г., данные за 2011 г.).

проекта, глубоко укоренилась и получила широкое распространение в сознании населения, хотя и находилась как бы в «спящем», латентном состоянии»²⁶. Поводом для этого послужили такие события, как выступления В. Путина в Мюнхене (2007 г.), на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» (2013 г.), а также успехи российской сборной на Олимпиаде в Сочи (2014 г.), вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации (2014 г.), эффективное включение России в «сирийский конфликт» (2013, 2015 гг.).

Результаты социологических исследований позволяют ответить на вопрос, что именно подразумевается под «инстинктом государственного могущества» и почему это самое «государственное могущество» существует сегодня именно в «инстинктивной» форме. По данным ВЦИОМ, 75% россиян считают, что Россия имеет значительное влияние на положение дел в мире; столько же (75%) считают, что Россия в настоящее время является великой державой или способна стать ею в ближайшие 15 – 20 лет²⁷. По мнению людей, Россию в мире боятся (53%) и уважают (41%), ее влияние на мировое сообщество растет (43%). 68% россиян (по данным Левада-Центра) «гордятся нынешней Россией» (противоположной точки зрения придерживается лишь 24% людей; *вкладка 1*)²⁸.

Однако объектом гордости россиян за страну является не достигнутый на сегодняшний день уровень и качество жизни

населения, а история, наука, культура, армия, спорт (от 20 до 40% – по данным Левада-Центра и от 70 до 80% – по данным ИСЭРТ РАН²⁹). Гордость за страну вызывает не жизнь в ней, а прошлые заслуги, которые, разумеется, навсегда останутся в памяти поколений: классики отечественной и мировой литературы, музыки, живописи; первый полет человека в космос, победа в Великой Отечественной войне, спортивные достижения сборной СССР и т.д.

Нынешней жизнью людей в России гордятся не более 16% населения (по данным ИСЭРТ РАН), своими согражданами (по данным Левада-Центра) – 12%, экономическими успехами – 5%, системой образования – 5%, здравоохранения – 2% (*вкладка 2*).

Общей чертой России начала XX и начала XXI вв. является **острая потребность в социальной справедливости**. Историки свидетельствуют о том, что в конце XIX в. «над рабочими, как и над крестьянами, довлели пережитки феодализма: политическое бесправие, отсутствие трудового законодательства, самоуправство хозяев, повсеместные издевательства... Эти и другие факты позволяют заявить, что в российском обществе был острый дефицит социальной справедливости»³⁰.

Сегодня потребность в том, чтобы «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» занимает третье место в списке наиболее важных мечтаний россиян

²⁶ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 10.

²⁷ Россия – великая наша держава: пресс-выпуск ВЦИОМ. – 2016. – 10 июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115728>

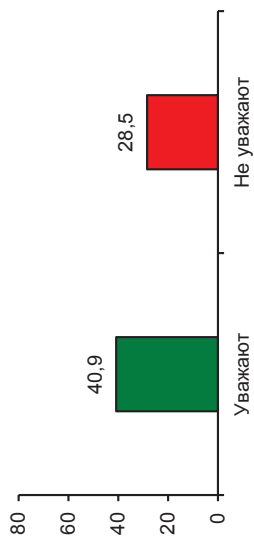
²⁸ Национальная гордость: пресс-выпуск Левада-Центра. – 2016. – 30 июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/>

²⁹ Существенные различия в доле ответивших по результатам опросов Левада-Центра и ИСЭРТ РАН связаны с формулировкой вопроса, количеством предлагаемых вариантов ответа и методом проведения исследования. Однако суть от этого не меняется – если россияне и гордятся чем-либо в своей стране, то это точно не то, как устроена жизнь в современной России.

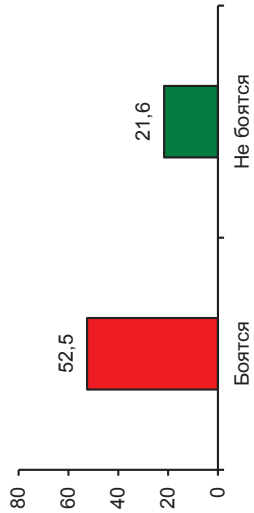
³⁰ Кашников Б.Н. Идея справедливости в теории и практике русского терроризма конца 19-го – начала 20-го века / Российский научный журнал. – 2008. – № 3(4). – С. 49.

Вкладка 1

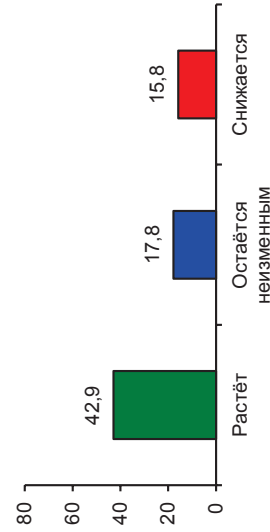
Отношение к России в оценках населения (в % от числа опрошенных)

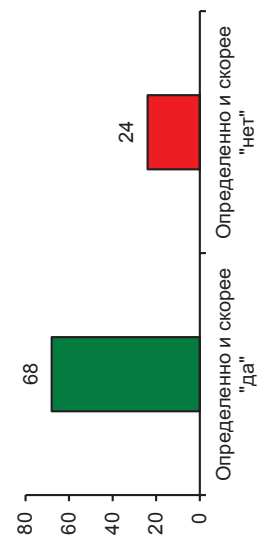
По Вашему мнению, Россию уважают или не уважают?
(данные ИСЭРТ РАН, июнь 2016 г.)

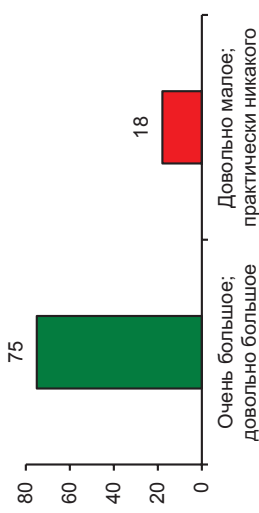
По Вашему мнению, Россия в мире боится или не боится?
(данные ИСЭРТ РАН, июнь 2016 г.)

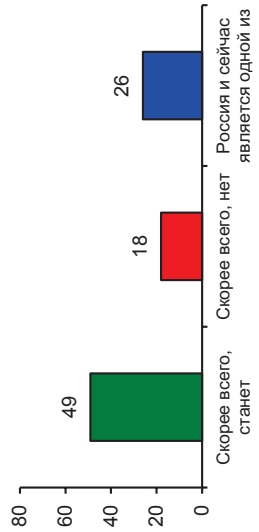
На Ваш взгляд, влияние России в мире в последние годы растёт, снижается или остаётся неизменным?
(данные ИСЭРТ РАН, июнь 2016 г.)

Гордитесь ли Вы нынешней Россией?
(данные Левада-Центра, май 2016)

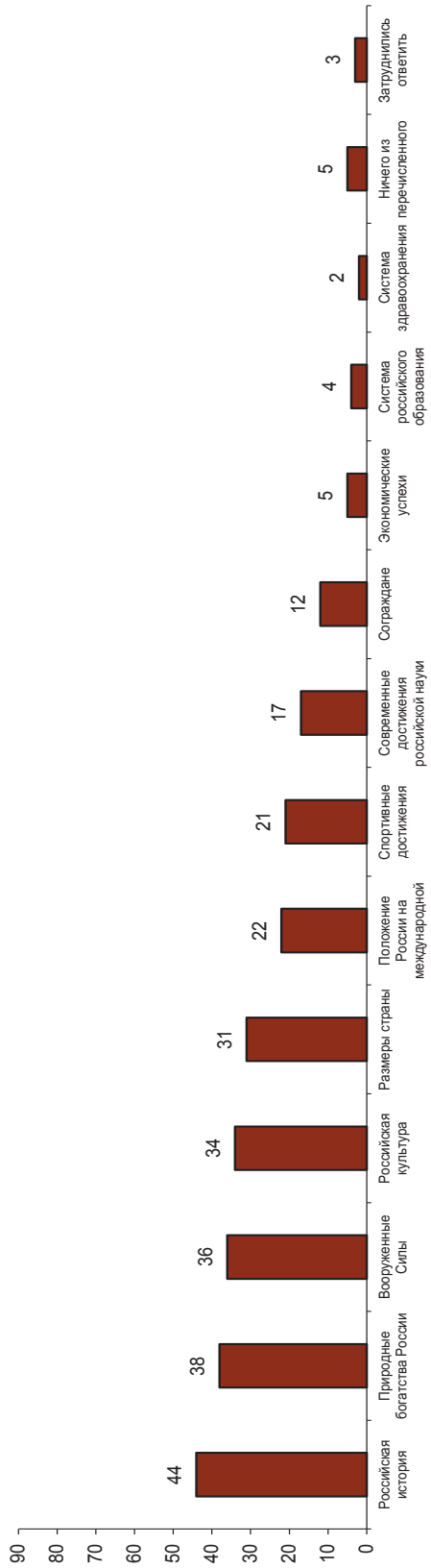
Как Вы считаете, какое влияние имеет сейчас Россия в международных делах?
(данные ВЦИОМ, 2016 г.)

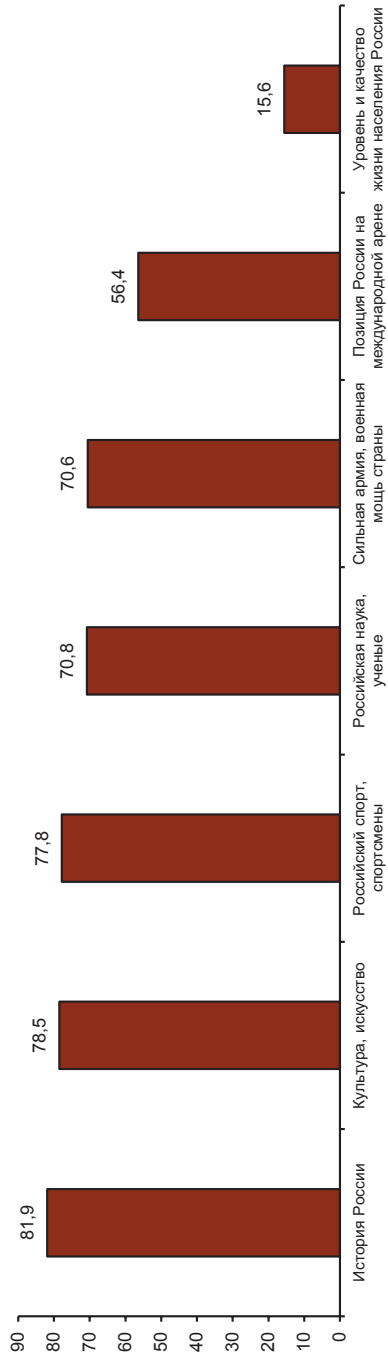
Сможет ли Россия, на Ваш взгляд, в ближайшие 15–20 лет стать великой державой или нет? (данные ВЦИОМ, 2016 г.)

Вкладка 2

Основные причины гордости за страну (в % от числа опрошенных)

Источник: данные Левада-Центра, май 2016 г. Формулировка вопроса: «Что, прежде всего, внушает Вам чувство гордости за Россию?»

Источник: данные ИСЭРТ РАН, июнь 2016 г. Формулировка вопроса: «Могли бы Вы сказать, что гордитесь...?»

(33%). На первом месте стоит потребность в том, чтобы «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, «не считая копейки» (40%); на втором — мечта о «хорошем здоровье» (33%)³¹.

Потребность в социальной справедливости прослеживается и по результатам региональных социологических исследований. Так, по данным ИСЭРТ РАН на июнь 2016 г., 57% населения считают, что «современное российское общество устроено несправедливо»; противоположного мнения придерживается лишь 11% людей³².

Таким образом, хотя за 100 лет, прошедших со времен событий, получивших название «Русская Революция», российское общество и ситуация в мире качественно изменились, в них есть общие концептуальные черты, не позволяющие говорить о невозможности революции сегодня.

Отечественный философ и социолог П.А. Сорокин отмечает, что революция «не является случайным событием», ее вызывают два фактора³³:

1. Первый относится к движущим силам, которые стоят за революционными массами: «Непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение числа

подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения».

2. Второй фактор относится к реакции властей: «... Для революционного взрыва необходимо также, чтобы социальные группы, выступающие на страже существующего порядка, не обладали бы достаточным арсеналом средств для подавления разрушительных поползновений снизу... Атмосфера предреволюционных эпох всегда поражает наблюдателя бессилием властей и вырождением правящих привилегированных классов. Они подчас не способны выполнять элементарные функции власти, не говоря уже о силовом сопротивлении революции».

«Если оба условия — давление «низов» и слабость «верхов» — совпадают, революция становится неизбежной».

Конечно, в отличие от дореволюционного российского общества современный социум настроен конструктивно по отношению к власти³⁴, поэтому сегодня не идет речь о «массовых репрессиях» и других средствах «для подавления разрушительных поползновений». Однако признаки первой из упомянутых П. Сорокиным причин революции налицо — базовые инстинкты, коими для россиян являются чувство социальной справедливости и возможность жить «не считая копейки»³⁵, не находят своего удовлетворения.

³¹ О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 22. В вопросе допускалась возможность выбора до трех вариантов ответа. Среди остальных вариантов фигурировали следующие: «иметь хороших детей» (23%), «иметь свою отдельную квартиру, дом» (21%), «жить интересно, реализовать себя» (18%), «иметь хорошую семью» (17%), «открыть собственное дело» (15%), «получить хорошее образование (специальность)» (12%), «быть полезным обществу, внести «свою лепту» в развитие России» (11%), «устроиться на хорошую работу» (7%), «встретить настоящую любовь» (6%), «стать уважаемым и известным человеком» (4%), «стать очень красивым, привлекательным человеком» (1%), «другое» (2%), «нет мечты» (9%).

³² Опрос был проведен в июне 2016 г., 32% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

³³ Sorokin, Pitirim 1967 [1925]. The Sociology of Revolution. New York: Howard Fertig (источник: Штопка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. — М.: Аспект Пресс, 1996. — С. 377).

³⁴ Например, исследователи отмечают, что представители среднего класса «убеждены в бесперспективности революционных изменений. Этот слой общества не просто готов сотрудничать с государством, он в значительной мере лоялен власти, готов соглашаться с ней и исполнять ее волю, совместно менять ситуацию к лучшему» (источник: Скоробогатый П. Тревожный и лояльный [Эл. рес.] // Журнал «Эксперт». — 2015. — №45. — Ноябрь. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2015/45/trevozhnyij-i-loyalnyij/>).

³⁵ О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 22.

Проведенные исторические параллели между Россией на рубеже XIX – XX вв. и в начале XXI в. неизбежно приводят к размышлениям об актуальности вопросов, связанных с эффективностью государственного управления. Напряженность сегодняшней ситуации внутри страны и на международной арене, как и 100 лет назад, диктует особые требования к действующей власти и политической элите. Наша история учит тому, что затяжной, нарастающий характер неудовлетворенных потребностей населения приводит к трагическим последствиям для действующей власти, поэтому их игнорирование или недостаточная эффективность решения недопустимо, что, в первую очередь, актуализирует вопрос о проблемах и перспективах российского парламентаризма.

На трудном пути развития парламентаризма

Начало XX в. в истории России ознаменовалось не только событиями Русской Революции, но и становлением института парламентского контроля³⁶. Однако, несмотря на определенные шаги Императора в сторону ограничения власти монархии, революционных событий 1905 – 1917 гг. избежать не удалось, что доказало простую истину: никакие институты и законы, направленные на развитие парламентаризма, неспособны выполнить свою задачу, если в самой системе государственного управления не созданы условия для их эф-

³⁶ В 1905 г. Николай II подписал Высочайший Манифест «Об усовершенствовании основ государственного управления». В 1906 г. был подписан документ под названием «Учреждение Государственной Думы» и утвержден Свод основных государственных законов Российской Империи, в которых делалась попытка совместить принцип самодержавия с принципом «разделения властей» и которые, по оценкам некоторых экспертов, можно расценивать как «первую Российскую Конституцию, хотя конституцией они официально не именовались (источник: Волчкова Н.Н. Парламентский контроль в России: исторический аспект // Аналитический портал «Отрасли права». – Режим доступа: <http://отрасли-права.рф/article/13117>).

фективного функционирования и она не отвечает ключевым задачам национальной безопасности.

Учреждение Государственной Думы было для Николая II вынужденной мерой, продиктованной сложившейся критической социальной обстановкой. Поэтому в ходе споров, возникающих между Думой и членами Правительства, Император регулярно принимал решения в пользу последних, неоднократно распускал Думу³⁷. Правительство же с первых дней заседания депутатов Государственной Думы заваливало их так называемой «законодательной вермишелью» – текущими делами, не имеющими политического веса ни для власти, ни для страны.

Дума, в свою очередь, опасаясь очередного разгона, была настроена лояльно по отношению к Правительству. Кроме того, в обстановке Первой мировой войны вопросы внутренней жизни в России ушли на второй план, заседания Думы проходили под традиционным лозунгом «Война до победы», и лишь последний созыв Думы под давлением «экономической разрухи, нарастания общенационального кризиса в стране в годы войны, которая поставила страну на грань голода и экономического истощения, вызвав антивоенные настроения в широких массах», был вынужден актуализировать внутреннюю повестку жизни в стране, хотя и делал это «в обстановке неуверенности, смятения и раздвоенности»³⁸.

³⁷ Согласно Манифесту от 20 февраля о преобразовании Государственного совета Государственная Дума избиралась сроком на 5 лет, при этом Императору предоставлялось право ее роспуска. Однако I созыв Думы проработал с 27 апреля по 9 июля 1906 г., после чего был распущен. II созыв Думы просуществовал с 20 февраля по 3 июня 1907 г.; III созыв – с 1 ноября 1907 г. до 30 августа 1912 г.; IV созыв – с 15 ноября 1912 г. до 6 октября 1917 г.

³⁸ Законодательная деятельность IV Государственной Думы // Информационный портал «Российская Империя. История государства российского». – Режим доступа: <https://www.rusempire.ru/rossijskaya-imperiya/gosudarstvennaya-duma-ri/gduma-ri-4-sozyva/45-zakonodatelnaya-deyatelnost-iv-gosudarstvennoj-dumy.html>

Либеральная буржуазия напрасно полагала, что в лице Государственной думы в России появился парламент. Некоторые внешние признаки парламента у Думы имелись. Она могла направлять запросы правительству – реорганизованному Совету министров – и его отдельным членам. Однако министры на эти запросы могли отвечать, но могли и не обращать внимания. Никакой ответственности перед Государственной думой у правительства не было. Министры назначались и увольнялись царем, перед Думой они не отчитывались, от нее не зависели, хотя сама реорганизация Совета министров была связана именно с созданием Думы.

Со стороны Государственной думы делались даже попытки объять о недоверии правительству. На акт о недоверии со стороны Государственной думы правительство не реагировало, оно просто не обратило на него внимания. Были даже случаи, когда критика с трибуны Думы злоупотреблений некоторых должностных лиц приводила к тому, что царь, который ненавидел Думу, повышал критикуемых в должности. Тем самым царь демонстрировал, что с Думой он не считается.

(Источник: История отечественного государства и права [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.bibliotekar.ru/teoriagosudarstva-i-prava-6/184.htm>)

В конечном итоге, какими бы ни были причины неэффективности работы депутатов Государственной Думы Российской Империи в 1905–1917 гг., им не удалось выполнить свою главную задачу – добиться реализации законов, направленных на удовлетворение первоочередных потребностей населения в социальной справедливости. Историки отмечают, что «после создания в России Государственной Думы представители либеральной буржуазии восторженно заявляли, что в России наконец появился парламент, что отныне в стране началась эпоха парламентаризма. Буржуазно-либеральный лагерь предал революционное движение, его вполне устраивало самодержавие с Государственной Думой. Буржуазия своего добила. Сохра-

нялось самодержавие как существенный заслон против народной революции»³⁹. «**Экономическая взаимозаинтересованность монархии, помещиков и буржуазии**»⁴⁰, которой характеризовалась система государственного управления в России в начале XX в., предопределила исход внутренней политической и социальной ситуации в стране – нарастающий характер народного недовольства без соответствующей реакции со стороны власти сделал необратимыми события 1905 и 1917 гг.

По большому счету история повторилась и через 70 лет: неготовность властвующей элиты слышать глас народа стала одним из внутренних рычагов развала Советского Союза. Растущие потребности населения в информационном разнообразии не реализовывались, потребности интеллигенции в проявлении свободомыслия жестко пресекались.

«Вероятно, поняв, что требуется, можно было бы создать более отвечающую народным «хотелкам» информационную среду. И через неё вести советскую пропаганду. Но для того, чтобы всё это осознать, потом поставить соответствующую задачу и осуществить, требовались люди с кругозором и фантазией, а таковых в руководстве не оказалось»⁴¹.

³⁹ История отечественного государства и права: учебн. пособ. под ред О.И. Чистякова – Ч. 2. – 1999. – 544 с. [Эл. рес.] // Электронная библиотека Библиотекарь.ru. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/teoriagosudarstva-i-prava-6/184.htm>

⁴⁰ Царская Россия в начале XX века // Федеральный портал Protown.ru. – Режим доступа: <http://www.protown.ru/information/hide/5967.html>

⁴¹ Воеводина Т. Чего совкам в совке не хватало // Литературная газета. – 2015. – № 33. – 26 авг. – 1 сент.

Сегодня перед государственной властью по большому счету стоят те же задачи, что и 100 лет назад: потребность в социальной справедливости и в улучшении динамики качества жизни также имеет нарастающий характер. При этом эксперты обращают внимание на недостаточную эффективность деятельности российского Правительства в последние годы, отсутствие согласованности в действиях министров, сросшиеся интересы властвующей элиты и представителей олигархического клана⁴².

Борьба Президента с «компрадорскими силами, чьи интересы и активы находятся в сфере влияния „коллективного Запада”»⁴³, продолжается уже более 15 лет

(с момента начала первого президентского срока В. Путина). Она становится всё более бескомпромиссной и жесткой⁴⁴, однако существенных переломов в ней не происходит. Поэтому потребность системы государственного управления в повышении эффективности парламентского контроля для современной России не менее актуальна, чем для Российской Империи начала XX в. и Советского Союза в конце 1980-х гг. **«Без реальных выборов, без настоящей оппозиции, без парламентского контроля над исполнительной властью нельзя создать конкурентную управленческую среду и построить эффективную систему управления страной в XXI в.»**⁴⁵

⁴² Например: Губанов С.С.: «Административным ресурсом обладает, к сожалению, группа экономистов с компрадорской идеологией, которая пропагандирует идею опоры на иностранный капитал и шаблонно заверяет, будто Запад нам поможет. Сейчас они выдвинули программу модернизации экспортно-сырьевой модели путем приватизации и налоговых маневров. Однако модернизировать экспортно-сырьевую модель — это все равно что модернизировать системный кризис России. В лучшем случае продолжится игра с нулевой суммой, и только» (источник: Губанов С.С. Системный кризис и выбор пути развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2015. — № 2 (38). — С. 33);

Глазьев С.Ю.: «Набор идей, который излагается нашими ведущими экономическими ведомствами, — собственно, продолжение трансляции той же самой логики Вашингтонского консенсуса: не нужно вам никакой самостоятельной политики, не нужно вам управлять своим развитием — все за вас решат транснациональные, американские и европейские корпорации...Сегодня получается, что правительство имитирует управление экономическим развитием. А на самом деле это управление зависит от внешних колебаний международной конъюнктуры, от внешних шоков и от тех решений, которые принимаются за рубежом» (источник: Глазьев С.Ю. Правительство готово сдать власть Западу // Новостной портал Newsland.com. Новости от 25.06.2016. — Режим доступа: <https://newsland.com/user/4296757178/content/sergei-glazev-pravitelstvo-gotovo-sdat-vlast-zapadu/5310381>);

Болдырев Ю.Ю.: «Правительство России проводит безответственную политику и не реагирует должным образом на экономические вызовы... Если будет продолжаться такая политика, как сейчас (то есть политика безответственного «ничего неделания» и ожидания, когда же Запад смилостивится, а цена на нефть вырастет), то действительно, можно смотреть на солнце и прогнозировать, насколько не зависящая от нас цена на нефть вырастет» (источник: Болдырев Ю.Ю. Правительство проводит политику «ничего неделания» (интервью Ю.Ю. Болдырева Агентству бизнес-новостей от 24.03.2015 // Официальный сайт Агентства бизнес-новостей. — Режим доступа: <http://abnews.ru/2015/03/23/pravitelstvo-provodit-politiku-nichegonedelaniya-boldyrev/>);

Фадеев В.А.: «Доминирующая сегодня логика российских властей, предполагающая будто бы уменьшение рисков негативного развития событий в экономике и даже создания условий для экономического роста, на деле увеличивает эти риски, втягивает экономику в долгосрочную депрессию» (источник: Фадеев В.А. Найти истинные цели // Журнал «Эксперт». — 2015 — № 6 (974). — 8–14 февр. — С. 18.);

Голикова Т.А.: «Если бы нынешнее правительство оказалось в 1998 г., у него, скорее всего, не хватило бы ни сил, ни воли справиться с ситуацией, требовавшей решений быстрых и жестких. Привычка к постоянному росту цен на нефть расслабила: ограничиваясь тактическими мерами, правительство словно надеется, что нефть вот-вот снова резко подорожает и все проблемы решатся сами собой. Пора снова учиться работать в условиях кризиса» (источник: 2015 год был упущен [Эл. рес.] // Газета «Ведомости». — 2016. — 3 февр. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/economics/characters/2016/02/03/626586-2015-god-bil-upuschen>).

⁴³ Гордеев А. Спор Кудрина с Путиным. Россия на перепутье // Газета «Завтра». — 2016. — № 22 (1174). — 2 июня. — С. 4.

⁴⁴ Ильин В.А. Выборы в Государственную Думу—2016. Экономическая политика Президента в оценках населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 3 (45). — С. 24.

⁴⁵ Глазьев С.Ю. Причины деградации экономики [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическое издание «Интернет против телеэкрана. — Режим доступа: <http://www.contrtv.ru/common/4407/>

18 сентября 2016 г. в России пройдут выборы депутатов Государственной Думы Российской Федерации VII созыва. Предыдущий созыв сделал немало для повышения эффективности механизма парламентского контроля (в частности, принял Закон «О парламентском контроле», расширил контрольные полномочия Счетной палаты и т.д.), однако, по большому счету, современный парламентаризм в России наступает на те же «грабли», что и 100 лет назад: **наличие законодательной и институциональной базы парламентаризма не гарантирует его эффективного функционирования, а значит — не гарантирует обеспечение возможности системного решения ключевых задач национальной безопасности.**

На фоне международных политических событий, «выпавших» на период работы депутатского корпуса VI созыва (украинский и сирийский конфликты, вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, международные санкции, развертывание гибридной войны), произошло «сращивание парламентской оппозиции с партией власти». Как отмечают эксперты, «в таких ситуациях эффект сплочения вокруг флага происходит автоматически. У парламентской оппозиции не осталось других вариантов, кроме как присоединиться к этому патриотическому параду... В результате Госдума перестала трезво воспринимать критические оценки со стороны»⁴⁶.

Ситуацией на внешней политической арене во многом были продиктованы и ключевые законы, которыми запомнилась

⁴⁶ Винокурова Е. Палата номер шесть: главное, чем запомнится уходящий созыв Государственной Думы России // Интернет-газета Znak от 24.06.2016. — Режим доступа: https://www.znak.com/2016-06-24/glavnoe_chem_zapomnitsya_uhodyachiy_sozyv_gosudarstvennoy_dumy_rossii (мнение политолога А. Галлямова).

Государственная Дума VI созыва⁴⁷. Они находились в тренде обсуждавшихся в обществе и в СМИ вопросов, но большинство из них не были связаны с важнейшими проблемами, волновавшими людей, — инфляцией, падением уровня и качества жизни (*вкладка 3*).

Эксперты Счетной палаты регулярно выступают с критикой Правительства, однако их мнение не учитывается. Утверждение Государственной Думой кабинета министров проводится единым списком, что изначально сводит «на нет» их персональную ответственность.

Наиболее показательным индикатором эффективности деятельности Государственной Думы можно считать уровень доверия к ней со стороны общества. Как отмечают специалисты ИС РАН, «в российском обществе существует запрос на обновление кадрового состава Думы. Сложившийся в ней сегодня альянс партийных функционеров, бизнесменов и так называемых «медийных персонажей» (спортсменов, артистов, шоуменов) уже не устраивает россиян... Россияне хотели бы видеть будущий парламент, во-первых, более профессиональным, во-вторых, более адекватно репрезентирующим основные социальные группы и слои общества и, в-третьих, где нашлось бы место гражданским активистам и известным стране общественным деятелям, многие из которых уже набрались опыта и политического ”веса”»⁴⁸.

⁴⁷ Среди них: Закон Димы Яковлева, Закон об НКО — «иностранных агентах», Закон о прямых выборах губернаторов, Закон о введении системы «Платон» и др.

⁴⁸ Российское общество весной 2016-го: тревоги и надежды: информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования / ИС РАН. — Москва, 2016. — С. 23.

О скептическом отношении людей к деятельности народных избранников свидетельствуют и результаты региональных социологических исследований. По данным ИСЭРТ РАН, доверие депутатскому корпусу после резкого падения в 2009 г. (с 42 до 34 п.п.) остается на том же уровне (рисунк). Новый, шестой созыв Думы не внес в эту динамику никаких изменений. Среди всех государственных институтов Государственная Дума обладает наименьшим уровнем доверия у населения, причем

это отмечается на протяжении периода с 2000 по 2016 г., то есть при трех последних составах депутатского корпуса. Судя по данным за апрель 2016 г., Президенту РФ доверяют 62% людей, Правительству – 50%, Совету Федерации – 41%, Государственной Думе – 34%, политическим партиям – 19% (вкладка 4).

Таким образом, ключевые задачи, которые стояли перед депутатами Государственной Думы VI созыва (и шире – перед Федеральным Собранием РФ)⁴⁹, не решены.

⁴⁹ Например: Нарышкин С.Е.: «Государству нельзя упустить шанс, предоставленный самой историей. В том числе надо сделать все, чтобы ошибки раннего периода становления парламентаризма не повторялись....если мы хотим устойчивого развития на десятилетия вперед, то должны последовательно, не отступая назад, укреплять институты народовластия. Должны повышать доверие граждан к законодательной власти, ее авторитет, репутацию и самостоятельность...В ближайшие годы мы обязаны сделать все, чтобы авторитет парламента как самостоятельной, эффективно работающей ветви власти заметно вырос. Необходимо добиваться максимальной открытости парламента. Он должен не только слышать мнение всех слоев и групп общества, но и быть на постоянной «обратной связи» с ними» (источник: Нарышкин С.Е. Демократия и парламентаризм [Эл. рес.] // Российская газета. – 2012. – № 5750 (77). – 9 апр.– Режим доступа: <https://rg.ru/2012/04/09/narishkin.html>;

Железняк С.В.: «Современный российский парламент должен эффективно реагировать на изменения, происходящие в жизни страны и общества, сопровождать процессы социально-экономического развития своевременным законодательным обеспечением, сформированным на основе широкого общественного обсуждения» (источник: Железняк С.В. Новые информационные технологии повышают открытость Госдумы // Официальный сайт партии «Единая Россия». Новости от 09.04.2012. – Режим доступа: <http://er.ru/news/80640/>).

Наиболее актуальные проблем, волнующие население (в % от числа опрошенных)*

Проблемы	Государственная Дума РФ (V созыв) 24 декабря 2007 – 4 декабря 2011 г.			Государственная Дума РФ (VI созыв) с 21 декабря 2011 г. по наст. время					
	2008	2011	Изменение 2011 г. к 2008 г.		2012	Изменение апр. 2016 г. к 2012 г.			
			+	-		+	-		
Инфляция (постоянный рост цен)	54,1	58,6	+5	-	54,7	67,3	+13	-	=
Неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и т.д.)	-	32,9	-	-	37,4	35,9	-2	-	-
Низкий уровень жизни, бедность	32,7	33,9	+1	-	29,2	34,7	+6	-	-
Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	40,8	32,4	-8	-	34,0	27,0	-7	-	-
Недоступность здравоохранения, низкое качество медицинских услуг	29,4	26,9	-3	-	28,0	25,2	-3	-	-
Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	25,1	21,6	-4	-	22,8	19,1	-4	-	-
Социальная незащищённость граждан	26,6	21,1	-6	-	19,4	18,4	-1	-	-
Плохая экология, загрязнение окружающей среды	19,5	18,7	-1	-	16,3	16,0	-3	-	0
Экономическая нестабильность, остановка предприятий	8,2	13,5	+5	-	11,1	14,1	+3	-	-
Увольнение персонала, безработица	14,2	12,1	-2	-	9,1	13,8	+5	-	-
Невозможность влияния простых людей на положение дел в стране, регионе, месте своего проживания	-	12,2	-	-	13,2	12,4	-1	-	-
Задержки в выплате зарплаты, пенсий, стипендий	5,7	10,4	+5	-	8,6	10,3	+2	-	-
Отсутствие (недостаток) условий для отдыха, проведения досуга	-	16,7	-	-	14,1	10,3	-4	-	-
Несправедливое налогообложение	5,7	10,9	+5	-	10,7	9,8	-1	-	-
Недоступность образовательных услуг, низкое качество образования	9,5	11,9	+2	-	10,8	8,2	-3	-	-
Общее количество изменений по всем проблемам			6	6			5	9	1
	Президент РФ Д.А. Медведев (май 2008 – май 2012 г.)			Президент РФ В.В. Путин (III срок; с мая 2012 г. по наст. время)					

* Формулировка вопроса: «Какие проблемы современной жизни Вы считаете наиболее острыми для Вас и Вашей семьи?». Вопрос задается с 2008 г. Ранжировано по данным на апрель 2016 г. Всего предусмотрено более 20 вариантов ответа на этот вопрос; в данной таблице представлены 15 наиболее актуальных проблем по результатам опроса, проведенного в апреле 2016 г.

Усл. обозначения:

- + тенденция увеличения показателя
- тенденция снижения показателя
- = отсутствие изменений или отсутствие данных

Уровень доверия государственным и общественным институтам (в % от числа опрошенных)*

Государственные и общественные институты	ГД РФ (III созыв)			ГД РФ (IV созыв)			ГД РФ (V созыв)			ГД РФ (VI созыв)		
	18 января 2000 – 29 декабря 2003 г.			29 декабря 2003 – 24 декабря 2007 г.			24 декабря 2007 – 4 декабря 2011 г.			с 21 декабря 2011 г. по наст. время		
	2000	2003	Изменение 2003 г. к 2000 г.	2004	2007	Изменение 2007 г. к 2004 г.	2008	2011	Изменение 2011 г. к 2008 г.	2012	апр. 2016	Изменение апр. 2016 к 2012 г.
Президент РФ	57,1	64,3	+7	54,4	60,3	+6	65,2	50,5	-15	45,7	61,9	+16
Правительство РФ	42,7	42,7	0	35,2	41,9	+7	60,2	47,4	-13	39,6	49,5	+10
Церковь	42,3	45,9	+4	42,9	44,8	+2	51,9	47,5	-4	41,4	45,9	+5
Армия	37,0	30,9	-6	27,1	28,7	+2	37,8	34,1	-4	31,3	42,6	+11
Совет Федерации	28,3	34,9	+7	27,1	34,9	+8	47,6	35,5	-12	32,3	40,8	+9
Полиция	27,2	25,7	-2	23,7	28,3	+5	36,5	32,1	-4	29,3	39,7	+10
Прокуратура	30,9	28,8	-2	28,8	31,1	+2	40,9	35,4	-6	33,9	38,7	+5
ФСБ	34,2	34,9	+1	28,4	34,2	+6	43,8	35,8	-8	33,2	38,2	+5
Суд	31,6	31,3	0	31,0	32,1	+1	41,3	35,8	-6	36,1	36,8	+1
Государственная Дума	23,0	27,9	+5	26,0	29,5	+4	42,0	32,0	-10	30,5	33,7	+3
Общественная палата РФ	-	-	-	-	-	-	-	27,3	-	28,1	32,6	+5
Общественная палата области	-	-	-	-	-	-	-	25,7	-	25,4	28,5	+3
Профсоюзы	28,4	24,7	-4	26,5	28,6	+2	35,9	30,0	-6	25,6	26,1	+1
СМИ	30,2	21,6	-9	31,8	31,0	-1	27,5	29,2	+2	28,7	24,5	-4
Общественные организации	-	-	-	-	24,4	-	32,6	26,7	-6	26,5	22,0	-5
Общее количество изменений по всем государственным и общественным институтам			5			11			1			13
			5			1			12			2
			5			3			2			0
	Президент РФ В.В. Путин (I срок, январь 2000 – май 2004 г.)			Президент РФ В.В. Путин (II срок, май 2004 – май 2008 г.)			Президент РФ Д.А. Медведев (май 2008 – май 2012 г.)			Президент РФ В.В. Путин (III срок; с мая 2012 г. по наст. время)		

*Ранжировано по данным на апрель 2016 г. Всего в вопросе фигурирует 18 государственных и общественных институтов. В данной таблице представлены первые 15, пользующиеся наибольшим уровнем доверия среди населения (по данным на апрель 2016 г. Усл. обозначения:

- + тенденция увеличения показателя
- тенденция снижения показателя
- = отсутствие изменений или отсутствие данных

По большому счету решать их придется депутатам VII созыва, и чем дольше будет откладываться это решение, тем очевиднее будет проявлять себя процесс нарастания социальной напряженности в стране. Несмотря на то, что доля россиян, готовых принять участие в акциях протеста, составляет по различным оценкам около 20%⁵⁰, не говорить о существовании социальной напряженности на латентном уровне было бы стратегической ошибкой, поскольку предугадать революционные изменения в обществе крайне сложно; для власти и историков они становятся очевидными лишь «постфактум», когда исправить ситуацию уже невозможно.

Вместо заключения. Перед выборами в Государственную Думу РФ VII созыва 18 сентября 2016 г...

Краткий исторический экскурс позволяет сделать вывод о том, что между Российской Империей на рубеже XIX – XX вв., Советским Союзом 1980-х гг. и Российской Федерацией в начале XXI в. есть много общего. Исторические параллели можно провести и в социально-экономическом развитии государства (отставание от стран Запада), и в специфике общественного сознания («инстинкт государственного могущества»), и в эффективности государственного управления (невозможность реализовать потребности населения в социальной справедливости и росте качества жизни).

Кроме того, как и 100 лет назад, Россия вынуждена обращаться к внутренней социально-экономической повестке дня в крайне тяжелых условиях международной политической обстановки, где она играет

⁵⁰ Доля людей, считающих возможными массовые акции протеста, по данным ВЦИОМ (на июль 2016 г.) составляет 21%; по данным ИСЭРТ РАН (на август 2016 г.) – 18%.

То, что сейчас в России предреволюционная ситуация, это правда. Оранжевая революция, которая началась осенью прошлого года, сейчас просто заморожена, спряталась, но не ушла никуда. Так же было с революцией 1905 года, она тоже спряталась, а потом вырвалась.

(Источник: Проханов А.А. Если бы не было Октябрьской революции, Гитлер завладел бы всей Европой [Эл. рес.] // Газета «Комсомольская правда». – 2012. – 6 ноября. – Режим доступа: <http://www.vologda.kp.ru/daily/25979/2913360/>)

одну из ключевых ролей и поэтому не может оставаться в стороне от мировых процессов.

В начале XX в. царская монархия оказалась неспособной вывести государственное управление на такой уровень, чтобы его эффективность была прочувствована широкими слоями населения. Базовые потребности людей не были удовлетворены, и это привело к революционным событиям, в корне изменившим не только саму Россию, но и весь мир.

То же самое произошло в конце 1980-х годов: система государственного управления эффективно справлялась с задачей укрепления государственности, промышленной и военной мощи страны, однако она не смогла своевременно учесть растущие потребности населения в росте благосостояния и предоставлении демократических свобод, что привело к развалу Советского Союза.

Сегодня перед органами государственной власти снова встают те же проблемы, и, чтобы не допустить ошибок прошлого, ей придется предпринимать более эффективные действия, нежели 100 и 30 лет назад. «Один из наших ключевых уроков состоит в том, что проблемой России является

одновременная нерешенность демократических и социальных требований, назревших еще столет назад. Отсюда трагедия»⁵¹.

Приближающиеся выборы в Государственную Думу могут (и, на наш взгляд, должны) стать поворотным моментом в повышении эффективности государственного управления. По крайней мере, те задачи, которые стояли перед Федеральным Собранием и Государственной Думой РФ VI созыва, не решены и актуальность выхода российского парламентаризма на качественно новую ступень своего развития продолжает нарастать.

Однако возможен и другой вариант развития событий. Если в ближайшие месяцы политической жизни (особенно после выборов нового состава Государственной Думы) не произойдет существенных изменений в системе государственного управления, если население России по-прежнему будет испытывать нарастающую потребность в социальной справедливости и повышении качества жизни, социальная напряженность в стране может существенно возрасти и это может отразиться на общей психологической атмосфере, в которой будут проходить президентские выборы 2018 г. В конечном итоге эффективность работы всех палат Федерального Собрания сегодня может стать ключевым фактором на выборах главы государства.

⁵¹ Дугин А.Г. «Сегодня России необходима консервативная революция» / Программа Виталия Третьякова «Что делать?», канал «Культура», ВГТРК, 6 июня 2005 г. // Информационно-аналитический портал «Евразия». – Режим доступа: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&sid=2478>

1905 год предопределил, 1917 тоже, вообще столетие, которое мы прожили. Но это две разные вещи – прелюдия и эпилог. Да, сегодня стоят те же проблемы, но тогда они стояли перед началом своего решения, а сегодня – после завершения, тогда это был творческий подъем со всеми сопутствующими эксцессами революции, сегодня – период полного упадка, разложения, бессилия и т. д. Есть сходство между сегодняшним днем и тем днем, и вообще, вопросы сегодняшнего дня опять не решены, но они, все эти вопросы 1905 года, в течение ста лет, в течение советского 70-летия, были решены, и после них стояли уже другие вопросы, и сегодня мы опять вернулись...

(Источник: Дугин А.Г. «Сегодня России необходима консервативная революция» / Программа Виталия Третьякова «Что делать?», канал «Культура», ВГТРК, 6 июня 2005 г. // Информационно-аналитический портал «Евразия». – Режим доступа: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&sid=2478>)

Решение первоочередных задач, стоящих перед Федеральным Собранием и, в частности, Государственной Думой РФ требует одновременного соблюдения двух условий:

во-первых, **политической воли**, поскольку корни проблем российского парламентаризма уходят глубоко в структуру самой системы государственного управления, сложившейся на протяжении последних двух десятилетий. Сросшиеся интересы политической элиты и крупного олигархата существуют на всех уровнях управленческой системы, системно и комплексно препятствуя реализации национальных интересов. Решение этой проблемы невозможно без принятия жестких внутренних политических решений;

во-вторых, **комплексного подхода к повышению эффективности государственного управления**. История показывает, что

принятие законов и учреждение каких-либо специальных институтов не гарантирует эффективности государственного управления, что в полной мере можно отнести к любым ветвям власти. Ключевая задача заключается в том, чтобы обеспечить реальную работоспособность этих законов и институтов, а это — стратегическая цель не только Государственной Думы, но и Президента, принявшего на себя персональную ответственность за решение внутренних вопросов в стране⁵².

Таким образом, негативный исторический опыт Российской Империи и Советского Союза «ставит ребром» перед государственной властью и лично перед Президентом РФ вопрос о том, что *в государственном управлении должны быть созданы условия для комплексного и системного обеспечения решения ключевых задач национальной безопасности на всех этапах развития российской государственности.*

Какими будут ответные действия Президента на растущую в обществе потребность в повышении качества жизни и социальной справедливости? Насколько будет учтен исторический опыт России в обеспечении функционирования системы государственного управления? Сегодня эти вопросы становятся краеугольным камнем национальной безопасности, поскольку для российского общества они уже приобрели характер затянувшихся ожиданий. Первые месяцы работы Государственной Думы VII созыва должны будут показать решительность действий обновленной политической элиты в достижении национальных интересов и в первую очередь — в реализации главных потребностей населения, что и будет являться основным условием обеспечения национальной безопасности и последующей конкурентоспособности России в XXI в. без исторических зигзагов XX в.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. — Париж, 1955. — 224 с.
2. Вишневский, А.В. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР / А.В. Вишневский. — М.: ОГИ, 1998. — 432 с.
3. Глазьев, С.Ю. Причины деградации экономики [Эл. рес.] / С.Ю. Глазьев. // Информационно-аналитическое издание «Интернет против телеэкрана». — Режим доступа: <http://www.contrtv.ru/common/4407/>
4. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения / М.К. Горшков // Социологические исследования. — 2012. — № 12. — С. 3-11.
5. Губанов, С.С. Системный кризис и выбор пути развития России / С.С. Губанов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2015. — № 2 (38). — С. 23-41.
6. Губанов, С.С. Социальный контракт власти с сырьевым олигархатом: рост без развития: интервью на радио «Говорит Москва» от 18.03.2009 [Эл. рес.] // Информационно-аналитическая служба «Русская линия». — Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2009/03/19/social_nyj_kontrakt_vlasti_s_syr_evym_oligarhatom_rost_bez_razvitiya/
7. Дугин, А.Г. Сегодня России необходима консервативная революция / А. Дугин в программе Виталия Третьякова «Что делать?», канал «Культура», ВГТРК, 6 июня 2005 г. // Информационно-аналитический портал «Евразия». — Режим доступа: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&sid=2478>

⁵² В Стратегии национальной безопасности—2015 зафиксировано, что «реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения **под руководством Президента Российской Федерации** и при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации» (источник: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Эл. рес.] // Российская газета. — 2015. — 31 дек. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>).

8. Есть ли будущее у капитализма?: сборник статей / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун. – М.: Институт Гайдара, 2015. – 320 с.
9. Железняк, С.В. Новые информационные технологии повышают открытость Госдумы [Эл. рес.] / С.В. Железняк // Официальный сайт партии «Единая Россия». Новости от 09.04.2012. – Режим доступа: <http://er.ru/news/80640/>
10. Кагарлицкий, Б. Кто подавит восстание элит / Б. Кагарлицкий // Эксперт. – 2016. – № 30–33. – С. 50-53.
11. Кашников, Б.Н. Идея справедливости в теории и практике русского терроризма конца 19-го – начала 20-го века / Б.Н. Кашников // Российский научный журнал. – 2008. – № 3(4). – С. 47 – 57.
12. Куиггин, Дж. Зомби-экономика. Как мертвые идеи продолжают блуждать среди нас / Дж. Куиггин; пер. с англ. А. Гусева; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Высшая школа экономики, 2016. – 272 с.
13. Лапин, Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии / Н.И. Лапин // Социс. – 2016. – №5. – С. 23 – 34.
14. Нарышкин, С.Е. Демократия и парламентаризм [Эл. рес.] / С.Е. Нарышкин. // Российская газета. – 2012. – № 5750 (77). – 9 сент. – Режим доступа: <https://rg.ru/2012/04/09/narishkin.html>
15. Национальная гордость: пресс-выпуск Левада-Центра от 30.06.2016 [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/>
16. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2013. – 400 с.
17. Петров, Ю. Россия в 1913 году: экономический рост / Ю. Петров // Наука и жизнь. – 2014. – № 7. – С. 3-13.
18. Российское общество весной 2016-го: тревоги и надежды: информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования / ИС РАН. – М., 2016. – 32 с.
19. Россия – великая наша держава: пресс-выпуск ВЦИОМ от 10.06.2016 [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115728>
20. Скоробогатый, П. Тревожный и лояльный [Эл. рес.] / П. Скоробогатый // Журнал «Эксперт». – 2015. – № 45. – Ноябрь. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2015/45/trevozhnyij-i-loyalnyij/>
21. Стенограмма выступления В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 22 октября 2015 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548>
22. Стенограмма выступления В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>
23. Степанов, А. Потери населения России в Первой мировой войне [Эл. рес.] / А. Степанов // Журнал «Демоскоп Weekly». – 2014. – № 623–624. – 15–31 дек. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0623/tema01.php>
24. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Эл. рес.] // Российская газета. – 2015. – 31 дек. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>
25. Фадеев, В.А. Найти истинные цели / В.А. Фадеев // Журнал «Эксперт». – 2016. – №6(974). – 8–14 февр. – С. 12–19.
26. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 415 с.

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

The Ruling Elites: a Problem for Russia's National Security

References

1. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origin of Russian Communism]. Paris, 1955. 224 p.
2. Vishnevskii A.V. *Serp i rubl': konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and ruble: conservative modernization in the USSR]. Moscow: OGI, 1998. 432 p. (In Russian).
3. Glazyev S.Yu. Prichiny degradatsii ekonomiki [Reasons for degradation of the economy]. *Informatsionno-analiticheskoe izdanie "Internet protiv teleekrana"* [Information-analytical publication "The Internet against television"]. Available at: <http://www.contrtv.ru/common/4407/> (In Russian).
4. Gorshkov M.K. "Russkaya mechta": opyt sotsiologicheskogo izmereniya ["Russian dream": an experience of sociological measurement]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2012, no. 12, pp. 3-11. (In Russian).
5. Gubanov S.S. Sistemnyi krizis i vybor puti razvitiya Rossii [System-wide crisis and the choice of ways for Russia's development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 2 (38), pp. 23-41. (In Russian).
6. Gubanov S.S. Sotsial'nyi kontrakt vlasti s syr'evym oligarkhatom: rost bez razvitiya: interv'yu na radio "Govorit Moskva" ot 18.03.2009 [Social contract between the government and the commodity oligarchy: a growth without development: an interview to the radio "Moscow speaking" from 18 March 2009]. *Informatsionno-analiticheskaya sluzhba "Russkaya liniya"* [Information-analytical service the "Russian Line"]. Available at: http://ruskline.ru/analitika/2009/03/19/social_nyj_kontrakt_vlasti_s_syr_evym_oligarhatom_rost_bez_razvitiya/ (In Russian).
7. Dugin A.G. Segodnya Rossii neobkhodima konservativnaya revolyutsiya. A. Dugin v programme Vitaliya Tret'yakova "Chto delat'?", kanal "Kul'tura", VGTRK, 6 iyunya 2005 g. [Today, Russia needs a conservative revolution. A. Dugin in the program of Vitaly Tretyakov "What to do?", the channel "Culture" VGTRK, 6 June 2005]. *Informatsionno-analiticheskii portal "Evraziya"* [Information-analytical portal "Eurasia"]. Available at: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&sid=2478> (In Russian).
8. Wallerstein I., Collins R., Mann M., Deluguian G., Calhoun C. *Est' li budushchee u kapitalizma?: sbornik statei* [Does capitalism have a future?]. Moscow: Institut Gaidara, 2015. 320 p. (In Russian).
9. Zheleznyak S.V. Novye informatsionnye tekhnologii povyshayut otkrytost' Gosdumy [New information technologies increase the transparency of the State Duma]. *Ofitsial'nyi sait partii "Edinaya Rossiya". Novosti ot 09.04.2012* [Official website of the party "United Russia". News of 09 April 2012]. Available at: <http://er.ru/news/80640/> (In Russian).
10. Kagarlitskii B. Kto podavit vosstanie elit [Who will suppress the revolt of the elites]. *Ekspert* [Expert], 2016, no. 30-33, pp. 50-53. (In Russian).
11. Kashnikov B.N. Ideya spravedlivosti v teorii i praktike russkogo terrorizma kontsa 19-go – nachala 20-go veka [The idea of justice in the theory and practice of the Russian terrorism of the late 19th – early 20th century]. *Rossiiskii nauchnyi zhurnal* [Russian scientific journal], 2008, no. 3 (4), pp. 47 – 57. (In Russian).
12. Quiggin J. *Zombi-ekonomika. Kak mertvye idei prodolzhayut bluzhdat' sredi nas* [Zombie economics: how dead ideas still walk among us]. Translated from English by A. Gusev. Under the scientific editorship of A. Smirnov. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2016. 272 p. (In Russian).
13. Lapin N.I. Gumanisticheskii vybor naseleniya Rossii i tsentry vnimaniya rossiiskoi sotsiologii [Humane choice of Russia's population and the centers of attention of Russian sociology]. *Sotsis* [Sociological studies], 2016, no. 5, pp. 23-34. (In Russian).
14. Naryshkin S.E. Demokratiya i parlamentarizm [Democracy and the parliamentary system]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2012, no. 5750 (77), 9 September. Available at: <https://rg.ru/2012/04/09/narishkin.html> (In Russian).
15. *Natsional'naya gordost': press-vypusk Levada-Tsentra ot 30.06.2016* [National pride: the press release of Levada-Center from 30 June 2016]. Available at: <http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/> (In Russian).
16. Gorshkov M.K., Krumm R., Tikhonova N.E. (Eds.). *O chem mechtayut rossiyanе: ideal i real'nost'* [What the Russians dream of: ideal and reality]. Moscow: Vės' Mir, 2013. 400 p. (In Russian).
17. Petrov Yu. Rossiya v 1913 godu: ekonomicheskii rost [Russia in 1913: economic growth]. *Nauka i zhizn'* [Science and life], 2014, no. 7, pp. 3-13. (In Russian).

18. *Rossiiskoe obshchestvo vesnoi 2016-go: trevogi i nadezhdy: informatsionno-analiticheskoe rezyume po itogam obshcherossiiskogo sotsiologicheskogo issledovaniya* [Russian society in the spring of 2016: alarms and hopes: the information-analytical summary on the results of a nationwide sociological research]. Moscow, 2016. 32 p. (In Russian).
19. *Rossiya – velikaya nasha derzhava: press-vypusk VTsIOM ot 10.06.2016* [O Russia, for ever you're strong sacred country: VTsIOM press release of 10 June 2016]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115728> (In Russian).
20. Skorobogatyi, P. Trevozhnyi i loyal'nyi [Alarming and loyal]. *Zhurnal "Ekspert"* [Journal "Expert"], 2015, no. 45, November. Available at: <http://expert.ru/expert/2015/45/trevozhnyij-i-loyalnyij/> (In Russian).
21. Stenogramma vystupleniya V.V. Putina na zasedanii Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai" 22 oktyabrya 2015 g. [Transcript of Vladimir Putin's speech at the meeting of the Valdai International Discussion Club, October 22, 2015]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official website of the RF President]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548> (In Russian).
22. Stenogramma vystupleniya V.V. Putina na Myunkhenskoi konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti 10 fevralya 2007 g. [Transcript of Vladimir Putin's speech at the Munich Conference on Security Policy, February 10, 2007]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official website of the RF President]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (In Russian).
23. Stepanov A. Poteri naseleniya Rossii v Pervoi mirovoi voine [Loss of the population of Russia in the First World War]. *Zhurnal "Demoskop Weekly"* [Journal "Demoscope Weekly"], 2014, no. 623–624. 15–31 December. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0623/tema01.php> (In Russian).
24. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabrya 2015 goda No. 683 "O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii" [Decree of the President of the Russian Federation of 31 December 2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2015, 31 December. Available at: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (In Russian).
25. Fadeev V.A. Naiti istinnye tseli [To find the true goals]. *Zhurnal "Ekspert"* [Journal "Expert"], 2016, no. 6 (974), 8–14 February, pp. 12–19. (In Russian).
26. Sztompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [The sociology of social change]. Translated from English under the editorship of V.A. Yadov. Moscow: Aspekt Press, 1996. 415 p. (In Russian).

Information about the Author

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ilin@vscc.ac.ru)

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в июне – августе 2016 г., а также в среднем за последние 6 опросов (октябрь 2015 – август 2016 г.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева). С 2013 г. представлена годовая динамика данных.

Оценка деятельности власти

В июне – августе 2016 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился (67–69%). Поддержка главы государства сохраняется на уровне 2015 г. (69%), что значительно выше, чем в 2011 – 2014 гг. (55–64%). Вместе с тем следует отметить, что с начала 2016 г. доля отрицательных оценок деятельности Президента увеличилась на 4 п.п. (с 16 до 20%).

Оценка деятельности Председателя Правительства РФ за последние два месяца также не изменилась (доля положительных суждений составляет 53%, отрицательных – 28%). Данный показатель несколько ниже, чем в 2015 г. (58%), и примерно соответствует уровню 2014 г. (54%). Удельный вес негативных оценок работы Председателя Правительства продолжает увеличиваться с октября 2015 г.: в октябре 2015 г. – 21%, в феврале 2016 г. – 23%, в августе – 28%.

Для справки: в целом по стране уровень одобрения деятельности Президента РФ сохраняется на стабильном уровне. В июне – июле 2016 г. он составил по данным ВЦИОМ 81% (доля негативных оценок – 14%), по данным Левада-Центра – 81–82% (доля отрицательных суждений – 17–18%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2015	2011	2007
Президент РФ															
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	69,1	69,3	69,7	68,1	66,9	67,4	68,7	68,4	-1	+10	-7
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	17,5	18,1	16,5	16,1	17,9	20,1	19,6	18,1	+1	-8	+7
Председатель Правительства РФ*															
Одобрю	-*	59,3	48,9	54,2	58,1	58,1	57,9	54,9	53,5	52,8	52,7	55,0	-3	-4	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	21,7	21,0	21,7	22,6	25,7	28,6	27,7	24,6	+3	0	-
Губернатор															
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,3	38,7	39,7	35,1	34,9	38,2	38,4	37,5	-2	-8	-18
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	36,2	36,0	35,3	38,2	39,6	40,3	40,0	38,2	+2	+8	+16

* Вопрос задается с 2008 г.

С июня по август 2016 г. оценка успешности действий Президента по решению ключевых проблем страны существенно не изменилась:

- доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по укреплению международных позиций России, составляет 50–52%;
- по наведению порядка в стране – 50%;
- по защите демократии и укреплению свобод граждан – 37–38%;
- по подъему экономики и росту благосостояния населения – 27–28%.

За последние два месяца уменьшилась доля людей, считающих неуспешными действия Президента по наведению порядка в стране (на 3 п.п., с 38 до 35%), и возрос удельный вес тех, кто отрицательно оценивает работу главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан (на 3 п.п., с 42 до 45%).

В целом за последние 6 опросов существенных изменений в оценке жителями Вологодской области успешности решения Президентом ключевых проблем страны не происходит. Однако следует отметить, что за период с октября 2015 по август 2016 г. значительно уменьшилась доля положительных суждений о работе главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан (на 5 п.п., с 32 до 27%). По данным на август 2016 г. этот показатель существенно ниже, чем в 2007 г. (47%), 2011 г. (31%) и в 2013–2015 гг. (31–35%). Соответственно доля отрицательных оценок успешности решения Президентом материальных проблем населения за период с октября 2015 по август 2016 г. увеличилась на 6 п.п. (с 54 до 60%), что значительно выше, чем в 2007 г. (39%), 2011 г. (56%) и в 2013–2015 гг. (52–57%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? * (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2015	2011	2007
Укрепление международных позиций России															
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	51,7	50,7	53,2	50,9	50,7	52,2	50,1	51,3	0	+5	-7
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,3	33,1	31,5	29,1	30,9	29,0	30,3	30,7	-1	-3	+6
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>120,4</i>	<i>117,6</i>	<i>121,7</i>	<i>121,8</i>	<i>119,8</i>	<i>123,2</i>	<i>119,8</i>	<i>120,7</i>	<i>0</i>	<i>+8</i>	<i>-13</i>
Наведение порядка в стране															
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	50,2	48,6	50,5	47,7	48,1	49,7	50,0	49,1	-1	+13	-4
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,9	38,7	38,0	37,2	38,2	37,5	35,1	37,5	0	-13	+3
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>112,3</i>	<i>109,9</i>	<i>112,5</i>	<i>110,5</i>	<i>109,9</i>	<i>112,2</i>	<i>115,4</i>	<i>111,7</i>	<i>-1</i>	<i>+25</i>	<i>-7</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан															
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,4	38,1	41,0	36,9	35,6	38,3	36,7	37,8	-3	+5	-7
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	41,5	44,3	43,7	44,3	45,3	42,2	45,0	44,1	+3	-4	+7
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>99,0</i>	<i>93,8</i>	<i>97,3</i>	<i>92,6</i>	<i>90,3</i>	<i>96,1</i>	<i>91,7</i>	<i>93,6</i>	<i>-5</i>	<i>+10</i>	<i>-14</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан															
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	34,2	32,1	30,9	28,0	27,6	27,5	26,7	28,8	-5	-2	-18
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	52,3	54,3	55,7	57,0	57,9	59,1	60,4	57,4	+5	+1	+18
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>81,8</i>	<i>77,8</i>	<i>75,2</i>	<i>71,0</i>	<i>69,7</i>	<i>68,4</i>	<i>66,3</i>	<i>71,4</i>	<i>-10</i>	<i>-3</i>	<i>-37</i>

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2015 г.

Структура партийно-политических предпочтений населения за последние два месяца не изменилась и остается стабильной с начала 2016 г. Уровень поддержки «Единой России» составляет 35–37%, КПРФ – 8–9%, «Справедливой России» – 3–5%. По сравнению с началом года незначительно возрос удельный вес людей, чьи интересы выражает ЛДПР (на 4 п.п., с 7 до 11%). По сравнению с 2015 г. поддержка ЛДПР увеличилась почти в 2 раза (с 6 до 11%).

С приближением выборов в Государственную Думу РФ 18 сентября 2016 г. постепенно снижается доля людей, считающих, что никакая из основных на сегодняшний день партий не выражает их интересов: в апреле 2016 г. – 35%, в июне – 30%, в августе – 26%. Данная тенденция свидетельствует об увеличении заинтересованности людей в результатах голосования и росте надежд избирателей на ощутимые положительные изменения в решении наиболее острых проблем, которые их волнуют.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	2014	2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Среднее за послед- ние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
															2015	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	38,8	38,0	39,0	35,1	34,1	36,0	36,5	36,5	-2	+5	+6
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	6,1	7,1	6,9	8,2	10,3	10,5	8,2	+2	0	+1
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	7,1	6,9	6,5	9,4	7,2	8,0	7,5	7,6	0	-3	+1
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,6	3,3	3,7	2,7	2,7	4,0	4,7	3,5	0	-2	-4
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	0,3	0,2	0,1	0,4	0,5	0,2	0,3	0,4	0,3	0	-2	-1
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	34,4	31,8	32,3	30,5	31,7	34,9	29,7	26,1	30,9	-1	+1	+13
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	11,7	12,2	13,3	12,9	13,7	12,7	11,7	14,3	13,1	+1	0	-8

Оценки социального самочувствия в июне – августе 2016 г. существенно не изменились:

- доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», сохраняется на уровне 68–69%;
- удельный вес считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 78%.

Доля жителей области, считающих себя «богатыми» или «среднеобеспеченными», в августе 2016 г. (как и в июне) составила 43%, что незначительно выше, чем в начале года (40%). Вместе с тем за последние два месяца заметно возрос удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих» (на 3 п.п., с 47 до 50%, что соответствует уровню февраля 2016 г.).

С апреля 2016 г. постепенно увеличивается индекс потребительских настроений (ИПН), что свидетельствует о росте позитивных ожиданий населения относительно изменений в динамике своего материального положения и экономической ситуации в стране: в апреле 2016 г. – 74 п., в июне – 77 п., в августе – 79 п. Тем не менее, пока что индекс потребительских настроений по-прежнему остается значительно ниже 100 пунктов, что говорит о преобладании пессимистических прогнозов населения в оценке перспектив своего личного материального благополучия и общего состояния российской экономики.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2015	2011	2007
Настроение															
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	70,4	69,6	63,4	67,0	68,0	68,8	67,9	-1	+5	+4
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	25,9	25,4	24,3	28,9	25,4	26,7	25,8	26,1	0	-3	-2
Запас терпения															
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	78,4	78,2	78,0	73,1	77,5	78,2	78,3	77,2	-1	+2	+3
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	14,5	13,9	12,7	16,1	16,4	15,7	15,5	15,1	+1	0	+1
Социальная самоидентификация*															
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	38,7	39,2	38,9	39,9	40,9	42,8	43,2	40,8	+2	-2	-7
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	50,7	50,2	50,5	51,4	49,4	47,1	49,5	49,7	-1	+5	+7
Индекс потребительских настроений															
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	77,7	77,7	75,0	74,4	77,3	79,4	76,9	0	-13	-29

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

В целом по области с апреля 2016 г. сохраняется стабильной доля людей, характеризующих своё настроение как «прекрасное, нормальное, ровное» (67–69%). Однако в разрезе различных социально-демографических категорий населения за последние два месяца произошли неоднозначные изменения.

В 6 из 14 социально-демографических групп доля положительных оценок социального настроения в августе 2016 г. сохранилась на уровне июня. К этим группам относятся:

- люди в возрасте от 30 до 55 лет (67%);
- лица со средним и неполным средним, а также со средним специальным образованием (62 и 69% соответственно);
- жители области, по самооценке доходов относящиеся к 60% среднеобеспеченных (70%);
- жители Череповца (74%) и районов области (66%).

В 4-х социально-демографических категориях отмечается увеличение доли людей, положительно характеризующих свое настроение. Среди них:

- женщины (на 3 п.п., с 67 до 70%);

- люди старше 55 лет (на 8 п.п., с 60 до 68%);
- лица с высшим и незаконченным высшим образованием (на 4 п.п., с 73 до 77%);
- 20% наименее обеспеченных (на 4 п.п., с 52 до 56%).

В 4-х из 14 групп удельный вес жителей области, испытывающих «прекрасное настроение; нормальное, ровное состояние», снизился. Среди них:

- мужчины (на 3 п.п., с 70 до 67%);
- люди в возрасте до 30 лет (на 6 п.п., с 81 до 75%);
- 20% наиболее обеспеченных (на 6 п.п., с 85 до 79%);
- жители г. Вологды (на 3 п.п., с 72 до 69%).

Таким образом, по итогам опроса, проведенного в августе 2016 г., наибольшие опасения вызывает динамика социального настроения среди молодых людей (в возрасте до 30 лет) и жителей области, по самооценке доходов относящихся к категории 20% наиболее обеспеченных. Причем негативные изменения в данных категориях населения в 2016 г. отмечаются впервые.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Фев. 2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2015	2011	2007
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,9	68,9	69,5	69,8	69,9	63,9	66,5	70,0	67,3	67,9	-2	+3	+2
Женский	61,7	62,0	67,5	69,8	68,0	70,9	69,2	63,1	67,5	66,5	70,0	67,9	0	+6	+6
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	75,5	75,1	77,1	82,8	76,9	69,9	75,4	81,2	74,5	76,8	0	+7	+5
30-55 лет	64,8	62,5	69,2	69,5	67,2	68,0	69,0	62,1	66,0	68,3	67,1	66,8	0	+4	+2
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,4	65,4	65,5	66,0	65,9	61,5	63,7	59,8	67,7	64,1	-1	+6	+9
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	60,6	62,5	63,6	65,7	64,6	57,8	62,4	62,9	61,7	62,5	-1	+5	+4
Среднее специальное	64,6	63,6	68,1	70,4	70,1	70,3	67,7	60,7	67,3	69,3	68,5	67,3	-3	+4	+3
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,4	76,2	72,7	75,8	76,9	72,9	71,5	73,3	76,8	74,5	+2	+6	+6
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	46,2	50,8	51,8	54,2	49,8	42,6	51,3	52,0	56,3	51,0	-1	+6	-1
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	71,9	72,3	71,0	70,1	72,2	66,3	67,6	69,3	70,4	69,3	-2	+4	+6
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	83,3	84,8	82,0	87,1	78,8	77,9	81,0	85,2	78,5	81,4	-1	+6	+7
Территории															
Вологда	63,1	67,1	75,0	76,4	73,9	77,6	73,6	65,1	69,1	71,5	69,2	71,0	-3	+4	+8
Череповец	68,1	71,2	75,3	76,3	70,6	71,4	73,2	66,4	70,5	72,5	74,0	71,3	+1	0	+3
Районы	61,6	57,1	61,6	61,8	64,6	65,9	65,0	60,9	63,9	63,7	65,7	64,2	0	+7	+3
Область	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	70,4	69,5	63,5	67,1	68,1	68,8	67,9	-1	+5	+4

Заключение

Главным политическим событием 2016 г. в России являются выборы в Государственную Думу РФ 18 сентября. С их приближением усиливаются надежды людей на ощутимые изменения в динамике уровня и качества жизни, что, в свою очередь, играет всё более значимую роль в формировании динамики общественного мнения.

Как показывают результаты проведенных исследований, уровень поддержки Президента РФ остается стабильным (69%), хотя рост доли негативных оценок его деятельности (на 4 п.п. по сравнению с началом года, с 16 до 20%) свидетельствует о том, что людей всё меньше удовлетворяет работа главы государства по решению наиболее актуальных проблем, волнующих население.

Об этом же говорит динамика оценок успешности решения главой государства проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан: за последние 6 опросов (с октября 2015 по август 2016 г.) доля положительных суждений уменьшилась на 5 п.п. (с 32 до 27%).

Доля людей, чьи интересы не выражает ни одна из основных политических партий, остается значительной (26%, то есть более 300 тыс. человек), однако с апреля 2016 г. она снижается (с апреля по август – на 9 п.п., с 35 до 26%), что говорит о росте интереса населения к выборам 18 сентября.

Об актуальности материальных проблем говорит рост доли людей, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих» (в июне – августе 2016 г. – на 3 п.п., с 47 до 50%). За период с 2007 по август 2016 г. удельный вес представителей данной группы возрос на 8 п.п. (с 42 до 50%), то есть почти на 80 тыс. чел. (с 515667 до 593843 чел.).

По-прежнему вызывают тревогу потребительские ожидания населения. Индекс потребительских настроений по данным на август 2016 г. составляет 79 п., что свидетельствует о преобладании пессимистических ожиданий относительно перспектив личного благосостояния и экономической ситуации в стране. Причем в годовой динамике отмечается снижение ИПН: в 2007 г. – 106 п., в 2011–2013 гг. – 90 п., в 2014 г. – 88 п., в 2015 г. – 77 п. Тем не менее в последние месяцы динамика индекса потребительских настроений положительная – с апреля по август 2016 г. ИПН возрос на 5 пунктов (с 74 до 79 п.), что может быть связано с предвыборной атмосферой, позитивно действующей на ожидания людей относительно разрешения экономических трудностей в стране после начала нового политического цикла.

В июне – августе 2016 г. отмечаются неоднозначные изменения в динамике социального настроения населения. В первую очередь обращает на себя внимание снижение доли позитивных оценок эмоционального состояния среди людей в возрасте до 30 лет и представителей 20% наиболее обеспеченных жителей области. Пока сложно говорить о причинах этих изменений. Неизвестно также, примут ли они характер тенденции. Возможно, это связано с ощущением того, что в существующем сегодня противостоянии между капиталистической и социалистической парадигмами развития начало нового политического цикла может внести значительные коррективы в пользу последнего. По крайней мере именно на этом концентри-

руются ожидания широких слоев населения. Как отмечают эксперты, «социализм не только воскрес, но и выставил себя в качестве мощной политической альтернативы господствующему либеральному мейнстриму»².

Таким образом, результаты социологических исследований наглядно демонстрируют тенденции общественного мнения, о которых шла речь в статье от главного редактора, — неудовлетворенность населения динамикой уровня и качества жизни, актуальная потребность в социальной справедливости и ее защите государством носят затяжной, нарастающий характер, что играет всё большую роль в формировании электоральных предпочтений россиян. По-видимому, решение ключевых проблем, волнующих население, откладывается на начало нового политического цикла и станет лейтмотивом первых месяцев работы Государственной Думы РФ VII созыва. В противном случае это может вызвать рост социальной напряженности, что существенно осложнит обстановку, в которой будут проходить выборы Президента РФ в 2018 году.

² Холмогоров Е. О нерешенной проблеме социализма // Газета «Завтра». — 2016. — № 17 (1169). — 28 апр. — С. 3.

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.2

УДК 338.924, ББК 65.050.22

© Лаженцев В.Н.

Общественный характер концепций развития экономики северных и арктических районов России

**Виталий Николаевич
ЛАЖЕНЦЕВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
vnlazhentsev@iespn.komisc.ru

Аннотация. В условиях несбалансированного по факторам и финансовым источникам развития экономики России для ее северных и арктических регионов¹ возрастает угроза истощения природных ресурсов без какой-либо видимой пользы для самой России, а тем более для северян. Для правильного формирования северной политики необходимо учитывать не только специфику сырьевой специализации северных и арктических территорий, их структурно-функциональное устройство, но и решающее значение общественного характера такой специализации и такого устройства. Именно с точки зрения общественных интересов и национальной безопасности нашей страны жителей «северов» надо рассматривать не как инструмент обеспечения мировой экономики сырьевыми и топливными ресурсами, а как самоценную данность, претендующую на свое «место под солнцем» и способную это место обустроить, исходя из собственных способностей, потребностей и представлений о благополучии. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать общественный характер взаимообусловленности внутренних и внешних факторов развития Севера и Арктики: национального и мирового рынка минерального сырья и топлива, трансконтинентальных, региональных и локальных экологических функций тундры и тайги, общих тенденций совершенствования экономического федерализма и особого подхода

¹ К Северу отнесены Крайний Север и местности, приравненные к районам Крайнего Севера; к Арктике – та часть Крайнего Севера, которая зафиксирована Указом Президента РФ от 2 мая 2014 г. №296.

Для цитирования: Лаженцев, В.Н. Общественный характер концепций развития экономики северных и арктических районов России [Текст] / В.Н. Лаженцев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 43-56. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.2

For citation: Lazhentsev V.N. Public nature of the concepts for economic development in the Northern and Arctic regions of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 43-56. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.2

к стимулированию регионов с экстремальными и сложными природными условиями жизни и производства, приоритетности социального благополучия укорененного на Севере и в Арктике населения на фоне стремления к общероссийской социально-территориальной справедливости.

Ключевые слова: общественные перемены, северная специфика, концепции, освоение и обустройство, экономическое стимулирование, экологический фактор, системная модернизация.

Исходя из тезиса, что *регион есть развивающееся население*, О.С. Пчелинцев писал: «Ведущая роль регионов в экономической системе устойчивого развития реализуется через функции организации воспроизводства качественных ресурсов методами обустройства территории и развития инфраструктуры» [10, с. 9]. Это правильно, поскольку качество жизни каждого человека и общества в целом определяет смысл наших намерений оценить настоящее и определить будущее того или иного региона.

Социально-экономическая география и региональная экономика (в России и других развитых странах) в своих теоретических концепциях в настоящее время первостепенную роль отводят историческим приобретениям (включая разнообразие природных и культурных ландшафтов) и интеллектуальным ресурсам. Общественные формы организации хозяйства (концентрация, специализация, комбинирование, кооперирование, интеграция) наполняются новым содержанием. Решающую роль играет территориальная концентрация знаний и инноваций; пространственно комбинируются интеллектуальные возможности специалистов, происходит их кооперирование в рамках территориальных кластеров, нацеленных на решение конкретных проблем инновационного развития; межстрановая и межрегиональная интеграция всё более осуществляется как управляемая взаимосвязь разнообразных сфер деятельности. Огромную роль в жизни общества стали играть людские, денеж-

ные и информационные потоки, а также высокая мобильность организационных структур управления, усиление попутного эффекта от одного вида деятельности для ряда других видов [5, 6].

Все эти инновации относятся и к Северу. Именно опираясь на идеи повышения качества жизни, северная политика должна быть направлена на решение конкретных проблем относительно столичных функций областных, республиканских и окружных центров, допустимых пределов стягивания населения периферии в данные центры и крупные города, поддержания их на высоком культурном и научно-техническом уровне и др. Свои «проблемы качества» имеют города и районы нефтегазовой и горнорудной специализации, в том числе и по поводу их взаимосвязи с оленеводством и сельским хозяйством. С «затуханием» горно-обогачительных и нефтепромысловых предприятий в критическую ситуацию попадают и оленеводы, а также работники сферы обслуживания из-за снижения спроса на их продукцию и услуги. Заметим: в городах и районах лесопромышленной и сельскохозяйственной специализации проживает четверть населения Севера. Устойчивое развитие этих территорий становится первостепенной проблемой не столько по производству, сколько по выбору новых форм социального обеспечения жителей лесных поселков, сел и деревень. Районы оленеводства, овцеводства и коневодства, не имеющие городов и живущие относительно автономно, зачастую натуральным хозяйством, по идее постиндустриального

развития должны быть преобразованы на новой технической и социальной основе, но не ущемляющей традиционный уклад жизни [3].

На Севере России производится примерно 15% ее внутреннего валового продукта, в том числе в Арктической зоне – 10%. Эти доли постепенно снижаются по двум причинам: положительной – хотя и медленной, но все же рост экономики центральных и южных регионов страны; отрицательной – «топтание» (с точки зрения макроэкономики) на месте всех северных регионов, за исключением Ямало-Ненецкого автономного округа, без сколько-нибудь заметного продвижения вперед.

Прогнозы, стратегии и программы развития северных и арктических регионов отражают трудности роста экономики в условиях снижающихся мировых цен на углеводороды и минеральное сырье, а также недостатка мощностей по их переработке внутри России; динамика ВРП и производительности труда предстоящих 5–10 лет фиксируется на уровне 2–3% в год [1]. При этом рост малыми темпами относится к выпуску основных видов продукции промышленности и сельского хозяйства, но не к сфере энергетики, транспорта, строительства, ЖКХ и других социальных услуг, банковско-финансовой деятельности, государственного и муниципального управления. Здесь уровень организации технологий и труда еще более низок, но высоки цены и тарифы. Такого рода баланс

низкого и высокого позволяет сводить «концы с концами» отдельно взятым организациям, но тянет вниз общую экономику регионов и страны в целом.

Показателен в этом отношении пример Республики Коми. Из *табл. 1* видно: численность населения и занятых трудом снижается; производство ВРП колеблется вокруг базовых 100%; производительность труда растет крайне медленно.

При созданной в прогнозах структуре производства места для науки и научно-технического прогресса не находится. Проблемы перехода от низкого к более высокому технико-экономическому укладу экономики не отражаются. Не отражаются и проблемы совершенствования общественных отношений. Как-то удается обойти вопросы оптимального землепользования с учетом необходимости организации экологически чистого сельского хозяйства, максимизации размера распределенного фонда земли и его структуризации по формам собственности: федеральной, субфедеральной (областной, краевой, республиканской), муниципальной, личной. То же относится и к лесным планам и программам недропользования. Прогресс же в части ведения домашних и других хозяйств малых форм до сих пор ни в одном государственном документе не рассматривался.

Это результат того, что в условиях периферийного капитализма общество особенно сильно подвержено влиянию политических и экономических кризисов, различного рода трансформациям и

Таблица 1. Социально-экономическая динамика Республики Коми в 2010–2018 гг., %* [13]

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Численность населения	100,0	99,8	98,7	97,7	96,9	95,9	95,1	93,9	93,1
Число занятых в экономике	100,0	98,6	97,6	95,2	92,7	91,0	89,8	88,6	87,8
ВРП в постоянных ценах 2010 г.	100,0	105,7	107,6	104,0	102,4	98,5	99,9	101,6	103,1
ВРП на одного занятого	100,0	107,2	110,2	109,2	110,4	108,2	111,2	114,7	117,4
* Регионы России [11]; 2016–2018 гг. – оценка автора.									

деформациям. Основное внимание приходится уделять не жизненно важным обстоятельствам функционирования региональных и локальных социумов, а макроэкономическим показателям, например внутреннему региональному продукту. «Разброс» же прогнозных оценок данного показателя даже при двух вариантах (минимум – максимум) в северных регионах составляет 2,5–3 раза. Сказывается труднопрогнозируемый характер самих кризисов, хотя бы потому, что к ним нелегко привыкнуть как к неизбежному факту. Вместе с тем именно в кризисные времена приходится переоценивать прошлый опыт прогнозирования с ориентацией только на положительную динамику.

Смена концепций развития

Экономика Севера России до сих пор была связана в основном с освоением его природных ресурсов, транспортным строительством и традиционными отраслями хозяйства малочисленных народов. Природно-ресурсная специализация в составе национальной экономики исторически обусловлена и вполне правомерна. И в современных условиях проблемы расширенного общественного воспроизводства не могут быть решены без ресурсов Севера. Однако принципы их вовлечения в мировое хозяйство представляются неоднозначными.

Обстоятельства национальной экономики отражаются в трех подходах к Северу, в основе которых лежат идеи: 1) дальнейшей колонизации Севера, но уже в качестве сырьевого придатка не только российской, но и всей мировой экономики с ее транснациональными корпорациями; 2) свободной (рыночной) торговли природно-сырьевыми ресурсами Севера со стороны отечественных и «смешанных» предприятий, находящихся в юрисдикции России, но без ограничений (кроме страте-

гических дефицитных ресурсов) и по правилам Всемирной торговой организации; 3) прикрепления ресурсов Севера прежде всего к российской обрабатывающей промышленности, рынку с ограничением вывоза минерального сырья, нефти, газа, угля и древесины за границу.

На наш взгляд, приоритет следует отдать третьему варианту, то есть полнокровному развитию национальной экономики со сбалансированным сочетанием добывающих и обрабатывающих производств. Это обуславливает взаимодействие субъектов хозяйства, размещенных на Севере, со своими отечественными и иностранными агентами по поводу распределения не ресурсов (товаров), а доходов (прибыли) от продажи ресурсов.

Концепция развития Севера России – «освоение природных ресурсов ради валютной выручки» – постепенно приобретает новую трактовку: «освоение природных ресурсов, модернизация производства и транспорта, обустройство территорий проживания населения ради обеспечения национальной безопасности России и устойчивого развития ее народного хозяйства». С общественной точки зрения естественный ход социально-экономического развития Севера (включая континентальную Арктику) с образованием здесь историко-культурных очагов относительно устойчивой жизнедеятельности как частей единого государства более значим, чем внутрироссийская колонизация ради накопления капитала. Данное положение важно подчеркнуть еще и потому, что в настоящее время преобладает другая позиция, ориентированная почти на полный вывоз потенциального капитала в Москву и за границу. Неслучайно научные сотрудники РАН и практики регионального управления, профессионально знающие экономику Севера, выделяют

как минимум две группы общественно значимых факторов устойчивого развития северных территорий: «Во-первых, это перераспределение рентных платежей, которые обеспечили бы достойный уровень жизни проживающих и работающих в экстремальных условиях людей. Во-вторых, это диверсификация и инновационная перестройка экономики, которая повысила бы конкурентность хозяйственных систем в обозримой перспективе» [14, с. 40].

С учетом данной концепции в последние годы активизировались научные исследования в области комплексного социально-экономического развития северных субъектов Федерации и территориальных систем, «лежащих поверх административных границ»: Карело-Кольской, Двино-Печорской, Обь-Иртышской, Ангаро-Енисейской, Северо-Восточной и других. Усилилась роль социальных аспектов развития и этнокультуры с учетом того, что образ жизни, язык, культура, методы хозяйствования проживающих здесь народов являются самоценными. Предпринимается попытка научно обосновать модели благосостояния населения северных территорий. Предлагаются различные варианты оптимизации здесь численности постоянного населения и привлекаемых работающих вахтовым методом или сезонно.

Суть правильного подхода к решению северных проблем заключается в следующем: сначала нужно понять закономерности естественноисторического вектора развития народонаселения и хозяйственных систем Севера, а уже затем косвенно, через социальные и экономические механизмы, способствовать их реализации. В связи с этим заметим, что все регионы Европейского Севера и некоторые регионы Азиатского Севера России в конце 1980-х гг. имели демографический потенциал, достаточный для самовоспроиз-

водства населения и трудовых ресурсов с минимальной внешней миграцией. Но кризисы экономики, повторяющиеся под влиянием внешних условий и ошибок внутренней политики, заметно снизили численность населения на Севере: с 12654 тыс. чел. в 1990 г. до 9954 тыс. чел. в 2015 г.; в том числе по Арктической зоне, соответственно, с 3178 до 2383 тыс. чел. Теперь речь идет не о численности населения «любой ценой», а о повышении человеческого потенциала (прежде всего — здоровья) и квалификации занятых во всех сферах экономической деятельности, трансформации природно-ресурсных доходов в его социальный, инфраструктурный и финансовый капитал. Только в таком случае ориентация северных регионов на саморазвитие и эволюционизм была бы правомерной.

Север исторически подготовлен к диверсификации структуры производства на основе глубокой переработки сырьевых ресурсов и широкой кооперации в рамках национальной и мировой экономики. Здесь весьма актуальна проблема воспроизводства природно-хозяйственных комплексов [2, 13].

Для обустройства жизни северян, их хозяйственной деятельности необходимы специальные технологии, приспособленные к экстремальным и сложным климатическим условиям, а именно: территориальная «привязка» типовых проектов с учетом условий удорожания строительства; использование основ зонального проектирования в градостроительстве; разработка и использование техники в северном исполнении; минимизация вспомогательных и обслуживающих производств, широкая технологическая кооперация; применение вахтового, районного и экспедиционного методов освоения полезных ископаемых; организация комплексных промышленно-транспортных компаний, способных на

основе новейших технологий осваивать «разнопрофильные» месторождения полезных ископаемых и обустраивать территорию по единому плану.

С общественной точки зрения наиболее важными социально-экономическими проблемами являются:

– для Арктики и Дальнего Севера – неудовлетворительное состояние социумов малочисленных народов и сложности в организации труда и быта людей при экспедиционном, вахтовом и районном методах освоения природных ресурсов;

– Ближнего Севера – стратегическая неопределенность в деле формирования опорных производственных и торговых баз, а также центров подготовки квалифицированных кадров для всей Северной зоны.

Сейчас особое внимание следовало бы обратить на загрузку неиспользуемых мощностей, на более высокую техническую оснащенность действующих предприятий, особенно в части обогащения и переработки полезных ископаемых. Уровень конечного производственного и личного потребления должен быть достаточным для эффективного общественного воспроизводства в самой России. Внутренний потребитель не должен подвергаться дискриминации в угоду интересам западных стран и отдельных корпораций. Речь идет не только о выгоде вывоза вместо, скажем, сырой нефти бензина, но и о том, чтобы бензин и другие ресурсы эксплуатационного потребления служили бы делу модернизации собственного хозяйства и развитию его высокотехнологичных отраслей.

Снижение удельных капитальных затрат на освоение ресурсов и обустройство территорий Севера связано главным образом с двумя факторами: научно-техническим прогрессом, в том числе разработкой и внедрением северной техники и технологий, и территориальной организацией

хозяйства (оптимизация транспортной сети, минимизация вспомогательных и обслуживающих производств, использование вахтового и районного методов освоения ресурсов и др.). Вместе с тем следовало бы более системно контролировать обоснованность затрат на производство, особенно в части транзакционных издержек.

Бизнес необходимо не только контролировать, но и защищать от разрушительного влияния неорганизованного рынка и учитывать северную специфику хозяйственной деятельности в условиях организованного, регулируемого государством рынка. В принципе такой протекционизм должен реализовываться «классическими» методами регулирования рыночных отношений, то есть через понижение транспортных тарифов, тарифов на тепло- и электроэнергию, ставок налогообложения, через выделение целевых субвенций и льготное кредитование северного завоза. В действительности «классика» не только не соблюдается, но и приобрела противоположный характер: тарифы и налоги повышаются, финансовые ресурсы перераспределяются в пользу Москвы, республик Северного Кавказа и Поволжья, схемы взаимодействия корпораций с бюджетной системой страны «оголяют» территориальные бюджеты.

Проблема инвестиций в экономику Севера ныне стала многоаспектной, но более всего она обусловлена «проеданием» фонда накопления. В качестве одного из направлений решения этой проблемы мы рассматриваем обязательное открытие частных (для предприятия) и региональных инвестиционных счетов с зачислением на них всей суммы амортизации и какой-то доли (скажем, 15%) валютной выручки. Целесообразно установить государственный контроль за целевым использованием средств данных счетов.

С логикой поэтапного решения проблем Севера связано совершенствование экономических отношений между федеральным управлением, региональными правительствами, муниципалитетами, бизнесом. Несовпадение устройства финансово-бюджетной системы Федерации с интересами ее северных (и не только северных) субъектов ставит последние в ущербное положение. К тому же финансовые перекосы приводят к дисбалансу стоимостных пропорций в добывающих и обрабатывающих отраслях хозяйства страны и тем самым нарушают технологическую сопряженность взаимосвязанных производств.

Экологический фактор в развитии Севера не менее актуален, чем производственный. Всем понятно, что состояние природной среды северных территорий определяет уровень безопасности жизнедеятельности населения Земли, прежде всего самих северян. Это понимание не должно иметь лишь абстрактный характер. Оно может изменить историческую тенденцию природопользования на Севере. Эта тенденция до сих пор выражалась в следующем: пока организация природопользования является внутренним делом коренного населения, экологические проблемы не носят фронтального характера, а являются локальными; но как только природные ресурсы становятся товаром внешних собственников, средством накопления капитала, уходящего главным образом в центральную Россию и за границу, товаром, не сопряженным с комплексным использованием природных ресурсов и охраной окружающей среды, сохранением лучших сторон жизни коренного населения, так экологические проблемы многократно усложняются и становятся региональными, межрегиональными и даже глобальными. В настоящее время эти проблемы ярко проявляются в ухудшении здоровья населения

и нарушении демографического воспроизводства, утрате в ряде мест традиционной деятельности и культурного наследия, в противоречиях между товарно-рентной и экологической функциями тундры и тайги. С переходом к стабильности и росту индустрии вырисовывается тенденция сверхэксплуатации природных ресурсов Севера. Они выходят на первое место в качестве источника накопления капитала, в том числе и потому, что прежние «дармовые» источники — разгосударствление и приватизация — уже исчерпаны. Такая перспектива заставляет думать об охране окружающей среды как важнейшем направлении мировой политики с учетом положительного опыта организации хозяйства на территории зарубежного севера.

Учёт экологического фактора в общественном воспроизводстве отражает реальную картину нашей жизни. Например, по официальным данным, до кризиса 2008–2010 гг. ежегодный рост ВВП в России достигал 6–7%. Но, по данным Всемирного банка, при экологической коррекции (учёте истощения природного капитала и загрязнения окружающей среды) изменения в этот период оцениваются как негативные — минус 10–13% [12, с. 17].

Север «демонстрирует» разнообразие миропорядка, где экономические показатели стоят в одном ряду с социальными и экологическими. Здесь наглядно видна решающая роль природы в жизнедеятельности людей, а потому необходимо усилить экономику как дисциплину по оценке общественно необходимых затрат, включая и денежный эквивалент природных рисков [7, 8]. Но надо иметь в виду, что многие проблемы экологической безопасности сейчас приходится адресовать маломощным в финансовом отношении муниципальным образованиям, а это зачастую предопределяет тупиковый характер их рассмотрения.

Северное удорожание и общественный характер его сути

Для решения проблем Севера считается достаточным правильно оценить удорожание основных затрат на производство продукции и поддержание среднего уровня жизни по зонам дискомфорта (Крайний Север и местности, приравненные к районам Крайнего Севера). На самом же деле необходима более дробная дифференциация в соответствии с экономико-географическим положением поселений и предприятий: на основной трассе освоения или на его периферии. Например, по расчетам Т.Е. Дмитриевой, коэффициенты изменения сметной стоимости СМР по оси хозяйственного освоения составляют (относительно Московской области): Сыктывкар — 1,43; Ухта — 1,56; Печора — 1,70; Воркута — 1,83. Периферия, тяготеющая к указанным городам, имеет эти коэффициенты соответственно: 1,63; 1,82; 2,00; 2,50 [4, с. 117, 127].

Стратегическое направление решения проблемы совершенствования финансового механизма компенсации северного удорожания — перекрывать удорожание рыночной ценой при строго нормированных частных издержках, уровне рентабельности и общественной составляющей стоимости товара. «Общественная составляющая» становится все более значимой и рассматривается в национальной экономике как неотъемлемая часть общественного расширенного воспроизводства.

Практический характер приобретает теоретическое положение о том, что стоимость национального и даже мирового товарооборота в конечном счете определяется совокупностью потребностей людей, включая и потребность в приемлемой для жизни окружающей среде. Стоимость даже единичного товара не собирается

из частей (отдельных видов затрат), как кажется на первый взгляд, исходя из бухгалтерской калькуляции; она изначально образуется на рынке как целое, которое затем раскладывается на части, в том числе и на охрану природы и воспроизводство ее потенциалов.

Экономическое стимулирование

С учетом отмеченных обстоятельств государство обязано компенсировать регионам и непосредственно населению Севера недополученные доходы. Принцип компенсации может быть реализован по-разному, но обязательно по правилам и нормам экономического стимулирования. Однако надо иметь в виду и вероятность ложного толкования стимулирования регионов. Напомним, что в разнообразных идеях совершенствования экономического федерализма заложены не только позитивные, но и негативные моменты. Например, некоторые национальные республики в 1990-х гг. инициировали особо опасный курс на полную налогово-бюджетную самостоятельность субъектов Федерации с использованием, так называемого, котлового метода сбора и распределения всех налогов и других финансовых ресурсов. И это несмотря на негативный опыт СССР, когда такой метод, при котором налогоплательщиками в бюджет страны стали непосредственно союзные республики, более всего способствовал его распаду. Близко к котловому стоит ныне предлагаемый метод нормативного распределения налогов между федеральным и территориальными бюджетами по заранее установленному соотношению, например 50:50. Это ещё более усилило бы и без того чрезмерное социальное неравенство территорий. Незыблемым должен оставаться принцип закрепления первичных источников налогообложения за определенным уровнем

власти в полном объёме или с последующим расщеплением в определённых пропорциях. Этот принцип является фундаментальным в системе экономического федерализма и не ограничивает возможности стимулирования территориального развития.

Тематика экономического стимулирования регионов и в советские времена была актуальной. Но особенно — в годы реформирования и кризисов. Об этом, в частности, вспоминал академик Е.М. Примаков: *«... На заседаниях правительства, которое я возглавлял (после дефолта августа 1998 г. — В.Л.), предлагалось, чтобы до дотационных субъектов Федерации доводилось, скажем, на период между выборами властей фиксированная ставка на пополнение федерального бюджета. Размеры ставки предусматривались в виде разницы между трансфертами из центра и налоговыми отчислениями регионов в федеральный бюджет. Разница определялась как средняя за предшествовавший межвыборный срок. Все заработанные и собранные сверх этого средства предполагалось оставлять в распоряжении регионов. Эту схему, которая могла бы ограничить и субъективизм центра, и лоббирование субъектов Федерации, поддержал в беседах со мной целый ряд губернаторов. Из их высказываний следовало, что внедрение такой схемы создаст серьёзный стимул для увеличения сборов налогов и в конечном счёте стимулирования социально-экономического развития регионов»* [9].

Ситуация в весьма дифференцированных по бюджетным доходам северных регионах подсказывает, что данная рекомендация приемлема не только для дотационных регионов, но может быть распространена с некоторыми модификациями на всю систему бюджетного федерализма. Ныне применяемые схемы стимулирова-

ния пока не приносят должного результата. Например, привлечение регионов к исполнению федеральных программ по принципу деления пополам расходов на их реализацию (половина — федеральная, другая половина — региональная). Использование такой схемы, действительно, могло бы стимулировать регионы к более активной деятельности. Однако у большинства из них нет средств на «свою половину».

В настоящее время момент истины заключается в том, чтобы экономические ресурсы страны в большей мере сместить в сторону регионов и муниципальных образований. Существующую ныне бедность территориальных бюджетов и их постоянный и повсеместный дефицит, чрезмерно большой государственный долг субъектов Федерации нельзя признать нормальным состоянием; такое состояние противоречит принципам и нормам конституционного федерализма; оно может трактоваться не как вынужденное, а как искусственно создаваемое ради непомерного возвышения роли федеральной власти.

Укрепить экономическую базу территориального развития можно и через увеличение объёма региональной и муниципальной собственности и её рациональное использование. Например, регионы и муниципальные образования могли бы пополнить свой земельный фонд за счёт обобществления тех частных площадей и земельных паёв, которые длительное время не вовлекаются в хозяйственный оборот. Резонной представляется рекомендация хотя бы небольшие площади гослесфонда передать в ведение муниципалитетов. Последние могли бы также более активно создавать имущественные комплексы общего назначения и зарабатывать деньги на их хозяйственном использовании.

Тактика регулирования экономики северных территорий с учетом интересов общества связана главным образом с налогообложением и реструктуризацией затрат. Ранее считалось целесообразным исключение из налогооблагаемой базы затрат, обусловленных действием объективных факторов северного удорожания, и той части прибыли, которая идет на инвестиции в техническую модернизацию производства. Предполагалось наиболее полно и адекватно включать в хозяйственный оборот рентные доходы. В соответствии со структурой природно-ресурсной ренты в качестве основных в добывающих отраслях рассматривались два налога: «плата за недра» — налог, подобный налогу на имущество, «рентный налог» в размере 70% рентного дохода (30% ренты как части сверхдохода должны оставаться у предприятий для их технологической модернизации). В настоящее время примерно так и происходит, но в каких объемах и по какой схеме — обществу не известно. «Внутренняя бухгалтерия», покрытая коммерческой тайной, не позволяет знать истинную стоимость товара, а это, в свою очередь, не позволяет нормативно учесть ее общественную составляющую.

О районных коэффициентах и северных надбавках за стаж работы в районах Севера (табл. 2)

Они в определенной мере отражают взаимосвязь социального и экономического аспектов жизнедеятельности в конкретных географических границах. Но данную меру не следует преувеличивать. Дело в том, что «северные» мало касаются внебюджетных отраслей хозяйства, где они присутствуют условно в качестве составной части уже фиксированного фонда заработной платы. Если бы не было «северных», то каждый работник все равно получил бы определенную контрактом свою часть данного фонда. Другое дело — бюджетники. Для них районный коэффициент и северная надбавка за стаж работы на Севере являются существенной добавкой к тарифному окладу. Поэтому надо подумать, есть ли надежда на повышение «северных», особенно тем из бюджетников, кто живет в Арктической зоне и примыкающих к ней районах.

Даже с учетом указанных коэффициентов и надбавок трудно дать разумное объяснение росту такого показателя, как соотношение среднедушевых доходов с величиной прожиточного минимума,

Таблица 2. Районные коэффициенты и северные надбавки к заработной плате в районах Севера России (без островов Северного Ледовитого океана)*, в %

Зона Севера	Минимум			Максимум		
	Районный коэффициент	Северная надбавка за стаж работы	В сумме	Районный коэффициент	Северная надбавка за стаж работы	В сумме
Европейский Север						
Арктическая зона	50	80	130	80	80	160
Дальний Север	40	80	120	50	80	130
Ближний Север	15	50	65	20	50	70
Азиатский Север						
Арктическая зона	50	80	130	100	80	180
Дальний Север	50	80	130	100	80	180
Ближний Север	30	50	80	40	80	120
* На островах Северного Ледовитого океана районный коэффициент составляет 2,0 (100%), северная надбавка – 100%; в сумме – 200%, то есть увеличена в три раза. Источник: http://bushminsergey.blogspot.ru/2013/01/blog-post.html (дата обращения: 5 июля 2016 г.).						

поскольку реальные доходы снижаются, прожиточный минимум, «благодаря» росту цен, в расчете на деньги увеличивается. Кстати заметим, что данное соотношение в Республике Коми в 1,2 раза ниже, чем в среднем по РФ, и в 1,6 раза ниже, чем в Москве. Северные коэффициенты и надбавки к заработной плате не компенсируют дороговизну жизни в регионах Севера. «Северные» лишь немного сглаживают показатели социального расслоения по доходам: коэффициент фондов в среднем по России в 2014 г. составил 16 (во столько раз доходы десятой (верхней) группы отличаются от доходов первой (нижней) группы населения), в республиках: Карелия – 10,3, Коми – 14,9, Саха (Якутия) – 14,5; в областях: Мурманской – 12,5, Архангельской – 11,3, Магаданской – 14,0, Сахалинской – 16,1; в автономных округах: Ненецком и Ямало-Ненецком – 17,6, Ханты-Мансийском – 16,9, Чукотском – 16,1; в Камчатском крае – 11,5 [11, с. 227]. О нетерпимости такого положения в социальной стратификации как в России в целом, так и в ее регионах экономическая наука и социология заявили уже лет 15 назад, указывая на пример европейских стран, где этот показатель составляет 7–8 раз.

Арктическая проблематика и общественный интерес

Со стороны федерального правительства России развитие Арктики рассматривается главным образом по двум основным направлениям: 1) обустройство Северного морского пути как важнейшей составной части общей транспортной системы страны и как геополитического фактора укрепления позиций РФ в мировом морском судоходстве; 2) формирование прибрежной инфраструктуры оборонного и хозяйственного значения. Предпринима-

ется попытка оба направления реализовать посредством программно-целевого формирования «опорных зон» социально-экономического развития. Ключевыми точками роста каждой зоны считаются те, которые нацелены на решение двух отмеченных задач.

Правительства и муниципалитеты арктических территорий, как и в других регионах России, имеют отношение ко всему структурно-функциональному спектру экономики и социальной сферы. Их специфический интерес к арктическому вектору развития заключается лишь в надежде получить дополнительные федеральные ресурсы для повышения уровня жизни населения. Содержание арктической политики тем самым определяется проблемами развития конкретных территориальных общностей людей и, следовательно, не сводится к какому-либо одному виду задач – геополитических, транспортных, военных, топливно-энергетических, биоресурсных, этнокультурных и т.п., но ко всей их совокупности, что и соответствует общей методологии устойчивого развития.

Заключение

Общественные ориентиры регионального развития указывают, что современная социально-экономическая проблематика Севера и Арктики России должна переместиться с освоения природных ресурсов «вширь» на комплексное развитие «вглубь», то есть на модернизацию уже созданного хозяйства, реструктуризацию систем расселения населения, транспорта, промышленности и сельского хозяйства. Актуализация арктической тематики позволяет еще раз обратить внимание на социальное и экологическое обустройство уже сформированных территориально-хозяйственных комплексов, отдельных промышленных центров и сельской периферии; продление

срока эксплуатации действующих промыслов, шахт и горнорудных комбинатов с использованием новейших технологий добычи, обогащения и переработки сырья; сбалансированное использование биоре-

сурсов тундры и северных морей; создание научно-технической инфраструктуры Северного морского пути и арктических предприятий; приобщение местной экономики к нуждам оборонных объектов.

Литература

1. Бабаев, К.В. Стратегия развития Мурманской области: SWOT – анализ / К.В. Бабаев // Современные производительные силы. – 2013. – №4. – С. 59-75.
2. Васильев, В.В. Методология комплексного природохозяйственного районирования северных территорий и российской Арктики / В.В. Васильев, В.С. Селин. – Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2013. – 260 с.
3. Лаженцев, В.Н. Север России: вопросы пространственного и территориального развития / В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2015. – 176 с. (ИСЭ и ЭПС. Коми научный центр УрО РАН).
4. Лаженцев, В.Н. География и практика территориального хозяйствования / В.Н. Лаженцев, Т.Е. Дмитриева. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 137.
5. Новый взгляд на экономическую географию. Обзор. Доклад о мировом развитии – 2009 [Электронный ресурс]. – Вашингтон: Всемирный банк, 2009. – 33 с. – Режим доступа: www.worldbank.org.
6. Пилясов, А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для изучения размещения производительных сил России / А.Н. Пилясов // Региональные исследования. – 2011. – №1. – С. 4-31.
7. Порфирьев, Б.Н. Природные риски в условиях современного экономического роста: теория и практика государственного и негосударственного управления / Б.Н. Порфирьев // Российский экономический журнал. – 2006. – №1. – С. 37-48.
8. Порфирьев, Б.Н. Фактор климатических рисков в инновационной стратегии развития / Б.Н. Порфирьев // Регион: экономика и социология. – 2011. – №1. – С. 193-213.
9. Примаков, Е. О России сегодня [Электронный ресурс] / Е. Примаков. – Режим доступа: <http://www.gas.ru/news/shownews.aspx?id=745e16d8-c813-47f3-9e4d-827e3360777f>.
10. Пчелинцев, О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития / О.С. Пчелинцев; Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М.: Наука, 2004. – 258 с.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. – М.: Росстат, 2015. – 1266 с.
12. Сдасюк, Г.В. «Рио + 20»: концепция устойчивого развития «Зелёной экономики» и проблемы её реализации в России / Г.В. Сдасюк, А.А. Тишков // Россия и её регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. – С. 12-37.
13. Селин, В.С. Российская Арктика: география, экономика, районирование / В.С. Селин, В.В. Васильев, Л.Н. Широкова. – Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2011. – 203 с.
14. Селин, В.С. О приоритетах государственной политики в северных регионах / В.С. Селин, Е.И. Зайцева, А.В. Истомин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – №2. – С. 38-49.

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Лаженцев – член-корреспондент РАН, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Lazhentsev V.N.

Public Nature of the Concepts for Economic Development in the Northern and Arctic Regions of Russia

Abstract. In a situation when Russia's economic development is unbalanced by factors and financial sources, there emerges a threat of depletion of its natural resources in the Northern and Arctic regions, which does not bring any apparent benefit to Russia itself, and especially to its northern dwellers. In order to work out a proper policy with relation to the North, it is necessary to consider not only the specifics of the raw material specialization of the Northern and Arctic territories and their structural-functional organization, but also the crucial public nature of this specialization and this organization. It is from the point of view of public interest and national security of our country that residents of the North should be viewed not as a tool to provide the world economy with raw materials and fuel, but as an inherently valued reality, competing for their "place under the sun" and capable of equipping this place based on their own abilities, needs and perceptions of well-being. The purpose of the present paper is to show the social character of the interdependence between internal and external factors in the development of the North and the Arctic: the national and world market of mineral raw materials and fuel, the transcontinental, regional and local environmental functions of the tundra and taiga, the general trends of improving economic federalism and a special approach to stimulating regions that have extreme and difficult conditions of life and production, the priority of social welfare of the population rooted in the North and in the Arctic along with the desire for national socio-territorial equity.

Key words: social change, northern specifics, concepts, development and improvement, economic incentives, environmental factor, systemwide upgrade.

References

1. Babaev K.V. Strategiya razvitiya Murmanskoi oblasti: SWOT – analiz [Development strategy for the Murmansk Oblast: a SWOT analysis]. *Sovremennye proizvoditel'nye sily* [Modern productive forces], 2013, no. 4, pp. 59-75. (In Russian).
2. Vasil'ev V.V., Selin V.S. *Metodologiya kompleksnogo prirodokhozyaistvennogo raionirovaniya severnykh territorii i rossiiskoi Arktiki* [Methodology of integrated environmental management zoning of northern territories and of the Russian Arctic]. Apatity: Kol'skii nauchnyi tsentr RAN, 2013. 260 p. (In Russian).
3. Lazhentsev V.N. *Sever Rossii: voprosy prostranstvennogo i territorial'nogo razvitiya* [The North of Russia: issues of spatial and territorial development]. Syktyvkar, 2015. 176 p. (In Russian).
4. Lazhentsev V.N., Dmitrieva T.E. *Geografiya i praktika territorial'nogo khozyaistvovaniya* [The geography and practice of territorial economic management]. Yekaterinburg: Nauka, 1993. P. 137. (In Russian).
5. *Novyi vzglyad na ekonomicheskuyu geografiyu. Obzor. Doklad o mirovom razvitiy – 2009* [World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography]. Washington, D.C.: Vsemirnyi bank, 2009. 33 p. Available at: www.worldbank.org.
6. Pilyasov A.N. Novaya ekonomicheskaya geografiya (NEG) i ee potentsial dlya izucheniya razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil Rossii [New economic geography (NEG) and its potential for the study of Russian productive forces]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], 2011, no. 1, pp. 4-31. (In Russian).
7. Porfir'ev B.N. Prirodnye riski v usloviyakh sovremennogo ekonomicheskogo rosta: teoriya i praktika gosudarstvennogo i negosudarstvennogo upravleniya [Natural risks in the conditions of modern economic growth: the theory and practice of governmental and non-governmental management]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian economic journal], 2006, no. 1, pp. 37-48. (In Russian).
8. Porfir'ev B.N. Faktor klimaticheskikh riskov v innovatsionnoi strategii razvitiya [Climate risks factor in an innovation development strategy]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Regional research of Russia], 2011, no. 1, pp. 193-213. (In Russian).

9. Primakov E. *O Rossii segodnya* [About Russia today]. Available at: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=745e16d8-c813-47f3-9e4d-827e3360777f> (In Russian).
10. Pchelintsev O.S. *Regional'naya ekonomika v sisteme ustoichivogo razvitiya* [Regional economy in the sustainable development system]. Moscow: Nauka, 2004. 258 p. (In Russian).
11. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2015: stat. sb.* [The Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2015: statistics collection]. Moscow: Rosstat, 2015. 1266 p. (In Russian).
12. Sdasyuk G.V., Tishkov A.A. "Rio + 20": kontseptsiya ustoichivogo razvitiya "Zelenoi ekonomiki" i problemy ee realizatsii v Rossii ["Rio + 20: sustainable development concept of the "Green economy" and the problems of its implementation in Russia]. *Rossiia i ee regiony: integratsionnyi potentsial, riski, puti perekhoda k ustoichivomu razvitiyu* [Russia and its regions: integration potential, risks, ways of transition to sustainable development]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2012. Pp.12-37. (In Russian).
13. Selin V.S., Vasil'ev V.V., Shirokova L.N. *Rossiiskaya Arktika: geografiya, ekonomika, raionirovanie* [Russian Arctic: geography, economy, zoning]. Apatity: Kol'skii nauchnyi tsentr RA N, 2011. 203 p. (In Russian).
14. Selin V.S., Zaitseva E.I., Istomin A.V. O prioritetakh gosudarstvennoi politiki v severnykh regionakh [Tax tools and state guarantees in the northern regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2012, no. 2, pp. 38-49. (In Russian).

Information about the Author

Vitalii Nikolaevich Lazhentsev – RAS Corresponding Member, Doctor of Geography, Chief Research Associate, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Center, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation, vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 11.07.2016

Барьеры модернизации и уровень согласованности ее основных составляющих в макрорегионе РФ*

**Мария Александровна
ЛАСТОЧКИНА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
mashkop@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает вопрос о модернизационных изменениях в комплексе экономических, социокультурных преобразований. Охарактеризованы сущность модернизации, ее значение для человека и общества, проблемы реализации в России и регионах. В рамках различных учений о модернизации была создана не одна теоретико-методологическая концепция, призванная пояснять возможные аспекты развития социума. Цель настоящего исследования – оценить степень согласованности экономической, социальной и когнитивной составляющих процесса модернизации в макрорегионе Российской Федерации. Задачи: обобщение данных о процессах эволюции модернизации, полученных при участии автора в рамках программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (руководитель – член-корреспондент РАН Н.И. Лапин); рассмотрение методов измерения модернизации и анализа ее компонент; оценка степени согласованности этих компонент в регионах Северо-Западного федерального округа (СЗФО) в 2000–2012 гг. Исследование количественной оценки интегрированной модернизации как относительного разрыва между уровнем модернизации в различных территориях и высоким мировым стандартом показало неравномерность ее развития в субъектах РФ. В ходе исследова-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ. Проект «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества», № 16-18-00078.

Для цитирования: Ласточкина М.А. Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт / М.А. Ласточкина // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 57-71. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.3

For citation: Lastochkina M.A. Barriers to Modernization and the Degree of Coherence of Its Main Components in a Macro-Region of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 57-71. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.3

ния выявлена положительная динамика роста интегрированного индекса модернизации и его сбалансированности, что несомненно является позитивным моментом. В силу разного уровня и разных возможностей развития регионам понадобится неодинаковое время для осуществления каждой стадии модернизации. По-видимому, целесообразно умеренно сбалансированное развитие всех территорий. Становление информационной экономики, основанной на знаниях и неоиндустриализации, обязывает к росту производительности в соответствующих отраслях, повышению доли занятых интеллектуальным трудом и, главное, к увеличению вклада знаний и инноваций в экономический рост. Для достижения высокой цели необходима научно обоснованная политика модернизации, своевременное формирование и корректирование стратегии ее реализации.

Ключевые слова: модернизация, уровень модернизации, культура, современность, региональное развитие, сбалансированность.

Взаимосвязь экономических, политических и культурных преобразований весьма тесная, что позволяет прогнозировать характер их воздействия на общественное развитие. Данное утверждение лежит в основе многих научных исследований, проводившихся сторонниками теории модернизации со времен М. Вебера и К. Маркса. Хотя на протяжении более двух столетий споры о его объективности продолжаются, оно довольно успешно применяется для выявления основных тенденций общественного развития и общих социальных прогнозов. Как известно, предсказать точные изменения в развитии конкретного социокультурного процесса или события невозможно.

Интерес и спорность озвученной К. Марксом идеи о логической взаимосвязи между социальными и экономическими преобразованиями сразу привлекли внимание многих ученых. Причем это было обусловлено не только данным К. Марксом разъяснением характера экономических, социальных и политических преобразований, но и появившейся возможностью в определенной степени прогнозировать социальные изменения. Однако построение прогноза — работа достаточно неблагодарная, и она зачастую может удовлетворить лишь самолюбие исследователя.

Причина неудачности, да и вообще невозможности, любой попытки дать точный и абсолютно однозначный прогноз в отношении развития индивида и общества кроется в многогранности природы человека, подверженности его поведения действию бесчисленного множества трудно учитываемых факторов, в том числе субъективных.

Невозможность предсказания точного пути социальных преобразований в силу изложенных выше причин не позволяет и нам претендовать на точные прогнозы. Однако нельзя отрицать взаимосвязанные преобразования определенных совокупностей культурных, политических и экономических факторов с учетом различной вероятности допустимых вариантов развития. Некоторые общественные процессы, набравшие значительный оборот, способны приводить в долгосрочной перспективе к серьезным по своему значению изменениям в жизни общества и государства. Например, в любом обществе такие явления, как урбанизация, рост профессиональной специализации, институционализация, порождаются развитием долгосрочного общественного процесса — индустриализации. Менее очевидные явления, очень обстоятельно влияющие на развитие ситуации в стране, например повышение уровня политической актив-

ности населения, массовость получения высшего образования и т.п., также имеют большое значение¹. В целом подобные пути развития общества, характеризующиеся появлением и совершенствованием целого комплекса элементов, называют модернизацией.

Знание информации об уровне политической активности населения не дает возможности спрогнозировать четкие решения и действия определенных политических лидеров или правительства, однако позволяет предположить, в каких странах в данный момент времени оно может иметь решающее значение для инициирования кардинальных перемен, а в каких — не предвидится резких скачков в развитии. Кроме того, имеется возможность диагностировать наиболее острые противоречия и проблемы государства или региона, которые могут стать движущей силой, дающей старт важным изменениям в политической жизни общества, причем достоверность такого прогноза окажется достаточно высокой.

Но не только о политических процессах можно вести речь. Широкий круг преобразований социокультурного характера тоже очень тесно связан с процессом модернизации. Например, наблюдающееся практическое стирание различий в социальных ролях мужчины и женщины в зрелом индустриальном обществе, повышение интереса населения к сбережениям и инвестициям формируется под воздействием определенных культурных ценностей, порождаемых на начальном этапе индустриализации.

Но надо отметить, что подспудно развивающиеся общественные преобразования имеют нелинейный характер. Любая

¹ Инглхарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / сост., ред. В.Л. Иноземцев — М.: Academia, 1999. — 631 с.

тенденция, достигнув в своем развитии определенного уровня, начинает идти на убыль или вытесняется другой, более актуальной. Именно это и произошло, когда в ходе модернизации зрелые индустриальные общества на определенном уровне своего развития совершили поворот в новом направлении — постиндустриализации. Если же рассматривать не только промышленное развитие, но и развитие всей совокупности сопутствующих социокультурных и политических факторов, то новое направление эволюции социума можно назвать неоиндустриализацией.

Возникающее современное мировоззрение постепенно и все более активно вытесняет взгляды на мир, преобладавшие во время промышленной революции. В этих новых взглядах отражается ожидание определенных перемен. Новое мировоззрение формируется под желания людей изменить характер базовых норм трудовой, политической, религиозной, семейной и общественной жизни. Процесс хозяйственного развития привел к тому, что модернизационные преобразования на определенном этапе способствовали смене приоритетов, и возникла постмодернизация — движение в новом направлении, имеющее новейшее содержание, особенности, комплекс убеждений и ценностей. Постмодернизация (непродуктивный, устаревший термин), тесно связанная с процессами в промышленном и хозяйственном укладе общества, является более поздней стадией развития общества. Объединенный с ней комплекс убеждений и верований, изначально возникший как результат постепенных экономических и социальных преобразований, достигает «критической массы», включается и начинает формировать новые социально-экономические условия; при этом и сам он начинает подвергаться их воздействию.

В соответствии с сущностью модернизации социально-политические преобразования повсюду, сообща и связано приводят к индустриализации. Говоря о модели современного, или индустриального, общества, необходимо отметить, что его модель не является единой и универсальной, общей для любого государства. Есть все основания утверждать, что широкие социальные, культурные и политические преобразования порождаются экономическим развитием и связаны не только с индустриализацией, но и целым комплексом перемен, охватывающих урбанизацию, профессиональную специализацию, массовое образование, развитие средств массовых коммуникаций, бюрократических и демократических институтов общества².

Большой интерес к теории модернизации, отмечаемый в последнее время, возник на основании тех перспектив, которые она открыла в области социокультурного прогнозирования. Данная теория утверждает, что общество, вставшее на путь индустриализации, придет со всей вероятностью к определенным переменам и преобразованиям во всех сферах общественной жизни, в том числе культурного и политического характера, проявятся такие закономерные эффекты, как усиление роли правительства, увеличение продолжительности жизни, снижение рождаемости, возрастание политической активности людей, становление гражданского общества. Критики данной концепции осуждали ее за то, что она утверждала неизбежность повсеместного установления либеральной демократии как необходимого результата экономического развития, заявляя, что данный

² Инглхарт Р. Модернизация и постмодернизация // Западная социология: современные парадигмы : антология / сост., авт. библиогр. очерков: Г.Н. Соколова, Л.Г. Титаренко. — Минск : Беларуская навука, 2015. — С. 432-449.

тезис достаточно наивен и этноцентричен. Немало ученых, участвующих в развитии теории модернизации, на протяжении полутора столетий сходились во мнении о существовании связи между экономическими и технологическими трансформациями, с одной стороны, и социокультурными и политическими трансформациями общественного устройства — с другой. И все это время не прекращались споры о сути и характере конкретных причинно-следственных связей, о том, что первично: экономические преобразования влияют на изменения в культуре и политике или, наоборот, общественные запросы и потребности формируют экономическую модель отношений, способную их удовлетворить.

Позиция марксистов основывалась на утверждении, что технический уровень развития общества предопределяет его экономическую модель, которая в свою очередь формирует надстройку общества и определяет его культурные и политико-правовые характеристики³. Российские последователи Маркса сместили акцент и уделяли большее внимание роли идеологии и культуры в возникновении и разрешении революционной ситуации, в отличие от экономического детерминизма, предполагающего самопроизвольное появление революционного скачка в общественном устройстве⁴. В противоположность Марксу влияние культуры подчеркивалось Вебером и его последователями, видевшими несправедливость в оценке культуры как вторичного явления, несводимости ее до уровня производного от экономической системы. Вебер доказывал важность культуры как самостоятельного фактора, способного

³ Маркс К. К критике политической экономии (предисловие) // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: в 3 т. — М., 1979. — Т. 1.

⁴ Федотова В.Г. Модернизация и культура. — М. : Прогресс-Традиция, 2015.

формировать экономическое поведение людей и отражать существующую экономическую модель общества. Таким образом постулировалось, что формирование определенной системы людских убеждений и верований способно влиять на политическое и экономическое развитие общества, в свою очередь общественные взгляды сами начинают подвергаться воздействию экономики. Взаимосвязь культурного разнообразия и экономического роста подробно рассмотрена в трудах М. Берлиана и М. Фужиты⁵, которые эмпирически пришли к выводу о прямой взаимосвязи гетерогенности работников культуры и производительности создания нового знания⁶. Единомыслие религиозных взглядов населения способствует активизации торговых отношений (М. Хелб)⁷, изобретению новых технологий и инноваций (Дж. Бредфорд ДеЛонг)⁸, оказывая благотворное влияние на экономику (Р. Барро, Р. МакКлири)⁹.

Приводит ли модернизация к обязательному становлению демократии — этот вопрос остается открытым. Возьмем, к примеру, Советский Союз со времен Великой Отечественной войны. Распад коммунистической системы в 1990-е годы только подтвердил данную тенденцию. Предпринятые в 2000-е годы демократическими

странами отчаянные попытки «экспорта демократии» силовыми методами — военными вторжениями, «цветными революциями» и экономическими санкциями — разрушили многие авторитарные режимы, но привели не к торжеству демократии, а к деиндустриализации и деградации государств, на обломках которых выросли варварские экстремистские и террористические режимы, гораздо более опасные и совершенно далекие от демократизации и модернизации.

Большинство социологов и экономистов сегодня уже скептически воспринимают концепцию, утверждавшую, что экономическое развитие стимулирует демократизацию, а индустриализация показала свою способность приводить как к демократии, так и к диктатуре.

Не споря со сторонниками теории модернизации в отношении основного тезиса, касающегося существования логической и в определенной степени предсказуемой связи между политическими изменениями, социокультурными преобразованиями и экономическим развитием общества, мы хотим обратить внимание на возможности анализа и построения моделей наиболее вероятных путей развития общества (из множества допустимых и возможных). Так, Н.И. Лапин отмечает, что сейчас, в эпоху распространения телекоммуникаций и увеличения мобильности населения, многие люди сравнивают условия жизни в своей стране с жизнью в других странах, делая определенные выводы они реагируют соответствующим образом (адаптируются или протестуют)¹⁰. Кроме того, постоянно обостряется конкуренция между странами и народами за ресурсы и

⁵ Berliant M., Fujita M. Culture and Diversity in Knowledge Creation, RIETI Discussion Paper Series 11-E-046/2011/[Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/11e046.pdf>.

⁶ Лимонов Л.Э., Несена М.В. Культурное разнообразие российских регионов и экономический рост // Общественные науки и современность. — 2016. — № 1. — С. 63-79.

⁷ Helble M. Is god good for trade? // *Kyklos*. — 2007. — Vol. 660. — P. 385-413.

⁸ Bradford DeLong J. Productivity growth, convergence, and welfare: comment // *American Economic Review*. — 1988. — Vol. 78. — P. 1138-1154.

⁹ Barro R., McCleary R. Religion and Economic Growth. National Bureau of Economic Research // Working Paper. — 2003. — № 9682 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nber.org/papers/w9682.pdf>.

¹⁰ Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. — 2011. — № 9. — С. 3-18.

лучшие условия жизнедеятельности. Поэтому крайне важно учитывать их природу и динамику, иначе есть риск возникновения социальных бедствий. Политическая элита обязана не только видеть в модернизации техническое и экономическое развитие, но и инициировать ее социокультурное содержание. Становится необходимым четко учитывать слабые и сильные стороны развития территории и незамедлительно и корректно реагировать на возникающие угрозы.

Интегрированный индекс модернизации и сбалансированность его составляющих

Оценка модернизационного развития регионов России проведена по методике Хэ Чуаньци¹¹ и Н.И. Лапина¹², с помощью информационно-аналитической системы «Модернизация» (<http://mod.vscs.ac.ru/>)¹³. Из трех предложенных индексов проанализируем интегрированный индекс модернизации, который представляет собой относительную разницу между уровнем модернизации в разных странах (регионах) и высоким мировым уровнем¹⁴, так как каждая страна имела и имеет свой путь экономического развития и модель модернизационных преобразований в период индустриализации (первичная модернизация) и в период неоиндустри-

лизации (вторичная модернизация)¹⁵. В свою очередь, координированное развитие этих этапов включает интегрированную модернизацию, основой которой являются и экономическое развитие, и качество жизни, и экология.

Оценив интегрированный индекс модернизации (ИИМ), отметим, что к 2005 г. все субъекты СЗФО с низким уровнем модернизированности повысили свой уровень и переместились в группу с уровнем ниже среднего (табл. 1). Средний уровень ИИМ стал иметь Санкт-Петербург. По прошествии еще 7 лет индексы в регионах возросли, но не значительно, поэтому в 2012 г. картина осталась практически неизменной: в группу среднего уровня переместились лишь две территории – Ненецкий АО и Мурманская область, а Санкт-Петербург стал соответствовать высокому уровню развития.

Ключевой характеристикой модернизационных преобразований в РФ служит неравномерность развития территорий. Причинами существующего неравенства являются как сформировавшиеся диспропорции в экономическом и социальном развитии, монопрофильная структура экономики, низкая инновационная активность, так и неэффективность управления на всех уровнях власти, преимущественно спонтанный характер процессов модернизации. Значимое влияние в рассматриваемый период оказал и финансово-экономический кризис (2008 г.) и его последствия, которые вызвали стагнацию и даже регрессию модернизационного развития.

¹⁵ Ласточкина М.А. Территориальные особенности модернизации России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2013. – № 2 (34). – С. 29-41.; Ласточкина М.А. Развитие методологии и инструментария оценки модернизированности регионов России // Проблемы развития территории. – 2015. – № 4 (78). – С. 69-79.

¹¹ He Chuanqi. Modernization Science: The Principles and Methods of National Advancement. – Beijing: Science Press, 2010.; Martinelli A., He Chuanqi. World Modernization Report. – Beijing: Science Press, 2014.; Zongsheng Z., Shuyao W., He Chuanqi. Comparison of Quality of Life in 120 Countries in the World [J] // Theory and Modernization. – 2006. – № 4. – P. 15-20.

¹² Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. – 2012. – № 9. – С. 4-24.

¹³ Lastochkina M. Development of the tools to assess the level of modernization of Russia's regions // IJAS. – 2015. – Vol. 5. – № 3. – P. 85-89.

¹⁴ Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.

Таблица 1. Динамика структуры модернизированности регионов СЗФО
(число регионов по уровню интегрированного индекса модернизации – *IMI*)

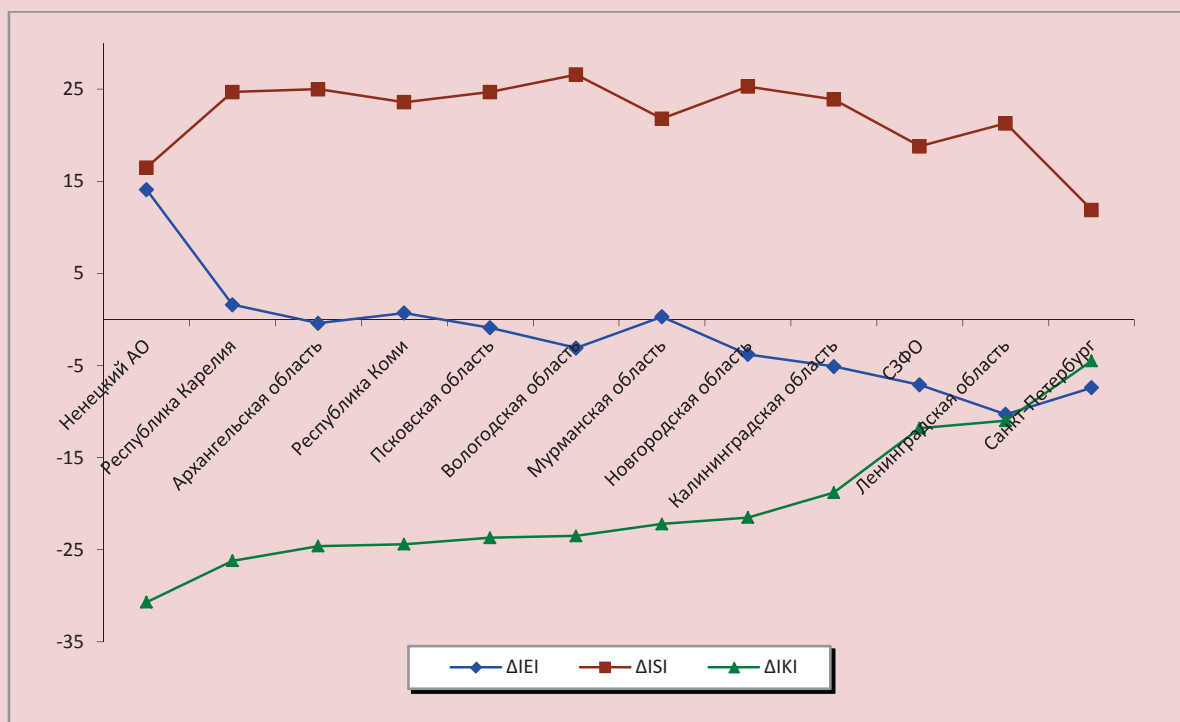
Год	Низкий ($32,5 \leq IMI < 47,5$)	Ниже среднего ($47,5 \leq IMI < 63,5$)	Средний ($63,5 \leq IMI < 77,5$)	Выше среднего ($77,5 \leq IMI < 87,5$)	Высокий ($87,5 \leq IMI$)
2000	Республика Карелия, Архангельская, Вологодская, Ленинградская, Новгородская, Псковская области (6)	г. Санкт-Петербург, Ненецкий АО, Республика Коми, Калининградская, Мурманская области (5)			
2005		Ненецкий АО, Республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области (10)	г. Санкт-Петербург (1)		
2008		Ненецкий АО, Республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Псковская области (9)	г. Санкт-Петербург, Мурманская область (2)		
2009		Ненецкий АО, Республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Псковская области (9)	Мурманская область (1)	г. Санкт-Петербург (1)	
2010		Ненецкий АО, Республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Псковская области (9)	Мурманская область (1)	г. Санкт-Петербург (1)	
2011		Республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Псковская области (9)	Мурманская область (1)	г. Санкт-Петербург (1)	
2012		Республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Псковская области (8)	Ненецкий АО, Мурманская область (2)	г. Санкт-Петербург (1)	
Примечание. В скобках указано число регионов в группе. Источник: составлено по ИС «Модернизация». – Режим доступа: http://mod.vscs.ac.ru/ .					

Проанализируем более обстоятельно составные элементы интегрированного индекса модернизации, расчет которого основан на трех интегрированных субиндексах: экономическом (*IEI*), социальном (*ISI*), когнитивном (*IKI*). Постараемся определить факторы, тормозящие и стимулирующие динамику модернизации, прежде всего вторичной стадии.

Рисунок 1 показывает существенные различия значений индекса вторичной модернизации. В 2000 г. интегрированный социальный субиндекс модернизации (*ISI*) значительно превышал ИИМ, так что большинство регионов СЗФО имели разницу (Δ) 15–25 п.п. Опережение социального субиндекса свидетельствует о том, что социальные факторы формируют социальные вызовы модернизации в регионах.

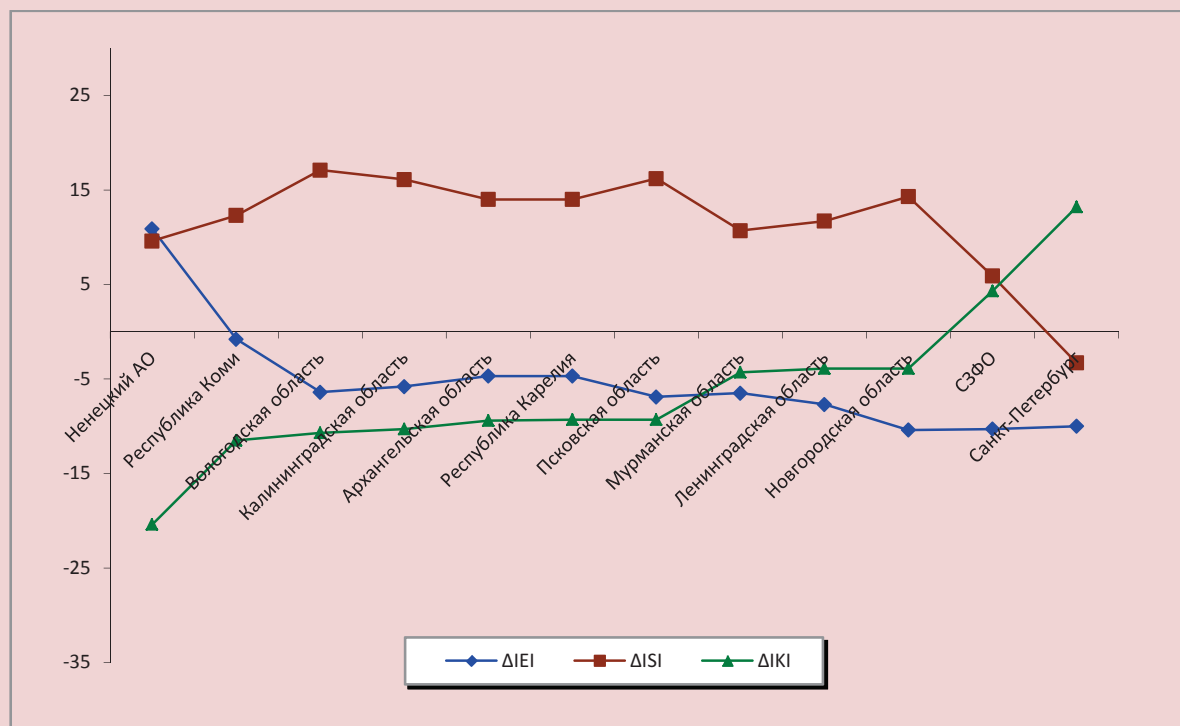
Дистанция между ИИМ и интегрированным экономическим индексом модернизации (*IEI*) составляет не более 15 п.п., в восьми регионах разница отрицательная, так что данный субиндекс является фактором, который тормозит модернизацию. Третий субиндекс – интегрированный когнитивный индекс модернизации (*IKI*) – у всех без исключения субъектов являлся фактором, тормозящим развитие (разница с ИИМ составляет от 43 до 30%). Участвующие в его расчете показатели, такие как доля затрат на НИОКР в ВРП и число жителей, подавших патентные заявки (на 1 млн. человек), значительно ниже мирового стандарта (в среднем по России равнялись 10 и 1%, соответственно). Повышение их уровня служит важным шагом на пути к модернизации.

Рисунок 1. Разница (Δ) между субиндексами ИИМ (*ISI*, *IEI*, *IKI*) и индексом ИИМ регионов СЗФО в 2000 г., п.п.

Источник: составлено по ИС «Модернизация». – Режим доступа: <http://mod.vscs.ac.ru/>.

Рисунок 2. Разница (Δ) между субиндексами ИИМ (ISI, IEI, IKI) и индексом ИИМ регионов СЗФО в 2012 г., п.п.

Источник: составлено по ИС «Модернизация». – Режим доступа: <http://mod.vscs.ac.ru/>.

К 2012 году по сравнению с 2000 г. ситуация изменилась следующим образом: в целом сократился разрыв между ИИМ и всеми субиндексами (величина разброса от -20 до 17 п.п.). Санкт-Петербург, где интегрированный когнитивный индекс модернизации стал превышать ИИМ, является «локомотивом» модернизации (рис. 2).

Распределение регионов на несколько групп в зависимости от степени отдаленности субиндекса от интегрированного индекса модернизации поможет описать тенденции изменения составляющих ИИМ. Разницу (Δ) между показателями разделим на интервалы следующим образом:

- заторможено отстающее развитие при $\Delta \leq -15$;

- умеренно отстающее развитие при $-15 < \Delta \leq 0$;

- умеренно опережающее развитие при $0 < \Delta < 15$;

- ускоренно опережающее развитие при $\Delta \geq 15$.

Так, в 2000 году все субъекты СЗФО относились к кластеру с ускоренно опережающим развитием интегрированного социального индекса. Большая часть из них (7 регионов – 64%; табл. 2) соответствовала умеренно отстающему развитию интегрированного экономического индекса модернизации. Наиболее сбалансированное развитие на тот момент имели Санкт-Петербург и прилегающая к нему Ленинградская область – два субиндекса (IKI, IEI) обладали тенденцией умеренного развития.

Таблица 2. Кластеризация регионов СЗФО по интегрированному индексу разбалансированности модернизации (2000 и 2012 гг.)

Уровень разбалансированности	Заторможенно отстающее развитие <i>IKI</i> ($\Delta \leq -15$)		Умеренно отстающее развитие <i>IKI</i> ($-15 < \Delta \leq 0$)		Умеренно опережающее развитие <i>IKI</i> ($0 < \Delta < 15$)	
	2000 г.	2012 г.	2000 г.	2012 г.	2000 г.	2012 г.
Ускоренно опережающее развитие <i>ISI</i> ($\Delta \geq 15$) и умеренно отстающее <i>IEI</i> ($-15 < \Delta < 0$)	Архангельская, Псковская, Вологодская, Новгородская, Калининградская области (5)		Ленинградская область, г. Санкт-Петербург (2)	Вологодская, Калининградская, Псковская области (3)		г. Санкт-Петербург (умеренно отстающее развитие <i>ISI</i>) (1)
Ускоренно опережающее развитие <i>ISI</i> ($\Delta \geq 15$) и умеренно опережающее развитие <i>IEI</i> ($0 < \Delta < 15$)	Ненецкий АО, Республики Карелия и Коми, Мурманская область (4)					
Умеренно опережающее развитие <i>ISI</i> ($0 < \Delta < 15$) и умеренно отстающее <i>IEI</i> ($-15 < \Delta < 0$)				Республики Коми и Карелия, Архангельская, Мурманская, Ленинградская, Новгородская области (6)		
Умеренно опережающее развитие 2-х субиндексов: <i>ISI</i> и <i>IEI</i> ($0 < \Delta < 15$)		Ненецкий АО (1)				

Примечание. В скобках указано число регионов в группе.
 Источник: составлено по ИС «Модернизация». – Режим доступа: <http://mod.vscs.ac.ru/>.

В 2012 г. отмечен рост сбалансированности по субиндексам ИИМ: половина регионов (6 регионов – 55%) стала располагаться в кластере с умеренным развитием всех субиндексов (см. нижнюю правую четверть таблицы 2). Когнитивный индекс модернизации стал соответствовать умеренному развитию (исключением является Ненецкий АО). Следовательно, можно говорить о росте сбалансированности процессов интегрированной модернизации в субъектах СЗФО, а также о повышении сбалансированности процессов модернизации за 12 лет.

Представим сбалансированность составляющих ИИМ с помощью сбаланси-

рованного индекса интегрированной модернизации (ИИМ)¹⁶ в виде такой модели:

$$IMI = \frac{100}{\Delta IEI^2 + \Delta ISI^2 + \Delta IKI^2},$$

где $\Delta IEI = IEI - IMI$ – разница между интегрированным экономическим индексом модернизации и ИИМ (*IMI*),

$\Delta ISI = ISI - IMI$ – разница между интегрированным социальным индексом модернизации и индексом ИИМ,

$\Delta IKI = IKI - IMI$ – разница между интегрированным знаниевым индексом модернизации и ИИМ.

¹⁶ Лапин Н.И. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост., общ. ред. : Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2013. – 416 с.

Таблица 3. Динамика структуры сбалансированности интегрированного индекса модернизации

Год	Низкий ($IID < 0,18$)	Ниже среднего ($0,18 \leq IID < 0,31$)	Средний ($0,31 \leq IID < 0,44$)	Выше среднего ($0,44 \leq IID < 0,57$)	Высокий ($0,57 \leq IID$)
2000	Ненецкий АО, Республики Карелия, Коми; Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области (10)			г. Санкт-Петербург (1)	
2005	Ненецкий АО, Республики Карелия, Коми; Архангельская, Вологодская, Калининградская, Новгородская, Псковская области (8)	Ленинградская, Мурманская (2)			г. Санкт-Петербург (1)
2008	Республика Карелия, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Псковская области (5)	Ненецкий АО, Республика Коми, Ленинградская, Новгородская области (4)	Мурманская область (1)		г. Санкт-Петербург (1)
2009	Республика Карелия, Архангельская, Вологодская, Новгородская, Псковская области (5)	Ненецкий АО, Республика Коми, Калининградская, Ленинградская, Мурманская области (5)		г. Санкт-Петербург (1)	
2010	Вологодская, Псковская области (2)	Республики Карелия, Коми; Архангельская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская области (6)	Мурманская область, г. Санкт-Петербург, Ненецкий АО (3)		
2011	Ненецкий АО (1)	г. Санкт-Петербург, Республика Карелия, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Новгородская, Псковская области (7)	Республика Коми, Ленинградская область (2)	Мурманская область (1)	
2012	Ненецкий АО (1)	Вологодская, Калининградская, Новгородская, Псковская области (4)	Республики Карелия, Коми; Архангельская область, г. Санкт-Петербург (4)	Ленинградская область (1)	Мурманская область (1)

Примечание. В скобках указано число регионов в группе.
 Источник: составлено по ИС «Модернизация». – Режим доступа: <http://mod.vscs.ac.ru/>.

Таблица 3 показывает динамику сбалансированности интегрированного индекса модернизации. Судя по распределению территорий в таблице, в 2009 г. сбалансированность в регионах СЗФО снизилась. С 2010 года сбалансированность индекса

вновь начала расти, так что в 2012 г. низкий ее уровень имел только Ненецкий автономный округ. Высокий уровень сбалансированности отмечен в Мурманской области, выше среднего – в Ленинградской области.

Исследование модели количественной оценки (индекса) интегрированной модернизации как относительного разрыва между уровнем модернизации в различных территориях и высоким мировым стандартом показало неравномерность развития в субъектах СЗФО. Поскольку Россия – огромная страна, разделенная на множество регионов, имеющих разные возможности и уровни развития, то соответственно им понадобится разное время для разных стадий и фаз модернизации. По-видимому, целесообразно движение по умеренно сбалансированному варианту развития. Становление информационной экономики, основанной на знаниях и неоиндустриализации, обязывает к росту производительности в отраслях, основанных на знаниях, повышению доли занятых в интеллектуальном труде и, самое главное, к увеличению вклада знаний и инноваций в экономический рост.

Чтобы эффективно решать модернизационные задачи, необходима национальная консолидация: только сплоченный народ способен стать хозяином своей судьбы¹⁷ и достичь высоких целей развития. Экономический рост, повышение уровня и качества жизни неотделимы друг от друга и взаимосвязаны, а двигателями модернизации являются также социальное равенство и справедливость. Предполагается и синтез европейских и собственных традиций населения России. Важно не только анализировать степень модернизированности в развитых странах и сравнивать ее с российской, но и постоянно исследовать региональную модернизацию. Для достижения высокой цели необходима научно обоснованная политика модернизации, своевременное формирование и корректирование стратегии ее реализации.

Литература

1. Инглхарт, Р. Модернизация и постмодернизация / Р. Инглхарт // Западная социология: современные парадигмы : антология / сост., авт. библиогр. очерков: Г.Н. Соколова, Л.Г. Титаренко. – Минск : Беларуская навука, 2015. – С. 432-449.
2. Инглхарт, Р. Модернизация и постмодернизация / Р. Инглхарт // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 631 с.
3. Лапин, Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2012. – № 9. – С. 4-24.
4. Лапин, Н.И. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Н.И. Лапин; сост., общ. ред. : Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; ИФ РАН. – М., Academia, 2013. – 416 с.
5. Лапин, Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2011. – № 9. – С. 3-18.
6. Ласточкина, М.А. Развитие методологии и инструментария оценки модернизированности регионов России / М.А. Ласточкина // Проблемы развития территории. – 2015. – № 4 (78). – С. 69-79.
7. Ласточкина, М.А. Территориальные особенности модернизации России / М.А. Ласточкина // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2013. – № 2 (34). – С. 29-41.
8. Лимонов, Л.Э. Культурное разнообразие российских регионов и экономический рост / Л.Э. Лимонов, М.В. Несена // Общественные науки и современность. – 2016. – № 1. – С. 63-79.
9. Маркс, К. К критике политической экономии (предисловие) / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 3 т. – М., 1979. – Т. 1.

¹⁷ Шемякин Я.Г. Феномен модернизации: цивилизационное измерение. Статья 2. Ценности модернизации на Западе и в «незападном» мире: особенности восприятия и динамика эволюции идентификационных стратегий // Общественные науки и современность. – 2016. – № 1. – С. 117-128.

10. Федотова, В.Г. Модернизация и культура / В.Г. Федотова. — М. : Прогресс-Традиция, 2015.
11. Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Хэ Чуаньци: пер. с англ.; под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. — М.: Весь Мир, 2011. — 256 с.
12. Barro, R. Religion and Economic Growth. National Bureau of Economic Research / R. Barro, R. McCleary // Working Paper. — 2003. — № 9682 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nber.org/papers/w9682.pdf>.
13. Berliant, M. Culture and Diversity in Knowledge Creation, RIETI: Discussion Paper Series II-E-046 / M. Berliant, M. Fujita. — 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rieti.go.jp/publications/dp/11e046.pdf>.
14. Bradford DeLong, J. Productivity growth, convergence, and welfare: comment / J. Bradford DeLong // American Economic Review, 1988. — Vol. 78. — P. 1138-1154.
15. He Chuanqi. Modernization Science: The Principles and Methods of National Advancement / He Chuanqi. — Beijing: Science Press, 2010.
16. Helble, M. Is god good for trade? / M. Helble // Kyklos. — 2007. — Vol. 660. — P. 385-413.
17. Lastochkina, M. Development of the tools to assess the level of modernization of Russia's regions / M. Lastochkina // IJAS. — 2015. — Vol. 5. — № 3. — P. 85-89.
18. Martinelli, A. World Modernization Report / A. Martinelli, He Chuanqi. — Beijing: Science Press, 2014.
19. Zongsheng, Z. Comparison of Quality of Life in 120 Countries in the World [J] / Z. Zongsheng, W. Shuyao, He Chuanqi // Theory and Modernization. — 2006. — № 4. — P. 15-20.

Сведения об авторе

Мария Александровна Ласточкина — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, mashkop@mail.ru)

M.A. Lastochkina

Barriers to Modernization and the Degree of Coherence of Its Main Components in a Macro-Region of the Russian Federation

Abstract. The author considers the issue regarding modernization change in the set of economic, social and cultural transformations. The paper looks into the essence of modernization, its importance to man and society, and the problems of its implementation in Russia and regions. In the framework of various modernization doctrines quite a few theoretical-methodological concepts were designed to explain possible aspects of social development. The purpose of this study is to assess the degree of coherence among the economic, social, and cognitive components of the modernization process in the macro-region of the Russian Federation. The study has the following tasks: to review the data on evolutionary processes of modernization, obtained by the author in the framework of the program “Problems of sociocultural evolution of Russia and its regions” (supervisor — RAS Corresponding Member N.I. Lapin); to consider methods for measuring modernization and analyzing its components; to assess the consistency of these components in regions of the Northwestern Federal District (NWF) in 2000–2012. A study of quantitative estimation of integrated modernization as the relative gap between the level of modernization in different areas and the high global standard has shown the unevenness of its development in constituent entities of the Russian Federation. The study has revealed positive dynamics of growth of the integrated index of modernization and its balance, which is undoubtedly a positive aspect. Due to a different level and different opportunities

for development, regions will need different time to implement each stage of modernization. Apparently, it is expedient to carry out a moderately balanced development of all territories. The emergence of the information economy, based on knowledge and new industrialization makes it necessary to promote productivity growth in respective industries, to increase the proportion of people engaged in intellectual work and, most importantly, to increase the contribution of knowledge and innovation in economic growth. To fulfill this challenging task, it is necessary to pursue a science-based modernization policy, to form and adjust the strategy for its implementation timely.

Key words: modernization, modernization level, culture, modernity, regional development, balance.

References

1. Inglehart R. Modernizatsiya i postmodernizatsiya [Modernization and postmodernization]. *Zapadnaya sotsiologiya: sovremennye paradigmy: antologiya* [Western sociology: current paradigms: anthology]. Compiled by G.N. Sokolova, L.G. Titarenko. Minsk: Belaruskaya navuka, 2015. Pp. 432-449. (In Russian).
2. Inglehart R. Modernizatsiya i postmodernizatsiya [Modernization and postmodernization]. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade: antologiya* [A new postindustrial wave in the West: anthology]. Ed. by V.L. Inozemtsev. Moscow: Academia, 1999. 631 p. (In Russian).
3. Lapin N.I. Izmerenie modernizatsii rossiiskikh regionov i sotsiokul'turnye faktory ee strategii [Measurement of modernization of Russian regions and the socio-cultural factors in its strategy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2012, no. 9, pp. 4-24. (In Russian).
4. Lapin N.I. *Problemy sotsiokul'turnoi modernizatsii regionov Rossii* [Issues of socio-cultural modernization of Russian regions]. Compiled and edited by N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. Moscow: Academia, 2013. 416 p. (In Russian).
5. Lapin N.I. Sotsiokul'turnye faktory rossiiskoi stagnatsii i modernizatsii [Socio-cultural factors in Russian stagnation and modernization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2011, no. 9, pp. 3-18. (In Russian).
6. Lastochkina M.A. Razvitie metodologii i instrumentariya otsenki modernizirovannosti regionov Rossii [Development of methodology and tools for assessing the degree of modernization in Russia's regions]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2015, no. 4 (78), pp. 69-79. (In Russian).
7. Lastochkina M.A. Territorial'nye osobennosti modernizatsii Rossii [Territorial peculiarities of Russian modernization]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Regional economy and management: electronic scientific journal], 2013, no. 2 (34), pp. 29-41. (In Russian).
8. Limonov L.E., Nesena M.V. Kul'turnoe raznoobrazie rossiiskikh regionov i ekonomicheskii rost [Cultural diversity of Russian regions and economic growth]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2016, no. 1, pp. 63-79. (In Russian).
9. Marx K. K kritike politicheskoi ekonomii (predislovie) [To the criticism of political economies (foreword)]. In: Marx K., Engels F. *Soch.: v 3 t.* [Writings: in three volumes]. Moscow, 1979. Vol. 1. (In Russian).
10. Fedotova V.G. *Modernizatsiya i kul'tura* [Modernization and culture]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2015. (In Russian).
11. He Chuanqi. *Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010)* [China modernization report outlook (2001–2010)]. Translated from English; under the general supervision of N.I. Lapin; foreword by N.I. Lapin, G.A. Tosunyan. Moscow: Ves' Mir, 2011. 256 p. (In Russian).
12. Barro R., McCleary R. *Religion and Economic Growth. National Bureau of Economic Research Working Paper*, 2003, no. 9682. Available at: <http://www.nber.org/papers/w9682.pdf>.
13. Berliant M., Fujita M. *Culture and Diversity in Knowledge Creation, RIETI: Discussion Paper Series II-E-046*. 2011. Available at: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/11e046.pdf>.
14. Bradford DeLong J. Productivity growth, convergence, and welfare: comment. *American Economic Review*, 1988, vol. 78, pp. 1138-1154.

15. He Chuanqi. *Modernization Science: The Principles and Methods of National Advancement*. Beijing: Science Press, 2010.
16. Helble M. Is God good for trade? *Kyklos*, 2007, vol. 660, pp. 385-413.
17. Lastochkina M. Development of the tools to assess the level of modernization of Russia's regions. *IJAS*, 2015, vol. 5, no. 3, pp. 85-89.
18. Martinelli A. Chuanqi H. *World Modernization Report*. Beijing: Science Press, 2014.
19. Zongsheng Z. Shuyao W., Chuanqi H. Comparison of Quality of Life in 120 Countries in the World. *Theory and Modernization*, 2006, no. 4, pp. 15-20.

Information about the Author

Mariya Aleksandrovna Lastochkina – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, mashkop@mail.ru)

Статья поступила 3.06.2016

Конкуренция регионов за доверие: особенности становления*

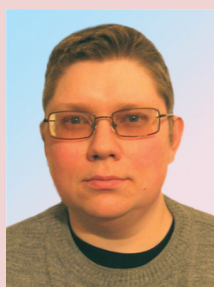
**Ирина Святославовна
ВАЖЕНИНА**

Институт экономики УрО РАН
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29
isvazhenina@mail.ru

**Сергей Григорьевич
ВАЖЕНИН**

Институт экономики УрО РАН
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29
svazhenin@mail.ru

**Василий Валентинович
СУХИХ**

Институт экономики УрО РАН
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29
vsh-sh@yandex.ru

* Данное исследование выполняется при поддержке гранта РГНФ (проект № 16-02-00016) «Сущность, особенности и последствия конкуренции за доверие».

Для цитирования: Важенина, И.С. Конкуренция регионов за доверие: особенности становления / И.С. Важенина, С.Г. Важенин, В.В. Сухих // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 4. — С. 72-87. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.4

For citation: Vazhenina I.S., Vazhenin S.G., Sukhikh V.V. Regional competition for confidence: features of formation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 72-87. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.4

Аннотация. Возрастание экономической самостоятельности регионов неизбежно приводит к повышению требований к качеству региональной экономической политики. Залогом успешной региональной политики как в ходе ее разработки, так и реализации выступает понимание необходимости завоевания доверия (на всех уровнях) и неизбежность участия в конкуренции за доверие. Значимость доверия для региона определяется его ценностью как конкурентного преимущества в борьбе за партнеров, ресурсы и туристов, привлечение инвестиций. В современных условиях четко выражена нацеленность правительств, регионов, компаний на долговременное сотрудничество, невозможное без высокого уровня доверия между партнерами. Поэтому важнейшими конкурентными преимуществами территорий становятся такие их нематериальные активы, как привлекательный имидж и позитивная репутация, которые создают доверие населения и партнеров. Чем выше доверие к региону – тем шире круг потенциальных партнеров, тем глубже горизонт планирования многолетних совместных действий, больше шансов на получение инвестиций, выше конкурентный иммунитет территорий. В статье дается определение конкуренции за доверие: это целенаправленное поведение субъекта рынка в экономическом пространстве, ориентированное на получение специфического нематериального конкурентного преимущества – доверия к себе со стороны как можно большего числа других акторов рынка. Выделены также специфические особенности доверия как конкурентной цели; указаны факторы, способствующие разрушению доверия; предложена стратегия борьбы за доверие как программа четырех шагов; рассмотрено, из каких факторов складывается доверие в регионе; предложено несколько рекомендаций по становлению результативной конкурентной борьбы регионов за доверие.

Ключевые слова: конкуренция, регион, доверие, сотрудничество, имидж, репутация, бренд.

Глобализация мировой экономики, усиление и расширение конкуренции, углубляющиеся экономические кризисы привели к актуализации необходимости достижения большей самостоятельности регионов в экономическом пространстве. Общемировыми трендами стали деятельное участие регионов в международном сотрудничестве, их конкуренция друг с другом и активное позиционирование себя в мировой экономике. К примеру, в XXI веке возрастающее значение самостоятельности регионов демонстрирует экономическая политика КНР, где правительство в рамках стимулирования конкуренции между провинциями предоставляет им ощутимую самостоятельность в экономических вопросах, вплоть до налаживания международного сотрудничества.

В поисках путей выхода России из современного экономического кризиса представляется необходимым активизировать реализацию политики повышения экономической самостоятельности регионов. На это указывал в одном из своих последних выступлений Е.М. Примаков, призывая повысить статус регионов и муниципалитетов, дать им больше полномочий [1, с. 10]. В перспективе российские регионы, чтобы стать конкурентоспособными на мировом уровне, должны научиться грамотно позиционировать себя в российской экономике и в глобальном экономическом пространстве, активно сотрудничать между собой, а также с крупными российскими компаниями и с зарубежными партнерами. Подобные качества не приобретаются быстро и предполагают соответствующую

подготовку руководства регионов. Залогом успешной региональной политики как в ходе ее разработки, так и реализации выступает понимание необходимости завоевания доверия (на всех уровнях) и неизбежность участия в конкуренции за доверие.

Значимость доверия во многом определяется изменением условий деятельности в современном экономическом пространстве, которые предполагают более высокие требования к регионам со стороны инвесторов, бизнеса, населения, потенциальных партнеров и т.д. В условиях глобализации экономический кризис неминуемо вызывает усиление территориальной конкуренции за инвестиции, партнеров, туристов, квалифицированную рабочую силу на международных рынках. Это заставляет регионы поддерживать уже имеющиеся конкурентные преимущества и искать новые [2, с. 67-85]. Как справедливо отмечает М. Портер, наличие рабочей силы, капитала или сырья не определяет успех компании, поскольку указанные ресурсы стали широкодоступными [3, с. 23]. Это же правило применимо и к регионам. Рабочая сила и капитал стали весьма мобильными, мигрируя в наиболее благоприятные для них территории, а развитие путей сообщения сделало перемещения сырья и продукции относительно недорогими.

В современных условиях четко выражена нацеленность правительств, регионов, компаний на долговременное сотрудничество, невозможное без высокого уровня доверия между партнерами. Поэтому важнейшими конкурентными преимуществами территорий становятся такие их нематериальные активы, как имидж и репутация (включая качество работы органов власти и низкий уровень коррупции, условия ведения бизнеса, социальную ориентированность и т.д.). То есть привлекательный

имидж и позитивная репутация региона рождают доверие населения и партнеров [4, с. 4-10].

Конкуренция регионов за доверие, за имидж и репутацию — это примеры экстраыночной, или внерыночной, конкуренции [5, с. 237]. Однако факт, что это соперничество происходит за пределами рынка, не делает его менее реальным, и игнорирование подобной конкуренции может негативно сказаться на регионе. Зато понимание важности доверия и необходимости его завоевания позволяет регионам и городам подготовиться к новым экономическим реалиям.

Для понимания особенностей становления конкуренции за доверие необходимо раскрыть его сущность. *С нашей точки зрения доверие — это неотъемлемая составляющая экономических отношений, характеризующая ожидания их участников по поводу соблюдения ими установленных правил взаимодействия и принятых на себя обязательств.* Доверие, как подчеркивают многие ученые [6, с. 246; 7, с. 20-21; 8, с. 188; 9, с. 83], стимулирует экономическое взаимодействие, обеспечивает стремление к сотрудничеству и выполнению принятых на себя обязательств, способствует преодолению оппортунизма и появлению «жизнерадостности» (по словам Дж. М. Кейнса), стимулирующей людей к экономической деятельности.

Выгодность доверия давно учитывается в деятельности компаний, когда они конкурируют уже не столько своими продуктами и своими знаниями, сколько своей репутацией, построенной на доверии к их способности выполнять свои обязательства и учитывать интересы клиентов [10, с. 118-119]. В ряде случаев до 90% стоимости компании составляют оценки ее торговых марок, которые выступают воплощением

репутации продукции и доверия к самой фирме. Фактически ценность компании определяется ее способностью создавать и поддерживать доверие к себе. Этот опыт необходимо использовать и регионам, тем более что уже есть поразительные примеры развития территорий практически с нуля именно за счет высокого уровня доверия к ним партнеров и населения. Бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю считал доверие самым ценным активом и объяснял экономические и социальные успехи Сингапура именно завоеванием доверия людей. Он также неизменно прилагал усилия по сохранению доверия иностранных компаний и банков к Сингапуру, что позволило этому небольшому городу-государству, без каких-либо ценных ресурсов, за полвека превратиться в одну из финансовых и предпринимательских столиц мира. Доверие стало основным конкурентным преимуществом Сингапура.

Чем выше доверие к региону — тем шире круг потенциальных партнеров, тем глубже горизонт планирования многолетних совместных действий, больше шансов на получение инвестиций, выше конкурентный иммунитет территорий [11, с. 139-156]. Завоевавший и удержавший доверие к себе регион становится более успешным, поэтому не приходится удивляться, когда завоевание доверия выступает конкурентной целью [12, с. 4-23] региона, предварительным условием начала сотрудничества и долгосрочных совместных проектов. В современном экономическом пространстве все заметнее проявляет себя конкуренция регионов за доверие.

Конкуренция за доверие, по нашему мнению, это целенаправленное поведение субъекта рынка в экономическом пространстве, ориентированное на получение специфического нематериального конку-

рентного преимущества — доверия к себе со стороны как можно большего числа других акторов рынка. Это сознательная деятельность по завоеванию и поддержанию доверия посредством и на основе создания и совершенствования привлекательного имиджа и положительной репутации [13, с. 79].

Для региона победа в конкуренции за доверие означает получение им дополнительных нематериальных конкурентных преимуществ в виде привлекательного имиджа и позитивной репутации, которые являются основой для взаимовыгодного сотрудничества с партнерами, с инвесторами, потребителями и центральными органами власти. Так что стимул участвовать в конкуренции за доверие имеет любой регион.

В практическом плане конкуренция за доверие уже осознается и учитывается при проведении региональной политики в ряде областей РФ. Характерно в этом плане интервью первого заместителя председателя правительства Новосибирской области В. Знаткова о важности доверия к краю и конкуренции регионов для развития области [14]. Интересен опыт конкуренции регионов в Китае. В условиях кризиса и замедления темпов роста экономики региональные власти периферийных провинций все активнее пытаются встроиться в провозглашенные Пекином мегапроекты. Когда правительство в 2013 году огласило план создания нового Шелкового пути, среди китайских регионов развернулась ожесточенная конкуренция за право участвовать в этом амбициозном проекте. Региональные руководители стремятся завоевать доверие центрального правительства Китая. Отчитываясь о новых транспортных маршрутах и международных выставках, они хотят привязать свои проекты к Шелковому пути. Примером таких действий является

ребрендинг Харбинской ярмарки в российско-китайское ЭКСПО [15]. Налаженное сотрудничество китайской провинции с российскими регионами повышает доверие к ней руководства КНР и значительно увеличивает шансы на ее включение в проект Шелкового пути. Таким образом, поощрение территориальной конкуренции позволяет Китаю минимизировать последствия кризиса за счет стимулирования интереса провинций к совместным проектам и наращивания сотрудничества с соседями.

Доверие как конкурентная цель имеет свои особенности, что определяет специфику конкуренции за доверие. Мы выделяем ряд специфических черт доверия как конкурентной цели.

1. Доверие является поведенческой характеристикой, что определяет особенности его завоевания.

Ю.Я. Ольсевич отмечает, что большинству субъектов рынка присуще последовательное поведение, диктуемое инстинктом доверия, врожденной потребностью людей доверять себе подобным и социуму [16, с. 15]. При этом доверие – взаимное чувство, соответственно требующее взаимных усилий для возникновения. Каждый производитель и потребитель, в той или иной степени, склонен к доверию и при этом сам нуждается в доверии. Невозможно будет субъекту рынка добиться доверия со стороны других, если сам он при этом отказывается в доверии своим партнерам и потребителям [17, с. 80-81].

Особенность доверия в том, что оно изначально имеет не только экономическое, но и прежде всего психологическое значение. Экономические отношения во многом зависят от необходимости и потребности человека во взаимоотношениях и сотрудничестве с другими людьми. Можно говорить о потребности людей в доверии и

потребности доверять. Стивен Кови-младший уверен, что «...люди хотят, чтобы им доверяли. Они отзываются на доверие. Они расцветают, когда им доверяют» [18, с. 50].

2. Доверие иррационально и изменчиво, не фиксируется и крайне сложно передается, при этом легко исчезает.

Доверие, будучи в значительной мере иррациональным ожиданием, неразрывно связано с рисками, прежде всего репутационными. Всегда существует непредсказуемая опасность разрушения доверия. Причиной могут быть как ошибки самой компании или конкретного региона, так и внешние факторы, помешавшие субъекту рынка выполнять свои обязательства. Формируясь и укрепляясь довольно длительное время, добытое с огромным трудом доверие может быть утрачено в один миг.

Доверие, как и репутацию, невозможно автоматически пролонгировать или передать другому. Даже такой давно институционально оформленный процесс, как продажа торговых марок, порождает риск снижения стоимости продаваемого бренда из-за смены владельца. Поэтому завоеванный компанией «капитал доверия», так же как и репутационный капитал, получивший воплощение в виде зарегистрированной торговой марки, в полной мере может быть реализован только самой же компанией (это правило «работает» и применительно к регионам). Этим доверие принципиально отличается от прочих ресурсов субъектов рынка (материальных и нематериальных, человеческих и т.д.).

3. Доверие может быть неограниченным ресурсом, доступным сразу всем конкурентам, что создает основу для их сотрудничества.

По определению В.В. Радаева, конкуренция – это действия двух и более участников рынка, нацеленные на получение

одного и того же ограниченного ресурса, доступного при определенных усилиях с их стороны [19, с. 48]. Доверие же может быть неограниченным ресурсом и, тем не менее, быть целью конкурентной борьбы. Один и тот же человек, одна и та же компания способны доверять всем участникам рынка, даже если они являются конкурентами между собой. В этом случае решение о выборе принимается либо через сравнение степени доверия к конкурентам (больше-меньше), либо доверие будет лишь одним из критериев выбора поставщиков товаров и услуг, а решающими станут другие факторы – цена товара, его качество, скидки и т.д. Пользуясь спортивной терминологией, можно сказать, что доверие и репутация позволяют субъекту рынка пройти в «высшую лигу», попасть в фавориты, из которых потребитель выбирает себе поставщиков и партнеров, так как доверие и репутация, которые субъект рынка обеспечил себе работой с прежними клиентами, снижают риски для новых клиентов, получающих гарантии добросовестности [20, с. 136-138]. Доверие является ресурсом вполне доступным сразу нескольким конкурентам, в отличие, например, от финансовых, материальных или кадровых ресурсов, получение которых одним субъектом рынка означает, что другие их не получают или получают ограниченно. Поэтому *доверие может служить основой для сотрудничества конкурирующих субъектов рынка.*

4. Доверие, в отличие от многих других ресурсов, способно восстанавливаться.

В случае если доверие не оправдывается и теряется, все же сохраняется возможность его восстановить. Ошибочно растроченные финансовые и материальные ресурсы чаще всего невозможно вернуть, утраченное же доверие можно вновь приобрести, пусть и приложив для этого немало усилий.

Убедительным примером успешного восстановления доверия к стране и ее экономике явилась политика Людвиг Эрхарда, министра народного хозяйства ФРГ с 1949 по 1963 год и канцлера ФРГ в 1963–1966 годах. Л. Эрхард в работе «Благосостояние для всех» своим главным достижением вполне обоснованно назвал восстановление доверия мира к Германии. Можно также вспомнить программу восстановления доверия к стране в Южной Корее после кризиса 1990-х годов.

5. Доверие разных групп необходимо завоевывать отдельно.

Так как интересы разных групп (населения, бизнес-сообщества, федеральных властей, крупных зарубежных компаний) далеко не всегда совпадают, невозможно завоевать доверие сразу всех. Например, экологи и население могут выступать против строительства новых промышленных предприятий определенного профиля на конкретной территории, в то время как предприниматели будут ратовать за новые заводы и т.д. Региону придется находить консенсус, ранжируя интересы и выстраивая доверительные отношения в пределах возможного и приемлемого для большинства. При реализации крупных проектов необходимо изначально продумывать формы и размеры компенсации для тех групп, интересы которых пострадали. Только таким образом можно будет сохранять доверие на будущее.

Выделенные особенности необходимо учитывать при выработке программ завоевания и удержания доверия к региону. При этом следует помнить, что завоевание доверия ни в коей мере не является самоцелью экономической политики региона. Справедливо указывается, что доверие, предоставляя конкурентное преимущество, все же только ресурс, на который следует

опираться. Оно не дает гарантии делового успеха, но является духовным капиталом, который позволяет другим организационным структурам, стратегиям и тактикам работать намного эффективнее [21, с. 239]. Создавать одно доверие, не занимаясь институционализацией прочих механизмов развития, значит работать непродуктивно и вскоре потерять доверие, когда ожидания партнеров и населения регион не сможет оправдать.

При всех трудностях завоевания доверия гораздо сложнее его удержать. Выделим факторы, способствующие разрушению доверия в регионе, проявляющее себя наиболее заметно:

1. Недоверие внутри региона между отдельными целевыми аудиториями, например между населением и властью, между предпринимателями и населением, между инвесторами и властью и т.д.

2. Высокий уровень коррупции на всех уровнях.

3. Масштабный теневой бизнес, высокий уровень экономических преступлений.

4. Неудачные проекты, реализованные (или не реализованные) в регионе в прошлом.

5. Неразвитость институциональной среды, отсутствие правовой базы, высокие административные барьеры.

6. Экономическая и социальная нестабильность.

7. Отсутствие социально-ориентированной политики властей региона и другие.

Устранение или сведение к минимуму указанных явлений — сложное и в то же время необходимое условие для успешной конкуренции региона за доверие. Собственно стратегия конкуренции за доверие видится как программа четырех шагов (этапов).

Первый шаг — завоевание доверия населения и местного бизнеса к руководству региона и предлагаемым/реализуемым им проектам.

Трудно представить себе компанию, которая бы долгое время пользовалась доверием со стороны своих партнеров, но при этом внутри нее не было бы доверия между сотрудниками и между руководителями и сотрудниками. В подобной фирме явный или скрытый оппортунизм сотрудников неизбежно губительно сказывался бы на совместных проектах с партнерами, разрушая их доверие к компании. Аналогично, трудно представить себе регион, который сохранял бы высокое доверие со стороны партнеров, но не обладал бы при этом высоким уровнем доверия между властью и бизнес-сообществом, между местными бизнесменами, между руководством региона и населением.

Чего будут стоить усилия региона по завоеванию доверия к себе внешних партнеров, когда совместные проекты будут срывать из-за саботажа местных предпринимателей или протестов населения? В подобном случае несоответствие между тем, что ожидали партнеры, и тем, что они будут наблюдать, заложит основы глубокого недоверия к региону и региональным властям. Наглядным примером возникающих в регионе трудностей доверия является история постройки Томинского ГОКа в Челябинской области. «Русская медная компания» сумела найти общий язык с руководством области для крупнейшего проекта горно-обогатительного комбината [22], но данный проект не завоевал доверия населения, что вызвало эскалацию конфликта между жителями и компанией [23]. Руководство области, завоевав доверие «Русской медной компании», явно переоценило свое влияние на жителей,

не смогло убедить их в выгоде ГОКа для области. Этот просчет грозит обернуться как убытками для компании, так и репутационными потерями для области, которая оказалась не в состоянии поддержать своих партнеров по совместному проекту.

На первом этапе конкуренция за доверие только начинает проявляться. Большинство жителей и местных компаний привязаны к региону и не станут его менять. Вместе с тем на уровне отдельных востребованных специалистов и уникальных производств начинается конкуренция не только между российскими регионами, но и с зарубежными территориями, привлекающими требуемые кадры лучшими условиями работы и жизни. Поэтому регионам приходится заботиться об удержании ценных специалистов и перспективных компаний на своей территории, создавая особые программы для их благополучия и завоевания их доверия.

Второй шаг – завоевание доверия федеральных властей.

На этом этапе уже идет ожесточенная конкуренция за доверие между российскими регионами. Доверие федерального центра необходимо для включения региона в масштабные национальные проекты (например, проведение игр чемпионата мира по футболу в 2018 г., организация и проведение международных выставок, форумов и т.д.), для участия в разработке и реализации крупных проектов государственно-частного партнерства, например проектирование и строительство высокоскоростных железнодорожных магистралей и т.д.

Третий шаг – завоевание доверия и формирование интереса к региону у людей за его пределами – как в России, так и за рубежом.

Регион для этого должен быть не только узнаваем в мире, но и привлекателен

для посещения и жизни. Отметим, что, например, развитие туризма проверяет готовность региона к долговременному поддержанию доверия: станет ли поездка туда разовым экстремальным и экзотическим опытом или регион покажется удобным и приятным для посещения местом, куда захочется приезжать снова и снова. Развитый туризм одновременно повышает интерес к региону потенциальных экономических партнеров, когда развлекательное посещение может вызвать интерес к краю и с точки зрения ведения там бизнеса.

На этом этапе региону приходится вести конкуренцию за доверие с сотнями регионов по всему миру, что существенно затрудняет достижение лидерства в борьбе за доверие. В то же время это позволяет изучать опыт других территорий в завоевании доверия и выбирать наиболее оптимальные пути завоевания доверия к своему региону, используя достижения конкурентов и учитывая их ошибки.

Четвертый шаг – завоевание доверия крупных российских и зарубежных компаний, доверия других регионов и стран.

Самый сложный и ответственный этап конкуренции за доверие начинается, когда в борьбу включаются лидеры по завоеванию доверия. Именно на этом этапе выбираются партнеры для дорогостоящих и долговременных проектов сотрудничества, являющихся «призом» в конкурентной борьбе за доверие. Успешное осуществление таких проектов допускает регион «в высшую лигу», облегчая максимизацию и поддержание доверия к региону в дальнейшем.

У региона всегда будет соблазн перейти сразу к завоеванию доверия крупных фирм и других регионов для своего участия в глобальных проектах. Слишком уж очевид-

ны выгоды от таких проектов: международная известность, интерес потенциальных партнеров по всему миру, опыт проведения и потенциал от новых перспектив. Региональные власти не всегда задумываются о сложностях и затратах, таких как: высокая конкуренция за участие в проектах; значительные затраты ресурсов и усилий (материальных и нематериальных), чтобы попасть хотя бы в претенденты на участие в таких проектах; изначально высокая затратность и долговременная окупаемость; недовольство населения, которое может счесть, что ради глобальных проектов жертвуют их повседневными нуждами; снижение доверия к региону при неудаче и т.д. История Томинского ГОКа или неудачная попытка Екатеринбурга выиграть право принятия ЭКСПО-2020 доказывают, что лучше не спешить и завоевывать доверие шаг за шагом, приступая к конкуренции за глобальные проекты только при создании необходимого капитала доверия населения и бизнеса в регионе.

Без доверия даже самые благие начинания как федеральной, так и региональной властей обречены на провал, чему много примеров в российской истории. Хорошо это доказывает пример Российско-Закавказской торговой компании, активное участие в которой принимал

А.С. Грибоедов, не только автор знаменитого «Горя от ума», но и влиятельнейший чиновник и искусный дипломат. Для развития и освоения недавно присоединенного к империи края предполагалось создать торговую компанию с совместным государственно-частным капиталом по образцу английской Ост-Индской компании. Объявленная в 1831 году компания, однако, так и не приступила к деятельности, хотя в нее вложили немало государственных денег. Выясняя причины неудачи компании, местный чиновник констатировал, что местные армянские купцы «не склонны к взаимной доверенности», а московские фабриканты, на которых была основная надежда авторов проекта компании, не вложили ни рубля [24, с. 152-154]. При недоверии к власти даже перспектива монопольной торговли с богатейшим краем не могла побудить московских купцов к сотрудничеству ни с правительством, ни с региональными закавказскими чиновниками.

К сожалению, и сегодня в России остается на низком уровне доверие к власти со стороны бизнеса и жителей. Как показали результаты нашего социологического опроса в Уральском федеральном округе, низок и уровень доверия между регионами-субъектами РФ (таблица).

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили сегодняшний уровень доверия в экономике России (между регионами-субъектами РФ)?», в %

	Все респонденты	В т.ч. представители:		
		власти	бизнеса	науки
Высокий	-	-	-	-
Выше среднего	5	8	4	4
Средний	42	58	40	29
Ниже среднего	30	22	27	39
Низкий	12	4	14	17
Затрудняюсь ответить	11	8	15	11

Опрос 2013 года¹ показал, что 42% респондентов оценили уровень доверия в экономике как «ниже среднего» и «низкий». Причем если среди представителей власти доля таких ответов составила 26%, то среди бизнесменов – 41%, а представителей научного сообщества – более половины (56%). Проблема доверия остается крайне актуальной в России, и от ее решения будут зависеть, в том числе, и перспективы становления конкурентного сотрудничества территорий в современном экономическом пространстве.

Справедливо будет привести и позитивные примеры конкуренции за доверие на территории Свердловской области. Особо стоит отметить «Уральскую горно-металлургическую компанию» (УГМК). Холдинг, являясь крупнейшим производителем меди в России, объединяет более сорока предприятий в различных регионах России и за рубежом. Кроме того, УГМК имеет проекты в сфере сельского хозяйства, строительства и девелопмента, выходит

на рынок телекоммуникационных, медицинских и страховых услуг. Столь крупная компания неизбежно должна выстраивать доверительные отношения не только с российскими и региональными властями, но и завоевывать доверие населения. Это стало особенно важным, когда реализация УГМК ряда проектов породила обвинения её в причинении экологического ущерба.

Сегодня компания неизменно заявляет о своей ответственности за развитие территорий, где размещены предприятия холдинга, за социальное благополучие и повышение уровня материального благосостояния их жителей. Значимо участие УГМК в программе подготовки кадров промышленных работников, реализуемой в сотрудничестве с властями Свердловской области и другими компаниями. В 2013 году был открыт корпоративный Технический университет УГМК (г. Верхняя Пышма), в совместных проектах по линии «Уральской инженерной школы» созданы центры инженерного творчества для школьников в городах Свердловской области. Поддерживая региональный бизнес, компания стремится брать в партнеры местные предприятия, устанавливая с ними долговременное и взаимовыгодное сотрудничество. Подобные многосторонние усилия компании по развитию региона и завоеванию доверия населения заслуживают наивысшей оценки и могут стать хорошими примерами для подражания. Будет справедливым утверждать, что УГМК успешно ведет конкурентную борьбу за доверие не только властей, партнеров по бизнесу, но и населения.

Помощь в построении доверия должна прийти и от государства. Доверие как важнейшая предпосылка общественных трансформаций, условие достижения

¹ Опрос был посвящен оценке конкуренции и перспектив становления конкурентного сотрудничества территорий в современном экономическом пространстве. Всего было получено 367 анкет от представителей органов власти и управления (128 респондентов), бизнеса (111 респондентов) и научного сообщества (142 респондента) Уральского и Приволжского федеральных округов. Среди представителей власти и управления – депутаты областных и городских Дум, ведущие специалисты экономических министерств и ведомств Свердловской, Челябинской, Тюменской, Оренбургской и Курганской областей, а также работники экономических комитетов таких городов, как Екатеринбург, Нижний Тагил, Ижевск, Пермь. В числе представителей бизнеса руководители и заместители руководителей предприятий малого и среднего бизнеса, работающих в Свердловской, Тюменской, Курганской, Челябинской, Пермской областях, а также в Республике Башкортостан и Удмуртской Республике. Научное сообщество в опросе представлено учеными-экономистами Института экономики УрО РАН, Уральского государственного экономического университета, Тюменского государственного нефтегазового университета, Пермского национального исследовательского политехнического университета и Удмуртского государственного университета.

социально-экономической стабильности должно быть в центре государственной политики. Государство должно не только инициировать, но и способствовать становлению и развитию доверия в экономике посредством создания благоприятных условий для ведения бизнеса на всей территории страны, защиты прав собственности, предпринимательских структур и т.д. [25, с. 155-172] При этом необходимо обеспечить единство и неизменность (в рамках разумного) «правил игры», действующих на территориях всех субфедеральных образований. Без таких общегосударственных мер регулирования конкуренции за доверие результаты сотрудничества регионов между собой, регионов с бизнесом и населением будут незначительны.

Доверие складывается на основе множества факторов, которые необходимо учитывать в ходе конкурентной борьбы регионов за него. Этим определяется сложность контроля и нейтрализации негативных явлений и процессов, которые могут привести к потерям в конкурентной борьбе за доверие. Обычно они совпадают с факторами риска потери деловой репутации и нанесения ущерба имиджу региона, бизнес-сообщества. К ним относятся:

- нарушение субъектами рынка законодательства, невыполнение договорных обязательств, ненадлежащее качество продукции и оказываемых услуг;
- отрицательное или безразличное отношение руководства региона, отдельных компаний к нуждам населения и бизнеса, к вопросам соблюдения этики и правил корпоративной культуры, социальной ответственности бизнеса и т.д.;
- неэтичные и мошеннические действия представителей бизнеса и органов власти всех уровней;

- участие регионов, городов, компаний в высокорисковых, а также «непрозрачных» проектах;

- неспособность соответствующих органов и структур адекватно защищать важнейшие социально-экономические проекты регионов от хищений, других экономических преступлений;

- отсутствие эффективного и результативного партнерства руководства региона и бизнеса со СМИ.

На основе анализа мирового опыта построения доверия в экономике нами предлагается несколько рекомендаций по становлению результативной конкурентной борьбы регионов за доверие.

1. Необходимо использовать разнообразные способы для распространения объективной информации о регионе в целях формирования его привлекательного имиджа, позитивной репутации и, наконец, доверия к нему. Крайне затратными, но совершенно необходимыми для завоевания доверия являются кампании по продвижению в медиа-пространстве. Информационные поводы могут быть самыми различными. Благотворительность, участие в совместных с органами власти социальных программах, поддержка культурных мероприятий способствуют росту частоты упоминания региона в прессе и возникновению доверия к нему у населения.

Формированию положительных имиджа и репутации, доверия к региону в узко-профессиональной среде способствуют участие региональных предприятий в выставках, профильных конференциях, постоянная работа в профессиональных объединениях в рамках своей отрасли и в торгово-промышленных палатах. Именно в рамках таких объединений может быть налажено и скоординировано конкурент-

ное сотрудничество, выработаны общие правила игры, определены цели и задачи, перспективы развития отрасли и региона.

2. В качестве важнейшего фактора успеха в конкурентной борьбе за доверие следует рассматривать способность руководства региона и компаний предвидеть будущие технологические и организационные изменения, что позволяет опережать соперников в глубине горизонта планирования. Здесь эффективны как конкурентное сотрудничество в научно-техническом прогрессе и в совместном внедрении новых технологий, так и конкурентная разведка, ориентированная на изучение сильных и слабых сторон конкурентов, не идущих на сотрудничество.

3. Для минимизации рисков, порождаемых самой опорой на доверие, в целях повышения конкурентного иммунитета региона, обеспечения его жизнестойкости, подтверждения успешности избранной стратегии построения доверия требуется перманентный анализ эффективности действий соперников, лояльности партнеров и потребителей, измерение уровня их доверия к региону и компаниям, работающим в нем.

4. На основе вышеназванного мониторинга стратегии, рисков и уровня доверия требуется своевременная грамотная корректировка тактических действий, а иногда и смена парадигмы построения доверия.

5. Конкурируя за доверие, не следует использовать методы, которыми доверие поддается. К ним можно отнести подкуп власти и прессы, распространение ложной информации о конкурентах, обман потребителей в вопросах качества и характеристиках своих товаров и услуг и т.д. Эти приемы могут принести выгоды в ближайшем будущем, но полностью разрушат доверие

к региону в дальнейшем. Кроме того, не стоит забывать, что устойчивость развития в современной экономике все больше зависит от взаимодействия с конкурентами. В условиях огромного потока информации мир становится все более «прозрачным» и обману все труднее остаться незамеченным. Честность — лучшая и самая недорогая политика в достижении доверия. Причём важно и то, что «доверие должно быть заработано» и сохранено как можно дольше.

В заключение необходимо подчеркнуть, что становление конкуренции регионов за доверие в России, вероятно, будет происходить в условиях сохраняющегося низкого качества управления (то есть плохих институтов) и отсутствия реального федерализма (который предусматривает экономическую и политическую автономию регионов). Для того чтобы конкуренция регионов за доверие реализовалась на практике, необходимо обеспечить стабильность правил игры (институтов), требуется институциональная «поддержка».

Сохраняющаяся безынициативность регионов и муниципалитетов в достижении доверия и конкурентной борьбе за него зачастую не является следствием отсутствия необходимых ресурсов и финансов. Депрессивность и безынициативность территорий во многом вызваны огромным множеством нереализованных возможностей как в организационной, так и в коммуникационной стратегиях региональной власти. Региональные власти остаются пассивными в организации государственно-частного партнерства, в налаживании сотрудничества регионов и муниципалитетов, мобилизации факторов и условий, обеспечивающих повышение мобильности и креативности экономики на подведом-

ственной территории. Конечно, справедливо будет заметить, что сегодня отсутствуют стимулы к такого рода деятельности в связи с тем, что нет реальной автономии региональных и местных сообществ. Представляется, что становление конкуренции регионов за доверие сдерживают:

- неравномерность экономического развития регионов и муниципалитетов;
- неразвитость институциональной среды;
- чрезмерная зависимость экономического развития регионов от федерального центра;
- низкий уровень доверия в стране, в том числе в экономике;
- слабая мобильность экономик регионов и муниципалитетов;
- низкий уровень диверсификации экономик территорий;
- недостаточная интеграционная зрелость территорий.

Литература

1. Примаков, Е.М. Важнейшая проблема экономики. Выступление на заседании «Меркурий-клуба» / Е.М. Примаков // Российская газета. – 2015. – №112. – 25 мая. – С. 10.
2. Важенина, И. Горизонты территориальной конкуренции в современном экономическом пространстве / И. Важенина, С. Важенин // Общество и экономика. – 2011. – № 3. – С. 67-85.
3. Портер, М. Конкуренция. Обновленное и расширенное издание / М. Портер. – М.: И.Д. Вильямс, 2010. – 592 с.
4. Важенина, И.С. Имидж, бренд и репутация как конкурентные преимущества региона / И.С. Важенина // Управление. – 2010. – № 5-6. – С. 4-10.
5. Хамел, Г. Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня / Г. Хамел, К.К. Прахалад. – М.: Олимп-Бизнес, 2002. – 288 с.
6. Ходжсон, Д. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / Д. Ходжсон. – М.: Дело, 2003. – 464 с.
7. Фукуяма, Ф. Доверие / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, Ермак, 2004. – 735 с.
8. Мильнер, Б.З. Теория организации / Б.З. Мильнер. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 648 с.
9. Грановеттер, М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа / М. Грановеттер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. 7. – № 1. – С. 76-88.
10. Гапоненко, А. Традиционные и новые факторы конкурентоспособности организаций / А. Гапоненко, М. Савельева // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – № 5. – С.117-124.
11. Важенина, И.С. Феномен конкурентного иммунитета территории / И.С. Важенина, С.Г. Важенин // Общество и экономика. – 2009. – № 11-12. – С. 139-156.
12. Важенин, С.Г. Специфика доверия как конкурентной цели в экономике / С.Г. Важенин, В.В. Сухих // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2015. – №2. – С. 4-23.
13. Важенина, И. Конкуренция за доверие в экономике: сущность и перспективы развития / И. Важенина, С. Важенин, В. Сухих // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – № 7. – С. 78-86.
14. Основа успеха – доверие [Электронный ресурс] // Ведомости Законодательного Собрания Новосибирской области. – 2015. – № 46. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.sfo.ru/articles/?article=46276> (дата обращения: 15.04.2016).
15. Зуенко, И. Как китайские регионы решают проблемы за счет соседства с Россией [Электронный ресурс] / И. Зуенко // Сайт Московского центра Карнеги. – Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/publications/?fa=62026> (дата обращения: 11.04.2016).
16. Ольсевич, Ю.Я. Фундаментальная неопределенность рынка и концепции современного кризиса / Ю.Я. Ольсевич. – М.: Институт экономики РАН, 2011. – 51 с.
17. Важенин, С.Г. Оппортунизм и конструирование доверия в экономике / С.Г. Важенин, В.В. Сухих // Журнал экономической теории. – 2013. – № 1. – С. 78-85.

18. Кови-мл., С. Скорость доверия. То, что меняет всё / С. Кови-мл., Р. Меррил. – М.: Альпина Паблишер, 2010. – 432 с.
19. Радаев, В.В. Социология рынков: к формированию нового направления / В.В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 328 с.
20. Важенина, И.С. Деловая репутация как конкурентный ресурс компании // Журнал экономической теории / И.С. Важенина. – 2006. – № 4. – С. 134-150.
21. Шо, Роберт Б. Ключи к доверию в организации: результативность, порядочность, проявление заботы / Роберт Б. Шо. – М.: Дело, 2000. – 272 с.
22. Томинский ГОК: Описание проекта [Электронный ресурс] / Русская Медная Компания. – Режим доступа: <http://www.rmk-group.ru/ru/about/tominskiy-gok/> (дата обращения: 29.03.2016).
23. «Учитесь разговаривать с людьми!» [Электронный ресурс] / Российское информационное агентство URA.RU. – Режим доступа: <http://ura.ru/articles/1036261774> (дата обращения: 24.03.2016).
24. Эйдельман, Н.Я. «Быть может, за хребтом Кавказа». Русская литература и общественная мысль первой половины XIX века. Кавказский аспект / Н.Я. Эйдельман. – М.: Наука, 1990. – 320 с.
25. Татаркин, А.И. Государство в системе отношений доверия в экономике / А.И. Татаркин, В.В. Сухих, С.Г. Важенин // Общество и экономика. – 2006. – № 10. – С. 155-172.

Сведения об авторах

Ирина Святославовна Важенина – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, isvazhenina@mail.ru)

Сергей Григорьевич Важенин – кандидат экономических наук, заведующий сектором территориальной конкуренции, Институт экономики УрО РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, svazhenin@mail.ru)

Василий Валентинович Сухих – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, vsh-sh@yandex.ru)

Vazhenina I.S., Vazhenin S.G., Sukhikh V.V.

Regional Competition for Confidence: Features of Formation

Abstract. The increase in economic independence of the regions inevitably leads to an increase in the quality requirements of the regional economic policy. The key to successful regional policy, both during its development and implementation, is the understanding of the necessity of gaining confidence (at all levels), and the inevitable participation in the competition for confidence. The importance of confidence in the region is determined by its value as a competitive advantage in the struggle for partners, resources and tourists, and attracting investments. In today's environment the focus of governments, regions and companies on long-term cooperation is clearly expressed, which is impossible without a high level of confidence between partners. Therefore, the most important competitive advantages of territories are intangible assets such as an attractive image and a good reputation, which builds up confidence of the population and partners. The higher the confidence in the region is, the broader is the range of potential partners, the larger is the planning horizon of long-term concerted action, the better are the chances of acquiring investment, the higher is the level of competitive immunity of the territories. The article defines competition for confidence as purposeful behavior of a market participant in economic environment, aimed at acquiring specific intangible competitive advantage – the confidence of the largest possible number of other market actors. The article also highlights the specifics of confidence as a competitive goal, presents

factors contributing to the destruction of confidence, proposes a strategy to fight for confidence as a program of four steps, considers the factors which integrate regional confidence and offers several recommendations for the establishment of effective regional competition for confidence.

Key words: competition, region, confidence, cooperation, image, reputation, brand.

References

1. Primakov E.M. Vazhneishaya problema ekonomiki. Vystuplenie na zasedanii “Mercurii – kluba” [The most important problem is the economy. Speech at “Mercury – Club”]. *Rossiiskaya gazeta* [The Russian newspaper], 2015, no. 112 (May 25), p. 10. (In Russian).
2. Vazhenina I., Vazhenin S. Gorizonty territorial'noi konkurentsii v sovremennom ekonomicheskom prostranstve [Horizons of territorial competition in the modern economic space]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2011, no. 3, pp. 67-85. (In Russian).
3. Porter M. Konkurentsia. *Obnovlennoe i rasshirennoe izdanie* [Competition. Updated and expanded edition]. Moscow: OOO “I.D. Vil'yams”, 2010. 592 p. (In Russian).
4. Vazhenina I.S. Imidzh, brend i reputatsiya kak konkurentnye preimushchestva regiona [The image, brand and reputation as a competitive advantage in the region]. *Upravlenets* [The manager], 2010, no. 5–6, pp. 4-10. (In Russian).
5. Khamel G., Prakhlad K.K. *Konkuriruya za budushchee. Sozdanie rynkov zavtrashnego dnya* [Competing for the future. Creating markets of tomorrow]. Moscow: ZAO “Olimp-Biznes”, 2002. 288 p. (In Russian).
6. Hodgson G. *Ekonomicheskaya teoriya i instituty: Manifest sovremennoi institutsional'noi ekonomicheskoi teorii* [Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics]. Moscow: Delo, 2003. 464 p. (In Russian).
7. Fukuyama F. *Doverie* [Trust]. Moscow: AST; Ermak, 2004, 735 pp. (In Russian).
8. Mil'ner B.Z. *Teoriya organizatsii* [Organization Theory]. Moscow: INFRA-M, 2004. 648 p. (In Russian).
9. Granovetter M. Ekonomicheskie instituty kak sotsial'nye konstrukty: ramki analiza [Economic institutions as social constructs: the scope of analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2004, volume 7, no. 1, pp.76-88. (In Russian).
10. Gaponenko A., Savel'eva M. Traditsionnye i novye faktory konkurentosposobnosti organizatsii [Traditional and new factors of competitiveness of organizations]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Theoretical and Practical Aspects of Management], 2015, no. 5, pp.117-124. (In Russian).
11. Vazhenina I.S., Vazhenin S.G. Fenomen konkurentnogo immuniteta territorii [Phenomenon of territorial competitive immunity]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2009, no. 11–12, pp.139-156. (In Russian).
12. Vazhenin S.G., Sukhikh V.V. Spetsifika doveriya kak konkurentnoi tseli v ekonomike [Specificity of trust as a competitive goal in the economy]. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie* [Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management], 2015, no.2, pp.4-23. (In Russian).
13. Vazhenina I., Vazhenin S., Sukhikh V. Konkurentsia za doverie v ekonomike: sushchnost' i perspektivy razvitiya [Competition for confidence in the economy: the nature and prospects of development]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Theoretical and Practical Aspects of Management], 2015, no. 7, pp. 78--86. (In Russian).
14. Osnova uspekha – doverie [The basis of success – trust]. *Vedomosti Zakonodatel'nogo Sobraniya Novosibirskoi oblasti* [Records of the Legislative Assembly of the Novosibirsk Oblast]. 2015, no. 46. Available at: <http://www.vedomosti.sfo.ru/articles/?article=46276> (accessed 15.04.2016). (In Russian).
15. Zuenko I. *Kak kitaiskie regiony reshayut problemy za schet sosedsstva s Rossiei* [How Chinese regions solve problems due to proximity to Russia]. Moskovskii tsentr Karnegi [Carnegie Moscow Center]. Available at: <http://www.carnegie.ru/publications/?fa=62026> (accessed 11.04.2016). (In Russian).
16. Ol'sevich Yu.Ya. *Fundamental'naya neopredelennost' rynka i kontseptsii sovremennogo krizisa* [The fundamental uncertainty of the market and the concept of the present crisis]. Moscow: Institut ekonomiki RAN, 2011. 51 p. (In Russian).
17. Vazhenin S.G., Sukhikh V.V. Opportunizm i konstruirovaniye doveriya v ekonomike [Opportunism and the construction of confidence in the economy]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 2013, no. 1, pp.78-85. (In Russian).

18. Covey Junior S., Merrill R. *Skorost' doveriya. To, chto menyaet vse* [The pace of confidence. What changes everything.]. Moscow: Al'pina Publisher, 2010. 432 p. (In Russian).
19. Radaev V.V. *Sotsiologiya rynkov: k formirovaniyu novogo napravleniya* [Sociology of markets: the formation of a new direction]. Moscow: GU VShE, 2003. 328 p. (In Russian).
20. Vazhenina I.S. Delovaya reputatsiya kak konkurentnyi resurs kompanii [Business reputation as a competitive resource of a company]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 2006, no. 4, pp.134-150. (In Russian).
21. Shaw R. B. *Klyuchi k doveriyu v organizatsii: Rezul'tativnost', poryadochnost', proyavlenie zaboty* [Keys to confidence in the organization: effectiveness, honesty, concern]. Moscow: Delo, 2000. 272 p. (In Russian).
22. *Tominskii GOK: Opisanie proekta* [Tominskiy GOK: project description]. Russkaya Mednaya Kompaniya [Russian Copper Company]. Available at: <http://www.rmk-group.ru/ru/about/tominskiy-gok/> (accessed 29.03.2016). (In Russian).
23. "Uchites' razgovarivat' s lyud'mi!" [Learn how to talk to people!]. *Rossiiskoe informatsionnoe agentstvo URA.RU* [Russian news agency URA.RU]. Available at: <http://ura.ru/articles/1036261774> (accessed 24.03.2016). (In Russian).
24. Eidelman N.Ya. "Byt' mozhet za khrebtom Kavkaza" [Perhaps, over the ridge of the Caucasus]. *Russkaya literatura i obshchestvennaya mysl' pervoi poloviny XIX veka. Kavkazskii aspekt* [Russian literature and public ideas of the first half of the 19th century. Caucasian aspect]. Moscow: Nauka, 1990. 320 p. (In Russian).
25. Tatarin A.I., Sukhikh V.V., Vazhenin S.G. Gosudarstvo v sisteme otnoshenii doveriya v ekonomike [The state in the system of confidence relations in the economy]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2006, no. 10, pp.155-172. (In Russian).

Information about the Authors

Irina Svyatoslavovna Vazhenina – Doctor of Economics, Leading Research Associate, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, isvazhenina@mail.ru)

Sergei Grigor'evich Vazhenin – PhD in Economics, Head of the Sector for Territorial Competitiveness, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, svazhenin@mail.ru)

Vasilii Valentinovich Sukhikh – PhD in Economics, Research Associate, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, vsh-sh@yandex.ru)

Статья поступила 23.05.2016

DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.5

УДК 314; 316.3, ББК 60.59

© Барсуков В.Н., Калачикова О.Н.

Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт*

**Виталий Николаевич
БАРСУКОВ**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
lastchaos12@mail.ru

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
onk82@yandex.ru

Аннотация. Повышение ожидаемой продолжительности жизни в России в совокупности с низким уровнем рождаемости привело к тому, что возрастная структура населения страны претерпела значительные изменения: удельный вес детей в общей численности населения стал перманентно сокращаться, тогда как доля людей старше 60 лет – расти. Такие трансформации имеют многогранные последствия: начиная с проблем финансового обеспечения пенсионных систем, функционирования рынка труда и заканчивая изменением ценностных ориентаций общества.

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-02-00301 «Вторичная социализация пожилых людей как фактор качества жизни: тенденции, проблемы, механизмы».

Для цитирования: Барсуков, В.Н. Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт / В.Н. Барсуков, О.Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 88-107. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.5

For citation: Barsukov V.N., Kalachikova O.N. Study of the quality of life of the older generation: a regional experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 88-107. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.5

Увеличение масштабов социально-демографической группы пожилых людей ведет к тому, что она приобретает все большее значение для социально-экономического развития территорий, тем самым актуализируя исследования в области изучения ее ресурсного потенциала и качества жизни. Статья посвящена исследованию компонентов «субъективного» качества жизни указанной группы населения. Представлены концептуальные подходы к проблеме «стареющего» общества и особенности в изучении качества жизни пожилых. Обоснована важность социологических измерений в исследовании проблем, характерных для старших возрастов. Показаны место России в международном рейтинге Global AgeWatch Index и ее позиции по всем четырем частным индексам. На основе данных социологического исследования выделены главные проблемные зоны, препятствующие улучшению качества жизни пожилого населения, предложены возможные направления их нивелирования. Приведены основные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность федеральных и региональных органов власти в сфере обеспечения достойного уровня качества жизни этой социально-демографической группы. Рассмотрены некоторые социальные проекты (на примере Вологодской области), направленные на улучшение условий жизнедеятельности пожилых граждан, выделены проблемы, связанные с реализацией и научным обоснованием актуальности этих проектов. Сделан вывод о необходимости постоянного мониторинга качества жизни старшего поколения на региональном уровне, что, при грамотном управленческом подходе и учете в стратегическом планировании, позволит обеспечить эффективное регулирование социально-экономического развития территорий в условиях старения населения.

Ключевые слова: качество жизни, пожилые люди, вторичная социализация, мониторинговые исследования.

Трансформация демографической структуры в России и ряде развитых стран обусловлена старением населения. Увеличение доли пожилых людей неизбежно ведет к изменению социального пространства, росту нагрузки на трудоспособное население, финансовым проблемам пенсионной системы. Социум и экономика должны будут адаптироваться к произошедшим изменениям: во-первых, это касается отношения общества к пожилым вообще («концепция старости»), к их роли, месту в социуме и экономике, во-вторых, — институциональных и инфраструктурных преобразований, реализующих принципы общества равных возможностей для данной социально-демографической группы.

Старение населения представляет собой глобальный процесс, который тем не менее имеет существенные территориальные различия. Где-то это демографическое явление

возникло достаточно давно и носило умеренный характер (страны континентальной и северной Европы), где-то темпы прироста доли пожилых людей были более стремительными (страны Восточной Европы и Россия), где-то этот процесс еще не начался (страны Африки южнее Сахары). Могут коренным образом отличаться значения основных факторов старения населения: рождаемости, смертности и миграции. Так или иначе, различия в развитии процесса старения населения накладывают определенный отпечаток и на социально-экономическую политику в отношении пожилых граждан на локальной территории.

Даже в пределах одного региона России не все территории являются однородными как в социально-экономическом, так и в демографическом плане. Такие крупные города Вологодской области, как Вологда и Череповец, во многом отличаются от других ее муниципальных образований

(далее – МО) не только численностью населения, но и его возрастной структурой, показателями рождаемости и смертности, миграции и др. Например, доля пожилых людей в Вашкинском районе на 11 процентных пунктов выше, чем в г. Вологде (29 и 18%). Соответственно, проводимая в каждом МО система мероприятий для реализации политики в отношении рассматриваемой социально-демографической группы может отличаться как количественно, так и качественно, что сказывается на выборе инструментов и механизмов достижения единых целей и задач.

Таким образом, целью данной статьи стало исследование проблем качества жизни пожилых людей (в рамках социологического подхода) и анализ демографической политики в сфере его обеспечения.

Концептуальные подходы к проблеме «стареющего общества» и качества жизни пожилых людей

Проблема стремительно стареющего населения планеты широко обсуждается на самом высоком уровне со второй половины XX века. Однако по-прежнему существуют противоположные точки зрения касательно проявлений и последствий данного процесса, которые варьируются от признания старения населения общемировым достижением, открывающим новые перспективы во всех сферах жизни общества, до гипотез об исключительно деструктивном характере этого процесса.

Известный французский демограф Альфред Сови в книге «Общая теория народонаселения» описал процесс демографического старения как наиболее просто поддающийся измерению, наиболее последовательный в своем развитии, наиболее приспособленный для прогнозирования и наиболее тяжелый по своим последствиям [15]. Проводя аналогию со старением отдельного человека, можно с

уверенностью сказать, что подобно ему общество изменит свой «внешний вид» и ценностные ориентиры, хотя до сих пор не ясно, в какой именно форме это проявится. Так, польский демограф Эдвард Россет одним из первых указал на то, что общество, затронутое старением населения, подвержено новациям не только демографического характера, но и социального, экономического, политического и психологического [11]. Стоит отметить, что оба ученых довольно осторожно высказывались о возможных последствиях демографического старения.

Существуют и более конкретизированные мнения. В 1996 году известный американский экономист Л. Туроу в книге «Будущее капитализма» отмечал, что впервые в истории в обществе появятся очень большие группы экономически пассивных пожилых людей, которые большую часть дохода продолжают получать от государства и увеличат и без того большие затраты на социальное обеспечение [27]. По его мнению, они отягощают государство всеобщего благосостояния, подрывают финансовую составляющую и угрожают инвестициям, которые все общества должны делать ради своего будущего.

Туроу прав в том, что теперь от государства требуется больше внимания к проблеме пожилых людей. Существует негласный общественный договор, согласно которому родители заботятся о своих детях, а о родителях будет заботиться общество (коллективный налогоплательщик). Но пожилых людей становится все больше, что приводит к увеличению нагрузки на трудоспособную часть общества. Однако Туроу не учитывал важную особенность: успехи современной медицины влияют не только на общий рост продолжительности жизни человека, но и на его способность к продлению трудовой активности.

Существует еще одна проблема, которую условно можно назвать «конфликтом поколений». Показательны результаты исследования, проведенного в конце 90-х годов прошлого века американскими учеными К. Эдвардсом и Дж. Ветслером [22]. Они утверждали, что молодые люди видят в пожилых потенциальную угрозу, беспокойство, вызванное теми факторами, которые сопутствуют старению (немоть, слабость, возможная физическая несостоятельность). Эту гипотезу Эдвардс и Ветслер подтвердили проведенными исследованиями, причем они считали, что восприятие пожилых как угрозы преодолевается и беспокойство молодых снижается, если молодые люди изначально воспринимают себя как часть одной группы с пожилыми, к которой они в будущем присоединятся.

В социологии и социальной геронтологии рассматриваются несколько комплексных теорий старения, главной фигурой которых является пожилой человек и его роль в общественной жизни (табл. 1) [1; 13; 21; 23].

Представленные теории затрагивают проблему адаптации пожилых людей, вынужденных перестраиваться в условиях институциональных трансформаций. Фактически речь идет о вторичной социализации. После «выхода на пенсию» постепенно сужается круг общения, исчезают прежние социальные роли, значительно снижается экономическая активность. Во многом это связано с изменениями в системе мотивации человека на протяжении жизни. В научных работах, вышедших до 1990-х гг., часто упоминается также, что общество неуважительно относится к старости.

Таблица 1. Социологические теории старения общества и роли в нем пожилого человека

Наименование теории	Авторы	Содержание
Теория разобществления	Э. Камминг, У. Генри, М.Д. Александрова	Разрыв между личностью и обществом происходит вскоре после выхода на пенсию, по инерции пожилой человек продолжает поддерживать старые связи, интересуется тем, что происходит на работе. Количество поступающей человеку информации уменьшается, круг его интересов сужается, падает активность.
Теория активности	М. Мэддокс	Главным аспектом является положительная взаимосвязь уровня активности и удовлетворенности жизнью. Теория активности предполагает, что старые люди должны быть вовлечены в жизнь общества, это должно означать, что чем некто активнее, тем он удовлетвореннее.
«Эйджизм»	Р. Батлер, М. Мид, Л. Фойер, Ж. Мандель, Д. Гутман, К. Виктор, И.С. Кон	Концепции социальной дискриминации и неприятия людей пожилого возраста группами младших возрастов.
Теория субкультуры	А. Роуз	В теории предполагается, что дискриминация по отношению к лицам старших возрастов и их чувство общности дают основание для появления субкультуры старости. В практическом плане А. Роуз предлагал создание поселков, жилых домов, домов-интернатов для пенсионеров.
Модель счастливой старости	М. Балтес	Построена на идее восполнения потерь в старости положительными процессами отбора, компенсации и оптимизации.
Теория социально-эмоционального отбора	Л. Карстенсен	Теория рассматривает взаимосвязи изменений в аспекте снижения социальных контактов на протяжении жизни как результат изменений в системе мотивации.

Особенно много исследований посвящено негативной стереотипизации стариков, явлению эйджизма. Все эти факторы приводят к тому, что порог выхода на пенсию становится невидимой преградой, разделяющей общество. В данном случае можно говорить о появлении условной субкультуры «старость», которая основывается на чувстве общности пожилых людей и постепенном отдалении от других социальных групп.

В контексте вышеизложенного качество жизни приобретает всё большее значение для формирования гуманистической социальной политики в связи с необходимостью адаптации человека к изменившимся в пожилом возрасте условиям существования [4].

Понятие «качество жизни» обычно употребляется для характеристики того, насколько благоприятно складывается жизненная ситуация для тех или иных индивидов как членов определенной социальной группы. В 1970-х годах была разработана концепция «бинарного» качества жизни: качества жизни объективного и качества жизни субъективного [20]. Тем самым было положено начало доминирующему до сих пор пониманию психологического компонента (личностного восприятия) только как субъективной оценки людьми своего качества жизни в целом или отдельных ее аспектов [5]. Критериями объективной оценки качества жизни служат существующие нормативы потребностей и интересов людей, по отношению к которым можно объективно судить о степени удовлетворения этих потребностей и интересов. В данном случае исследуются финансовое положение человека (уровень жизни), состояние его здоровья, жилищные условия, семейное положение и др. С субъективной позиции под «качеством жизни» понимается то, что каждый человек в процессе

жизни приобретает свой собственный жизненный опыт, и поэтому разные люди оценивают качество своей жизни по-разному. При этом часто понятие «качество жизни» связывается с понятиями «счастье» и «удовлетворенность жизнью» в целом или отдельными ее сферами [5]. В данной статье мы будем придерживаться следующего определения: качество жизни — это социологическое понятие, обозначающее совокупность необходимых и достаточных условий для реализации субъективно определяемой достойной жизнедеятельности человека в социуме [10]. Оно действует в рамках концепций социальной инклюзии пожилых людей и других категорий населения, общества равных возможностей, не отрицая наличие субъективизма в оценке и восприятии «благополучия» жизни.

Социологический подход к оценке качества жизни населения пожилого возраста

Мировая практика исследования субъективной стороны качества жизни населения подтверждает важность использования социологических методов. Например, изучение качества жизни с помощью опросника SF-36 является общепринятым в мире высокоинформативным, чувствительным и экономичным методом оценки состояния здоровья как населения в целом, так и отдельных социальных групп. Метод позволяет дать количественную оценку характеристик жизнедеятельности человека — его физического, психологического и социального функционирования [9].

В российской науке считают необходимым сочетание объективных и субъективных методов измерения качества жизни (в частности, социологических) такие авторы, как Е.В. Давыдова, А.А. Давыдов, М.Н. Алферова, В.П. Бабинцев, А.А. Белов, А.А. Гармашев, С.В. Заинчковская, М.Ш. Салимов и др. Социологические методы исследования позволяют оценить

важные аспекты восприятия населением собственного благополучия (например, самооценка здоровья, отношения с окружающими, ценностные ориентации т.д.), которые дополняют и восполняют объективные показатели качества жизни.

Результаты исследования отдельных аспектов качества жизни пожилых людей можно найти в работах Всемирной организации здравоохранения [28], Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [29]. Одним из наиболее информативных и научно обоснованных является глобальное исследование Global AgeWatch Index и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю качества жизни и благополучия пожилых людей [25]. Индекс рассчитывается по методике международной неправительственной организации HelpAge International на основе статистических данных и результатов опросов населения, получаемых от национальных институтов и международных организаций и аккумулируемых в Фонде ООН в области народонаселения (ЮНФПА).

Рейтинг базируется на статистическом анализе состояния 13 показателей качества жизни и благополучия пожилого населения, объединенных в четыре основные группы:

1. Материальная обеспеченность (доступ к достаточному уровню дохода и способность использовать его самостоятельно для того, чтобы удовлетворить основные потребности в более старшем возрасте). Включает охват пенсионным доходом, уровень бедности в пожилом возрасте, относительное благосостояние пожилых людей и ВВП на душу населения.

2. Состояние здоровья. Включает состояние здоровья, продолжительность жизни после 60 лет и психологическое благополучие.

3. Личный потенциал. Включает уровень занятости, уровень образования и продолжительность активной жизни после 60 лет.

4. Благоприятная социальная среда (пожилые люди хотят иметь свободу выбора жить независимой и самостоятельной жизнью). Включает социальные связи, физическую безопасность, гражданские свободы и доступ к общественному транспорту.

Согласно данным Global AgeWatch Index, в 2015 году лучшей страной для пожилых людей стала Швейцария (90,1 балла) (табл. 2). В первую десятку вошли страны северной (Норвегия, Швеция, Исландия) и континентальной (Германия, Нидерланды) Европы, а также Канада, США, Великобритания и Япония. Представленные в таблице данные свидетельствуют, что уровень обеспечения качества жизни пожилых в Европейском союзе, других развитых странах заметно выше, чем, например, в странах БРИКС.

Россия занимала 65 строчку в данном рейтинге с результатом в 41,8 балла. При этом стоит отметить положительные изменения индекса качества жизни пожилых людей: в 2013 году страна находилась на 78 месте (30,8 балла). Обращает на себя внимание значительная дифференциация занимаемых Россией мест в рейтингах по частным индексам. Так, если по уровню материальной обеспеченности пожилых людей ей принадлежит 30 место и она находится примерно на одном уровне с США, Японией и Швейцарией, то по состоянию здоровья — только 86 место, т.е. относится к группе наименее развитых стран. Согласно данным Global AgeWatch Index, в России высокий уровень образования и занятости пожилых людей (25 место), но социальная среда оценивается крайне низко (82 место).

Таблица 2. Рейтинг и значения Global AgeWatch Index в общем и по отдельным показателям, 2015 г.

Страна		Общий рейтинг и значение		Материальная обеспеченность		Состояния здоровья		Личный потенциал		Благоприятная социальная среда	
		Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение
Страны-лидеры	Швейцария	1	90,1	27	77,3	2	81,3	2	75,0	1	83,7
	Норвегия	2	89,3	2	89,4	16	73,5	1	76,3	4	80,1
	Швеция	3	84,4	7	83,5	12	75,2	5	65,6	6	79,4
	Германия	4	84,3	15	80,9	11	75,6	3	68,4	11	78,6
	Канада	5	84,0	10	82,9	4	80,3	10	61,2	9	78,9
	Нидерланды	6	83,0	5	85,9	13	74,8	12	59,6	5	79,6
	Исландия	7	81,8	4	86,6	8	78,2	18	54,5	10	78,8
	Япония	8	80,8	33	75,1	1	83,9	7	62,7	21	75,0
	США	9	79,3	29	76,3	25	70,1	4	65,7	17	76,8
	Великобритания	10	79,2	14	81,5	27	69,3	20	53,6	3	81,8
...											
Страны БРИКС	Китай	52	48,7	75	39,2	58	46,5	39	37,8	28	71,8
	Бразилия	56	46,2	13	81,5	43	57,4	58	29,9	87	54,6
	Россия	65	41,8	30	76,2	86(!)	27,1	25	48,4	82(!)	55,5
	Индия	71	37,9	72	45,9	87	27,0	55	30,1	52	65,3
	Южная Африка	78	35,0	19	79,5	89	25,9	69	25,9	83	55,0
...											
Страны-аутсайдеры	Мозамбик	94	4,5	84	22,8	94	18,9	94	4,5	96	45,1
	Малави	95	4,1	96	5,6	95	18,8	84	19,0	94	48,4
	Афганистан	96	3,6	83	23,3	96	7,1	91	12,1	95	47,0

Источник: данные: Global AgeWatch Index [Electronic resource]. – URL: www.helpage.org/global-agewatch/

Таким образом, результаты исследования, проведенного международной неправительственной организацией HelpAge International, позволяют выявить главные проблемы качества жизни пожилых людей в современной России:

- плохое состояние здоровья;
- неблагоприятная социальная среда.

Обратим внимание на тот факт, что статус пенсионера, как человека, прекратившего свою трудовую деятельность, с большой вероятностью предопределяет его низкую материальную обеспеченность [3]. Так, например, по данным за 2014 год коэффициент замещения (соотношение размера пенсии и средней заработной платы) в России составлял только 36% (в США – 90,5%, а в Швейцарии – 56%) [18]. Высокое место России в рейтинге Global AgeWatch Index по уровню материальной обеспеченности

объясняется тем, что российское законодательство допускает возможность продолжения трудовой деятельности и одновременного получения пенсионного пособия. Потребность в дополнительном заработке является одной из причин, вынуждающих пожилых людей продолжать работать на пенсии: за период с 1997 по 2012 г. доля работающих пенсионеров по старости в России возросла с 25,5 до 37,7% соответственно [12]. Существенным фактором роста трудовой активности населения пенсионного возраста является также более высокий уровень образования «новых» пенсионеров. Тем не менее в подавляющем большинстве случаев уровень материальной обеспеченности человека в пожилом возрасте уменьшается, а межстрановые различия определяются только масштабами этого снижения.

Целью же данной статьи является изучение двух других важных компонентов качества жизни представителей старшего поколения, а именно состояния здоровья и благоприятной социальной среды. Рассматривая второй критерий, мы сделали акцент на исследовании структуры социальных связей, как одного из наиболее важных элементов субъективного благополучия пожилых людей [6]. Оба компонента оказывают прямое влияние как на возможность продолжения трудовой деятельности (что, соответственно, ведет к увеличению покупательной способности пожилых людей и наращиванию пенсионного капитала), так и на социальную активность лиц старшего возраста.

Учитывая важность использования методов социологии в изучении качества жизни населения, Институт социально-экономического развития территорий РАН в 2015 году провел исследование качества жизни пожилых людей в Вологодской области. Опрос осуществлялся методом раздаточного анкетирования. Выборка квотная по полу и возрасту с пропорциональным размещением единиц наблюдения (табл. 3). Объем выборки – 1500 человек старше 50 лет, ошибка выборки не превышает 5%. Анкета включала в себя восемь блоков вопросов, позволяющих оценить различные аспекты качества жизни пожилых людей, в том числе состояние здоровья, структуру системы ценностей и социальных связей.

Блок вопросов, направленный на выявление удовлетворенности респондентов состоянием своего здоровья, был сформирован на основе стандартного опросника SF-36. Отечественные и зарубежные исследования показывают связь между удовлетворенностью жизнью и высокой самооценкой здоровья: физическое самочувствие значительно предсказывает удовлетворенность качеством жизни [16]. Полученные в ходе обследования данные свидетельствуют, что только 22% опрошенных оценили свое здоровье как «отличное» и «хорошее» (табл. 4). С возрастом доля положительных оценок населением состояния своего здоровья существенно снижается: с 35% у населения предпенсионного возраста (50–59 лет) до 5,5% у людей в возрасте старше 70 лет.

Хотя средняя продолжительность жизни женщин в пенсионном возрасте заметно выше, в оценках состояния своего здоровья они настроены пессимистичнее, нежели мужчины (доля ответов «средственное» и «очень плохое» – 18 и 29% соответственно). Как предполагают эксперты, причинами невысокой самооценки состояния здоровья женщин являются не только социальные и психологические факторы, но и гораздо более широкая распространенность хронических заболеваний, чем у мужчин, что также оказывает значительное отрицательное воздействие на качество жизни и формирование самооценки здоровья, несмотря на достаточно

Таблица 3. Распределение респондентов по полу, возрасту и месту проживания, чел.

	Мужчины, лет					Женщины, лет					Всего
	50-54	55-59	60-64	65-69	70 и старше	50-54	55-59	60-64	65-69	70 и старше	
Область	155	148	116	54	108	183	192	165	85	294	1500
Вологда	32	31	27	13	22	45	48	41	22	62	343
Череповец	36	32	25	13	27	47	46	41	23	70	360
Районы	87	85	64	28	59	91	98	83	40	162	797
В т.ч. город	28	29	23	10	19	34	39	34	16	56	288
село	59	56	41	18	40	57	59	49	24	106	509

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили состояние своего здоровья?», %

Вариант ответа	Всего	Пол		Возраст, лет				
		Мужчины	Женщины	50-54	55-59	60-64	65-69	70 и старше
Отличное	1,5	2,4	1,0	3,8	1,2	1,7	0,0	0,3
Хорошее	20,7	26,4	16,9	36,7	29,5	15,0	13,4	5,2
Посредственное	53,7	50,0	56,0	47,2	52,9	64,1	59,9	50,0
Плохое	16,3	12,7	18,7	6,4	8,7	10,5	17,6	36,1
Затрудняюсь ответить	7,8	8,5	7,4	5,8	7,8	8,7	9,2	8,4

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Насколько верным или неверным представляется по отношению к Вам каждое из нижеперечисленных утверждений?», %

Вариант ответа	Всего	Мужчины	Женщины
<i>Мне кажется, что я более склонен к болезням, чем другие</i>			
Определённо верно	3,7	2,9	4,2
В основном верно	16,7	15,1	17,7
Не знаю	45,7	45,6	45,7
В основном неверно	22,9	23,6	22,4
Определённо неверно	11,1	12,9	10,0
<i>Моё здоровье не хуже, чем у большинства моих знакомых</i>			
Определённо верно	8,8	10,5	7,7
В основном верно	36,4	34,2	37,8
Не знаю	41,1	40,8	41,3
В основном неверно	10,4	10,8	10,1
Определённо неверно	3,3	3,6	3,1
<i>Я ожидаю, что моё здоровье ухудшится</i>			
Определённо верно	1,6	1,7	1,5
В основном верно	16,9	14,7	18,4
Не знаю	57,5	56,4	58,2
В основном неверно	16,5	18,1	15,4
Определённо неверно	7,5	9,0	6,5
<i>У меня отличное здоровье</i>			
Определённо верно	2,9	4,2	2,0
В основном верно	18,3	22,5	15,6
Не знаю	37,7	38,6	37,1
В основном неверно	25,7	22,9	27,5
Определённо неверно	15,4	11,7	17,8

высокие показатели ОПЖ [16]. В свою очередь, мужчины в возрасте старше 60 лет в гораздо большей степени подвержены сердечно-сосудистым заболеваниям, чем женщины той же возрастной категории [19].

Женщины чаще мужчин обращаются к услугам врачей: каждая пятая из числа опрошенных бывает на приеме в медицинском учреждении не реже чем раз в месяц, тогда как среди мужчин — лишь каждый десятый. Вероятно, одной из причин достижения большей длительности периода до-

жития в пенсионном возрасте для женщин служит бóльшая медицинская активность, что позволяет вовремя принимать меры по профилактике и сохранению здоровья.

В анкете было предложено оценить истинность некоторых утверждений, касающихся состояния здоровья респондентов. Так, по мнению каждого пятого из числа тех, кто старше 50 лет (20%), он более подвержен болезням по сравнению с другими (табл. 5). Женщины склоняются к такому утверждению чаще, чем мужчины (22 и 18%

соответственно). С возрастом доля людей, считающих себя более болезненными, чем окружающие, также увеличивается: если в группе 50–54 лет их доля составляет 12%, то в группе старше 70 лет – 29%. Около половины опрошенных (45%) согласны с утверждением, что их здоровье не хуже, чем у большинства знакомых, а каждый пятый (21%) уверен, что по большей части его здоровье можно назвать отличным. Прогнозируя состояние своего здоровья в будущем, 18,5% респондентов ожидают, что оно ухудшится. Причем и здесь женщины настроены чуть пессимистичнее, чем мужчины (20 и 16% соответственно).

Как отметили две трети от числа опрошенных пожилых людей (66%), периодически их физическое и эмоциональное состояние мешает им активно общаться с окружающими, навещать родственников и т.д. Это еще раз подтверждает тот факт, что неудовлетворительное состояние здоровья старшего поколения представляет существенный фактор ограничения процесса коммуникации даже с ближайшим окружением, и это негативно сказывается на социальных связях и, в крайнем случае, может стать причиной десоциализации.

Важный фактор, влияющий на субъективное качество жизни пожилых людей, – сложившаяся в их среде система культурно-нравственных ценностей. Так, мониторинговое исследование общественного мнения, проведенное ИСЭРТ РАН в 2014 г. с применением модели ценностных ориентаций Милтона Рокича, показало, что ценностные установки пожилых жителей Вологодской области мало отличаются от ценностных установок других социально-демографических групп (табл. 6). Хорошее здоровье, материальное благополучие, счастливая семейная жизнь и наличие верных друзей – вот те конкретные терминальные ценности, которые являются наиболее

важными, по мнению большинства опрошенных. Существенным же возрастным отличием выступает меньшая значимость для пожилых людей интересной работы. Это объясняется тем, что для большинства людей на пенсии ценность отдыха превалирует над стремлением продолжить трудовую деятельность, что, вероятно, обусловлено качеством трудовой жизни, параметрами трудовой активности (например, высоким уровнем стресса, нарушением режима труда и отдыха, работой не по призванию, профессиональным выгоранием и др.).

В системе абстрактных ценностей пожилых людей на первом месте стоит жизненная мудрость, которая выражается в зрелости суждений при принятии важных решений. Более высокие места в сравнении с ценностными установками населения региона в целом занимают также альтруистические (забота о счастье других людей) и эстетические (созерцание красоты природы и искусства) ценности. Житейская мудрость и альтруистическая направленность служат базой для выполнения одной из важнейших функций социальной группы пожилых людей – передачи жизненного опыта молодым поколениям. Выполнение данной функции осуществляется главным образом в семейном кругу. Нуклеаризация семейных отношений, все больше распространяющаяся в России, снижает возможность родственных коммуникаций, что является фактором риска одиночества и десоциализации пожилых людей [14].

Коммуникативные процессы и социальные связи – важнейшие факторы вторичной социализации пожилых людей. Согласно результатам исследования, в целом пожилые люди удовлетворены отношениями в семье и с друзьями (67%). Однако чем старше человек, тем ниже уровень его удовлетворенности. Объясняется это тем, что с возрастом круг общения

Таблица 6. Система ценностей населения Вологодской области по методике М. Рокича, 2014 г.

ТЕРМИНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ	Среднее по области		Пожилые люди	
	Средний балл	Ранг	Средний балл	Ранг
Конкретные (ранжировано по среднему баллу по области)				
Здоровье (физическое и психическое)	4,36	1	4,30	1
Материальная обеспеченность	4,35	2	4,20	2
Счастливая семейная жизнь	4,31	3	4,03	3
Наличие хороших и верных друзей	4,08	4	3,87	4
Интересная работа	3,72	5	3,12	8
Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)	3,68	6	3,38	5
Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	3,62	7	3,32	6
Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)	3,56	8	3,30	7
Развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей)	3,45	9	3,01	9
Абстрактные (ранжировано по среднему баллу по области)				
Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	3,96	1	3,63	2
Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)	3,88	2	3,61	3
Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом)	3,82	3	3,80	1
Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)	3,70	4	3,42	6
Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	3,62	5	3,41	7
Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)	3,62	6	3,52	4
Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	3,61	7	3,40	8
Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве)	3,51	8	3,47	5
Творчество (возможность творческой деятельности)	3,29	9	3,04	9
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, октябрь 2014 г.				

заметно сужается и очень многие пожилые люди сталкиваются с проблемой одиночества. Как показали результаты исследования качества жизни пожилых людей в 2015 году, 9% опрошенных считают себя одиночками, чуть больше 40% респондентов периодически сталкиваются с чувством одиночества (табл. 7). Растет и доля одинокого проживающих: если в возрасте 50–59 лет она в среднем составляет 11%, то в возрасте от 60 до 69 лет – 22%. Следующий и наиболее существенный скачок наблюдается после 70 лет, когда данный показатель возрастает до 37%. Причем чаще

среди женщин, поскольку в большинстве пожилых семейных пар мужчины уходят из жизни раньше своих партнерш. Судя по данным зарубежных исследований [26], женатые люди, вне зависимости от возраста, оценивают уровень своего благополучия выше, чем неженатые [24]. Проблема одиночества в наибольшей степени характерна для двух «полярных» возрастных групп: подростков и пожилых. Причем подростки сталкиваются с этим явлением даже чаще, чем представители старшего поколения, однако причины его возникновения несколько разнятся [17].

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Насколько часто Вы сталкиваетесь с чувством одиночества?», %

Вариант ответа	Всего	Пол		Возраст, лет				
		Мужчины	Женщины	50-54	55-59	60-64	65-69	70 и старше
Постоянно	9,1	6,3	10,9	5,2	4,6	8,0	9,9	17,0
Временами	40,7	35,9	43,7	35,9	42,5	44,3	44,4	39,3
Практически никогда	36,8	40,2	34,6	43,7	39,0	35,5	34,5	30,4
Затрудняюсь ответить	13,5	17,6	10,8	15,2	13,9	12,2	11,3	13,4

Так, в подростковом возрасте возникновение чувства одиночества чаще обусловлено личностными характеристиками индивида и его поведением, тогда как в пожилом возрасте эта проблема переходит в разряд социальных, обусловленных разрывом прежних социальных связей, а также со стереотипизацией социально-демографической группы пожилых людей.

По большей части одиночество пожилых людей – это системное явление, возникающее под действием того самого невидимого барьера, условно разделяющего жизнь человека на периоды «до выхода на пенсию» и «после выхода на пенсию». В свете этого большую важность приобретает наличие регулярного общения и поддержания межпоколенческих связей. Как показывает наше исследование, чаще всего пенсионеры контактируют со своими соседями и детьми (39,5 и 31% респондентов отметили, что удается общаться с ними каждый день). Ежедневно общается со своими внуками пятая часть от числа респондентов (21%). Гораздо реже пожилые люди общаются с другими родственниками (ежедневно с ними на контакт выходят порядка 3,5% пенсионеров), друзьями (7%) и коллегами по работе (10%). Исходя из этого мы можем заключить, что пенсионеры преимущественно ограничиваются общением с ближайшим окружением (близкие родственники и соседи) и именно здесь проявляются их основные социальные связи.

Еще одним фактором, существенно влияющим на восприятие пожилыми людьми своего субъективного благополучия, выступает их уверенность в том, что они по-прежнему могут быть полезны обществу. По мнению свыше трети опрошенных (36%), они не приносят пользу государству и обществу, противоположной точки зрения придерживаются только 28%. Однако по отношению к семье свою нужность подчеркивают 78,5% пожилых. Более половины респондентов (54%) считают, что приносят пользу своим друзьям, коллегам и соседям.

В целом проведенное исследование подтверждает актуальность многих проблем качества жизни, характерных для старших возрастов (низкая оценка состояния собственного здоровья, проблема одиночества, потеря прежних социальных связей). Совокупность этих явлений негативно сказывается на восприятии пожилыми людьми окружающей действительности и собственного благополучия, а в ряде случаев может привести к возникновению ощущения «ненужности» и фрустрации. На решение этих проблем должны быть направлены усилия органов власти по разработке и реализации мер по направлениям, среди которых приоритетными, на наш взгляд, являются следующие:

1. Совершенствование системы и принципов социального обслуживания пожилых людей с целью обеспечения до-

стойных условий существования, улучшения здоровья. Необходимо сделать акцент на продвижении среди населения идей здоровьесберегающего (самосохранительного) поведения [7]. Как нам видится, это направление может быть успешно реализовано через принятие на федеральном и региональном уровне концепции активного долголетия, целью которой установлено формирование личной ответственности человека за собственное здоровье, знаний и навыков долгой и активной жизни.

2. Разработка эффективных и менее затратных способов работы с людьми старшего возраста. В условиях постоянно растущей их доли расходная часть по многим статьям федерального и регионального бюджетов также будет увеличиваться (в том числе и на социальное обслуживание). В этом случае одним из направлений совершенствования функционирования системы социального обслуживания может стать постепенный переход к осуществлению ухода за пожилыми на дому. Поддержка внутри семьи и родственные связи имеют важнейшее значение для пожилых людей, поэтому государственная поддержка может быть направлена на укрепление семейных отношений. Требуется рассмотреть возможность введения преференций для людей, которые ухаживают за своими престарелыми родственниками: например, предоставление гибкого графика работы либо материальной компенсации части потенциально возможного заработка.

3. Создание благоприятных условий, способствующих вторичной социализации людей пожилого возраста, что заметно сократит период адаптации пенсионеров к новым для них условиям. Эти меры должны осуществляться посредством налаживания процесса коммуникации между пожилыми людьми и другими возрастными группами населения (как на уровне всего общества, так и на уровне семьи) с целью недопущения

социальных и культурных «разрывов» между ними. Эту функцию могут выполнять культурно-досуговые центры для пожилых людей, которые, как показывает успешный опыт работы такого учреждения в г. Вологде (центр «Забота»), способствуют ресоциализации представителей старшего поколения и поддержанию ими активного образа жизни.

4. Внедрение геронтологического профилирования специалистов, работающих с пожилыми людьми: медицинских работников, преподавателей, профессионалов в реакционной сфере, сфере досуга. Работа с пожилыми людьми требует соответствующих навыков и умений и должна быть направлена на поддержку эмоционального благополучия для профилактики и регулирования одиночества, идентичности, социальных отношений и участия в жизни общества.

На региональные и муниципальные органы власти возлагается основная функциональная нагрузка по формированию конкретных направлений и программ демографической политики, а также по распределению имеющихся ресурсов для ее обеспечения. Важнейшей функцией является принятие стратегических документов, учитывающих специфику муниципального образования.

Формирование направлений социальной политики в интересах граждан пожилого возраста в условиях старения населения

Нарастание интенсивности демографического старения и снижение доли трудоспособного населения в России вызывают все большее беспокойство в правящих кругах. Меры социально-экономической политики в этих условиях должны быть одновременно направлены как на поддержание достойного уровня и качества жизни пожилых людей, так и на создание условий для реализации ресурсного потенциала данной группы населения.

В этой связи по Указу Президента РФ В.В. Путина в 2015 г. Министерством труда был разработан проект «Стратегии действий в интересах граждан пожилого возраста до 2025 года», целью которой является определение принципов, задач и приоритетных направлений государственной политики в отношении представителей старшего поколения. Стратегия представляет собой документ федерального уровня, основная роль которого заключается в формировании единой системы мер, рекомендованных для реализации в регионах. В свою очередь, региональные органы власти при разработке мер должны максимально возможно учесть специфику конкретного субъекта РФ, его экономические, социальные, культурные, географические, религиозные и другие отличительные особенности.

Основные направления государственной социальной политики в отношении граждан пожилого возраста отражены в поручениях Президента Российской Федерации, которые он дал по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации (Перечень поручений Президента Российской Федерации «О развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста» от 5 августа 2014 г. № ПР-2159). Они касаются применения дифференцированного подхода к определению форм социальной поддержки граждан пожилого возраста, к развитию современных форм социального обслуживания и альтернативных форм ухода, формирования условий для организации досуга граждан пожилого возраста, обучения компьютерной грамотности, развития рынка социальных услуг. Эти задачи реализуются в регионе посредством мероприятий государственной программы «Социальная поддержка граждан Вологодской области

на 2014–2018 годы» и стратегических планов и программ Департамента социальной защиты населения области.

Проблемы качества жизни пожилых людей остаются предметом обсуждения вологодской общественности. Так, 1 апреля 2016 года в г. Вологде на базе «Фонда поддержки гражданских инициатив», в рамках реализации благотворительной программы «Активное поколение» (спонсируется фондом Елены и Геннадия Тимченко), прошел круглый стол «Активное поколение: решаем задачи – меняем жизнь!» На мероприятии были представлены итоги реализации программы в 2015 г., а также презентованы проекты, получившие поддержку фонда и реализуемые на территории Вологодской области:

- «Психологическая помощь в преодолении горя и тяжелой утраты у пожилых людей» (г. Вологда);
- «Организация безопасной жизнедеятельности пожилых людей». Буклет «Один дома» и «Социальный курьер» (г. Тотьма);
- «Выездная ветеринарная клиника» (Вологодский район);
- «Театральная студия «Неунывай-ка» (г. Череповец);
- «Создание комфортной среды для жителей и пожилых инвалидов Нило-Сорской пустыни» (Кирилловский район).

Трудно переоценить важность всех перечисленных проектов в системе работы с пожилым населением Вологодской области. Но существует и ряд проблем. Хотя организаторами проектов изначально не ставится задача охватить максимально возможное число людей, масштаб мероприятий представляется незначительным. Вероятно, одной из причин этого является недостаточность финансирования (объем выделяемых грантовых средств варьируется в интервале от 50 до 100 тыс.

рублей), что препятствует расширению охвата. Однако наиболее важна, на наш взгляд, проблема научного обоснования проектов. Вся система реализуемых программ должна опираться на результаты научных исследований, выявляющих и раскрывающих приоритетные проблемы качества жизни пожилых людей. Программы и проекты по улучшению условий жизни старшего поколения, реализуемые на территории Вологодской области, направлены на решение проблем, выявленных, в частности, в исследованиях ИСЭРТ РАН. Тем не менее некоторые из них не затронуты. Например, стимулирование и обеспечение занятости пожилого населения. Как показало исследование ИСЭРТ РАН, проведенное в 2015 г., каждый пятый неработающий вологодский пенсионер (20%) готов взяться за любую дополнительную работу, если такое предложение поступит. Нельзя оставлять без внимания и тот факт, что 13% опрошенных пожилых людей сталкивались с проявлениями возрастной дискриминации при приеме на работу [2]. Безусловно, обеспечение занятости населения выступает, в первую очередь, объектом деятельности региональных властей. Но бизнес-сообщество и некоммерческие организации (НКО) также могут существенным образом повлиять на изменение ситуации (например, разработка адаптированных рабочих мест для пожилых; введение системы стажировок для пенсионеров с правом заключения трудового договора и т.д.). На наш взгляд, при разработке проекта приоритетным должен стать комплексный анализ в исследуемой сфере, для которого, однако, требуется соответствующая информационная база.

С целью своевременного выявления проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди, необходимо проводить постоянный мониторинг качества их жизни.

Наиболее известными мониторингами уровня и качества жизни населения являются «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ; проводится с 1992 года), «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ; проводился Независимым институтом социальной политики с 2004 по 2011 г.), мониторинговые исследования ВЦИОМ и др.

По итогам заседания президиума Госсовета РФ (Перечень поручений Президента Российской Федерации «Об обеспечении проведения комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей, включая выявление и учет всех пожилых людей, нуждающихся в социальных услугах» от 27 ноября 2010 г. № Пр-3464ГС, п. 2) органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации предписывалось проведение мониторинговых исследований уровня и качества жизни пожилых людей и принятие мер на основе выявленных результатов по повышению уровня их жизни. Однако подобных исследований, объектом которых являются непосредственно проблемы качества жизни данной социально-демографической группы, в России проводится не так много. Все исследования выполняются на региональном уровне и часто носят разовый характер. Например, к таким исследованиям относятся «Изучение социально-экономического положения граждан пожилого возраста в Свердловской области» (проведено Уральским институтом социально-образовательного образования (филиал) РГСУ в г. Екатеринбурге в 2012 г.), а также «Комплексный мониторинг социально-экономического положения пожилых людей Самарской области» (проведен ООО «Бизнес-групп» по заказу Министерства социально-демографического развития Самарской области в 2012 г.) и др.

Один из наиболее проработанных с научной точки зрения — «Комплексный мониторинг уровня и качества жизни граждан пожилого возраста города Москвы», проводимый ГАУ ИПК ДСЗН по заданию Департамента социальной защиты населения г. Москвы с 2011 года. Он отвечает требованиям, предъявляемым к проведению социальных мониторингов, таким как целенаправленность, непрерывность, периодичность, сопоставимость, объективность, прогностичность, и учитывает объективные и субъективные индикаторы, характеризующие уровень и качество жизни пожилых москвичей.

В то же время перечень собираемых сведений и выбор для обследования сфер жизнедеятельности обуславливаются в основном действующей системой и формами статистических наблюдений и не в полной мере соответствуют рекомендациям Минздравсоцразвития России. Порядок сбора информации и представления данных мониторинга не является единообразным и определяется нормативными документами органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. В этой связи требуется разработка единой формы мониторинговых исследований для создания условий осуществления сравнительного анализа во всех регионах РФ.

На наш взгляд, опыт мониторинговых исследований ИСЭРТ РАН и его исследование «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области» создают все необходимые условия для формирования на территории области многолетнего мониторинга качества жизни населения старших возрастов. Его результаты позволят, во-первых, проследить динамику изменения оценок пожилыми людьми качества своей жизни; во-вторых, оценить эффективность проводимых в области мероприятий по улучшению условий жизни граждан

старшего поколения; в-третьих, сформировать стратегические направления в сфере регулирования социально-экономического развития региона в условиях старения населения.

В заключение отметим, что старение населения представляет собой не просто демографический процесс, выражающийся в увеличении доли населения старших возрастов, а явление, ведущее к структурным сдвигам практически во всех сферах общественной жизни. Концепция «стареющего общества» предполагает смену социокультурной парадигмы, пересмотр отношения к пожилым людям как социально незащищенной группе. В условиях демографического старения ресурсный потенциал этой части населения становится важнейшим аспектом устойчивого социально-экономического развития территорий. В этой связи особую важность приобретает изучение проблем качества жизни данной социально-демографической группы. Проведенные исследования, основанные в том числе на субъективных оценках самих пожилых людей, подтверждают актуальность многих проблем, характерных для старших возрастов, таких как: неудовлетворительное состояние здоровья, «разрыв» социальных связей, ощущение чувства одиночества. Вместе эти явления выстраивают тот самый «невидимый барьер», отделяющий пожилых людей от остальной части общества, разделяющий жизнь на «до» и «после» выхода на пенсию. В большинстве случаев следствием этого становится дальнейшее снижение физической и социальной активности людей старшего поколения, что, безусловно, служит препятствием к реализации их ресурсного потенциала. Решение вышеуказанных проблем должно стать приоритетом для федеральных, региональных и муниципальных органов власти, в чье ведение входит улучшение качества жизни

пожилых граждан. Выбор направлений и мер совершенствования политики в отношении граждан пожилого возраста должен основываться на данных мониторинговых исследований качества жизни старшего поколения, а это на текущий момент отсутствует в подавляющем большинстве регионов России, в том числе и в Вологодской области. В целом же стоит отметить, что в регионе наблюдаются положительные изменения в сфере работы с пожилыми людьми:

совершенствуется нормативно-правовая база, разрабатываются новые проекты. На наш взгляд, в дальнейшем региональным властям, социально ответственным бизнес-структурам и НКО необходимо сделать акцент на стимулировании занятости населения пенсионного возраста, т.к. данная социально-демографическая группа обладает огромным ресурсным потенциалом, который, к сожалению, еще недостаточно раскрыт.

Литература

1. Александрова, М.Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии [Текст] / М.Д. Александрова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 136 с.
2. Барсуков, В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории [Текст] / В.Н. Барсуков // Экономические и социальные перемены, факты, тенденции прогноз. – 2016. – № 1 (43). – С. 195-213. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.13
3. Бедность и бедные в современной России [Текст] / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир, 2014. – 304 с.
4. Дворецкий, Л.И. Качество жизни пожилого человека [Текст] / Л.И. Дворецкий // Руководство по геронтологии и гериатрии: в 4-х т. / под ред. акад. РАМН, проф. В.Н. Ярыгина, проф. А.С. Мелентьева. – Т. 2: Введение в клиническую гериатрию. – Ч. I. – Гл. 11. – М., 2005. – С. 154-160.
5. Зарковский, Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие [Текст] / Г.М. Зарковский. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
6. Зеликова, Ю.А. Субъективное благополучие пожилых людей (кросс-национальный анализ) [Текст] / Ю.А. Зеликова // Социологические исследования. – 2014. – № 11. – С. 60-69.
7. Калачикова, О.Н. Факторы риска в сфере общественного здоровья: образ жизни [Текст] / О.Н. Калачикова, П.С. Корчагина // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 1. – С. 108-123.
8. Мадридский международный план действий по проблемам старения [Электронный ресурс]: принят Второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения, 8-12 апреля 2002 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml
9. Новик, А.А. Руководство по исследованию качества жизни в медицине [Текст] / А.А. Новик, Т.И. Ионова. – М., 2007. – 320 с.
10. Панкратова, Е.В. Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона [Текст]: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Нижний Новгород: ННГУ, 2008. – 27 с.
11. Россет, Э. Процесс старения населения [Текст] / Э. Россет. – М.: Статистика, 1968. – 508 с.
12. Российский статистический ежегодник [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/Main.htm
13. Сапогова, Е.Е. Психология развития человека [Текст] / Е.Е. Сапогова. – М.: Академия, 2005. – С. 407-443.
14. Синельников, А.Б. Трансформация семейных отношений и её значение для демографической политики в России [Электронный ресурс] / А.Б. Синельников // Демографические исследования. – 2006. – № 5. – URL: www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=683
15. Сови, А. Общая теория населения. Т. 2: Жизнь населения [Текст] / А. Сови : пер. с фран. Ф.Р. Окуневой. – М.: Прогресс, 1977. – 520 с.
16. Старшее поколение и будущее [Текст]: кол. монография под науч. ред. чл.-корр. Н.М. Римашевской. – М.: Экономическое образование, 2014. – 212 с.
17. Фаррахов, А.Ф. Феномен одиночества: геронтологический аспект [Электронный ресурс] / А.Ф. Фаррахов // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-odinochestva-gerontologicheskiiy-aspekt>

18. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru>
19. Шабунова, А.А. Причины и факторы распространения сердечно-сосудистых заболеваний в Вологодской области (по данным исследования ЭССЕ-РФ) [Текст] / А.А. Шабунова, Л.Н. Фахрадова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 1 (37). – С. 134-149. DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.9
20. Andrews, F.M. Social indicators of well-being [Text] / F.M. Andrews, S.B. Witney. – N.Y.: Plenum, 1976. – P. 279-299.
21. Carstensen, L.L. Motivation of social contact across the life-span [Text] / L.L. Carstensen. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1993. – P. 209-254.
22. Edwards, K. Too young to be old: The roles of self-threat and psychological distancing in social categorization of the elderly [Text] / K. Edwards, J. Wetzler // Journal of Language & Social Psychology. – 1998. – № 12 (3). – P. 207-223.
23. Feuer, L.S. The Conflict of Generation. The Character and Significance of Student Movement. [Text] / L.S. Feuer. – New York, 1969. – 543 pp.
24. George, L.K. Age as a moderator of the determinants of life satisfaction [Text] / L.K. George, M.A. Okun, R. Landerman // Research on Aging. – 1985. – № 7. – P. 209-233.
25. Global AgeWatch Index [Electronic resource]. – URL: www.helppage.org/global-agematch/
26. Pinquart, M. Influences of socioeconomic status, social network, and competence on subjective well-being in later life: A meta-analysis [Text] / M. Pinquart, S. Soerensen // Psychology and Aging. – 2000. – № 15. – P. 187-224.
27. Thurow, L. The Future of Capitalism: How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World [Text] / L. Thurow. – New York: William Morrow, 1996. – 385 pp.
28. World Health Organization. Global Health Observatory Data Repository [Electronic resource]. – URL: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en>
29. World Population Ageing 2013 [Electronic resource]. – URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml>

Сведения об авторах

Виталий Николаевич Барсуков – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, lastchaos12@mail.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, onk82@yandex.ru)

Barsukov V.N., Kalachikova O.N.

Study of the Quality of Life of the Older Generation: a Regional Experience

Abstract. The increase in life expectancy in Russia along with low fertility has led to the fact that the age structure of the population has undergone significant changes: the proportion of children in the total population was continuously reducing, while the share of people over 60 was growing. Such transformations have multiple impacts, ranging from the issues of financial provision of pension systems, functioning of the labor market to the change in the value orientations of society. The growth of socio-demographic groups of elderly people leads to the fact that it is becoming increasingly important for the socio-economic development of territories, thus facilitating research in the field of studying its resource potential and quality

of life. The paper is devoted to the study of components of a “subjective” quality of life of the specified group of the population. The authors present conceptual approaches to the problem of an “ageing” society and specifics of studying the quality of life of the elderly. The paper substantiates the importance of sociological assessments in the study of issues typical of the elderly. The authors show the place of Russia in the international ranking of the Global AgeWatch Index and its position for all the four particular indices. Based on the findings of a sociological study, the authors highlight major problem areas that hinder the improvement of the quality of life of the elderly population, and put forward possible ways to level them. The paper considers the main normative legal acts that regulate the activities of federal and regional authorities in ensuring the decent quality of life of this socio-demographic group. The authors discuss several social projects (taking the Vologda Oblast as an example) that aim to improve the living conditions of the elderly, highlight the problems associated with the implementation and scientific substantiation of the relevance of these projects. The conclusion is made concerning the necessity of constant monitoring of the quality of life of the older generation at the regional level that, with proper management approach and accounting in strategic planning, will provide effective regulation of socio-economic development of territories in the context of population ageing.

Key words: quality of life, the elderly, secondary socialization, monitoring research.

References

1. Aleksandrova M.D. *Problemy sotsial'noi i psikhologicheskoi gerontologii* [Issues of social and psychological gerontology]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1974. 136 p.
2. Barsukov V.N. Trudovaya aktivnost' naseleniya pensionnogo vozrasta kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii [Labor activity of the population of retirement age as a factor in socio-economic development of the territory]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, fakty, tendentsii prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2016, no. 1 (43), pp. 195-213. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.13
3. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E., eds. *Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii* [Poverty and the poor in modern Russia]. Moscow: Ves' mir, 2014. 304 p. (In Russian).
4. Dvoretiskii L.I. Kachestvo zhizni pozhilogo cheloveka [Quality of life of an older person]. *Rukovodstvo po gerontologii i geriatrii: v 4-kh t. T. 2: Vvedenie v klinicheskuyu geriatriyu* [Manual of gerontology and geriatrics: in 4 volumes Volume 2: Introduction to clinical geriatrics]. 2005. Part 1. Chapter 11. Pp. 154-160. (In Russian).
5. Zarkovskii G.M. Kachestvo zhizni naseleniya Rossii: psikhologicheskie sostavlyayushchie [Quality of life of Russia's population: psychological components]. Moscow: Smysl, 2009. 319 p. (In Russian).
6. Zelikova, Yu.A. Sub"ektivnoe blagopoluchie pozhilykh lyudei (kross-natsional'nyi analiz) [Subjective well-being of the elderly (cross-national analysis)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2014, no. 11, pp. 60-69. (In Russian).
7. Kalachikova O.N., Korchagina P.S. Faktory riska v sfere obshchestvennogo zdorov'ya: obraz zhizni [Risk factors in public health: a way of life]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Regional research of Russia], 2015, no. 1, pp. 108-123. (In Russian).
8. *Madridskii mezhdunarodnyi plan deistvii po problemam stareniya: prinyat Vtoroi Vsemirnoi assamblei po problemam stareniya, 8-12 aprelya 2002 g.* [The Madrid International Plan of Action on Ageing: adopted at the Second World Assembly on Ageing, 8–12 April 2002]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (In Russian).
9. Novik A.A., Ionova T.I. *Rukovodstvo po issledovaniyu kachestva zhizni v meditsine* [Guide to assessing the quality of life in medicine]. Moscow, 2007. 320 p. (In Russian).
10. Pankratova E.V. *Kachestvo zhizni kak kompleksnyi pokazatel' sotsial'nogo razvitiya regiona: avtoref. dis. ... kand. sots. nauk* [Quality of life as a complex indicator of social development of region: Ph.D. in Sociology Dissertation abstract]. Nizhny Novgorod: NNGU, 2008. 27 p. (In Russian).
11. Rosset E. *Protsess stareniya naseleniya* [Ageing process of population]. Moscow: Statistika, 1968. 508 p. (In Russian).

12. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik* [Russian statistical yearbook]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/Main.htm
13. Sapogova E.E. *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Human developmental psychology]. Moscow: Akademiya, 2005. Pp. 407-443. (In Russian).
14. Sinel'nikov A.B. Transformatsiya semeinykh otnoshenii i ee znachenie dlya demograficheskoi politiki v Rossii [Transformation of family relations and its importance for demographic policy in Russia]. *Demograficheskie issledovaniya* [Demographic research], 2006, no. 5. Available at: www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=683 (In Russian).
15. Sauvy A. *Obshchaya teoriya naseleniya. Tom vtoroi: Zhizn' naseleniya* [Théorie générale de la population: volume II: Biologie sociale]. Translated from French by F.R. Okuneva. Moscow: Progress, 1977. 520 p. (In Russian).
16. *Starshee pokolenie i budushchee: kol. monografiya* [The older generation and the future: monograph]. Under the scientific editorship of N.M. Rimashevskaya. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie, 2014. 212 p. (In Russian).
17. Farrakhov A.F. Fenomen odinochestva: gerontologicheskii aspekt [The phenomenon of loneliness: gerontological aspect]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern research of social problems], 2013, no. 9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-odinochestva-gerontologicheskii-aspekt> (In Russian).
18. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki Rossiiskoi Federatsii* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: <http://www.gks.ru> (In Russian).
19. Shabunova A.A., Fakhradova L.N. Prichiny i faktory rasprostraneniya serdechno-sosudistykh zabolevanii v Vologodskoi oblasti (po dannym issledovaniya ESSE-RF) [Causes and factors promoting the expansion of cardiovascular diseases in the Vologda Oblast (according to the research in epidemiology of cardiovascular disease)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 1 (37), pp. 134-149. DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.9 (In Russian).
20. Andrews F.M., Witney S.B. *Social indicators of well-being*. New York: Plenum, 1976. pp. 279-299.
21. Carstensen L.L. *Motivation of social contact across the life-span*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1993. Pp. 209-254.
22. Edwards K., Wetzler J. Too young to be old: The roles of self-threat and psychological distancing in social categorization of the elderly. *Journal of Language & Social Psychology*, 1998, no. 12 (3), pp. 207-223.
23. Feuer L.S. *The Conflict of Generation. The Character and Significance of Student Movement*. New York, 1969. 543 p.
24. George L.K., Okun M.A., Landerman R. Age as a moderator of the determinants of life satisfaction. *Research on Ageing*, 1985, no. 7, pp. 209-233.
25. *Global AgeWatch Index*. Available at: www.helpage.org/global-agemwatch/.
26. Pinquart M., Soerensen S. Influences of socioeconomic status, social network, and competence on subjective well-being in later life: A meta-analysis. *Psychology and Ageing*, 2000, no. 15, pp. 187-224.
27. Thurow L. *The Future of Capitalism: How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World*. New York: William Morrow, 1996. 385 p.
28. *World Health Organization. Global Health Observatory Data Repository*. Available at: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.680?lang=en>
29. *World Population Ageing 2013*. Available at: [ST/ESA/SER.A/348.http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml](http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml)

Information about the Authors

Vitalii Nikolaevich Barsukov – Junior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, lastchaos12@mail.ru)

Ol'ga Nikolaevna Kalachikova – Ph.D. in Economics, Laboratory Head, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, onk82@yandex.ru)

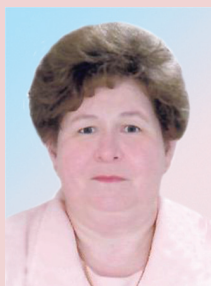
Статья поступила 14.07.2016

DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.6

УДК 316.6 (470+571):316.35, ББК 60.54

© Осипова Л.Б., Энвери Л.А.

Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования

**Любовь Борисовна
ОСИПОВА**

Тюменский индустриальный университет
625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38
lev1026@yandex.ru

**Лилия Ахмедуллоевна
ЭНВЕРИ**

Лянторский нефтяной техникум (филиал) ФГБОУ ВПО «ЮГУ»
628449, Россия, Тюменская обл., Сургутский район, г. Лянтор, 10 мкр., д. 42
envery_lnt@mail.ru

Аннотация. Современная реальность – это мир формирования разнообразных жизненных перспектив молодого человека. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена, *во-первых*, недостаточной социологической разработанностью механизма формирования и реализации жизненных стратегий современной молодежи; *во-вторых*, необходимостью обоснования социологической концепции жизненных стратегий молодежи в условиях профессионального самоопределения с учетом ее социально-групповых особенностей. В данном ключе для авторов значительный интерес в качестве объекта исследования представляет учащаяся молодежь, как наиболее активная социальная группа. В силу переходности социального статуса, незавершенности процессов формирования социальной зрелости молодежь нуждается в целенаправленном конструировании своего будущего. Проведенный социологический анализ проблемы включает в себя уточнение

Для цитирования: Осипова, Л.Б. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования / Л.Б. Осипова, Л.А. Энвери // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 108-129. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.6

For citation: Osipova L.B., Enveri L.A. Life strategies of young people: sociological research experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 108-129. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.6

содержания понятия «жизненная стратегия» на концептуальном уровне (А.А. Волокитина, С.Н. Иконникова, Е.И. Головаха, Ю.А. Зубок, В.Т. Лисовский, М.Н. Руткевич, Г.В. Леонидова, К.А. Устинова и др.). В статье приводится авторское определение «жизненной стратегии», представляющей собой динамическую систему перспективного ориентирования личности, направленную на конструирование своей будущей жизни. Одновременно приводятся результаты авторского социологического исследования, включающие стандартизированное интервью, анкетирование, дающие возможность сформировать представление о жизненных предпочтениях югорской молодежи. Снижение влияния социальных институтов, предоставления возможности для самостоятельного конструирования своих жизненных перспектив ставит её перед необходимостью самостоятельного выбора жизненных ориентиров и путей их реализации. В работе обоснована, при конструировании жизненного пути, необходимость усиления активизации новых форм организации жизнедеятельности учащейся молодежи. Жизненные стратегии раскрывают свое содержание в конкретных жизненных ситуациях, связанных с выбором. Ключевым выбором становится профессиональный выбор молодежи, который напрямую зависит от социально-экономических условий развития региона, аккумулируя в себе все институциональные противоречия в сферах образования и труда, порождая многочисленные социальные проблемы в жизнедеятельности молодежи.

Ключевые слова: учащаяся молодежь, социальная группа, социальная зрелость, жизненная стратегия, жизненные перспективы.

Современный мир предоставляет широкие возможности для формирования разнообразных жизненных стратегий человека. С одной стороны, наблюдается широкое предоставление возможностей для самоопределения, свободы индивида в самореализации, проявлении инициативы, индивидуального творчества; с другой стороны, происходит обострение проблемы выживания, связанной с процессом социального расслоения населения, утратой социальных гарантий, повышением социальной напряженности, снижением уровня жизни людей [2, с. 217]. На фоне трансформационных процессов происходят важные сдвиги в общественном сознании молодежи. Несмотря на уровень социального оптимизма молодежи, она выражает недовольство снижением качества жизни, которое в последние годы становится все более ощутимым, все чаще высказывается за проведение преобразований в сторону повышения социально-экономического благополучия страны, формирования

гражданского общества [5, с.17]. В условиях глобальных социальных перемен исследование жизненных перспектив молодежи приобретает актуальность, которая обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, снижением роли традиционных институтов социализации, модификацией ценностных ориентиров.

Во-вторых, молодежь выступает активным гарантом развития общества, а изучение ее жизненных стратегий становится важнейшим индикатором, помогающим спрогнозировать будущие социальные процессы и тенденции развития общества.

В-третьих, наблюдается деформация возрастной структуры, что свидетельствует о начавшемся процессе депопуляции.

В-четвертых, процесс социального расслоения населения приводит к изменению статуса молодежи в обществе, что проявляется в росте безработицы в молодежной среде, ограничении перспектив в социальном росте и профессиональной самореализации.

Понятие «жизненная стратегия» занимает особое место в понятийном ряду и используется в самых разных контекстах. Главное ее предназначение заключается в реализации взаимосвязанных долгосрочных действий, направленных на достижение желаемого результата. Содержанием жизненной стратегии служит набор правил принятия решений, используемый для определения направлений деятельности. К сожалению, значительная часть учащейся молодежи не обладает способностью к стратегическому построению своего будущего, предпочитая «плыть по течению жизни» и «жить сегодняшним днем».

Известно, что жизненная стратегия¹ предполагает высокий уровень организации культуры жизни. Жизненные стратегии выступают объектом изучения разнообразных научных познаний, в частности философии, психологии, социологии, культурной антропологии и др. Каждая из них изучает определенный аспект формирования и способов реализации жизненных стратегий личности. Однако, при всем многообразии научных изысканий, в теоретическом и эмпирическом плане проблема формирования жизненных перспектив остается не до конца изученной, а в определении данной научной категории до сих пор нет логической четкости и ясности (табл. 1).

На основании представленных в таблице сущностных толкований данного термина можно сделать вывод, что на формирование жизненных перспектив учащейся молодежи влияют как внешние факторы, влекущие изменение сферы ее жизнедеятельности, так и внутренние, проявляющиеся

¹ Жизненная стратегия – система перспективного ориентирования личности, направленная на сознательное конструирование своей будущей жизни (авторское определение).

в изменении ценностного самосознания, проектировании образовательных и профессиональных планов. Наша позиция созвучна с мнением отечественных исследователей Т.Е. Резник и Ю.М. Резника, утверждающих, что жизненная стратегия – это динамичная система, характеризующаяся четко выстроенной системой ценностных ориентаций, осознанных в соответствии с ней целей, осмысленностью поведенческих установок. Суверенностью можно сказать, что определение жизненного пути молодым человеком есть целенаправленный процесс реализации концепции жизни, успешность которой, в первую очередь, зависит от социальной активности личности и принятия ею ответственности. Это подтверждает и Л. Хьелл, акцентируя внимание на том, что развитие каждого человека в этом направлении уникально [21, с. 307]. Аналогичную позицию выражает Е.И. Головаха, подчеркивая, что «жизненную перспективу следует рассматривать как целостную картину будущего» [3, с. 266-267]. Общеизвестно, что в условиях турбулентного состояния общества молодежь характеризуется разнонаправленностью векторов реализации жизненных стратегий, недостаточными осмысленностью своей жизни и четкостью формирования ориентиров.

С целью изучения жизненных перспектив учащейся молодежи в 2015 году было проведено авторское исследование в трех муниципальных образованиях Ханты-Мансийского автономного округа, таких как г. Сургут, г. Лянтор и пос. Нижнесортымский. Для сравнительного анализа использованы аналитические материалы по ХМАО–Югре, представленные в отчете Комитета социально-политического анализа и общественных связей Администрации Губернатора автономного округа.

Таблица 1. Жизненная стратегия – это...

Представители (авторы)	Сущность	Позиции и подходы
Абульханова-Славская К.А.	Принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию [1].	Согласно данной концепции комплексный анализ жизненной стратегии личности предполагает соединение её индивидуальных, статусных и возрастных возможностей с требованиями общества.
Адлер А.	Формирование жизненного стиля человека, которое можно рассматривать как интегрированный стиль приспособления к жизни и взаимодействия с ней [18].	В данном случае жизненные стратегии рассматриваются с позиции адаптационного подхода. Автор полагает, что жизненный стиль человека начинает формироваться с детства, приобретая статус интегрированного для успешного приспособления к жизни и взаимодействия с ней.
Зубок Ю.А.	Идеализированное отражение будущего жизненного пути вступающих в жизнь молодых граждан [6].	В данном высказывании прослеживается мысль, что молодежи не всегда учитывается неопределенность возможностей жизненного старта и процесса самореализации в обществе.
Леонтьев Д.А.	Способность человека строить самого себя, свою индивидуальную историю, умение переосмысливать собственную сущность [10].	В данном определении заложен глубокий смысл жизненного самоопределения человека.
Маринов М.Б.	Рационализированная, ориентированная в пространстве и во времени, обращенная на перспективу система взаимоотношений человека и общества, осуществляемая стратегически мыслящей личностью на основе управления ресурсами, исходя из самооценки жизни [11].	С позиции социально-философского анализа стратегия предполагает рефлексию деятельности личности на двух взаимосвязанных уровнях организации человеческой жизни – средовом и пространственно-временном. Культурный аспект социального измерения жизненных стратегий выступает в контексте взаимодействия культуры и личности.
Петровский А.В.	Форма целенаправленной организации человеком собственной жизни, включающая его отношение к собственным возможностям и ресурсам, их актуализации и реализации [12].	В основе данного определения лежит понимание термина с позиции сознательного определения человеком целей и задач, основных направлений деятельности, приоритетов и ценностей, новых способов решения проблем как в собственной жизни, так и в социуме.
Руткевич М.Н.	Самопрогноз, ориентация, сформировавшиеся в сознании к моменту выбора дальнейшего пути [16].	Предполагается система мероприятий, которые выстроены в определенной последовательности и с помощью которых будет реализовываться как жизненный замысел человека.
Резник Т.Е., Резник Ю.М	Динамическая система перспективного и долгосрочного ориентирования актора в будущей жизни с целью ее преобразования в определенном социокультурном пространстве [15].	Рассматриваются типы стратегий, выделяемые по ряду институциональных признаков: социально-экономическому положению; способу воспроизводства и трансляции культурных стандартов; системе регуляции и контроля; социальному характеру; профессиональному этносу, которые в совокупности образуют комплексный критерий социологической типологизации жизненных стратегий.
Чередниченко Г.А.	Активный выбор личности, при котором в качестве элементов выступают определенные задачи и ресурсы [20].	Отстаивается представление о жизненных стратегиях как активном выборе, выделяя в качестве их элементов определенные задачи и ресурсы как индикаторы, репрезентирующие жизненную цель и достижения индивида, уделяя внимание изучению профессиональных ориентаций.
Фромм Э.	Регулятор социального поведения в современных условиях, обеспечивающий успешную социальную адаптацию, полноту самореализации, развития индивидуальности человека [8].	Жизненная стратегия, с позиции индивидуалистического подхода, регулирует социальное поведение индивида и формирует его на пересечении социальных требований и запросов к личности с присущим ему индивидуальным своеобразием.
Юнг К.	«Обретение себя», непрерывное приобретение новых умений, достижение новых целей [18].	С позиции индивидуалистического утверждается, что человек на протяжении всей жизни непрерывно приобретает новые умения, достигает новых целей, что позволяет ему раскрываться более полно. Конечным результатом деятельности является становление единого, неповторимого и целостного индивида.

Учащаяся молодежь как социальная группа выбрана для изучения не случайно, поскольку она крайне неоднородна по своему составу. Известно, что на этом возрастном этапе происходит физиологическое созревание и социальное становление личности, идет образовательный процесс, закладывается фундамент будущей профессиональной деятельности, формируется жизненная траектория [4, с. 148]. К тому же для данной группы характерно разнообразие функций, ролей и социальных статусов, которые соответствуют этапам взросления личности. Задачами социологического исследования были:

- выявление социального самочувствия учащейся молодежи;
- изучение образовательных планов молодежи;
- анализ прогнозирования профессиональных стратегий югорской молодежи.

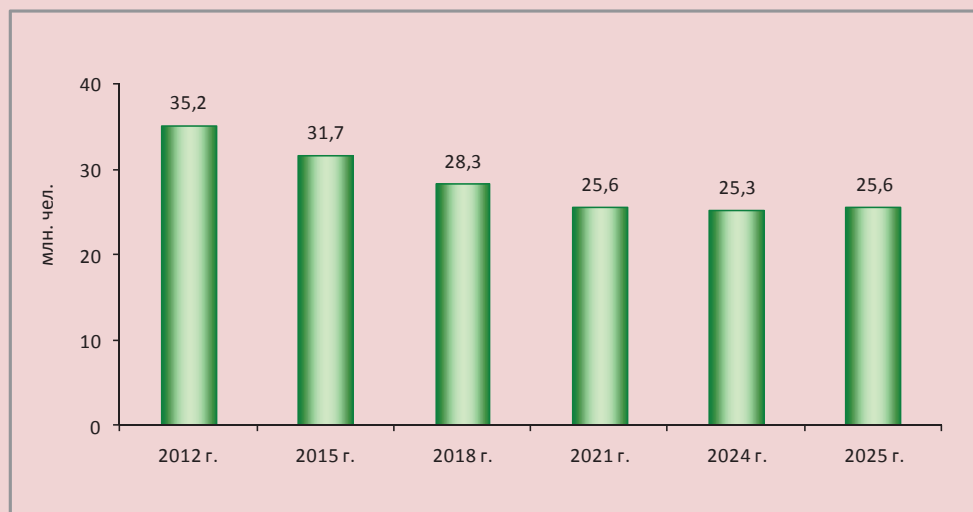
Согласно официальной статистике, численность генеральной совокупности составила 368,8 тыс. югорской молодежи. Объем выборочной совокупности составил 750 человек в возрастном диапазоне от 15 до 18 лет (включительно): Сургут – 457 человек, Лянтор – 225 человек, Нижнесортымский – 68 человек. При отборе респондентов использовался метод квотной выборки и целевой аудитории. Выборка является репрезентативной, структура выборочной совокупности по месту обучения и жительства соответствует структуре генеральной совокупности. Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: анкетный опрос, экспертные интервью, контент-анализ. В экспертных интервью приняли участие 57 экспертов – педагоги образовательных учреждений и представители актива родительской общественности.

Понятие «молодежь» – известная категория социального мира, но вместе с тем не имеющая однозначного толкования, особенно в вопросе о возрастных границах этой социально-демографической группы. В Российской Федерации молодежным считается возраст от 14 до 30 лет (в Европе – от 15 до 29 лет). В данном исследовании придерживаемся теоретико-методологических подходов, которые представляют молодежь как «наиболее активную социальную группу в возрасте от 14 до 30 лет и обладающую высоким уровнем социальной мобильности, интеллектуальной активности, здоровья, что выгодно отличает ее от других социальных групп и позволяет быстрее адаптироваться в современных условиях жизни» [9, с. 102]. Сегодня в Российской Федерации насчитывается около 35 миллионов молодых граждан, примерно 25% от общей численности населения страны². Безусловно, молодежь играет значимую роль в развитии современного общества. Во-первых, это инновационные идеи и огромный запас энергии, необходимые в период трансформационных процессов. Во-вторых, она выступает воплощением новых творческих замыслов [17, с. 10]. Это подтверждает В.Т. Лисовский, называя «молодежь важным субъектом социальных перемен, огромной инновационной силой, от которой зависит благополучие общества» [7].

Демографический прогноз Росстата до 2030 года в отношении молодежи неутешителен: статистические показатели подтверждают, что в России будет наблюдаться резкое сокращение численности молодежи – с 35,2 млн. человек в 2012 г. до 25,6 млн. человек в 2025-м, или на 27,3% (рис. 1).

² По данным Федеральной службы государственной статистики.

Рисунок 1. Численность молодежи 14–30 лет в РФ, млн. чел.

Источник: Демографический прогноз Росстата до 2030 года.

Результаты международных исследований состояния российской молодежи вызывают тревогу. По индексу развития молодежи (YDI) Российская Федерация в 2013 г. занимала 88 место среди 170 стран³.

В этой ситуации становится очевидно, что экономическая и социальная нагрузка на российскую молодежь в ближайшем будущем будет возрастать. Процесс сокращения её численности может привести к углублению проблемы формирования трудовых ресурсов, способных приумножать интеллектуальный и технологический потенциал страны, снижению объемов подготовки высококвалифицированных кадров, что повлечет нарастание внешней технологической зависимости России. В связи с этим акценты государственной политики должны быть смещены в сторону решения ключевой задачи — обеспечения интенсивного роста человеческого капитала и, как следствие, повышения качества жизни.

³ http://www.youthdevelopmentindex.org/cms/cms-youth/_images/197918019952385f3219c75.pdf

В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года подчеркивается необходимость включения задач и мероприятий, направленных на улучшение демографической ситуации, в федеральные и региональные программы социально-экономического развития территорий. Одновременно ставится вопрос о необходимости минимизации физических и социальных потерь, о максимально глубокой по содержанию и эффективной социализации молодых людей, развитии традиционных ценностей, создании возможностей для позитивного развития молодежи.

ХМАО–Югра относится к одному из самых «молодых» регионов РФ и занимает в рейтинге восьмую позицию. Характерной особенностью автономного округа является устойчивость его демографического развития, обеспеченная молодой возрастной структурой населения (табл. 2).

Средний возраст югорчан на начало 2015 года составил 34,1 года, что на 5,3 года меньше, чем средний возраст россиян (39,4).

Таблица 2. Демографические показатели молодежи Российской Федерации и Тюменской области

Субъект РФ	2012 г.			2015 г.		
	Численность молодежи 14–30 лет, чел.	Численность населения, чел.	Удельный вес молодежи в населении, %	Численность молодежи 14–30 лет, чел.	Численность населения, чел.	Удельный вес молодежи в населении, %
Тюменская область	398254	1571546	25,34	342617	1748409	19,60
ХМАО	398254	1571546	25,34	342617	1748409	19,60
ЯНАО	141894	564311	25,14	133363	644980	20,68
Россия	35226771	143902170	24,48	25639217	143204049	17,90

Источник: Демографический прогноз Росстата до 2030 года.

Таблица 3. Динамика демографических показателей населения в ХМАО

Динамика показателей демографической ситуации	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Численность постоянного населения (среднегодовая), тыс. чел.	1549,2	1572,7	1590,7	1604,716	1621,1
Численность родившихся, чел.	25393	27712	27770	27676	27796
Естественный прирост населения, чел.	15325	17826	17803	17365	17421

Источник: Демографический ежегодник (2011–2015). Ч. II: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

В социальной структуре доля лиц молодежного трудоспособного возраста занимает 22,4%, это на 4,7 процентных пункта выше, чем в среднем по РФ (17,7%). По годам прослеживается рост показателей рождаемости детей в автономном округе, что положительно отражается на естественном приросте населения и предполагает стабильное экономическое и финансовое положение территории (табл. 3).

Отличительным социальным качеством молодых людей является способность участвовать в активном преобразовании общества. Надо отметить, что молодежь в контексте трансформационных преобразований более гибко реагирует на социальные изменения, в большей степени информирована о процессах, происходящих в различных областях науки, техники и социальной жизни, динамично овладевает современными формами общения и технологиями, активнее включается в мировое информационное пространство.

Проведение эмпирического исследования жизненного самоопределения учащейся молодежи включало в себя три блока. Первый блок – показатели, характеризующие социальное самочувствие. Второй блок включал результаты исследования образовательных планов молодежи ХМАО. Содержательную основу третьего блока составляли профессиональные предпочтения молодежи, представляющие дальнейшую жизненную концепцию. Рассмотрим каждый блок в отдельности и подробно.

Проблемы и социальное самочувствие молодежи автономного округа

Понятие «социальное самочувствие» характеризует общее мироощущение человека, оценку им своей жизни, ощущение ее устроенности или неустроенности. Кризисный период, характерный для современного общества во многих отраслях жизни, порождает многочисленные проблемы современной молодежи. На фоне трансформационных изменений у нее возникает

чувство незащищенности, утрачивается уверенность в завтрашнем дне, наблюдается снижение психологической устойчивости, происходит изменение социальных ориентиров, возникает социальная напряженность.

Социальное самочувствие представляет комплексную и сложную систему, взаимодействующую со многими процессами и механизмами сознательной деятельности личности, которые оказывают воздействие на ее формирование. Представляется важным изучение социального самочувствия учащейся молодежи в силу ее социальных, возрастных и психологических особенностей, поскольку именно она в большей степени подвержена внешнему воздействию.

В ходе анкетирования был задан вопрос: «С уверенностью ли Вы смотрите в будущее?» Согласно приведенным в *табл. 4* результатам, можно сделать вывод, что на позитивное мироощущение большинства респондентов, находящихся пока еще на иждивении родителей и не столкнувшихся со сложностями самостоятельной жизни, оказывают непосредственное влияние возрастные особенности.

Каждый второй респондент уверен в перспективности своего будущего. Такой позитивный настрой обусловлен мобильностью, оптимистичностью и лояльностью представителей данной возрастной группы. К тому же они проще, чем представители

старшего поколения, смотрят на происходящие общественные перемены. Однако доля пессимистично настроенных респондентов составляет примерно треть в каждой территории. Это связано со сложностями адаптации к современным условиям жизни, с негативными социально-психологическими ожиданиями молодежи.

Отметим, что компонентами индекса социального самочувствия изучаемой возрастной когорты выступают семь показателей, зависящих от сбалансированности и оптимальности существующих условий жизни, таких как сфера семейных отношений и ее экономическое благосостояние, достижения в образовании, отношение к здоровью, взаимоотношения со сверстниками, участие в общественной деятельности, эмоциональное самочувствие подростков.

В *таблице 5* представлены ответы респондентов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены указанными сторонами жизни?» Выявлено, что большинство респондентов отмечают удовлетворенность сферой семейных отношений, частичную удовлетворенность экономическим благосостоянием своих семей. При этом четверть респондентов положительно оценивают свои учебные достижения, отношение к здоровью, свое эмоциональное состояние. Одновременно настораживает тот факт, что лишь каждый

Таблица 4. Прогнозные ожидания югорской молодежи, %
(«С уверенностью ли Вы смотрите в будущее?»)

Вариант ответа	2015 год			
	г. Сургут	г. Лянтор	пос. Нижнесортымский	ХМАО
Да	43,5	38,9	48,8	49,7
Нет	31,4	29,7	37,4	35,8
Затруднились с ответом	22,1	27,1	10,8	18,4
Не ответили	3,0	4,3	3,0	6,1

Составлено по: аналитические материалы Комитета социально-политического анализа и общественных связей Администрации Губернатора ХМАО (Югра); результаты авторского социологического исследования (Сургут, Лянтор, Нижнесортымский).

Таблица 5. Мнения молодежи об удовлетворенности сторонами жизни, %

Показатели	2015 год											
	г. Сургут			г. Лянтор			пос. Нижнесортывмский			ХМАО		
	Удовлетворен	Частично удовлетворен	Не удовлетворен	Удовлетворен	Частично удовлетворен	Не удовлетворен	Удовлетворен	Частично удовлетворен	Не удовлетворен	Удовлетворен	Частично удовлетворен	Не удовлетворен
Достижения в образовании	25,4	67,6	7,0	25,4	67,6	7,0	22,0	59,8	18,2	27,4	63,6	9,0
Социальные отношения с семьей	64,0	27,5	8,5	65,0	28,3	6,7	63,3	30,2	6,5	60,5	31,0	8,5
Отношение к здоровью	44,3	46,4	9,3	45,3	46,4	8,3	36,8	53,3	9,9	49,1	41,0	9,9
Участие в общественной жизни	16,0	73,0	11,0	15,5	73,5	11,0	16,2	73,5	11,0	15,5	73,5	11,0
Эмоциональное состояние	57,1	35,1	7,8	55,0	39,5	5,5	38,3	53,9	7,8	55,0	37,2	7,8
Экономическое благосостояние семьи	28,0	40,2	31,8	39,1	34,2	26,7	29,4	46,8	23,8	26,4	44,8	28,8
Взаимоотношения со сверстниками	37,2	49,6	13,2	37,2	49,6	13,2	30,8	60,8	8,4	37,2	49,6	13,2

Составлено по: аналитические материалы Комитета социально-политического анализа и общественных связей Администрации Губернатора ХМАО (Югра); результаты авторского исследования (Сургут, Лянтор, Нижнесортывмский).

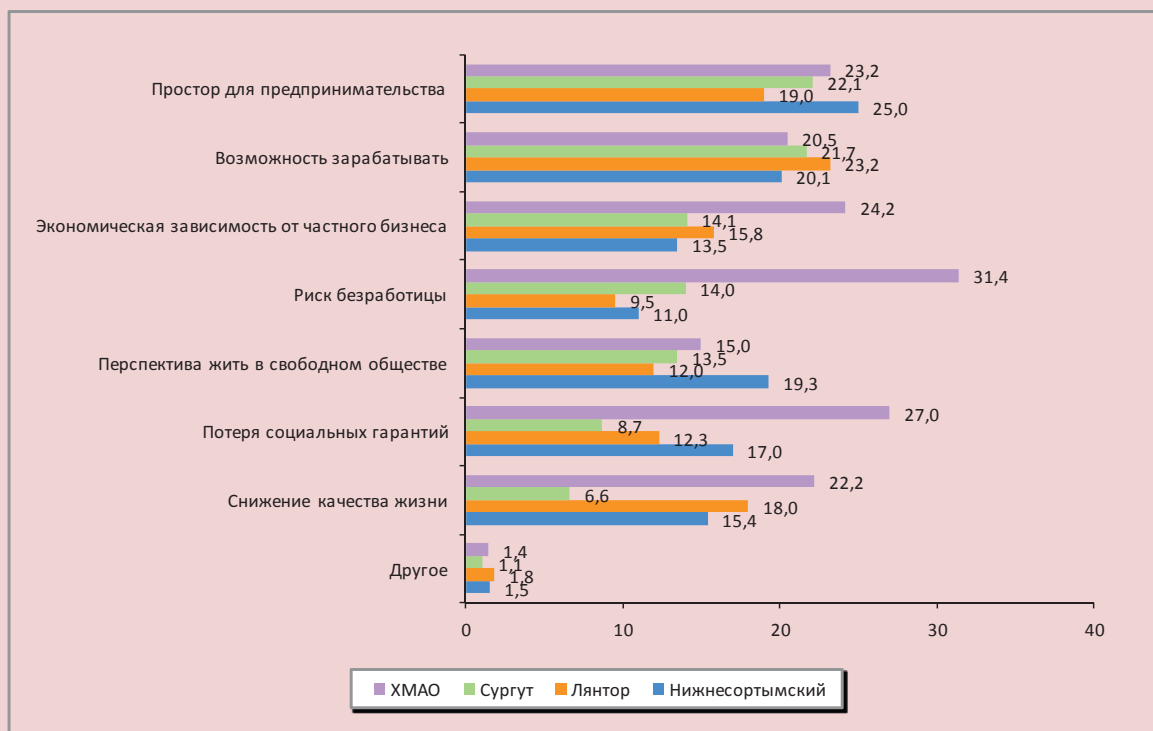
шестой респондент позитивно оценил свое участие в деятельности общественных организаций. В целом, судя по результатам исследования, доля респондентов, не удовлетворенных отдельными сторонами жизни, незначительна, что, безусловно, является позитивом.

Экономическое поведение учащейся молодежи, как правило, определяется сложным взаимодействием её сознания и объективной реальности. Радикальные перемены в современном обществе не могут не повлиять на особенности формирования ценностного самосознания и поведенческих установок, на стратегию молодежи как субъекта рынка труда. В сложившихся условиях важно выяснить отношение учащейся молодежи, находящейся в начале своего социально-профессионального определения, к экономическим преобразованиям в регионе. Как

видно (рис. 2), учащаяся молодежь более лояльно относится к проблемам формируемой региональной экономики. Четверть опрошенных учащихся образовательных учреждений (ОУ) считает, что преобразование экономического сектора округа предоставляет простор для развития предпринимательства и возможности хорошо зарабатывать.

С точки зрения информантов переход к рыночной экономике принес молодежи округа потерю социальных гарантий и риск стать безработным. Следовательно, на её сознание непосредственно влияют социальные аспекты формирования рыночной экономики, которые по разным субъективным и объективным причинам не всегда стимулируют молодых людей к адекватному конструированию отношения к труду, а также активной включенности в рыночные отношения.

Рисунок 2. Отношение учащейся молодежи к результатам экономических преобразований в ХМАО, в %

Источник: аналитические материалы Комитета социально-политического анализа и общественных связей Администрации Губернатора ХМАО (Югра); результаты авторского социологического исследования (Сургут, Лянтор, Нижнесортимский).

Образовательные планы учащейся молодежи

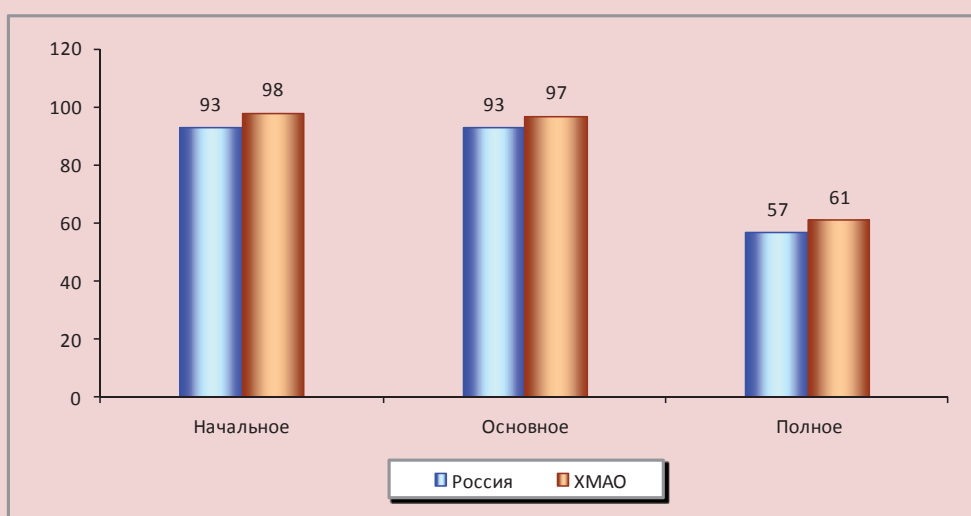
Стратегическим приоритетом в развитии системы образования автономного округа является создание условий для подготовки конкурентоспособных граждан в соответствии с его социально-экономическими потребностями. В сфере общего образования округа функционируют 309 муниципальных, 23 государственных, 5 частных общеобразовательных организаций, которые оснащены современным оборудованием в соответствии с модернизацией системы образования (рис. 3).

Доступность школьного образования по показателю охвата в автономном округе выше, чем в среднем по России, и соответствует среднему показателю по соп-

ставимой группе регионов. Это свидетельствует о том, что практически все подростки Ханты-Мансийского автономного округа вовлечены в систему общего образования. Образование открывает возможности для самореализации молодого человека, отражается на уровне его мышления, формировании поведенческих установок.

Сегодня на рынке труда востребована личность, владеющая фундаментальными знаниями и профессиональными компетенциями, навыками конструктивного поиска при решении производственных задач, обладающая высоким уровнем креативного и аналитического мышления. Это подтверждают и выпускники ОУ, не сомневаясь, что для достижения высокого социального и профессионального

Рисунок 3. Охват общим средним образованием по ступеням, %

Источник: Стратегия развития образования ХМАО–Югра до 2020 года.

Таблица 6. Образовательные предпочтения выпускников ОУ, %

Вариант ответа	2015 год		
	Сургут	Лянтор	Нижнесортимский
Вуз	73,0	68,2	66,5
СПО	21,3	24,1	17,6
Совмещать работу с учебой	2,2	3,9	6,8
Курсы	0,5	0,9	3,2
Трудоустройство	1,2	2,2	3,9
Служба в армии	1,8	1,0	2,0

Составлено по: результаты авторского социологического исследования.

статуса, жизненного успеха необходимы качественные знания. Образовательные планы выпускников ОУ г. Сургута и Сургутского района подробно представлены в *таблице 6*.

Результаты опроса позволили выявить как общие черты, так и особенности образовательных планов учащейся молодежи. Судя по данным таблицы, планы продолжения обучения разнообразны и являются стержнем намерений выпускников ОУ. Образовательная ориентация респондентов в большей степени концентрируется на получении высшего образования – таким путем молодые люди стремятся повысить

свою конкурентоспособность на рынке труда. Как подтверждают результаты исследования, обучение в системе СПО превалирует в большей степени у респондентов Сургута и Лянтора: в указанных территориях имеются учебные заведения данной категории.

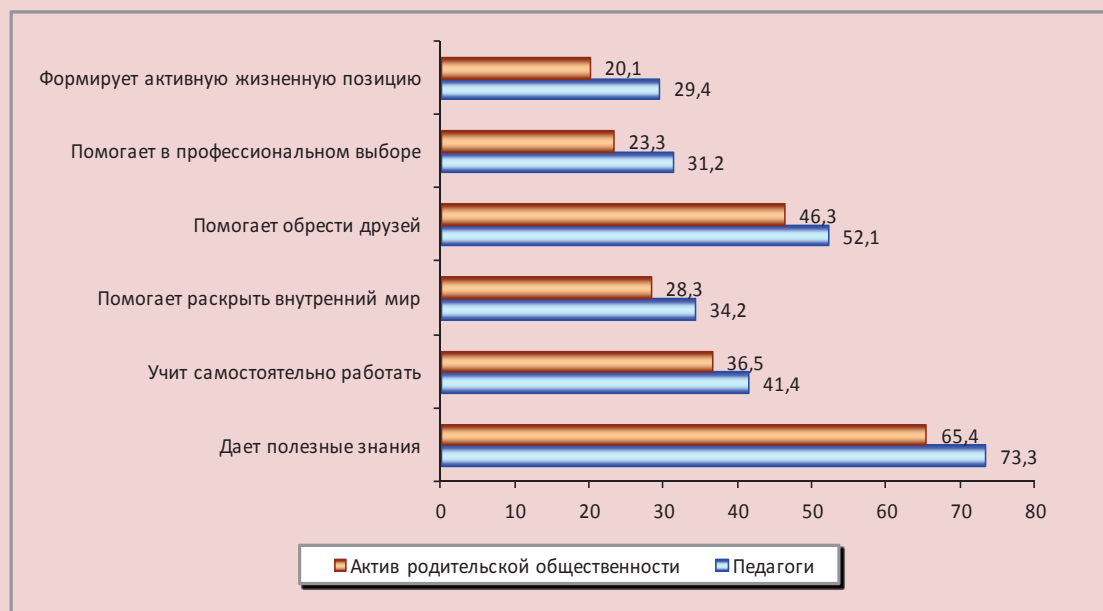
Сегодняшняя молодежь осознает, что на рынке труда приобретают ценность знания и квалифицированный труд. При этом в большей степени ориентированности на продолжение учебы есть некий инерционный элемент, т.к. молодые люди осознанно удлиняют срок обучения, стремятся «отодвинуть» встречу с жест-

кими условиями реального рынка труда. Незначительный процент выпускников ОУ планируют прохождение курсового обучения. К сожалению, в настоящее время отсутствуют механизмы внедрения региональной модели социального партнерства бизнеса и профессионального образования в сфере подготовки кадров. Определяя образование важной жизненной ценностью, в ходе опроса молодежь выражает неудовлетворенность уровнем получаемого в ОУ образования – 21,3%, частично не удовлетворены 36,7%, удовлетворены 32,9%, затруднились с ответом 9,1%. Около половины респондентов (48,7%) выразили надежду на то, что в будущем станут профессионалами и компетентными специалистами [21, с. 79]. Школьная система образования призвана формировать у подрастающего поколения

социально значимые качества, в частности общую культуру, умение адаптироваться к современным условиям жизни.

В ходе исследования особый интерес представляло мнение педагогов и членов актива родительской общественности, выступавших в роли экспертов и оценивавших роль системы образования в формировании личности выпускника. По мнению членов родительского актива, современное образовательное учреждение способствует формированию указанных социально значимых качеств на «среднем уровне». В особенности это касается формирования профессиональной ориентации учащейся молодежи. Чуть выше оказались оценки педагогов. Согласно результатам опроса, 65,4/73,3%⁴ экспертов (рис. 4) подтверждают полезность предоставляемых системой образования знаний и одно-

Рисунок 4. Мнения экспертов о роли ОУ в развитии молодежи, %

Составлено по: результаты авторского социологического исследования.

⁴ Здесь и ниже в числителе указано количество ответов актива родительской общественности, в знаменателе – педагогов.

временно указывают на наличие старых ролевых функций школьного образования, несмотря на внедрение в образовательный процесс Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС). Как считают эксперты, система образования достаточно медленно перестраивается, продолжая делать главный акцент на передаче полезных знаний.

Весьма неутешительны оценки экспертов в отношении самостоятельного получения новых знаний учащимися (36,5/41,4%), а также социализирующего влияния ОУ на личность (23,3/31,2%) [14, с. 79]. Мониторинг мнений родителей о качестве образовательных услуг показал, что наиболее важным является получение фундаментальных знаний (43%), знаний, представляющих основу личностного развития (38%), знаний, востребованных на современном рынке труда (24%), внедрение инновационных образовательных технологий в учебный процесс (23%), высокий уровень профессиональной компетентности педагогического состава (35%).

В логике происходящих сегодня изменений в образовательном процессе вполне закономерно обращение к мнению педагогов. Как считают педагоги-эксперты, личностный аспект образования предполагает развитие индивидуальных способностей и становление определенных качеств личности школьников. Организация учебного процесса, в ходе которого происходит развитие личности ученика, предусматривает равноправные отношения «учитель – ученик». Внутренняя мотивация придает деятельности ученика энергию, оптимизм, целенаправленность. Большинство педагогов-экспертов выделили у современных выпускников следующие качества: прагматичность (42%), эгоцентричность (36%), честолюбие (29%), целеустремленность (16%) и успешность (27%). Как видим,

среди перечисленных качеств приоритет отдается «прагматичному» ученику. Полученные результаты обусловлены социально-экономическими изменениями, происходящими в современном обществе. По мнению педагогов, сегодняшнему ученику необходимо овладевать организационными умениями – анализировать и планировать свою деятельность. Расширение кругозора, повышение уровня познавательной самостоятельности и интеллектуального развития должны стать приоритетными направлениями деятельности выпускников. Преобладающее большинство педагогов считают сегодняшнего ученика размышляющим, постоянно сталкивающимся с большим потоком информации, вследствие чего возникает множество познавательных проблем и развиваются мыслительные способности (от репродуктивных к преобразующим). Применение интерактивных образовательных технологий в учебном процессе изменяет позицию ученика, заставляя его размышлять, импровизировать, использовать интеллект. Таким образом, эксперты единодушны в том, что для повышения качества обучения необходимо выбирать те методы и формы организации учебной деятельности учащихся, которые оптимально соответствуют поставленной цели развития личности.

Профессиональное самоопределение молодежи

В жизни молодого человека выбор профессии – важный этап, от которого зависит жизненный успех и процесс личностной самореализации. На профессиональный выбор выпускника воздействует множество факторов: родители – 32,3%, СМИ – 6,2%, система образования – 17,2%, друзья – 18,2%, рейтинг и территориальное расположение учебного заведения – 12,1 и 14,0% соответственно.

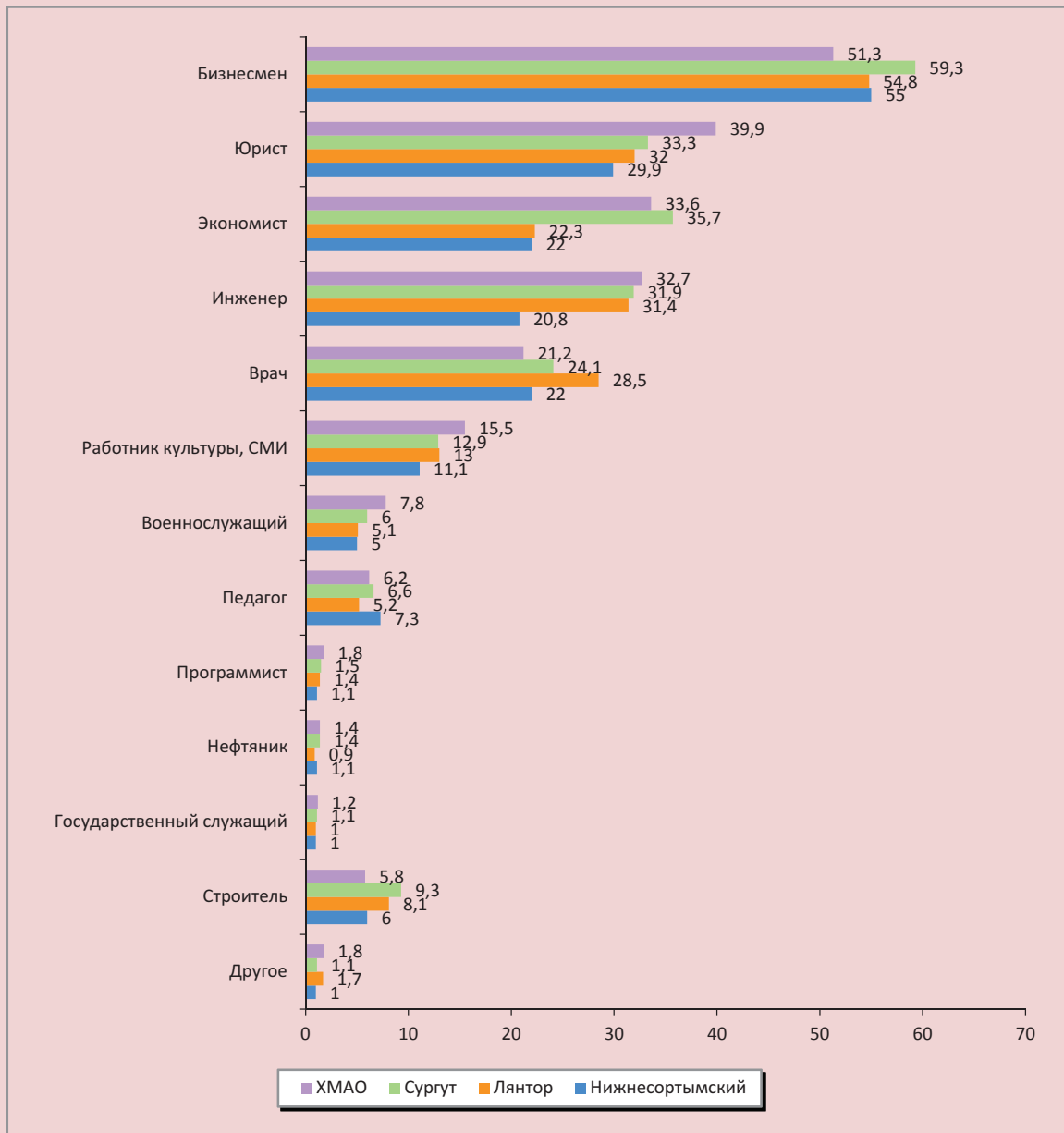
В основе конструирования образовательных планов респондентов лежат разнообразные мотивы получения профессионального образования (предлагалось выбрать три варианта ответа). Доминирующими мотивами для значительной части респондентов стало «получение профессии» (62,3%), «высокий заработок» (45,5%) и «возможность сделать карьеру» (39,4%). Участники опроса высоко оценили качественную образовательную подготовку как доступ к получению профессионального образования (48,1%) и условие реализации потенциальных возможностей (32,3%). Обращаем внимание и на тот факт, что получение образования треть респондентов не рассматривает только как средство для достижения материального обеспечения. К показателям эффективности данного процесса можно отнести удовлетворенность выбором направления обучения и учебного заведения, четкое представление о своем социальном статусе, напрямую связанное с профессией, возможностью дальнейшего трудоустройства. Однако при выборе профессии молодые люди в большей степени руководствуются расчетом. Выявлено, что субъективная ценность преломляется в оценках престижности профессии (60,2%). К сожалению, лишь только каждый пятый опрошенный (24,2%) заинтересован в содержании будущей профессиональной деятельности. При первичном выходе на рынок труда у молодежи преобладают идеалистические представления о будущей трудовой деятельности, которые вступают в противоречие с реальной обстановкой на рынке труда. Выбор направления, по которому будет осуществляться обучение, часто делается выпускником исходя из идеальных представлений о будущей

желаемой работе, а не в результате анализа реальной ситуации на рынке труда. В дальнейшем это порождает серьезный дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы.

При этом около половины респондентов (47,2%) уверены в дальнейшем трудоустройстве после получения профессионального образования, четверть респондентов выражают опасения на этот счет, 16,0% – уже знают, где будут работать, 11,8% – еще не озадачены данной проблемой. Следует акцентировать внимание на том, что профессиональные ориентиры респондентов напрямую зависят от социальной поддержки семьи. Так, респонденты из материально обеспеченных семей выше оценивают свои шансы на поступление в вуз: ориентированы на высшее образование 62,3% подростков из семей руководителей, 59,1% – из семей специалистов, 56,4% – из семей предпринимателей, 41,2% – из рабочих семей. Следовательно, профессиональное самоопределение выпускников ОУ в определенной мере учитывает такой фактор, как социальное положение семьи [23, с. 108]. Повседневная практика подтверждает, что если профессия выбрана в соответствии с интересами личности и потребностями общества, то труд становится источником радости, творческого вдохновения и в конечном счете приносит максимальную пользу человеку.

В пятерку лидерующих вошли профессии бизнесмена, юриста, экономиста, инженера, врача (рис. 5). Менее популярной и востребованной в молодежной среде оказалась сфера строительства. Невысоки показатели и по нефтегазовой отрасли [4, с. 144]. В графе «Другое» старшеклассники дали полярные ответы: «поступить в вуз», «работать», «все учатся», «ради

Рисунок 5. Профессиональные предпочтения учащейся молодежи, в %

Составлено по: аналитические материалы Комитета социально-политического анализа и общественных связей Администрации Губернатора ХМАО (Югра); результаты авторского социологического исследования (Сургут, Лянтор, Нижнесортимский).

диплома» и пр. Предварительный выбор сферы профессиональной деятельности половина респондентов сделала, ориентируясь на содержательную сторону будущей профессии; 15% опрошенных рассматривают получение образования

как начало будущей профессиональной деятельности; треть участников опроса не определилась в своем профессиональном выборе, что может привести к опрометчивому выбору профессии и учебного заведения.

Ханты-Мансийский автономный округ – это прежде всего нефтегазодобывающая территория, с особым геополитическим значением и уникальными природными ресурсами, что обеспечивает энергетическую безопасность страны.

Приведенные в *табл. 7* статистические данные включают в себя, во-первых, нехватку как рабочих со средним профессиональным образованием, так и специалистов с высшим профессиональным образованием; во-вторых, в это число входят не только отраслевые специалисты, но и все остальные. Сегодня в автономном округе в целом наблюдается повышенный спрос на рабочие специальности. В структуре вакансий по отдельным муниципальным образованиям⁵ около 90% составляют рабочие специальности: водитель автомобиля (473), продавец (139), машинист крана (126), помощник бурильщика капитального ремонта скважин (106), повар (105). Востребованы профессии в строительной и фармацевтической отраслях. Однако рабочие специальности респонденты считают наименее популярными в молодежной среде. Наблюдающееся рассогласование профессионального выбора с потребностями регионального рынка труда, по данным Департамента труда и занятости населения ХМАО, приводит к тому, что

значительная часть выпускников вузов в самом начале трудового пути пополняют армию безработных. В последнее время возникла серьезная проблема: структура подготовки специалистов в вузах в большей степени отражает потребности населения региона в образовательных дипломах определенного профиля, нежели потребности экономики региона [13]. Необходимо усилить профориентационную работу по формированию у выпускников ОУ позиции осознанного выбора учебного заведения, направления профессиональной подготовки с учетом структуры кадровой потребности на рынке труда в городе, районе, округе. В связи с этим комплексность и системность, как основополагающие принципы организации профессиональной ориентации и поддержки профессионального самоопределения выпускников ОУ, нашли отражение в Концепции развития системы профессиональной ориентации автономного округа в части возложения на образовательные учреждения выполнения такой функции, как создание условий для проведения системной квалифицированной и комплексной работы по профориентации.

Разработанная и применяемая образовательными учреждениями модель профессионального самоопределения учащейся молодежи позволяет скоррек-

Таблица 7. Отрасли экономики ХМАО с наибольшим дефицитом трудовых ресурсов, чел.

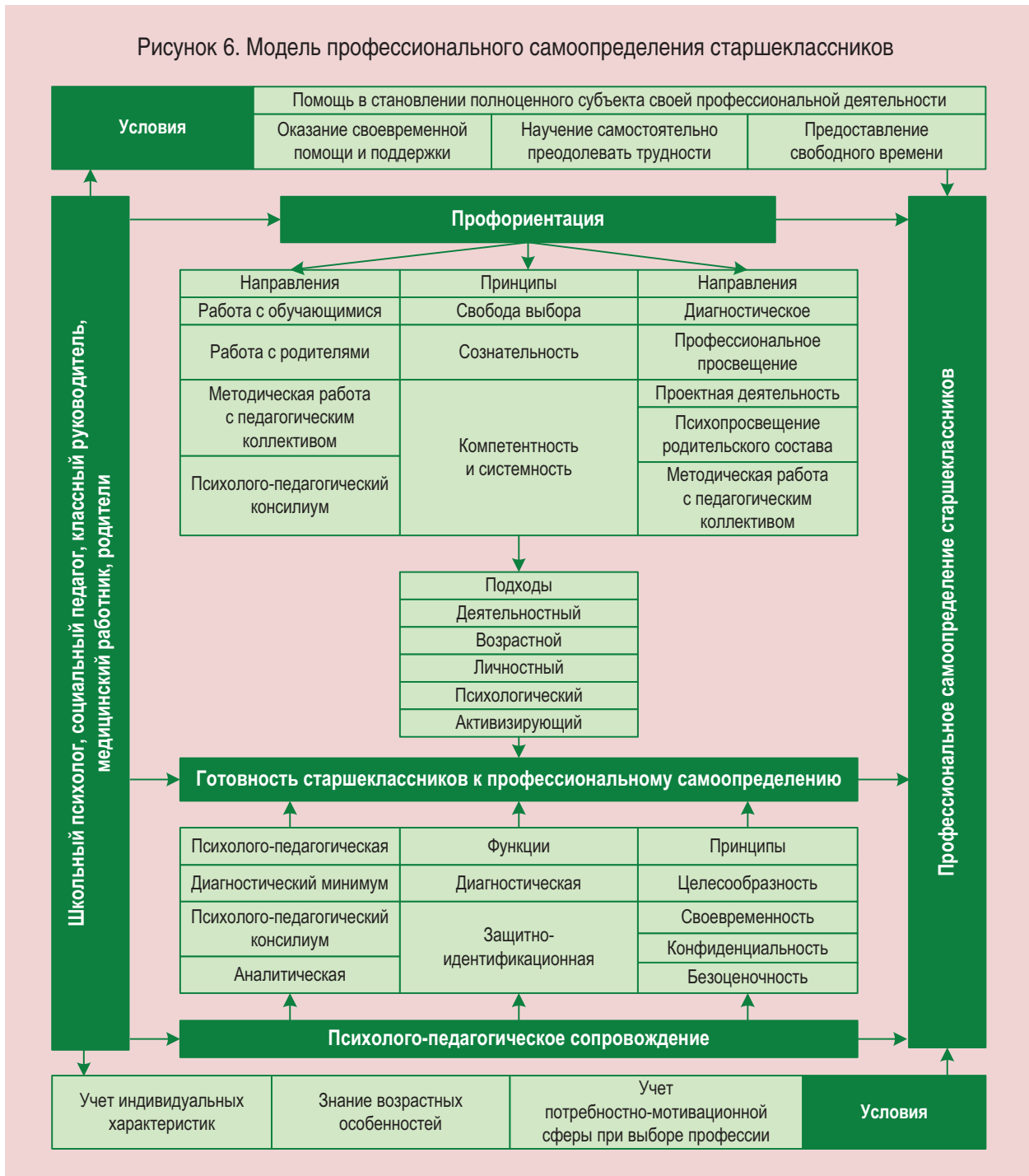
Отрасль экономики	Потребность в трудовых ресурсах, чел.
Добыча полезных ископаемых	4054
Обрабатывающая промышленность	1133
Транспорт и связь	3154
Производство электроэнергии	2766
Строительство	2340
Образование	3483
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	7726
Составлено по: данные Департамента труда и занятости населения ХМАО–Югра (2015 г.)	

⁵ Результаты регионального рейтингового агентства ХМАО.

тировать основные направления профориентационной работы: просвещение, диагностику, консультирование, коррекцию (рис. 6). Обучающийся в сотрудничестве с педагогом в процессе проективной деятельности самостоятельно

конструирует личный профессиональный план действий, исходя из конкретных и реальных целей, интересов и способностей, отслеживает направления своего саморазвития, самостоятельно определяет конечный результат.

Рисунок 6. Модель профессионального самоопределения старшеклассников

Каждое поколение создает свой идеал, свою модель жизненного успеха, выдвигает свои составляющие его компоненты. Понять особенности жизненных стратегий поведения молодежи помогает структура составляющих жизненного успеха. Постараемся выяснить, что вкладывают современные молодые люди в содержание данного понятия (табл. 8).

Судя по ответам респондентов, современные молодые люди недалеко ушли от своих предшественников – они так же озабочены выбором целеполагающих ориентиров, представляющих жизненный успех. В молодежной выборке обращаем внимание на частый выбор таких составляющих, как «высокооплачиваемая, интересная, содержательная работа», «реализация жизненных планов и достижение своих целей». Традиционно высокое место в понимании успеха занимает семья, которая интегрирует все его составляющие. Возрастает ценность семейных взаимоотношений, поскольку семья становится «неким тылом» для молодых людей. Притязания на престиж связаны с профессиональной карьерой, важным для многих респондентов становится признание успеха в узком

кругу друзей и родных. В настоящее время достаточно активно протекает процесс становления индивидуалистически ориентированного типа личности, получают распространение в молодежной среде утилитарно-прагматические установки, выражающиеся в стремлении к материальному благополучию. Редкое упоминание образования в качестве составляющей успеха говорит о том, что для большинства молодых людей оно стало средством для реализации других притязаний.

Сама молодежь в собственной нереализованности жизненных планов склонна винить объективные обстоятельства: недостаток материальных средств (38,4%), отсутствие опыта (27,8%), отсутствие возможностей из-за места проживания (21,4%). К причинам, препятствующим достижению намеченных целей, учащаяся молодежь добавляет личностно-субъективные качества: «отсутствие стимула» (12,3%), «боязнь риска, предпочтение жить спокойно» (18,4%). Достижение успеха напрямую связывают с наличием образования (43,3%), трудолюбия (32,1%), целеустремленности (24,1%), профессионализма (45,3%), денег (52,3%), честности (18,3%).

Таблица 8. Скажите, что означает для Вас жизненный успех?, %
(несколько вариантов ответов)

Вариант ответа	2015 г.		
	Сургут	Лянтор	Нижнесортымский
Счастье в личной жизни, благополучие семьи	34	28	31
Реализация жизненных планов и достижение своих целей	37	42	33
Высокооплачиваемая, интересная, содержательная работа	45	53	49
Самореализация, определение своего места в жизни	25	32	37
Материальное благополучие, достаток	32	36	34
Успех, карьера, высокая должность	27	21	26
Уважение, признание в обществе	21	19	11
Хорошие друзья	35	29	33
Образование, уровень профессионализма	14	17	14
Здоровье	13	16	21
Решение жилищного вопроса	14	11	9
Независимость, самостоятельность	11	8	4

Не последнюю роль играют такие ресурсы, как связи с «нужными людьми» (43,2%), т.е. социальный капитал, и гибкость – умение приспосабливаться к ситуации (38,4%).

Таким образом, процесс формирования образовательных планов и жизненных смыслов учащейся молодежи протекает в условиях системного кризиса общества и определяется сложной динамикой перемен. Однако настроение у большинства молодых людей вполне оптимистично, в основном они готовы к осознанию и решению проблем, возникающих на региональном уровне. Молодежь обладает значительным уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, выступает как наиболее приспособляемая к новым условиям социальная группа населения. Лишь незначительная часть молодых людей проявляет неуверенность в будущем и предпочитает не делать

долгосрочных прогнозов. Изучение образовательных и профессиональных планов старшеклассников показало противоречие между региональными потребностями в трудовых ресурсах и имеющимися профессиональными предпочтениями молодежи. Очевиден дефицит информации о профессиях, востребованных на региональном рынке труда. Выявленные противоречия подтверждают актуальность разработки системы формирования профессиональных ориентаций молодежи, адекватных структуре рынка труда. Только эффективная система профессиональной ориентации позволит расширить возможности личностной самореализации, профессионального самоопределения и построения вариантов успешной карьеры при осознанной социальной позиции, заложить основы для профессиональной мобильности выпускников образовательных учреждений.

Литература

1. Абульханова-Славская, К.А. Стратегии жизни [Текст] / К.А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – С. 67.
2. Волокитина, А.А. Жизненные стратегии молодежи в условиях профессионального выбора [Текст] / А.А. Волокитина // Социология и жизнь. – 2010. – № 4. – С. 217-221.
3. Головаха, Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности [Текст] / Е.И. Головаха // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб., 2000. – С. 266-267.
4. Гуманитарные проблемы современности: человек и общество [Текст] / С.В. Голикова [и др.]. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014. – 248 с.
5. Добренков, В.И. Социальная защита населения РФ: анализ результатов социологического опроса [Текст] / В.И. Добренков, В.Г. Харчева // Вестник Московского университета. – 1996. – № 3. – С. 17-28.
6. Зубок, Ю.А. Риск в социальном развитии молодежи [Текст] / Ю.А. Зубок // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 1. – С. 147-162.
7. Лисовский, В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России [Текст] / В.Т. Лисовский. – СПб. : СПбГУП, 2000. – 519 с.
8. Наумова, Н.Ф. Жизненные стратегии в переходном обществе [Текст] / Н.Ф. Наумова // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 54.
9. Леонидова, Г.В. Занятость молодежи как условие модернизации социально-трудовой сферы [Текст] / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 2 (26). – С. 101-109.
10. Леонтьев, Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности [Текст] / Д.А. Леонтьев // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 1996. – № 4.

11. Маринов, М.Б. Трансформация стратегии жизни личности в индивидуализирующем обществе [Текст] / М.Б. Маринов. – М. : Социально-гуманитарные знания, 2008. – С. 41.
12. Общая психология: словарь [Текст] / под общ. ред. А.В. Петровского // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – С. 176.
13. Осипова, Л.Б. Жизненные перспективы тюменской молодежи [Электронный ресурс] / Л.Б. Осипова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №1. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/121-18242> (дата обращения: 02.04.2015).
14. Прыкина, Л.В. Формирование жизненных стратегий молодежи [Текст] / Л.В. Прыкина, Л.Б. Осипова // Известия высших учебных заведений «Социология. Экономика. Политика». – 2014. – № 4 (43). – С. 77-81.
15. Резник, Т.Е. Жизненные стратегии личности [Текст] / Т.Е. Резник, Ю.М. Резник // Социологические исследования. – 1995. – № 12. – С. 76.
16. Руткевич, М.Н. Жизненные планы молодежи [Текст] // Социология молодежи: энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок, В.П. Чупров. – М. : Academia, 2009. – С. 418.
17. Силласте, Г. Молодежь. Село. Безопасность [Текст] / Г. Силласте // Безопасность Евразии. – 2003. – № 4. – С. 4-15.
18. Фрейджер, Р. Личность: теории, упражнения, эксперименты [Текст] / Р. Фрейджер, Д. Фейдимен. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. – 704 с.
19. Хьелл, Л. Теории личности. Основные положения, исследования и применение [Текст] / Л. Хьелл, Д. Зиглер; пер. с англ. С. Меленевской. – СПб.: Питер Пресс, 2008. – 607 с.
20. Чередниченко, Г.А. Молодежь России. Социальные ориентации и жизненные пути [Текст] / Г.А. Чередниченко. – СПб., 2004. – С. 32.
21. Шлапак, Н.А. Категория «жизненные планы» [Текст] / Н.А. Шлапак // Философские науки. – 1974. – № 5. – С. 139-142.
22. Энвери, Л.А. Жизненные стратегии современной молодежи [Текст] / Л.А. Энвери, Л.Б. Осипова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 4(4). – С. 106-109.

Сведения об авторах

Любовь Борисовна Осипова – кандидат социологических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет (625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38, lev1026@yandex.ru)

Лилия Ахмедулловна Энвери – заместитель директора по УВР, Лянторский нефтяной техникум (филиал) ФГБОУ ВПО «ЮГУ» (628449, Россия, Тюменская обл., Сургутский район, г. Лянтор, 10 мкр., д. 42, enveri_int@mail.ru)

Osipova L.B., Enveri L.A.

Youth Life Strategies: Sociological Research Experience

Abstract. Modern reality is the world of formation of various life prospects of a young person. The relevance of the topic depends, firstly, on insufficient sociological research into the mechanism of formation and realization of life strategies of modern youth; and, secondly, on the need to substantiate the sociological concept of youth life strategies in terms of professional self-determination with regard to its social and group characteristics. In this context, young people as the most active social group are of great interest to the authors who consider them a research target. Due to the transitivity of a social status and the incomplete processes of social maturity formation young people need a targeted design of their future. The sociological analysis of the issue involves a clarification of the concept of “life strategy” at the conceptual level (A.A. Volokitin, S.N. Ikonnikova, E.I. Golovakha, Yu.A. Zubok, V.T. Lisovsky, M.N. Rutkevich, G.V. Leonidova,

K.A. Ustinova, etc.). The article presents the author's definition of "life strategies", which is a dynamic system of perspective individual orientation aimed at designing one's life in the future. At the same time the results of the author's sociological research are presented, including a standardized interview, questionnaires, which provide an opportunity to form an idea about the living choices of young people living in Yugra. The declining influence of social institutions and the emerging opportunities for developing their life prospects on their own challenges young people to select their life targets and ways of their implementation independently. The article justifies the necessity of intensified activation of new forms of young students' management when planning their life trajectory. Life strategies disclose its content in specific life situations associated with choice. The key choice is the career choice of young people which directly depends on the socio-economic conditions of regional development, accumulating all the institutional contradictions in the spheres of education and labor and creating various social problems in the life of young people.

Key words: young students, social group, social maturity, life strategy, life prospects.

References

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Strategii zhizni* [Life strategies]. Moscow: Mysl', 1991. p. 67. (In Russian).
2. Volokitina A.A. Zhiznennye strategii molodezhi v usloviyakh professional'nogo vybora [Life strategies of young people in the context of vocational choice]. *Sotsiologiya i zhizn'* [Life and social studies], 2010, no. 4, pp. 217–221. (In Russian).
3. Golovakha E.I. Zhiznennaya perspektiva i tsennostnye orientatsii lichnosti [Life prospects and values of the personality]. *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov* [Personality psychology in the works of Russian psychologists]. Saint Petersburg, 2000. Pp. 266–267. (In Russian).
4. Golikova S.V. et al. *Gumanitarnye problemy sovremennosti: chelovek i obshchestvo* [Modern humanitarian problems]. Novosibirsk: Izdatel'stvo TsRNS, 2014. 248 p. (In Russian).
5. Dobren'kov V.I., Kharcheva V.G. Sotsial'naya zashchita naseleniya RF: analiz rezul'tatov sotsiologicheskogo oprosa [Social protection for the population of the Russian Federation: analysis of sociological survey]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [MSU Vestnik], 1996, no.3, pp. 17–28. (In Russian).
6. Zubok Yu.A. Risk v sotsial'nom razvitii molodezhi [Risk in the social development of young people]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge], 2003, no.1, pp. 147–162. (In Russian).
7. Lisovskii V.T. *Dukhovnyi mir i tsennostnye orientatsii molodezhi Rossii* [The inner world and system of values of Russian young people]. Saint Petersburg: SPbGUP, 2000. 519 p. (In Russian).
8. Naumova N.F. Zhiznennye strategii v perekhodnom obshchestve [Life strategies in a transitional society]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 1995, no. 2, p. 54. (In Russian).
9. Leonidova G.V., Ustinova K.A. Zanyatost' molodezhi kak uslovie modernizatsii sotsial'no-trudovoi sfery [Youth employment as a condition of the social-labour sphere modernization]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2013, no.2 (26), pp. 101–109. (In Russian).
10. Leont'ev D.A. Ot sotsial'nykh tsennostei k lichnostnym: sotsiogenenez i fenomenologiya tsennostnoi regulyatsii deyatelnosti [From social to individual values: sociogenesis and phenomenology of value regulation of activity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [MSU Vestnik. Series 14. Psychology], 1996, no. 4. (In Russian).
11. Marinov M.B. *Transformatsiya strategii zhizni lichnosti v individualiziruyushchem obshchestve* [Personal life strategy transformation in an individuating society]. Moscow: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2008. p. 41. (In Russian).
12. Petrovskii A.V. Obshchaya psikhologiya: slovar' [General psychology: dictionary]. *Psikhologicheskii leksikon. Entsiklopedicheskii slovar' v shesti tomakh* [Psychological vocabulary. Encyclopedic dictionary in 6 volumes]. Moscow: PER SE, 2006. p. 176. (In Russian).
13. Osipova L.B. Zhiznennye perspektivy tyumenskoj molodezhi [Life prospects Tjumen youth]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no. 1. Available at: <http://www.science-education.ru/121-18242> (accessed 02.04.2015). (In Russian).

14. Prikina L.V., Osipova L.B. Formirovanie zhiznennykh strategii molodezhi [Formation of the youth life strategies]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii "Sotsiologiya. Ekonomika. Politika"* [News from higher educational institutions "Sociology. Economics. Politics"], 2014, no. 4 (43), pp. 77–81. (In Russian).
15. Reznik T.E., Reznik Yu.M. Zhiznennye strategii lichnosti [Personal life strategies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1995, no. 12, p. 76. (In Russian).
16. Rutkevich M.N., Zubok Yu.A., Chuprov V.P. Zhiznennye plany molodezhi [Young people's plans for life]. *Sotsiologiya molodezhi: entsiklopedicheskii slovar'* [Young people sociology: encyclopedic dictionary]. Moscow: Academia, 2009. p. 418. (In Russian).
17. Sillaste G.G. Molodezh'. Selo. Bezopasnost' [Young people. Village. Security]. *Bezopasnost' Evrazii* [Eurasian security], 2003, no.4, pp. 4–15. (In Russian).
18. Frager R., Fadiman J. *Lichnost': teorii, upravleniya, eksperimenty* [Personality and personal growth]. Saint Petersburg: Praim-Evroznak, 2008. 704 p. (In Russian).
19. Hjelle L., Zigler D. *Teorii lichnosti. Osnovnye polozheniya, issledovaniya i primeneniye* [Personality theories: basic assumptions, research, and applications]. Saint Petersburg: Piter Press, 2008. 607 p. (In Russian).
20. Cherednichenko G.A. *Molodezh' Rossii. Sotsial'nye orientatsii i zhiznennye puti* [Russian young people: social orientations and life trajectories]. Saint Petersburg, 2004. p. 32. (In Russian).
21. Shlapak N.A. Kategoriya "zhiznennye plany" ["Plans for life" category]. *Filosofskie nauki* [Russian journal of philosophical sciences], 1974, no. 5, pp. 139–142. (In Russian).
22. Enveri L.A., Osipova L.A. Zhiznennye strategii sovremennoi molodezhi [Life strategies of modern young people]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University of Humanities], 2012, no. 4 (4), pp. 106–109. (In Russian).

Information about the Authors

Lyubov' Borisovna Osipova – PhD in Sociology, Associate Professor, Industrial University of Tyumen (38, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation, lev1026@yandex.ru)

Liliya Akhmedullovna Enveri – Assistant Head of Curriculum and Discipline, Lyantor Oil Technical School (Local Branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Yugra State University (42, Microdistrict 10, Lyantor, Surgutsky District, Tyumen Oblast, 628449, Russian Federation, enveri_int@mail.ru)

Статья поступила 24.04.2016

DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.7

УДК 331(075.8), ББК 65.24я7

© Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В.

Мониторинг возможностей развития самозанятости в Новосибирской области

**Нина Михайловна
ВОЛОВСКАЯ**

Новосибирский государственный университет экономики и управления
630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56
n.m.volovskaya@nsuem.ru

**Лидия Константиновна
ПЛЮСНИНА**

Новосибирский государственный университет экономики и управления
630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56
l.k.plyusnina@nsuem.ru

**Анастасия Викторовна
РУСИНА**

Новосибирский государственный университет экономики и управления
630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56
kaf-sksu-lab@nsuem.ru

Для цитирования: Воловская, Н.М. Мониторинг возможностей развития самозанятости в Новосибирской области / Н.М. Воловская, Л.К. Плюснина, А.В. Русина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 4. — С. 130-143. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.7

For citation: Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V. Monitoring of opportunities for development of self-employment in the Novosibirsk Oblast. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 130-143. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.7

Аннотация. В статье на основе данных трех социологических исследований, проведенных в Новосибирской области, рассматриваются проблемы развития самостоятельной занятости среди незанятого населения как одного из направлений активной политики содействия занятости населения и сокращения безработицы. Изучена динамика планов выхода незанятых граждан из состояния безработицы: их желание и готовность к самозанятости, установки на отдельные ее формы, а также необходимые виды помощи. Исследование выявило благоприятные перемены и тенденции в жизни, сознании безработных граждан и их отношении к самозанятости: снижение числа граждан, вынужденных экономить на самом необходимом и живущих в бедности, рост доходов от самозанятости в личных подсобных хозяйствах и числа лиц, готовых к самозанятости, к социальной мобильности и опоре на собственные силы. Однако вызывают беспокойство патерналистские настроения у половины респондентов и преобладание у них пассивных и вынужденных стратегий. Сделан вывод о том, что большинство опрошенных представляют ощутимый потенциал самостоятельной занятости, которая, не являясь панацеей от безработицы, способна обеспечить реализацию потребностей достаточно существенной части сельского населения работать и зарабатывать. Помимо дохода как источника средств существования, самозанятость формирует важную позицию социальной активности незанятых граждан в противовес социальному иждивенчеству. Меры по оказанию помощи самозанятым должны быть реализованы как на федеральном, так и на региональном уровнях, что будет способствовать повышению предпринимательской активности, росту среднего класса и в целом повышению эффективности экономики России.

Ключевые слова: самостоятельная занятость, незанятое население, активная политика занятости, собственное дело, личное подсобное хозяйство, государственная поддержка.

Глубокие изменения в социальной, экономической, политической и других сферах России, начавшиеся в перестроечный период и продолжающиеся по настоящее время, привели к появлению такой категории граждан, как безработные. В 2014 году уровень безработицы в стране составил 5,2%. По данным обследований населения по проблемам занятости численность безработных граждан по сравнению с уровнем 1992 г. не изменилась и составляет 3889 тыс. чел., хотя в отдельные годы в связи с кризисным состоянием общества наблюдалось ее значительное увеличение, а с 2010 г. — заметное ежегодное снижение. Несколько иная статистика прослеживается по безработным лицам, проживающим в сельской местности. По сравнению с показателем 1992 г. их численность выросла в 2,2 раза (1992 г. — 639, 2014 г. — 1408 тыс. чел.). Симметрично вырос и

удельный вес безработных сельских жителей в общей численности безработных — с 16,4 до 36,2%¹.

Российское государство, осуществляя активную политику содействия занятости населения, берет на себя ответственность за создание условий для обеспечения работой тех граждан, которые ее ищут и готовы работать. Среди направлений активной политики занятости большое значение имеет самостоятельная занятость, которая в силу высоких трудопоглощающих потенциалов абсорбирует незанятую рабочую силу и служит своего рода социальным амортизатором.

Самозанятость представляет собой сложный социально-экономический феномен, в связи с этим существуют различ-

¹ Россия в цифрах — 2015 / Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/06-11.htm

ные подходы к ее определению. Не останавливаясь подробно на их рассмотрении, отметим, что в научной литературе известны два подхода к определению самозанятости: узкий и широкий. При узком подходе авторы разграничивают самозанятость и предпринимательство, понимая под самозанятостью мельчайшие формы самостоятельной деятельности. Так, например, В.В. Радаев, рассматривая предпринимательский слой, пишет, что «...к ним примыкает периферия в виде массовых групп самостоятельных работников-индивидуалов, которые, однако, к собственно предпринимателям уже не относятся»². Т.И. Заславская подчеркивает индивидуальный характер деятельности при самозанятости с помощью собственных средств³. К сторонникам наиболее распространенного широкого подхода относится, например, Е.А. Абрамова, которая считает, что «самозанятые в России — это те, кто сам обеспечивает и организует свою деятельность, которая служит им основным источником дохода»⁴. А.С. Гучек пишет, что «самозанятость может находиться в поле как формальной, так и неформальной занятости», и относит к ней различные формы, включая создание предприятий⁵.

Мы также придерживаемся широкого понимания данного термина, в основе которого лежит точка зрения МОТ: «Работающие самостоятельно, не по найму трудящиеся (не имеющие постоянных наемных работников) и работающие собственники

неакционерных предприятий (имеющие постоянных наемных работников) считаются самостоятельно занятыми лицами»⁶. Это, по нашему мнению, особый вид участия людей в общественно полезном труде, основанный на их личной инициативе, самостоятельности и ответственности и направленный, как правило, на получение трудового дохода, обеспечивающий самореализацию и самоутверждение индивида как личности, проявляющийся как отношения (экономические, социальные, правовые и др.) между людьми.

Самозанятость тесно связана с предпринимательством, однако следует различать признаки, лежащие в основе указанных понятий. По нашему мнению, в термине «предпринимательство» основой является сфера и деятельность, а в понятии «самостоятельная занятость» — степень и характер участия человека в труде, т.е. особенности занятости человека. Самостоятельная занятость представляет основу зарождения предпринимательства, его фундамент. Мы считаем, что для предпринимательства самозанятость первична, так как оно не может осуществляться без инициативности, самостоятельности, риска, инноваций и т.п. Задумываясь о предпринимательской деятельности, индивид выбирает такой вид занятости, который способствует развитию его активности, творчества, свободы, — самостоятельную занятость. В связи с вышесказанным к самозанятости мы относим любую форму предпринимательской деятельности, но при этом важно, чтобы человек не работал по найму и использовал для своего существования деньги или натуральные продукты, которые получает в результате самозанятости. Причем мы отличаем самозанятость от «хобби» — дела, не

² Радаев В.В. Экономическая социология: курс лекций. — М., 1997. — С. 112.

³ Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Общественные науки и современность. — 1995. — №1. — С. 22.

⁴ Абрамова Е.А. Самозанятость населения как ступень подъема экономики в период преодоления кризиса // Современные наукоемкие технологии: региональное приложение. — 2010. — №1. — С. 6.

⁵ Гучек А.С. Самостоятельная занятость населения: подходы к изучению, методы исследования // Труды Карельского научного центра РАН. — 2012. — №6. — С. 3.

⁶ МОТ: содействие развитию самостоятельной занятости: доклад VII Международной конференции труда, 77-я сессия. — Женева, 1990. — С. 3.

приносящего материального вознаграждения, а осуществляемого в основном в свободное от трудовых занятий время.

На самостоятельную занятость могут перейти как занятые граждане из-за недовольства наемной работой, ее содержанием или для реализации своих творческих потребностей, потребностей в самовыражении и самореализации, так и незанятые люди. В данной статье мы исследуем незанятых людей, у которых трансформировались социальные взаимодействия с социумом, стал иным их социальный статус, нарушились привычные ценности и интересы. Это не может восприниматься ими безболезненно, без чувства горечи и обиды. Интересы большинства незанятых граждан зачастую неустойчивы. Реинтегрироваться в социальную структуру общества им может помочь самозанятость через ее инклюзивный характер, предоставляя незанятым людям возможность работать, обеспечивать себя и свою семью, способствуя укреплению убежденности граждан в том, что они снова смогут восстановить социальные взаимодействия в социуме и стать полноправными членами общества.

При этом надо учитывать, что практиковать самозанятость могут не все незанятые граждане. Для этого необходимы люди с определенными качествами, умениями и способностями, интересом и желанием самостоятельно трудиться. Они должны обладать также особыми характерологическими качествами и проявлять иной уровень деятельности и активности, чем при наемной работе. Кроме того, необходимо учитывать и тот факт, что для многих из незанятых граждан переход к самозанятости является вынужденным в связи со сложившимися неблагоприятными обстоятельствами. Самозанятость для них является средством выживания. Д. Стори в своем

исследовании показал, что в обследуемом им районе примерно четверть основателей собственного дела были безработными⁷. Самозанятость в зарубежных странах давно рассматривается как форма занятости, смягчающая и сглаживающая социальные потрясения в обществе, способствующие росту безработицы⁸.

Содействие незанятому населению в их переходе на самозанятость в России возложено на государственные службы занятости и соответствующие структурные подразделения областных администраций. Службы занятости призваны ориентировать незанятых граждан на отдельные формы самозанятости, а для этого тестировать их по специальным методикам, выявляя деловые и предпринимательские качества, а также предоставлять консультационные услуги, помогать в составлении бизнес-плана, знакомить с пакетом документов по открытию своего дела, направлять при необходимости на обучение основам предпринимательства, оказывать реальную помощь в кредитной поддержке и т.д.

Однако для успешной реализации самозанятости в рамках активной политики указанным службам необходима информация о намерениях незанятых граждан по выходу из состояния безработицы, их желаниях, мотивах, готовности к самозанятости и т.д. Данное обстоятельство явилось целью мониторинга социологических исследований возможностей развития самозанятости среди незанятого населения, обращавшегося в службу занятости, который был проведен в Новосибирской области. В мониторинг вошли три исследования: в 1995 г. (выборка — 551 чел.), 2002 г. (выборка —

⁷ Storey L.J. *Entrepreneurship and the New Firm*. — London: Routledge, 1988. — P. 117.

⁸ Kuhnlein I. *Weniger Erwerbsarbeit — mehr Eigenarbeit? Chancen und Potentiale Öffentlicher Eigenarbeit // Aus Politik u. Zeitgeschichte*. — 1997. — № 48-49. — P. 41-46.; Sen A. *The penalties of unemployment*. — Roma, 1997. — P. 27-32.

618 чел.) и 2013 г. (выборка — 346 чел.). Для проведения обследования использовалась двухступенчатая выборка. На первой ступени осуществлялся выбор групп для обследования (в данном обследовании группой генеральной совокупности является сельский район, город областного подчинения). В 1995 г. в соответствии с экономическими, природно-климатическими особенностями, со степенью развития малого бизнеса было выбрано пять типичных районов в каждой зоне. Внутри зоны осуществлялась 10%-ная выборка незанятого населения, обращающегося в службы занятости. В 2002 г. подход к выборке был несколько изменен. В связи с тем, что однородность внутри каждой группы больше, чем в целом по генеральной совокупности, было решено увеличить число отбираемых групп и уменьшить количество людей в каждой группе. Обычно при подобных выборках ошибка выборки стремится к нулю⁹. Поэтому для получения достоверных результатов и их практического использования было решено провести социологический опрос во всех без исключения сельских районах и городах области, распределив в них объем выборки пропорционально незанятому населению, обращающемуся в службу занятости. На второй ступени выборки внутри районов и городов осуществлялся случайный отбор респондентов по 10%-ной выборке среди незанятого населения, обращающегося в службы занятости. Этот же подход был сохранен в 2013 г.

Обратимся к результатам исследования. Не секрет, что безработица заставляет людей пересматривать подходы к привычному образу жизни, менять свои привычки,

⁹ Социология. Основы общей теории: учеб. пособие / Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев, А.В. Кабыша и др.; под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. — М.: Аспект Пресс, 1996. — С. 376.

экономить. Так, самооценка материального положения показывает, что в 2013 г. 63,6% опрошенных отметили, что материальные трудности есть, часто приходится экономить; 25,5% — вынуждены экономить даже на самом необходимом, а 7,5% — живут фактически в бедности и нищете. Однако не надо забывать, что незанятых сельских жителей во многом выручают личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Анализ динамики самооценки материального положения показывает, что по данному показателю заметны благоприятные тенденции. За рассматриваемый период на 33% снизилось число граждан, испытывающих неудовлетворенность своим материальным положением (1995 г. — 94,4%, 2002 г. — 92,6%, 2013 г. — 63,6%), более чем наполовину уменьшилась численность вынужденных экономить (1995 г. — 48,6%, 2002 г. — 39,0%, 2013 г. — 23,3%), а число живущих в бедности сократилось на 61% (1995 г. — 19,3%, 2002 г. — 13,8%, 2013 г. — 7,5%). Данные об источниках доходов незанятых людей свидетельствуют, что в структуре всех доходов наиболее весомыми являются заработная плата жены или мужа (43,2%), пособие по безработице (30,8%), доходы от ЛПХ (8,9%), пенсия родителей (6,5%). Особых изменений в динамике доходов не прослеживается, за исключением доходов от ЛПХ. Их доля в структуре всех доходов выросла более чем в 4 раза по сравнению с 1995 г. (2,1% в 1995 г., 8,9% в 2013 г.). Частично это объясняется тем, что в области, начиная с 1998 г., проводится постоянная работа по развитию самозанятости в ЛПХ.

Незанятым гражданам сложно живется, поэтому ради получения работы они снижают планку своих требований в отношении величины заработной платы. Так, если в 1995 г. 12,6% респондентов готовы были пойти на снижение величины зарплаты, то в 2013 г. их стало уже 35,3%.

Мониторинг показал, что за рассматриваемый период произошел ряд существенных изменений в сознании людей, их активности, адаптации к рыночным условиям, в социально-трудовых ожиданиях и т.д. Спустя 10 лет после начала перестройки в нашей стране П. Штомпка писал о «социалистической ментальности», «социалистическом духе», «гомо советикусе»¹⁰, подчеркивая, что низкая степень проявления активности людей в освоении новых видов деятельности, обесценение их трудовых ценностей, непринятие перемен не совпали с направлениями активной государственной политики занятости, особенно в начальный период перестройки, когда люди, вместо проявления активности и предприимчивости, предпочитали ждать, что о них вспомнит и позаботится государство. Сейчас стала постепенно меняться патерналистская зависимость и настроенность людей. Мониторинг показывает, что число респондентов, считающих, что государство должно поддерживать всех членов общества, снизилось на 38,6% (в 1995 г. таких граждан было 82,5%, а в 2013 г. — 51,4%). Одновременно увеличилось число граждан, предпочитающих опираться на свои силы — с 4,2% в 1995 г. до 20% в 2013 г., что свидетельствует об изменении сознания людей в отношении рынка. Косвенно данный тезис подтверждают тенденции, свидетельствующие о снижении на 26,4% числа респондентов, предпочитающих ничего не делать, получать пособие по безработице и ожидать перемен к лучшему (в 2002 г. их было 9,6%, в 2013 — 6,4%). Одновременно с этим постепенно увеличивается число граждан, выполняющих временные, случайные работы (в 1995 г. — 12,6% респондентов, в 2002 г. —

31,2%, в 2013 г. — 48,7%). Однако, несмотря на благоприятные тенденции, приходится констатировать, что патерналистские настроения еще довольно сильны.

Постепенно меняется отношение людей к смене профессии ради наемной работы. Чтобы получить ее, в 1995 г. всего 10,3% опрошенных были готовы к смене своей профессии, 2002 г. — 28%, 2013 г. — 29,5%. Анализ данных 2013 г. показал, что до потери работы рабочие профессии имели 43,9% опрошенных граждан, а должности служащих — 36,7%. В основном это различные сельские профессии. Несмотря на это, сельским жителям трудно устроиться по своей профессии из-за моноструктурности и узкоотраслевого характера развития экономики на селе, а территориальная мобильность для них не всегда возможна и приемлема. Однако, начиная с 2002 г., число людей, не готовых к смене профессии, перестало практически изменяться и составляет 67% опрошенных, в то время как в 1995 г. их было 87%. Нельзя не заметить положительную тенденцию в этом направлении: число не готовых к смене своей профессии или специальности снижается, хотя и медленно, что свидетельствует о повышении их профессиональной мобильности.

В целом результаты исследований показывают, что уже длительное время у незанятых граждан, обращающихся в службу занятости, в решении их собственных проблем занятости преобладают в основном пассивные или вынужденные активные стратегии. Негативное влияние государственного патернализма, который был присущ России ранее, продолжает сказываться на сознании людей, о чем свидетельствует тот факт, что более 40% незанятых граждан, оставшихся без работы, зарегистрировавшихся в службе занятости, занимают пассивную позицию ожидания наемной

¹⁰ Штомпка П. Социология социальных изменений. — М., 1996. — С. 305.

работы, соглашаясь на невыгодные и нелегитимные условия временного найма¹¹. Это обстоятельство обусловлено с привычкой, устоявшейся за годы существования советской власти, работать на государственных предприятиях, получать стабильную заработную плату и особо не бояться за свое будущее. Однако респонденты недооценивают глобальных изменений, произошедших в стране, повлиявших на социальные роли и положение людей, а также тот факт, что сейчас рыночная политика ориентирует граждан на самостоятельную, конкурентную деятельность. Кроме того, на селе существуют небольшие возможности наемного труда, так как большинство колхозов и совхозов развалились, а новые предприятия, способные привлечь безработных в качестве наемных работников, появляются довольно редко.

Другая категория незанятых граждан не ждет наемной работы, а активно пытается вырваться из неблагоприятных обстоятельств и «примерить на себя» самозанятость, не имея никакого опыта работы в условиях рыночной экономики. Государство после перестройки, по сути, бросило их на самостоятельное выживание (за исключением пособия по безработице), не учитывая, что за годы строительства социализма и коммунизма они отвыкли от самостоятельности, инициативности и предприимчивости. К открытию собственного дела их зачастую подталкивает исчезнове-

ние прежних жизненных опор, бедственное материальное положение и необходимость обеспечения себя и семьи средствами к существованию. Данные граждане при незначительной поддержке со стороны служб занятости пытаются адаптироваться, выживать, вырабатывать собственные пути самообеспечения и занять свою нишу в сельскохозяйственном пространстве. Следствием этих процессов становится широкое распространение самозанятости, развитие которой стало реальностью совершенствования процессов занятости населения в сельских районах. В ряде случаев самозанятость сельского населения является единственной возможностью незанятых людей заработать средства к существованию и противостоять безработице.

В целом за анализируемый период на 40,1% возросло среди респондентов число лиц, рассматривающих для себя самостоятельную занятость в составе стратегий занятости. Переход незанятых граждан к самозанятости может проявляться в различных формах (табл. 1).

Из приведенных данных видно, что предпочтения незанятых людей в сельской местности распространяются в основном на две формы: открытие собственного дела (малое предприятие, ИТД) и самозанятость в ЛПХ. Динамика изменения предпочтений свидетельствует, что в целом за рассматриваемый период несколько снижается численность граждан, готовых

Таблица 1. Динамика выбора отдельных форм самозанятости (в % от числа опрошенных)

Формы самозанятости	1995	2002	2013
Открытие собственного дела	27,0	15,4	24,3
Работа в ЛПХ	2,4	17,4	18,7
Организация фермерского хозяйства	4,0	1,7	3,8

¹¹ Волковская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В. Масштабы и сферы распространения теневой оплаты труда (по материалам социологического обследования) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6.

открыть собственное дело, при этом по сравнению с уровнем 2002 г. она растет. Обращает на себя внимание существенный рост (более чем в 7 раз) числа людей, желающих осуществлять самозанятость в ЛПХ. В то же время всего лишь от 1,7 до 4,0% респондентов в разные годы думали о создании фермерского хозяйства. На динамику взглядов людей по поводу перехода на самозанятость оказывают различные причины: неподготовленность к предпринимательской деятельности, недостаток денежных средств, трудности оформления земельных долей в собственность, острая нехватка собственной техники, непродуманность форм помощи и поддержки, частая смена режимов налогообложения и т.д.

Многое в решении этих проблем зависит от позиции государственных и региональных властей, которая сейчас начала меняться. Существенное подспорье жителям села Новосибирской области в этих начинаниях оказывает реализация областных программ «Семейная животноводческая ферма» и «Начинающий фермер», ориентированных на развитие самозанятости и повышение уровня жизни на селе, а также долгосрочная целевая программа «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Новосибирской области

на 2012–2016 годы»; функционирование портала «Малое и среднее предпринимательство Новосибирской области»; создание фондов развития, поддержки и микрофинансирования малого и среднего предпринимательства; проведение конкурсов и конференций среди самозанятых.

Однако одного желания для осуществления самозанятости недостаточно, необходима определенная готовность незанятых граждан практиковать ее (табл. 2).

Из таблицы видно, что в 10 раз увеличилась доля людей, готовых к самозанятости и знающих, как это делать. Довольно значительная часть опрошенных готова к самозанятости, но не знает порядка ведения бизнеса. За исследуемый период она увеличилась в 2,6 раза, но таким людям необходимо обучение основам малого бизнеса¹². Социально-демографический анализ данной группы показал, что это в основном молодежь. О том, что молодые люди приняли рыночные условия и готовы осуществлять предпринимательскую деятельность, но нуждаются в обучении, свидетельствуют и результаты исследований других авторов¹³. Прослеживается также постепенное снижение числа граждан (на 31,9%), не готовых переходить на самозанятость.

Таблица 2. Готовность незанятых людей практиковать самозанятость (в % от числа опрошенных)

Варианты готовности	1995	2002	2013
1. Готов и знаю, как это делать	2	10	20
2. Готов, но не умею	8	22	21
3. Готов, но не хочу	1	2	4
4. Знаю дело, но лично не готов	12	6	8
5. Не определился	25	18	18
6. Нет, не готов	44	38	30

¹² Шукшина З.А. Вуз и обучающийся взрослый: социально-инновационный характер взаимодействия // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 3.

¹³ Иноземцева А.В. Молодежь и малое предпринимательство: результаты социологического исследования // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 19. – С. 34-37.

Как показало исследование, в 2013 г. самой перспективной отраслью для открытия своего дела респонденты называют сферу обслуживания (27,6%), далее идут производство сельскохозяйственной продукции (21,1%) и посреднические услуги по купле-продаже (10,6%). Судя по данным мониторинга, с течением времени предпочтения респондентов относительно сфер деятельности практически не меняются. Исключение составляют посреднические услуги, которые в 1995 г. были выведены респондентами на 6-е место, но которые в 2002 г. прочно заняли свое место в тройке благоприятных сфер. С точки зрения респондентов вышеназванные сферы более подходят для самозанятости в связи с тем, что без проблем может быть осуществлен сбыт продукции (24,8%), будет возможность использовать незанятую рабочую силу (22%), а наличие природных условий создаст предпосылки для пополнения сырьевой базы (22%).

Самозанятость в ЛПХ, возникшая вследствие влияния негативных макроэкономических факторов, получает в стране развитие как реальная форма сокращения безработицы на селе. Об этом свидетельствует опыт Ярославской, Вологодской, Воронежской, Тверской, Новосибирской, Тюменской и других областей, где безработным людям помогают развивать самозанятость в ЛПХ, используя для этого различные формы.

Согласно данным опроса свою дальнейшую жизнедеятельность связывали с самозанятостью в ЛПХ в 2013 году 18,7% респондентов (1995 г. – 2,4%, 2002 г. – 17,4%). Это чаще всего женщины, в основном старшего возраста (50–60 лет), что говорит о реальной и адекватной оценке ими собственных шансов на трудоустройство. Молодежь по сравнению с другими возрастными группами менее всего хочет

заниматься деятельностью в ЛПХ, и с течением времени доля молодых в данном массиве снижается. Если в 2002 г. в целом 28% молодых людей (население до 29 лет) высказали желание практиковать самозанятость в ЛПХ, то в 2013 г. их было только 17%. Более того, данную форму самозанятости из молодежи в возрасте до 20 лет не выбрал никто, что вполне объяснимо. Молодежь адаптировалась к рынку, приняла его условия, она в своем большинстве амбициозна и не считает для себя престижной такую занятость. Как показало исследование, данная группа в большей степени склонна к открытию собственного дела.

Респонденты, желающие осуществлять самозанятость в ЛПХ, более ориентированы на производство продукции животноводства (45,1%), пчеловодства (9,8%) и птицеводства (5,9%). Они в большей степени (31,4%) хотят без посредников самостоятельно производить и продавать сельскохозяйственную продукцию, 19,6% – самостоятельно производить сельхозпродукцию без ее продажи, а заниматься откормом молодняка, птицы на договорных началах предполагают 13,4% опрошенных. Однако незанятым гражданам, вступившим на трудный путь самозанятости в ЛПХ, необходима поддержка. С одной стороны, они имеют надежный «тыл», полагая, что семья им поможет (94,7% желающих открыть свое дело и 54,6% предполагающих заниматься ЛПХ надеются на помощь своих близких). Но, с другой стороны, одной только семейной поддержки недостаточно, без помощи извне данной категории граждан очень трудно начать совершенно новую для них деятельность.

Полученные в опросе данные о видах необходимой помощи при переходе граждан на самостоятельную занятость представлены в *таблице 3*.

Таблица 3. Виды помощи, необходимой для развития самозанятости (в % от числа опрошенных)*

Варианты ответов	1995	2002	2013
Денежные кредиты	72,3	61,0	54,0
Налоговые льготы	68	62,9	66,0
Обеспечение молодняком крупного рогатого скота, овец, птицы	6	11,4	34,0
Обеспечение фуражом, семенами	8,4	13,4	28,0
Получение необходимых знаний, навыков	59,4	30,0	30,2
Психологическая поддержка окружающих	32,4	12,9	4,0
Возможность кооперации с другими жителями	28,4	18,3	14,0
Возможность переработки продукции и ее хранения	22,1	18,9	18,0
Поддержка со стороны госорганов села, района	58,4	44,2	52,0

* Респонденты могли отмечать несколько вариантов ответов.

Данные таблицы показывают, что респондентам для перехода на самозанятость необходимы прежде всего предоставление налоговых льгот, денежных кредитов, поддержка со стороны государственных органов села, района; получение необходимых знаний, навыков; обеспечение молодняком крупного рогатого скота, овец, птицы. Необходимость указанных видов помощи отмечалась респондентами в трех проведенных исследованиях, и мы неоднократно писали, что основные проблемы развития самозанятости постепенно превращаются в ее устойчивые черты. Анализ полученных данных в динамике показывает, что в 1995 и 2002 гг. основным видом помощи респонденты называли денежные кредиты, но в 2013 г. данный вид помощи перешел по значимости на 2 место. Налоговые льготы как необходимый вид помощи в 1995 и 2002 гг. ставился респондентами на 2 место, а в 2013 г. — на 1 место. Уже много лет в нашем обществе идет речь об упрощении налогового режима, государство периодически заявляет об изменении налоговой политики для предпринимателей, о своей готовности оказывать им помощь, однако сколь угодно заметных тенденций в этом отношении не происходит, а, наоборот, зачастую принимаются решения, негатив-

но влияющие на самостоятельную деятельность людей. Так, П.М. Козырева в качестве примера приводит двукратное повышение страховых взносов в России с 1 января 2013 г., негативным последствием которого стало прекращение работы почти 500 тыс. индивидуальных предпринимателей¹⁴.

Таким образом, невозможность найти работу, необходимость содержать семью мотивируют незанятых граждан к переходу на самозанятость, поэтому потенциальная готовность к ней у незанятого населения достаточна велика. Изучение социально-демографических характеристик незанятого населения, обращающегося в службу занятости, свидетельствует, что в целом примерно 85% опрошенных составляют наиболее работоспособные группы населения, среди которых 35% имеют высшее образование. Они более мобильны к получению новых знаний, у них есть соответствующая база знаний, для того чтобы практиковать самозанятость. Однако полученная профессия нацеливает их в первую очередь на поиск наемной работы.

¹⁴ Козырева П.М. Малое предпринимательство в России: повседневные проблемы и трудности развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2015. — № 1. — С.48-49.

Конечно, самозанятость является лишь одним из направлений активной политики занятости населения, и только ее развитием решить полностью проблему безработицы на селе невозможно, поэтому ее не следует фетишизировать. Однако можно оказать реальную помощь хотя бы 15–20% незанятых граждан, вступивших на этот сложный путь. Региональным и территориальным органам власти необходимо целенаправленно заниматься развитием самостоятельной занятости, в том числе разрабатывать специальные программы, оказывать адресную помощь и поддержку лицам, решившим занять себя самостоятельно, с учетом их предпринимательских предпочтений, так как отечественный и зарубежный опыт показывает, что самостоятельная занятость успешно осуществляется, когда ее развитию придается общественное значение, и, напротив, она протекает замедленно, со значительными расходами, как экономическими, так и социальными, в том случае если государство или регион не участвует активно в этом процессе. Самозанятость в настоящее время получает дополнительный шанс в своем развитии в связи с усилением воздействия мировых факторов¹⁵. Введение санкций на запрет импорта отдельных видов сельскохозяйственной продукции (мяса, молока, рыбы, овощей) создает благоприятные ус-

ловия для приложения труда самостоятельно занятых работников. Государство предполагает также принять ряд мер, способствующих развитию самозанятости. Так, Д.А. Медведев предложил внедрить новый механизм налогообложения для самозанятых граждан – им нужно зарегистрироваться в налоговом ведомстве и получить временное освобождение от налогов. Самозанятые люди должны будут уведомлять налоговую службу о своей работе. И с момента подачи этого уведомления они будут освобождены от уплаты налогов на 2–3 года. По окончании этого периода человек должен самостоятельно решить, в какой системе налогообложения ему удобно работать¹⁶.

Развитие самозанятости в Новосибирской области самым благоприятным образом влияет на социальную обстановку в сельской местности. Успешная самостоятельная деятельность при поддержке региональных властей имеет большую социально-экономическую значимость: самостоятельно занятый работник подает пример подрастающему поколению, так как показывает, что, проживая в сельской местности, можно найти сферу и место приложения своего труда, своих идей, работать прибыльно, повысить самооценку и социальный статус, преодолеть иждивенческие и выжидательные настроения и поверить в себя.

Литература

1. Абрамова, Е.А. Самозанятость населения как ступень подъема экономики в период преодоления кризиса / Е.А. Абрамова // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2010. – № 1. – С. 5-11.
2. Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе / Н.М. Воловская, Л.К. Плюснина, А.В. Русина, А.В. Иноземцева // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 52-60.

¹⁵ Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе / Н.М. Воловская, Л.К. Плюснина, А.В. Русина, А.В. Иноземцева // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 60.

¹⁶ Медведев Д.А. «Единая Россия» – ответственная политическая сила года: доклад на XV съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия» // Официальный сайт партии. – Режим доступа: <https://er.ru/news/139360/>.

3. Воловская, Н.М. Масштабы и сферы распространения теневой оплаты труда (по материалам социологического обследования) / Н.М. Воловская, Л.К. Плюснина, А.В. Русина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6. – С. 147-152.
4. Гучек, А.С. Самостоятельная занятость населения: подходы к изучению, методы исследования / А.С. Гучек // Труды Карельского научного центра РАН. – 2012. – № 6. – С. 196-199.
5. Заславская, Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 17-32.
6. Иноземцева, А.В. Молодежь и малое предпринимательство: результаты социологического исследования / А.В. Иноземцева // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 19. – С. 34-37.
7. Козырева, П.М. Малое предпринимательство в России: повседневные проблемы и трудности развития / П.М. Козырева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 1. – С.43-58.
8. Медведев, Д.А. «Единая Россия» – ответственная политическая сила года: доклад на XV съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев // Официальный сайт партии. – Режим доступа: <https://er.ru/news/139360/>.
9. МОТ: содействие развитию самостоятельной занятости: доклад VII Международной конференции труда, 77-я сессия. – Женева, 1990. – С. 3.
10. Радаев, В.В. Экономическая социология: курс лекций: учебное пособие / В.В. Радаев. – М., 1997. – 368 с.
11. Россия в цифрах – 2015 [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/06-11.htm.
12. Социология. Основы общей теории: учеб. пособие / Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев, А.В. Кабыща и др.; под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 461 с.
13. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М., 1996. – 416 с.
14. Шукшина, З.А. Вуз и обучающийся взрослый: социально-инновационный характер взаимодействия / З.А. Шукшина // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 3. – С. 52-53.
15. Kuhnlein, I. Weniger Erwerbsarbeit – mehr Eigenarbeit? Chancen und Potentiale Offentlicher Eigenarbeit / I. Kuhnlein // Aus Politik u. Zeitgeschichte. – 1997. – № 48-49. – Pp. 41-46.
16. Sen, A. The penalties of unemployment / A. Sen. – Roma, 1997. – Pp. 27-32.
17. Storey, L.J. Entrepreneurship and the New Firm / L.J. Storey. – London and Canberra: Croom Helm, 1982.

Сведения об авторах

Нина Михайловна Воловская – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных коммуникаций и социологии управления, Новосибирский государственный университет экономики и управления (630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56, n.m.volovskaya@nsuem.ru)

Лидия Константиновна Плюснина – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций и социологии управления, Новосибирский государственный университет экономики и управления (630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56, l.k.plyusnina@nsuem.ru)

Анастасия Викторовна Русина – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных коммуникаций и социологии управления, Новосибирский государственный университет экономики и управления (630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56, kaf-skusu-lab@nsuem.ru)

Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V.

Monitoring of Opportunities for Development of Self-Employment in the Novosibirsk Oblast

Abstract. The article, based on data of three sociological researches held in the Novosibirsk Oblast, considers development problems of self-employment among the unemployed population as one of the directions of the active policy promoting population's employment and reducing unemployment. The dynamics of recovery from unemployment is studied, namely the unemployed population's willingness and readiness for self-employment, the focus on its specific types, as well as on the necessary forms of support. The research has revealed favorable changes and trends in life and consciousness of unemployed citizens and their attitude to self-employment: the decreasing amount of citizens compelled to as little money as possible on most necessary things and living in poverty, growing incomes from self-employment in personal subsidiary plots, the increasing amount of people ready for self-employment, social mobility and self-reliance. But paternalistic moods of half of the respondents and the dominance of passive and compelled strategies raise concerns. It has been concluded that the majority of the respondents considers self-employment as a phenomenon of considerable potential, which does not save from unemployment, but is capable of providing the fulfilment of needs of a considerable part of rural population for working and earning money. Besides income as a means of living, self-employment forms an important position of the unemployed social activity, as opposed to social dependency. Measures to support the self-employed should be implemented either at the federal or at regional level. This would promote the increase in business activity, the growth of middle class and the general increase in Russian economic efficiency.

Key words: self-employment, unemployed population, unemployment, active employment policy, business of one's own, personal subsidiary plot, government support.

References

1. Abramova E.A. Samozanyatost' naseleniya kak stupen' pod"ema ekonomiki v period preodoleniya krizisa [Self-employment of the population as a stage of economic growth in the period of crisis overcoming]. *Sovremennyye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie* [Modern science-incentive technologies. Regional supplement], 2010, no. 1, pp. 5-11. (In Russian).
2. Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V., Inozemtseva A.V. Nezanyatoe naselenie i samozanyatost' v sibirskom regione [Unemployed population and self-employment in the Siberian region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2015, no. 5, pp. 52-60. (In Russian).
3. Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V. Masshtaby i sfery rasprostraneniya tenevoi oplaty truda (po materialam sotsiologicheskogo obsledovaniya) [Scale and spheres of "shadow" remuneration prevalence (based on materials of sociological research)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University], 2010, no. 6, pp. 147-152. (In Russian).
4. Guchek A.S. Samostoyatel'naya zanyatost' naseleniya: podkhody k izucheniyu, metody issledovaniya [Self-employment: study approaches and methods]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of Karelian Research Center of Russian Academy of Sciences], 2012, no. 6, pp. 196-199. (In Russian).
5. Zaslavskaya T.I. Biznes-sloi rossiiskogo obshchestva: sushchnost', struktura, status [Business segment of the Russian society: essence, structure, status]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social studies and modernity], 1995, no. 1, pp. 17-32. (In Russian).
6. Inozemtseva A.V. Molodezh' i maloe predprinimatel'stvo: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniya [Youth and small business: results of sociological research]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2014, no. 19, pp. 34-37. (In Russian).

7. Kozyreva P.M. Maloe predprinimatel'stvo v Rossii: povsednevnye problemy i trudnosti razvitiya [Small business in Russia: everyday issues and development constraints]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 1, pp. 43-58. (In Russian).
8. Medvedev D.A. "Edinaya Rossiya" – otvetstvennaya politicheskaya sila goda: doklad na XV s"ezde Vserossiiskoi politicheskoi partii "Edinaya Rossiya" ["United Russia" – responsible political force of the year: report at the 15th Congress of the all-Russian political party "United Russia"]. *Official website of the "United Russia" Party*. Available at: <https://er.ru/news/139360/> (In Russian).
9. MOT: sodeistvie razvitiyu samostoyatel'noi zanyatosti: doklad VII Mezhdunarodnoi konferentsii truda, 77-ya sessiya [ILO: promotion of self-employment development: report of the 8th International Labor Conference, 77th session]. Geneva, 1990. p. 3.
10. Radaev V.V. *Ekonomicheskaya sotsiologiya: kurs leksii: uchebnoe posobie* [Economic sociology: course of lectures: training manual]. Moscow, 1997. 368 p. (In Russian).
11. Rossiya v tsifrakh – 2015 [Russia in figures – 2015]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/06-11.htm (In Russian).
12. Osipov G.V., Moskvichev L.N., Kabyscha A.V. et al. *Sotsiologiya. Osnovy obshchei teorii: ucheb. Posobie* [Sociology. General theoretical basics: training manual]. Moscow: Aspekt Press, 1996. 461 p. (In Russian).
13. Sztompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [The Sociology of Social Change]. Moscow, 1996. 416 p. (In Russian).
14. Shukshina Z.A. Vuz i obuchayushchiisya vzroslyi: sotsial'no-innovatsionnyi kharakter vzaimodeistviya [University and an adult student: socio-innovative interaction]. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher education today], 2007, no. 3, pp. 52-53. (In Russian).
15. Kuhnlein, I. Weniger Erwerbsarbeit – mehr Eigenarbeit? Chancen und Potentiale Offentlicher Eigenarbeit. *Aus Politik u. Zeitgeschichte*, 1997, no. 48-49, pp. 41-46.
16. Sen A. *The penalties of unemployment*. Roma, 1997, pp. 27-32.
17. Storey L.J. *Entrepreneurship and the New Firm*. London and Canberra: Croom Helm, 1982.

Information about the Authors

Nina Mikhailovna Volovskaya – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Communication and Management Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management (56, Kamenskaya Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation, n.m.volovskaya@nsuem.ru)

Lidiya Konstantinovna Plyusnina – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of Social Communication and Management Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management (56, Kamenskaya Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation, l.k.plyusnina@nsuem.ru)

Anastasiya Viktorovna Rusina – PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social Communication and Management Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management (56, Kamenskaya Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation, kaf-sksu-lab@nsuem.ru)

Статья поступила 15.02.2016

Проблемы и особенности исполнения субфедеральных бюджетов в 2015 году

**Анна Ивановна
ПОВАРОВА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
aip150663@yandex.ru

Аннотация. Прошедший год был отмечен рядом тревожных тенденций в развитии бюджетного кризиса российских регионов, ставшего очевидным в 2013 г., когда для финансового обеспечения социальных обязательств в рамках указов Президента РФ от 7 мая 2012 г. региональные власти вынуждены были залезать в огромные долги. Характерной особенностью бюджетного процесса в 2015 г. явилось разрастание негативных трендов в регионах, ранее исполнявших роль локомотивов экономического роста и доноров бюджета, что вступает в противоречие со стратегией регионального развития. Ответные меры по преодолению кризисной ситуации сводятся к масштабной оптимизации расходов. Несмотря на предпринятое Правительством замещение коммерческих заимствований бюджетными, перспектив решения долговой проблемы пока не видно, напротив, прогнозы экспертов указывают на удвоение объёма задолженности регионов к концу 2017 г. Как новый негативный тренд следует рассматривать сокращение расходов в развитие человеческого капитала, закономерным следствием которого стало ухудшение материального благополучия россиян, выразившееся в снижении реальных денежных доходов и повышении уровня бедности. Похоже, что накануне выборов в Государственную Думу РФ социальная политика властей перестаёт быть таковой. В условиях обостряющегося бюджетного кризиса вместо увеличения безвозмездной финансовой помощи, как это было в 2009 г., Правительство проводит противоположную

Для цитирования: Поварова, А.И. Проблемы и особенности исполнения субфедеральных бюджетов в 2015 году / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 144-164. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.8

For citation: Povarova A.I. Problems and Specific Features of Sub-Federal Budgets Execution in 2015. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 144-164. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.8

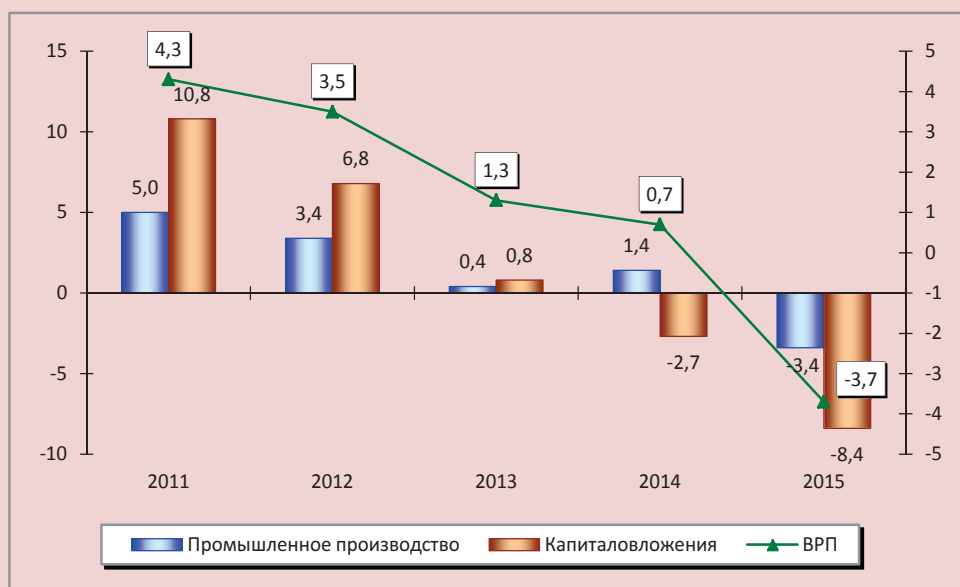
политику, самоустраняясь от поддержки регионов. Более того, кабинет министров открыто не желает провести справедливое разграничение полномочий и обязательств публично-правовых образований, а превращает его в механизм финансирования дефицита федерального бюджета за счёт перекалывания государственных обязательств на регионы. В статье представлены результаты анализа исполнения субфедеральных бюджетов в 2015 г. Основная цель заключалась в выявлении особенностей бюджетного процесса и тенденций изменения динамики бюджетных параметров. Главный вывод состоит в том, что реальные причины дестабилизации бюджетов регионов кроются не только в росте социальной нагрузки, обусловленной необходимостью реализации «майских указов» В. Путина, но и в неэффективности бюджетно-налоговой политики, проводимой федеральным центром. Автором предложены меры по изменению её парадигмы. Информационной базой исследования послужили официальные данные Министерства финансов РФ [7], Федерального казначейства [8], Федеральной налоговой службы [9], Федеральной службы государственной статистики [10].

Ключевые слова: регион, бюджет, дефицит, кредиты, государственный долг, корректировка бюджетно-налоговой политики.

Исполнение территориальных бюджетов в 2015 г. проходило в условиях структурного кризиса российской экономики, обусловившего отрицательную динамику ключевых макроэкономических показателей (рис. 1).

Глубокое падение, составившее 8,4%, коснулось инвестиций в основной капитал. Капиталовложения сократились в двух третях регионов, причём спад сильнее затронул крупные центры индустрии Приволжского, Сибирского и Уральского

Рисунок 1. Динамика темпов прироста ВВП, промышленного производства и капиталовложений в 2011–2015 гг., % к предыдущему году в сопоставимых ценах

Источник: данные Росстата.

федеральных округов. В 40% регионов снижение инвестиционной активности фиксируется уже два года подряд, что указывает на долгосрочный характер инвестиционного кризиса, осложняющего решение задачи импортозамещения.

Не меньшую остроту приобрела проблема снижения уровня благосостояния россиян и, соответственно, потребления. Стагнация реальных денежных доходов населения, начавшаяся ещё в 2013 г., сменилась в 2014 г. падением на 0,8%, ускорившимся в 2015 г. до 4,3% (рис. 2). Этот процесс не затронул лишь семь российских регионов. Одновременно происходило снижение оборота розничной торговли и наращивание сбережений населения в банках, что по сути означало переход от потребительской модели поведения к сберегательной, которая в перспективе может послужить дополнительным сдерживающим фактором экономического роста, поскольку ещё более сужает спрос.

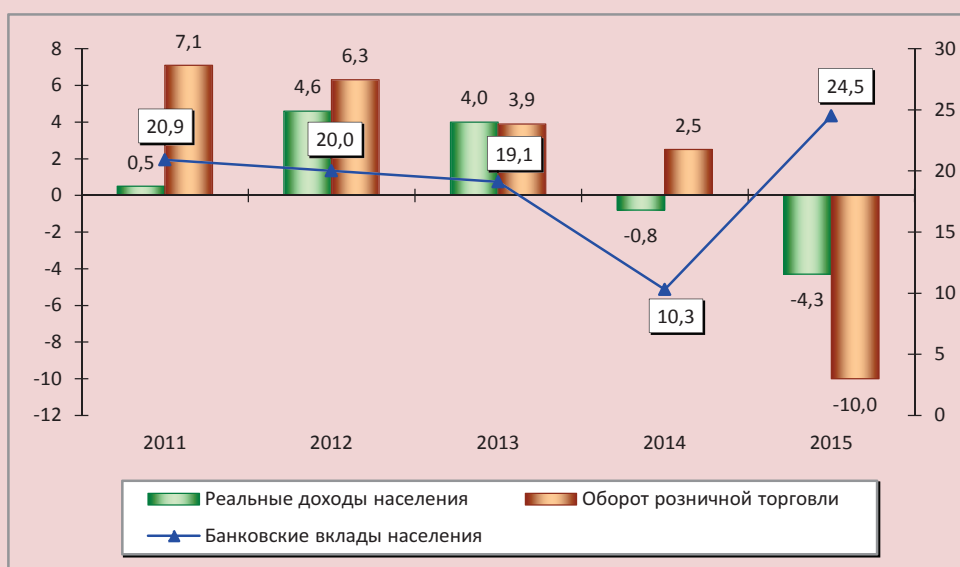
Бюджетный процесс в 2015 г. характеризовался следующими особенностями.

1. Стагнация темпов роста доходов консолидированного бюджета РФ и снижение темпов роста доходов федерального бюджета, обусловленные недополучением нефтегазовых доходов в результате обвала мировых цен на нефть (табл. 1).

По оценкам Минфина, сбалансированность федерального бюджета достигается при цене нефти 82 доллара за баррель, поэтому структурная неадаптированность казны к новым конъюнктурным реалиям имела своим следствием скачок дефицита, достигшего 2 трлн. руб., или 2,4% по отношению к ВВП. С большим объёмом дефицита федеральный бюджет исполнялся только в 2009 г. (рис. 3).

Явно выраженная эскалация дисбалансионных процессов на высшем уровне бюджетной системы страны создаёт чрезвычайно высокие риски для территориальных бюджетов, прежде всего с точки зрения

Рисунок 2. Динамика реальных денежных доходов населения, оборота розничной торговли и банковских вкладов населения в 2011–2015 гг., % к предыдущему году в сопоставимых ценах*

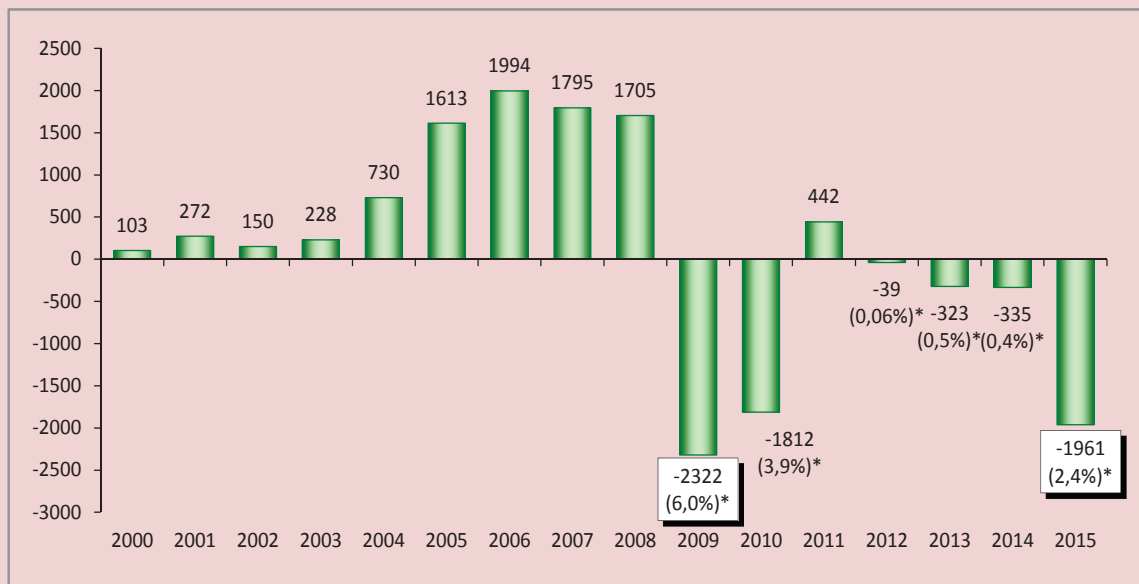
* Банковские вклады приведены в текущих ценах.
Источники: данные Росстата; Банка России; расчёты автора.

Таблица 1. Доходы консолидированного и федерального бюджета РФ в 2011–2015 гг., млрд. руб.

Доходы	2011	2012	2013	2014	2015,
Мировая цена на нефть, долл./барр.	109	110	108	98	53
Темп роста, %	139,7	100,9	98,2	90,7	54,1
Доходы консолидированного бюджета	20855	23435	24443	26766	26922
Темп роста, %	130,1	112,4	104,3	109,5	100,6
Доходы федерального бюджета	11368	12856	13020	14497	13659
Темп роста, %	136,9	113,1	101,3	111,3	94,2
В том числе нефтегазовые доходы	5642	6453	6534	7434	5892
Темп роста, %	142,3	114,4	101,3	113,8	79,3

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Рисунок 3. Динамика профицита, дефицита (-) федерального бюджета в 2000–2015 гг., млрд. руб.

* Цифра в скобках – отношение дефицита к ВВП.

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

достаточного финансового обеспечения переданных регионам полномочий федерального центра.

2. Снижение доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ на 5,7% в реальном выражении, причём по всем основным составляющим (табл. 2). Кроме падения экономической активности, на динамику доходов неизбежно повлиял максимальный с 2008 г. уровень инфляции, составивший 12,9%.

В 2015 г. сохранилась понижательная динамика собственных доходов в регионах с крупнейшими бюджетами, в результате чего эти регионы не смогли сохранить поступления собственных источников на уровне 2008 г. (табл. 3).

Вследствие сужения доходной базы доля одиннадцати бюджетоформирующих регионов в общем объёме собственных доходов территориальных бюджетов уменьшилась с 50,4% в 2008 г. до 42,6% в 2015 г.

Таблица 2. Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ* в 2011–2015 гг., млрд. руб.

Доходы	2011	2012	2013	2014	2015	2015 к 2014, %
Доходы, всего	7644	8064	8165	8747	9191	105,1
<i>В реальном выражении</i>	<i>9983</i>	<i>10040</i>	<i>9626</i>	<i>9744</i>	<i>9191</i>	<i>94,3</i>
Собственные доходы**	5827	6385	6588	7143	7585,5	106,2
<i>В реальном выражении</i>	<i>7610</i>	<i>7949</i>	<i>7767</i>	<i>7957</i>	<i>7585</i>	<i>95,3</i>
- налог на прибыль	1928	1980	1720	1962	2099	107,0
<i>В реальном выражении</i>	<i>2518</i>	<i>2465</i>	<i>2028</i>	<i>2185</i>	<i>2099</i>	<i>96,1</i>
- НДФЛ	1996	2262	2499	2681	2788	104,0
<i>В реальном выражении</i>	<i>2607</i>	<i>2816</i>	<i>2946</i>	<i>2986</i>	<i>2788</i>	<i>93,4</i>
Межбюджетные трансферты	1644	1680	1515	1546	1538	99,5
<i>В реальном выражении</i>	<i>2147</i>	<i>2091</i>	<i>1786</i>	<i>1722</i>	<i>1538</i>	<i>89,3</i>

* Здесь и далее в целях сопоставимости динамики все показатели за 2014–2015 гг. приводятся без учёта субъектов Крымского федерального округа.
 ** Налоговые и неналоговые доходы бюджета.
 Источники: данные Федерального казначейства России; Росстата; расчёты автора.

Таблица 3. Собственные доходы, поступившие в консолидированные бюджеты субъектов РФ в 2008–2015 гг., млрд. руб. (цены 2015 г.)

Субъект	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 к 2008, %
Новосибирская область	113,7	95,3	106,2	116,2	128,3	127,6	121,8	112,9	99,3
Республика Башкортостан	156,6	130,9	132,6	139,1	146,9	148,0	147,9	143,9	91,9
Челябинская область	143,4	88,0	119,1	124,4	128,9	126,4	128,9	127,8	89,1
Нижегородская область	145,6	112,8	124,5	132,6	135,9	140,7	138,1	129,2	88,7
г. Санкт-Петербург	477,5	373,0	403,6	432,3	420,1	447,4	455,2	423,3	88,6
Самарская область	152,9	117,4	129,6	146,2	159,3	157,1	154,7	134,2	87,8
Свердловская область	227,7	164,2	193,2	212,7	230,4	220,3	209,5	199,7	87,7
г. Москва	2034,3	1450,1	1527,9	1738,4	1762,7	1699,4	1696,2	1598,2	78,6
Пермский край	152,1	105,0	114,4	123,8	128,0	125,1	112,1	106,9	70,3
Кемеровская область	157,5	104,3	127,4	148,8	132,8	115,4	118,1	108,5	68,9
Тюменская область	236,5	167,2	140,3	184,9	181,6	130,2	166,9	143,7	60,8
Итого	3997,8	2908,2	3118,8	3499,4	3554,9	3437,6	3449,4	3228,3	80,8
Уд. вес, %*	50,4	46,2	44,9	46,0	44,7	44,3	43,3	42,6	-7,8 п.п.
Российская Федерация	7935,9	6290,9	6942,0	7610,5	7949,0	7767,4	7957,4	7585,5	95,6

* Удельный вес в общем объёме собственных доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ.
 Источники: данные Федерального казначейства России; Росстата; расчёты автора.

Это может повлечь не только возникновение угроз для устойчивой наполняемости бюджета, но и демобилизацию источников модернизации экономики страны.

3. Возобновление прерванной в 2014 г. тенденции торможения темпов роста сборов налога на прибыль и уменьшения количества регионов, в которых наблюдался спад поступлений платежей (рис. 4). По

итогам 2015 г. рост объёмов налога на прибыль уменьшился в среднем вдвое в 45% субъектов РФ.

Важно подчеркнуть, что потери налога на прибыль оказались наиболее чувствительны для бюджетов крупных промышленных регионов: в 2015 г. поступления платежей даже в текущих ценах не достигли уровня 2011 г. (табл. 4).

Рисунок 4. Динамика темпов роста налога на прибыль, поступившего в бюджеты субъектов РФ в 2011–2015 гг., % к предыдущему году

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Таблица 4. Поступления налога на прибыль в бюджеты субъектов РФ в 2011 и 2015 гг., млрд. руб.

Субъект	2011		2015		2015 к 2011, %	Поступило от КГН в 2015 г.	
	Млрд. руб.	Уд. вес, %*	Млрд. руб.	Уд. вес, %*		Млрд. руб.	Уд. вес, %**
Красноярский край	69,0	44,5	66,5	36,5	96,4	26,0	39,1
Свердловская область	47,3	29,2	45,6	22,8	96,4	9,1	19,9
Самарская область	36,2	31,9	34,8	25,9	96,1	1,3	3,9
Пермский край	34,0	35,9	32,4	30,3	95,3	4,5	13,8
Иркутская область	30,1	33,9	28,6	26,8	95,0	0,7	2,5
г. Москва	566,9	42,9	484,7	30,3	85,5	30,7	6,3
Тюменская область	108,6	73,4	89,3	62,1	82,2	38,6	43,2
Кемеровская область	35,9	32,0	23,1	21,3	64,3	1,7	7,5
Ямало-Ненецкий АО	47,1	39,8	28,1	21,0	59,7	12,1	43,1
Вологодская область	12,0	30,0	6,5	13,8	54,5	1,4	20,9
Белгородская область	25,6	42,6	11,5	19,0	44,9	2	17,8
Российская Федерация	1927,9	33,1	2099,3	27,7	108,9	381,8	18,2

* Удельный вес в общем объёме собственных доходов консолидированного бюджета.
 ** Удельный вес в общем объёме налога на прибыль.
 Источники: данные ФНС; Федерального казначейства; расчёты автора.

Одним из существенных факторов, приведших к столь выраженному снижению сборов налога на прибыль, явилось введение в 2012 г. порядка уплаты этого налога в рамках консолидированной группы налогоплательщиков (КГН), допускающего взаимозачёт прибылей и убытков

участников группы. В целом в общем объёме поступившего в 2015 г. налога на прибыль доля КГН не составила и 20%. Можно отметить всего несколько регионов, где КГН играет заметную роль в мобилизации налоговых платежей: Тюменская область, Ямало-Ненецкий

автономный округ и Красноярский край, однако и в этих регионах после введения консолидированного налогообложения общие поступления налога на прибыль снизились как в абсолютном, так и в удельном выражении.

Нельзя не согласиться с выводом Л.Н. Лыковой о том, что институт КГН сужает и без того незначительные возможности субъектов Федерации в формировании собственной налоговой политики [5].

4. Существенное снижение темпов роста ключевого дохода бюджетов регионов – налога на доходы физических лиц (НДФЛ), происходившее одновременно с самым глубоким после 1999 г. падением реальной заработной платы (рис. 5).

Ухудшение материального положения населения повлекло резкое увеличение количества субъектов РФ, имевших отрицательный тренд НДФЛ в 2015 г., – до 23 против двух в 2014 г.

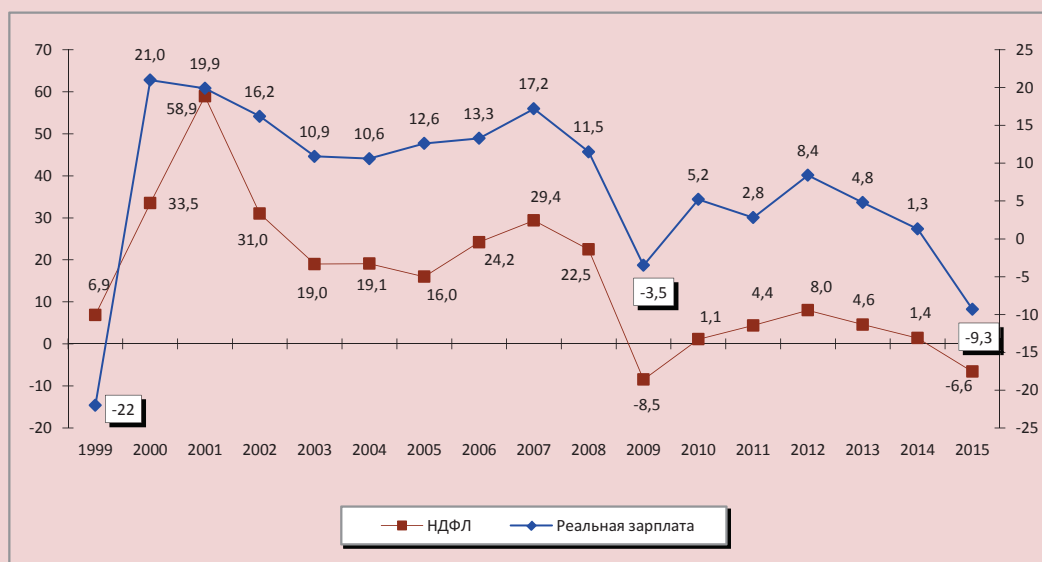
Негативные тенденции, наблюдаемые в динамике мобилизации основных налогов, свидетельствуют о нарастании проблем в экономике регионов и наличии серьёзных угроз для стабильного поступления собственных доходных источников.

5. Ужесточение межбюджетной политики федерального центра. В отличие от кризиса 2008–2009 гг., когда отмечалось существенное увеличение объёма финансовой помощи территориям, в 2013–2015 гг. он оставался неизменным (рис. 6).

В 2015 г. Минфин продолжил начатую годом ранее политику постепенного замещения безвозмездного финансирования регионов долговым: в совокупном объёме финансовой помощи доля бюджетных кредитов достигла почти 50% (рис. 7).

Масштабные кредиты из федерального бюджета послужили толчком к повышению общей закредитованности регио-

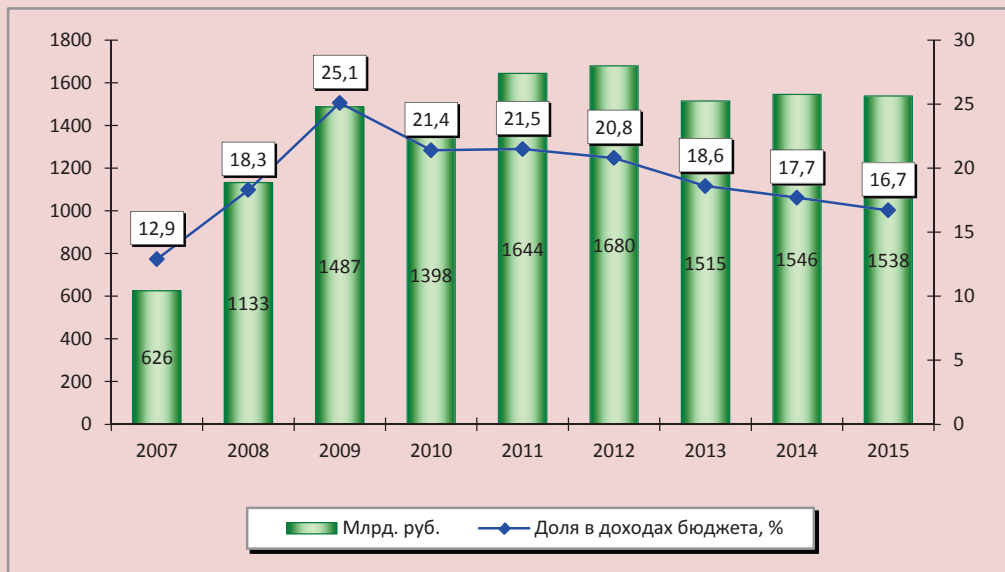
Рисунок 5. Динамика темпов прироста реальной заработной платы и поступлений реального НДФЛ* в бюджеты субъектов РФ в 1999–2015 гг., % к предыдущему году

* В ценах 2015 г.

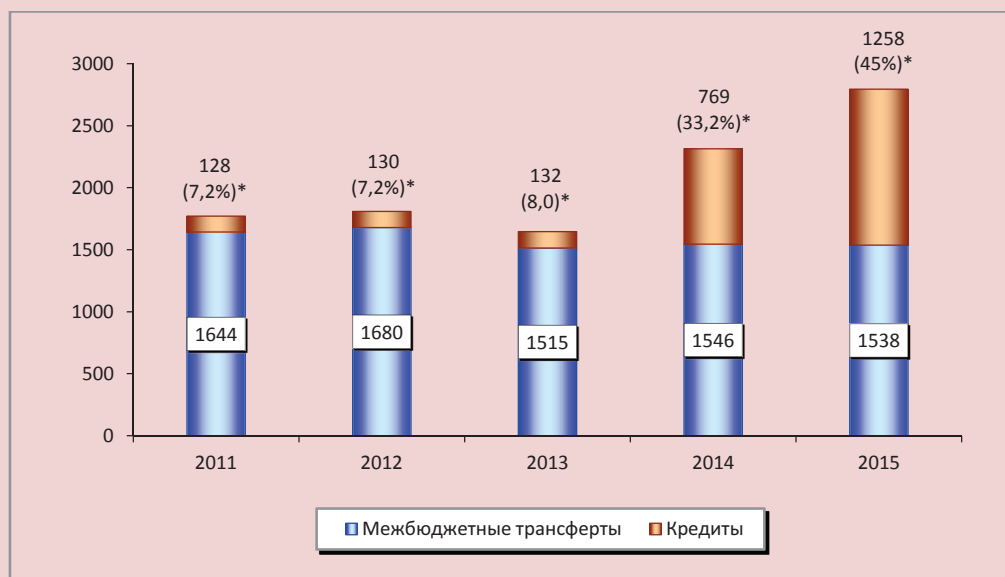
Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

Рисунок 6. Динамика межбюджетных трансфертов, поступивших в бюджеты субъектов РФ в 2007–2015 гг.

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Рисунок 7. Структура финансовой помощи, полученной субъектами РФ из федерального бюджета в 2011–2015 гг., млрд. руб.

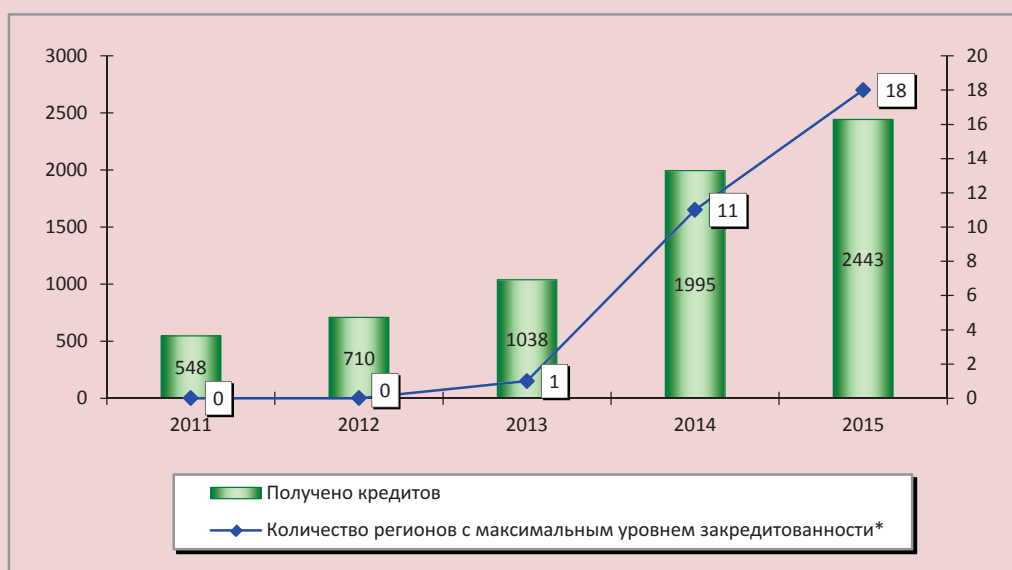

* Цифра в скобках – доля кредитов в объёме финансовой помощи.
Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

нов. В 2015 г. количество субъектов РФ, в бюджетах которых коммерческие и бюджетные кредиты превысили собственные доходы, достигло 18 (рис. 8). В разрезе фе-

деральных округов высокую закредитованность имели субъекты Северо-Кавказского (134,4%), Сибирского (69,3%) и Приволжского (60,8%) округов.

Рисунок 8. Динамика банковских и бюджетных кредитов, привлечённых субъектами РФ в 2014–2015 гг., млрд. руб.

* Объём кредитов составляет более 100% объёма собственных доходов бюджета.
Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

В условиях острой недостаточности собственных ресурсов бюджетов регионов ориентация межбюджетной политики на возвратное финансирование представляется не вполне оправданной. Кроме всего прочего такая политика приведёт к усилению зависимости практически всех субъектов от федерального центра.

6. Ослабление темпов роста государственного и муниципального долга при одновременном увеличении абсолютного объёма долговых обязательств и долговой нагрузки¹ территориальных бюджетов (рис. 9).

Количество регионов, имеющих уровень долговой нагрузки свыше 50%, увеличилось до 54 в 2015 г. против 15 в 2011 г. Впервые это коснулось доноров федераль-

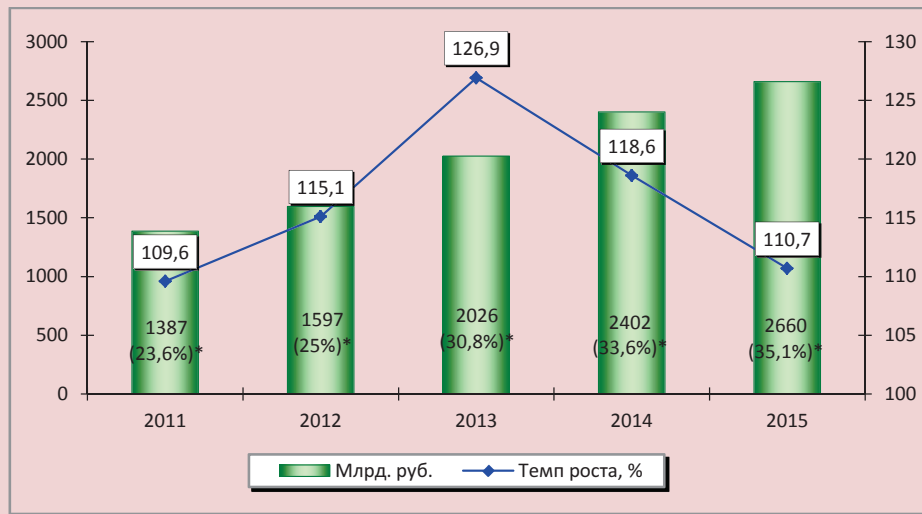
¹ Долговая нагрузка бюджета измеряется отношением объёма государственного долга к объёму собственных доходов.

ного бюджета – Самарской, Новосибирской, Томской областей, Красноярского края. Следовательно, долговой кризис постепенно охватывает ранее экономически сильные территории, что создаёт угрозы дестабилизации всей бюджетной системы страны.

Особо тревожная ситуация сложилась с задолженностью региональных бюджетов, которые несут 90% консолидированного субфедерального долга. На начало 2016 г. в 14 регионах отмечался критический уровень долговой нагрузки, превышающий 100% объёма собственных доходов бюджета (табл. 5).

Уместно подчеркнуть, что указанные субъекты РФ существенно различаются по структуре долговых обязательств. В одной половине регионов структура долга представлена преимущественно задолженностью перед коммерческими банками,

Рисунок 9. Динамика государственного и муниципального долга субъектов РФ в 2011–2015 гг.

* Цифра в скобках – долговая нагрузка бюджетов.
 Источники: данные Минфина РФ; Федерального казначейства; расчёты автора.

Таблица 5. Субъекты РФ, имевшие критический уровень долговой нагрузки в 2011, 2014, 2015 гг.

Субъект	2011		2014		2015		Доля банковских кредитов, %	Доля бюджетных кредитов, %
	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*		
Республика Мордовия	19,8	175,2	28,6	121,1	36,0	182,5	28,7	52,5
Костромская область	9,0	96,9	15,9	121,1	17,7	136,7	42,1	42,6
Смоленская область	11,7	70,3	25,2	115,6	30,4	121,4	38,1	54,5
Республика Карелия	8,0	43,8	19,0	119,3	21,3	119,6	35,8	42,4
Республика Северная Осетия	6,4	118,4	8,6	114,9	9,1	119,1	9,2	90,0
Республика Хакасия	3,9	38,3	10,9	85,7	16,7	116,8	34,3	19,9
Республика Ингушетия	0,06	2,6	2,7	113,0	3,2	113,3	0	100,0
Астраханская область	14,8	98,7	24,6	100,8	26,1	111,4	57,3	42,7
Еврейская АО	0,8	31,6	3,2	73,2	4,5	109,5	55,8	44,1
Забайкальский край	6,3	30,6	20,0	87,9	26,5	107,2	59,4	39,4
Республика Марий Эл	5,9	69,2	10,8	95,0	13,1	106,1	63,9	26,5
Саратовская область	30,5	78,1	47,7	99,7	50,4	101,5	52,1	47,9
Чукотский АО	2,3	21,7	13,1	144,5	14,1	100,9	0	85,3
Псковская область	4,7	43,5	11,9	88,2	13,3	100,7	56,9	38,5
Российская Федерация	1171,8	25,1	2089,5	35,4	2318,6	36,5	41,6	34,9
Количество регионов с уровнем долговой нагрузки свыше 100%	2		10		14			

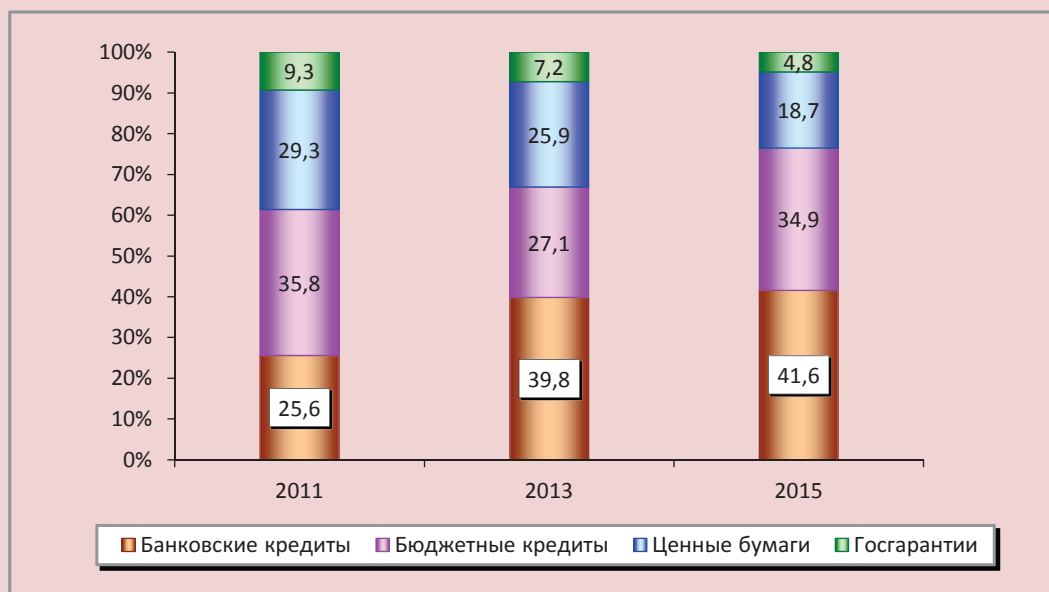
* Долговая нагрузка.
 Источники: данные Минфина РФ; Федерального казначейства; расчёты автора.

что ещё более усугубляет долговое бремя с точки зрения стоимости обслуживания кредитов. В другой половине регионов в структуре долга преобладают бюджетные кредиты, что конечно же ставит их в более

выгодные условия² и свидетельствует о непрозрачности механизма распределения кредитов между территориями.

² В 2015 г. средневзвешенные ставки составляли: по бюджетным кредитам – 0,1%; по банковским – 10–20%.

Рисунок 10. Структура государственного долга субъектов РФ в 2011–2015 гг., %

Источники: данные Минфина РФ; расчёты автора.

К сожалению, выделение федеральных кредитов не решило проблему высокого уровня рыночных заимствований, доля которых в структуре государственного долга достигла 42% (рис. 10).

Не меньшую обеспокоенность вызывает неуклонный рост расходов территориальных бюджетов на возврат и обслуживание кредитов. В 43% регионов данные затраты превысили половину, а в 22% регионов – весь объём собственных доходов³. Это значит, что для безусловного выполнения принятых расходных обязательств региональные власти будут вынуждены осуществлять новые заимствования для погашения старых, что неизбежно приведёт к наращиванию долгового бремени.

7. Ускорение тенденции замедления темпов прироста расходов субфедераль-

³ В развитых странах регионы направляют на погашение и обслуживание займов 3–5% собственных доходов [18].

ных бюджетов до 1,6% в 2015 г. против 4,6% в 2014 г. (табл. 6). Основным фактором послужила оптимизация социальных затрат, а также дальнейшее урезание бюджетных инвестиций и расходов на жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ).

Ускорение процессов оптимизации социальной сферы стало характерной особенностью 2015 года. Ранее, выбирая балансирующими статьями капиталовложения и ЖКХ, региональные власти не затрагивали социальную сферу, касающуюся интересов большинства граждан. Однако к 2015 г. источников оптимизации практически не осталось, кроме расходов в развитие человеческого капитала. Уже в 2014 г. финансирование образования уменьшили 29 регионов, а в 2015 г. их число увеличилось до 53-х. При этом политика региональных властей в части управления социальными расходами не всегда поддаётся объективному объяснению. Наибольшему секвестру подверглись

Таблица 6. Динамика расходов бюджетов субъектов РФ в 2011–2015 гг., млрд. руб.

Расходы	2011	2012	к 2011, %	2013	к 2012, %	2014	к 2013, %	2015	к 2014, %
Всего	7679	8343	108,6	8807	105,6	9216	104,6	9361	101,6
Общегосударственные вопросы	469	510	108,9	546	107,0	575	105,2	597	103,8
Национальная экономика	1316	1606	122,0	1730	107,8	1729	99,9	1832	106,0
ЖКХ	969	881	91,0	902	102,3	901	99,9	849	94,3
Социальная сфера	4493	5093	113,4	5356	105,2	5673	105,9	5804	102,3
- образование	1728	2047	118,4	2334	114,0	2452	105,1	2443	99,6
- культура	235	257	109,5	288	112,1	319	110,6	307	96,5
- здравоохранение	1193	1358	113,9	1251	92,1	1297	103,7	1335	102,9
- социальная политика	1192	1274	106,9	1313	103,0	1415	107,8	1482	104,8
Капитальные расходы	1158	1118	96,6	1067	95,4	1019	95,5	956	93,9

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Таблица 7. Расходы бюджетов субъектов РФ на образование в 2014–2015 гг., млрд. руб.

Субъект	2014	2014 к 2013, %	2015	2015 к 2014, %	Долговая нагрузка, %
Волгоградская область	31,0	115,8	29,98	96,7	73,3
г. Москва	266,23	95,3	250,85	94,2	8,8
Хабаровский край	30,16	99,6	28,37	94,1	45,8
Республика Дагестан	33,86	96,7	31,83	93,8	65,4
Иркутская область	46,97	102,0	43,85	93,4	23,2
Кемеровская область	45,29	108,4	42,2	93,2	61,2
Республика Калмыкия	3,84	99,3	3,56	92,8	63,9
Архангельская область	26,92	105,5	24,93	92,6	69,4
Тюменская область	28,27	88,4	26,16	92,5	0,9
Алтайский край	26,85	103,3	24,71	92,0	8,1
Омская область	25,33	106,5	23,16	91,4	75,2
Вологодская область	17,47	104,3	15,89	91,0	78,2
Республика Татарстан	75,0	125,0	67,7	90,3	58,3

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

расходы на образование в субъектах, имеющих различную степень остроты бюджетных проблем, прежде всего с точки зрения долговой нагрузки, но проводящих при этом целенаправленную оптимизацию (табл. 7).

Говоря о приоритетах бюджетных расходов, уместно вспомнить предупреждение академика Е.М. Примакова о том, что «без финансового рывка в обеспечении здравоохранения, образования, науки не будет модернизации страны» [14].

Не менее важной сферой для граждан является и отрасль ЖКХ, поскольку от её финансирования зависит состояние многих систем жизнеобеспечения. Между тем с 2011 по 2015 год уменьшение бюджетирования этой отрасли оказалось самым ощутимым, составив 120 млрд. руб., или более 12%. За указанный период две трети регионов снизили поддержку ЖКХ, причём наиболее интенсивно этот процесс протекал опять же в крупных экономических регионах (табл. 8).

Таблица 8. Расходы бюджетов субъектов РФ на ЖКХ в 2011–2015 гг., млрд. руб.

Субъект	2011	2012	2013	2014	2015	2015 к 2011, %
Кемеровская область	23,4	18,5	17,1	19,5	17,9	76,5
Ростовская область	18,0	11,8	12,2	13,6	11,6	64,4
Пермский край	9,5	6,9	6,9	6,5	6,0	63,2
Новосибирская область	15,5	10,7	14,0	11,8	9,7	62,6
Ямало-Ненецкий АО	33,4	33,4	34,6	34,4	19,8	59,3
Нижегородская область	13,0	8,2	7,4	8,7	7,6	58,4
Вологодская область	5,6	3,0	2,2	1,9	2,9	51,8
Приморский край	16,3	14,3	10,1	8,4	7,7	47,2
Ставропольский край	7,0	6,2	8,1	4,0	3,1	44,3
Тюменская область	18,9	14,1	10,7	10,4	8,1	42,8
Челябинская область	17,4	8,6	8,8	8,4	7,4	42,5
Белгородская область	8,8	5,9	3,8	3,5	2,9	33,6
Краснодарский край	45,5	32,0	28,1	20,3	14,5	31,9
Российская Федерация	968,7	881,2	901,9	900,6	849,4	87,7

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Политика оптимизации расходов субфедеральных бюджетов усиливает риски ухудшения качества жизни россиян: недофинансирование социальной сферы снижает доступность государственных услуг для населения и повышает уровень бедности⁴; существенное ограничение поддержки ЖКХ может иметь своим следствием рост тарифов на жилищно-коммунальные услуги⁵.

8. Беспрецедентное сокращение бюджетных инвестиций.

Как уже было сказано, после передачи на региональный уровень финансирования социальных обязательств в рамках «майских указов» статья капитальных расходов первой попала под удар секвестра. С 2012 г. наблюдается устойчивый понижающий тренд бюджетных инвестиций.

⁴ По данным Росстата, уровень бедности (отношение численности населения с доходами ниже прожиточного минимума к общей численности населения) в 2015 г. повысился до 13,3% против 11,2% в 2014 г. По оценкам же Института социологии РАН, уровень бедности составляет порядка 25% [17].

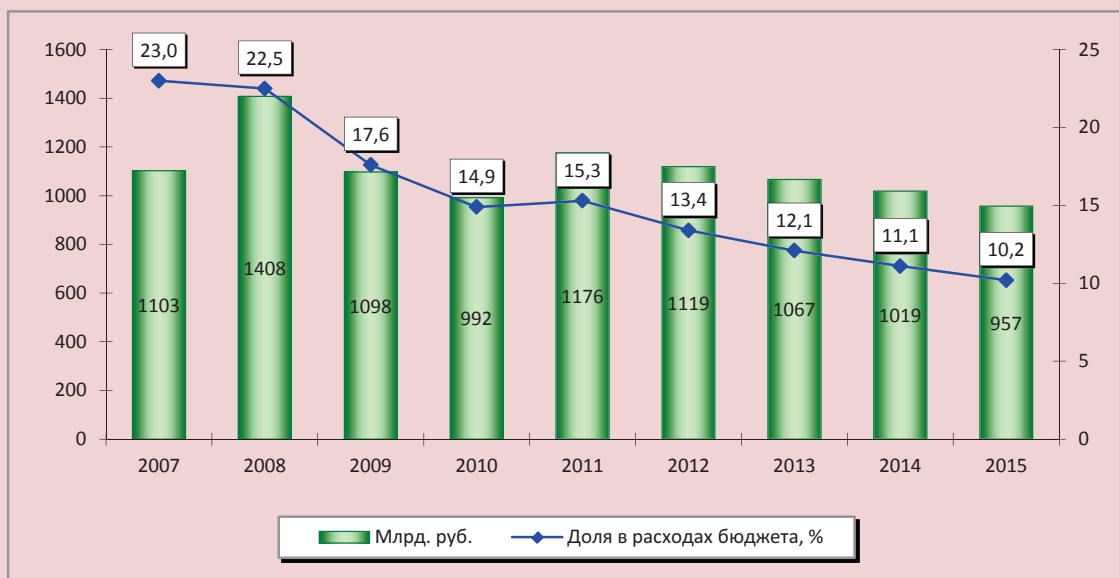
⁵ Так, с 01.08.2014 г. для россиян, проживающих в многоквартирных домах, была введена плата за капитальный ремонт общего имущества [6].

В 2013–2015 гг. объём капитальных вложений территориальных бюджетов был ниже уровня 2007 г., а их доля в совокупных расходах уменьшилась с 23 до 10% (рис. 11).

В ряде регионов государственные инвестиции сократились на 25–65% (табл. 9), что существенно превзошло среднероссийское значение, причём обращает на себя внимание география этих регионов: все они являются крупными индустриальными или аграрными центрами. Одновременно сложно объяснить объективными причинами политику сворачивания капиталовложений властями федеральных городов и Тюменской области, имеющих профицитные бюджеты и минимальный уровень долговой нагрузки.

Безусловно, сокращение бюджетных инвестиций не позволит создать долгосрочные предпосылки для восстановительного роста экономики. И вполне закономерно, что за 2014–2015 гг. без необходимого государственного инвестирования количество регионов, в которых отмечалось падение темпов роста

Рисунок 11. Динамика капитальных расходов бюджетов субъектов РФ в 2007–2015 гг.

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Таблица 9. Расходы бюджетов субъектов РФ на капитальные вложения в 2011 и 2015 гг.

Субъект	2011		2015		2015 к 2011, %
	Млрд. руб.	Уд. вес в расходах бюджета, %	Млрд. руб.	Уд. вес в расходах бюджета, %	
г. Санкт-Петербург	88,6	21,6	66,3	15,1	74,9
Челябинская область	15,7	12,4	10,9	7,0	69,5
Кемеровская область	14,5	11,0	9,7	6,9	66,9
Тюменская область	40,0	23,3	26,7	19,1	66,8
Вологодская область	6,7	11,5	4,5	7,4	66,2
г. Москва	223,3	15,9	144,1	9,4	64,5
Томская область	8,5	16,5	4,4	6,9	52,2
Республика Татарстан	53,6	25,9	27,5	11,0	51,3
Белгородская область	20,8	24,9	9,3	11,1	44,6
Краснодарский край	41,6	18,4	14,9	5,9	35,9
Ямало-Ненецкий АО	30,0	20,6	10,6	7,6	35,2
Российская Федерация	1157,7	15,1	956,5	10,2	82,6

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

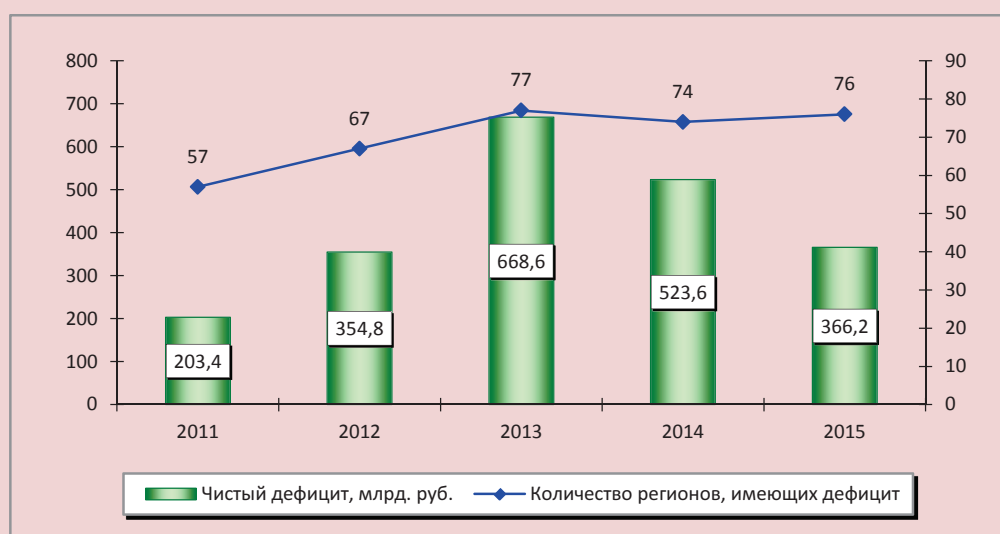
обрабатывающей промышленности, увеличилось с 23 до 42. Добавим, что негативные последствия экономии на бюджете развития признал министр финансов, сделав следующее заявление: «Переключаясь с инвестиционных расходов на текущие траты, экономика неизбежно жертвует перспективами роста» [1].

9. Неснижающееся количество регионов, имеющих бюджетный дисбаланс.

В 2015 г. 76 субъектов РФ исполнили бюджет с дефицитом. Его величина, скорректированная на сумму профицита⁶, полу-

⁶ Совокупный профицит субфедеральных бюджетов составил 196,2 млрд. руб. При этом на долю Москвы пришлось 144,4 млрд. руб., или 74%.

Рисунок 12. Динамика чистого дефицита бюджетов субъектов РФ в 2011–2015 гг.

Источник: рассчитано автором по данным Федерального казначейства.

Таблица 10. Дефицит бюджетов субъектов РФ в 2011 и 2015 гг.

Субъект	2011		2015		2015 к 2011, раз
	Млрд. руб.	К собственным доходам, %	Млрд. руб.	К собственным доходам, %	
Пермский край	0	0	-6,0	-5,6	х
Иркутская область	0	0	-9,9	-9,3	х
Новосибирская область	-1,9	-2,1	-13,2	-11,7	6,9
Республика Коми	-1,3	-2,6	-8,7	-14,3	6,7
Красноярский край	-4,5	-2,9	-21,1	-11,6	4,7
Оренбургская область	-1,0	-1,8	-4,5	-6,0	4,5
Ростовская область	-3,3	-3,5	-14,6	-11,0	4,4
Калужская область	-2,5	-7,2	-7,3	-15,9	2,9
Кемеровская область	-3,2	-2,9	-8,9	-8,2	2,8
Российская Федерация	-203,4	-6,5	-366,2	-7,7	1,8

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

ченного в 7 регионах, составила 170 млрд. рублей. Без учёта профицита уровень чистого дефицита повысится в два раза и достигнет почти 370 млрд. руб. (рис. 12).

Быстрее других увеличивалась разбалансированность экономически сильных регионов в силу того, что они имели в 2011 г. минимальный уровень дефицита⁷

⁷ В соответствии с Бюджетным кодексом РФ объём дефицита бюджетов субъектов РФ не должен превышать 15% объёма собственных доходов бюджета.

(табл. 10). По итогам 2015 г. размер дефицита в этих регионах вырос в 3–7 раз, что существенно выше среднероссийского показателя.

Убыточность территориальных бюджетов в последние годы принято объяснять возросшей социальной нагрузкой после принятия «майских указов». По нашему же мнению, реальные причины дисбаланса кроются не столько в необходимости реализации поставленных главой государства

задач, сколько в неадекватности проводимой Правительством РФ бюджетно-налоговой политики. В ходе реформы межбюджетных отношений начала 2000-х годов из бюджетов регионов было изъято и централизовано в федеральном бюджете 35% доходных источников с одновременной передачей основной части финансирования социально-бытовой инфраструктуры. В результате, в отличие от федерального, территориальные бюджеты в 2000–2009 гг. были дефицитными. За годы реформ доля доходов субъектов РФ в консолидированном бюджете страны уменьшилась с 56 до 40% (табл. 11).

Фактические данные подтверждают, что централизация доходов, не отвечающая основополагающим принципам бюджетного федерализма, стала тормозом регионального развития, решающим фактором неоправданного снижения количества самодостаточных регионов и высокой степени их зависимости от центральной власти. Однако Правительство РФ не желает этого признавать, открыто утверждая, что «...разграничение налоговых источников между федеральным центром и регионами в целом соответствует современному этапу развития федеративных отношений и существенный пересмотр данного разграничения в среднесрочной перспективе нецелесообразен» [15].

Результаты проведенного анализа позволяют констатировать, что бюджетный кризис охватил практически все российские регионы, за исключением федеральных городов, нефтегазовых регионов Уральского федерального округа, Сахалинской области, получающей колоссальные потоки налога на прибыль за счёт реализации проектов в рамках соглашений о разделе продукции, и в той или иной степени ряда высокودотационных субъектов Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов. Но и в перечисленных территориях уже наблюдаются негативные тенденции отдельных бюджетных параметров.

Прогнозы на 2016 г. не содержат каких-либо признаков оздоровления региональных финансов. Сокращение рентных доходов ограничит возможности федерального бюджета по увеличению трансфертной помощи субъектам РФ. По данным Минфина, за январь–май 2016 г. дефицит федеральной казны увеличился на 42% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и составил 1,5 трлн. руб., или 4,6% к объёму ВВП [13]. Таким образом, высока вероятность того, что поставленная Президентом РФ задача ограничения дефицита 3% ВВП [16] не будет выполнена. Федеральные кредиты не решат долговую проблему регионов. Экспертные оценки

Таблица 11. Профицит, дефицит бюджетов разных уровней в 1998–2015 гг., млрд. руб.

Год	Федеральный бюджет	Бюджеты субъектов РФ	Количество самодостаточных субъектов*	Доля доходов бюджетов субъектов РФ в консолидированном бюджете РФ, %
1998	-146,3	-9,0	Н.д.	55,9
1999	-51,4	7,0	Н.д.	51,8
Всего за 2000–2004	1483,1	-51,3	18	43,3
Всего за 2005–2009	4784,2	-147,2	16	39,9
Всего за 2010–2014	-2067,1	-1523,8	12	39,5
2015	-1961,0	-170,0	14	40,2

* Субъекты РФ, не получающие из федерального бюджета дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности. Источник: рассчитано автором по данным Федерального казначейства.

показывают, что к 2018 г. Долговая нагрузка субъектов РФ может составить 50% в объёме собственных доходов бюджетов [3], что послужит основным фактором, сдерживающим инвестиционную активность в подавляющем большинстве территорий, и в конечном счёте может подорвать доверие потенциальных инвесторов к проводимой российскими властями макроэкономической политике.

Необходимо понимать, что технически простые корректировки бюджета в виде секвестра или дешёвых бюджетных кредитов являются временными мерами, не способными преодолеть кризис региональных финансов. Нужны системные решения, и первоочередным из них должна стать инвентаризация доходных и расходных полномочий Федерации и её субъектов. Конечный результат проведения такой инвентаризации видится в перераспределении бюджетных потоков, которое должно быть нацелено на достижение финансовой достаточности субъектов РФ.

Существуют ли конкретные резервы увеличения наполняемости бюджета страны, превращения его в реальный, а не декларированный источник модернизации отечественной экономики? Результаты многолетних исследований ИСЭРТ РАН по проблемам формирования и исполнения бюджетов всех уровней [4, 11, 12,] доказывают, что такие резервы есть. Ключевые из них касаются законодательной корректировки Налогового и Бюджетного кодексов, в частности: пересмотр порядка администрирования прибыли крупных корпораций с отменой ряда необоснованных налоговых привилегий; введение прогрессивного налогообложения доходов физических лиц; восстановление государственного регулирования валютной деятельности с введением налога на

трансграничные операции; отмена масштабных льгот и освобождений по налогу на добавленную стоимость, нефтегазовым платежам.

Наши расчёты показали, что в ходе реализации этих мер можно было бы достичь дополнительного ежегодного поступления доходных источников в национальную казну более 15 трлн. руб. Это позволило бы перераспределить в пользу регионов существенную часть средств в виде налогов или трансфертов.

Средством решения бюджетных проблем могли бы стать внушительные неиспользуемые остатки средств федерального бюджета, которые, по данным отчётности Федерального казначейства, на начало 2016 г. составляли 10 трлн. руб.

Из-за низкой ответственности распорядителей бюджетных средств за эффективное управление расходами как на федеральном, так и региональном уровне не удаётся остановить негативные процессы роста дебиторской задолженности бюджетов. По нашим расчётам, в 2015 г. совокупный объём дебиторской задолженности увеличился на треть и достиг почти 8 трлн. руб., в том числе по территориальным бюджетам — 1 трлн. руб. Эти средства также следует рассматривать как дополнительные источники финансирования бюджетных расходов.

Несмотря на многочисленные обращения региональных властей, Правительством РФ до сих пор не решён вопрос об оставлении в бюджетах регионов неиспользованных остатков целевых субсидий и субвенций, которые не осваиваются по причине несвоевременного перечисления из федерального бюджета и по действующему законодательству подлежат возврату. По этой причине регионы ежегодно теряют от 20 до 45 млрд. руб. доходов.

К вышеперечисленным резервам следует добавить принятие мер по ликвидации задолженности по платежам в бюджет, что позволило бы с учётом её накопленного на начало 2016 г. объёма пополнить доходы территориальных бюджетов на 420 млрд. руб., или на 6%. В общем объёме просроченных обязательств около 60% приходится на региональные и местные платежи, что указывает на недостаточный уровень активности региональных властей по работе с налогоплательщиками.

Нельзя не сказать и о том, что, проводя оптимизацию, которая затронула почти все жизненно важные направления расходов, региональные чиновники не поступаются ежегодным увеличением управленческих издержек. Судя по нашим расчётам, в 2015 г. затраты на управление выросли в 50 регионах, и это указывает на наличие резервов сокращения данных затрат.

Ввиду сложности перспектив решения долговых проблем субъектов РФ⁸ целесообразным, на наш взгляд, представляется

рассмотрение вопроса о списании с регионов части задолженности. В противном случае федеральный центр будет вынужден выдавать новые кредиты на погашение уже взятых.

Усиливающийся региональный дисбаланс выступает серьёзным вызовом для России. Ответ на такой вызов требует пересмотра подходов центральных властей к региональной политике, которую необходимо нацелить не только на стабилизацию, но и на запуск механизмов устойчивого экономического роста, прежде всего посредством проведения адекватной бюджетно-налоговой политики. Система государственного регулирования территориального развития должна чётко определить предметы ведения различных уровней публичной власти, порядок финансирования принимаемых обязательств и контроль за выполнением решений органов государственного управления, относящихся к сфере региональной политики.

Литература

1. Выступление А.Г. Силуанова на парламентских слушаниях 23.06.2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://komitet-bn.km.duma.gov.ru/site.xp/050048.html>.
2. Выступление Т.А. Голиковой на XV съезде партии «Единая Россия» 5 февраля 2016 г. // Официальный сайт Счётной палаты РФ. – Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/25747.
3. Зубаревич, Н.В. Рост турбулентности в регионах и городах России: оценка перспектив и рисков [Электронный ресурс] / Н.В. Зубаревич. – Режим доступа: <http://politcom.ru/19260.html>.
4. Ильин, В.А. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления / В.А. Ильин, А.И. Поварова // Экономика региона. – 2014. – № 3. – С. 48–63.
5. Лыкова, Л.Н. Налоговая политика и возможности экономического роста: региональный аспект / Л.Н. Лыкова // Федерализм. – 2016. – № 1. – С. 107–120.
6. О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 25.12.2012 г. № 271-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-поисковая система.
7. Официальный сайт Министерства финансов РФ. – Режим доступа: <http://www.minfin.ru/ru/>
8. Официальный сайт Федерального казначейства России. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/>
9. Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. – Режим доступа: <http://www.nalog.ru/>
10. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

⁸ По заявлению председателя Счётной палаты РФ Т.А. Голиковой, «есть субъекты, которые априори никогда не справятся с бюджетными кредитами» [2].

11. Печенская, М.А. Региональное развитие: цели и возможности / М.А. Печенская // Финансы. – 2014. – № 10. – С. 135-145.
12. Поварова, А.И. Пассивное поведение правительства. Бюджетные проблемы регионов нарастают / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 3. – С. 39-55.
13. Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за январь–май 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minfin.ru/ru/press-center/>
14. Примаков, Е.М. Человеческий капитал выходит на первый план / Е.М. Примаков // Российская газета. – 2013. – № 5981. – 15 янв.
15. Программа повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2013 г. № 2593-р // КонсультантПлюс: справочно-поисковая система.
16. Путин, В.В. Послание Федеральному Собранию РФ от 03.12.2015 г. / В.В. Путин // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>.
17. Российское общество: год в условиях кризиса и санкций: информационно-аналитический материал по итогам общероссийского социологического исследования / ИС РАН. – М., 2015. – С. 48.
18. Сенинский, С. У регионов долги, а у центра лишние деньги [Электронный ресурс] / С. Сенинский. – Режим доступа: <http://rgr.ur.ru/chtosgosu/2016/3/19/2872/>.

Сведения об авторе

Анна Ивановна Поварова – старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aip150663@yandex.ru)

Povarova A.I.

Problems and Specific Features of Sub-Federal Budgets Execution in 2015

Abstract. Last year has been marked by worrying trends in the development of a budgetary crisis in Russian regions; the crisis became apparent in 2013, when regional authorities had to get into huge debts in order to provide finances for the social obligations in the framework of the presidential decrees of May 7, 2012. The budget process in 2015 was characterized by expanding negative trends in those regions that had previously been the engines of economic growth and budget donors, which contradicts the regional development strategy. The crisis response measures consist in a large-scale optimization of expenses. Despite an attempt undertaken by the Government to replace commercial borrowings with budget loans, there are still no prospects for solving the debt issue. On the contrary, expert forecasts predict a doubling of the debt stock in regions by the end of 2017. Cuts in the expenditures on human capital development should be considered as a new negative trend, naturally resulting in the deterioration of material well-being of Russians, which was expressed in the decline in their real incomes and raising poverty level. It seems that on the eve of the RF State Duma elections the social policy of the authorities ceases to be socially oriented. Under the circumstances of an aggravating budget crisis, the Government is not increasing unrepayable financial aid (it did increase it in 2009); instead, it is pursuing the opposite policy and estranges itself from providing support to regions. Moreover, the Cabinet of Ministers does not openly wish to carry out a just division of powers and obligations of governmental units, but turns it into a mechanism for financing federal budget deficit by shifting state obligations onto the regions. The paper presents the results of the analysis of sub-federal budgets execution in 2015. The main goal was to identify the features of budget

process and trends in the dynamics of budget parameters. The main conclusion is that the real causes of regional budgets destabilization lie not only in the growing social burden due to need to implement Vladimir Putin's "May decrees", but also in the ineffectiveness of fiscal policy pursued by the federal center. The author offers measures to change the paradigm of this policy. The study is based on the official data of the Ministry of Finance of the Russian Federation [7], Federal Treasury [8] Federal Tax Service [9], and the Federal State Statistics Service [10].

Key words: region, budget, deficit, loans, public debt, adjustment of fiscal policy.

References

1. *Vystuplenie A. G. Siluanova na parlamentskikh slushaniyakh 23.06.2015 g.* [A.G. Siluanov's speech at the parliamentary hearings June 23, 2015]. Available at: <http://komitet-bn.km.duma.gov.ru/site.xp/050048.html>. (In Russian).
2. *Vystuplenie T.A. Golikovoi na XV s"ezde partii "Edinaya Rossiya" 5 fevralya 2016 g.* [T.A. Golikova's speech at the 15th Congress of the "United Russia" party February 5, 2016]. *Ofitsial'nyi sait Schetnoi palaty RF* [Official website of the Accounts Chamber of the Russian Federation]. Available at: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/25747. (In Russian).
3. *Zubarevich N.V. Rost turbulentnosti v regionakh i gorodakh Rossii: otsenka perspektiv i riskov* [The rising turbulence in the regions and cities of Russia: assessment of prospects and risks]. Available at: <http://politcom.ru/19260.html>. (In Russian).
4. *Ilyin V.A., Povarova A.I. Problemy regional'nogo razvitiya kak otrazhenie effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya* [Problems of regional development as the reflection of the effectiveness of public administration]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2014, no. 3, pp. 48-63. (In Russian).
5. *Lykova L.N. Nalogovaya politika i vozmozhnosti ekonomicheskogo rosta: regional'nyi aspekt* [Tax policy and economic growth possibilities: regional aspect]. *Federalizm* [Federalism], 2016, no. 1, pp. 107-120. (In Russian).
6. *O vnesenii izmenenii v Zhilishchnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i odel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 25.12.2012 g. № 271-FZ* [On amendments to the Housing Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law dated December 25, 2012 No. 271-FZ]. *Konsul'tantPlyus: spravочно-poiskovaya sistema* [ConsultantPlus: reference and search system]. (In Russian).
7. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva finansov RF* [Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. Available at: <http://www.minfin.ru/ru/>. (In Russian).
8. *Ofitsial'nyi sait Federal'nogo kaznacheistva Rossii* [Official website of the Federal Treasury of Russia]. Available at: <http://www.roskazna.ru/>. (In Russian).
9. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi nalogovoi sluzhby Rossii* [Official site of the Federal Tax Service of Russia]. Available at: <http://www.nalog.ru/>. (In Russian).
10. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official site of the Federal State Statistics Service.]. Available at: <http://www.gks.ru/>. (In Russian).
11. *Pechenskaya M.A. Regional'noe razvitie: tseli i vozmozhnosti* [Regional development: goals and opportunities]. *Finansy* [Finances], 2014, no. 10, pp. 135-145. (In Russian).
12. *Povarova A.I. Passivnoe povedenie pravitel'stva. Byudzhetnye problemy regionov narastayut* [Passive behavior of the government. Budget problems are aggravating in the regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 3, pp. 39-55. (In Russian).
13. *Predvaritel'naya otsenka ispolneniya federal'nogo byudzheta za yanvar'—mai 2016 g.* [A preliminary assessment of the federal budget execution for January – May 2016]. Available at: <http://minfin.ru/ru/press-center/>. (In Russian).
14. *Primakov E.M. Chelovecheskii kapital vykhodit na pervyi plan* [Human capital comes to the fore]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2013, no. 5981, 15 January. (In Russian).
15. *Programma povysheniya effektivnosti upravleniya obshchestvennymi (gosudarstvennymi i munitsipal'nymi) finansami: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 30.12.2013 g. № 2593-р* [The program for increasing the efficiency of management of public (governmental and municipal) finance: Decree of the RF Government dated December

- 30, 2013 No. 2593-r]. *Konsul'tantPlus: spravochno-poiskovaya sistema* [ConsultantPlus: reference and search system]. (In Russian).
16. Putin V.V. Poslanie Federal'nomu Sobraniyu RF ot 03.12.2015 g. [Address to the Federal Assembly of the Russian Federation of December 03, 2015]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official website of the President of the Russian Federation]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>. (In Russian).
17. *Rossiiskoe obshchestvo: god v usloviyakh krizisa i sanktsii: informatsionno-analiticheskii material po itogam obshcherossiiskogo sotsiologicheskogo issledovaniya* [Russian society: a year in the conditions of the crisis and sanctions: an information and analytical material on the results of a nationwide sociological research]. Moscow, 2015. P. 48. (In Russian).
18. Seninskii S. *U regionov dolgi, a u tsentra lishnie den'gi* [Regions have debts, and the center – extra money]. Available at: <http://rpr.ur.ru/chtosgosu/2016/3/19/2872/>. (In Russian).

Information about the Author

Anna Ivanovna Povarova – Senior Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, aip150663@yandex.ru)

Статья поступила 23.06.2016

DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.9

УДК 336.71, ББК 65.262.1

© Воронова Н.С., Мирошниченко О.С., Тарасова А.Н.

Детерминанты развития российского банковского сектора как факторы экономического роста

**Наталья Степановна
ВОРОНОВА**

Санкт-Петербургский государственный университет
191123, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62
n.voronova@spbu.ru

**Ольга Сергеевна
МИРОШНИЧЕНКО**

Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10
olga2907@rambler.ru

**Анна Николаевна
ТАРАСОВА**

Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16
a.n.tarasova@mail.ru

Для цитирования: Воронова, Н.С. Детерминанты развития российского банковского сектора как факторы экономического роста / Н.С. Воронова, О.С. Мирошниченко, А.Н. Тарасова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 165-183. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.9

For citation: Voronova N.S., Miroshnichenko O.S., Tarasova A.N. Determinants of the Russian Banking Sector Development as the Drivers of Economic Growth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 165-183. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.9

Аннотация. В статье обоснована взаимосвязь между состоянием национального банковского сектора и экономикой страны. С использованием данных Банка России [8; 9; 10], Федеральной службы государственной статистики [2], программного продукта IBM SPSS Statistics был проведен регрессионно-корреляционный анализ между основными показателями российского банковского сектора в 2005–2015 гг. и ВВП. Было установлено, что наиболее сильная положительная связь между ВВП и агрегированной величиной банковских рисков, а также прибылью прибыльных кредитных организаций; связь между ВВП и совокупным финансовым результатом банковского сектора слабее; рентабельность капитала не имеет значимой связи с важнейшими показателями банковской деятельности, за исключением умеренной отрицательной связи с совокупной величиной регулятивного капитала; на ROE российского банковского сектора отрицательно влияет субординированный долг в структуре капитала. В условиях стабильной экономической ситуации (2005–2007, 2010–2013 гг.) отмечена связь между капиталом и прибылью банковского сектора, в кризисной ситуации (2008–2009, 2014–2015 гг.) имеется связь между капиталом и прибылью только прибыльных кредитных организаций. Установлена положительная связь между удельным весом прибыли резервного фонда в структуре капитала и принимаемыми рисками. С учетом выявленных взаимосвязей построена прогнозная модель совокупной прибыли банковского сектора России.

Ключевые слова: банковское дело; адекватность капитала; рентабельность; бизнес-циклы; портфель капитала.

Введение

Для поступательного развития экономики необходима адекватная банковская система, обеспечивающая удовлетворение потребностей экономических агентов в банковском обслуживании.

Банковская система и иные сектора экономики взаимосвязаны и взаимозависимы; при исследовании взаимного влияния важнейших характеристик состояния экономики и банковской системы применяется методологический подход, предполагающий оценку связей между экономическими показателями, пруденциальными правилами и показателями части банковской системы — банковского сектора, представленного кредитными организациями, банками разных видов (за исключением Центрального банка).

Для оценки развития банковского сектора следует использовать переменные, отражающие состояние экономики, и переменные, отражающие важнейшие характеристики банковской деятельности.

Материалы и методы

Оценке влияния различных показателей, характеризующих состояние экономики, регулятивных правил осуществления банковской деятельности на банковский сектор посвящены работы отечественных и зарубежных исследователей.

При характеристике состояния российского банковского сектора председатель Банка России Э. Набиуллина использует в качестве оцениваемых показателей капитал, качество активов, риски, рентабельность банков, связи показателей банковского сектора с ВВП [4]; иные авторитетные отечественные исследователи для оценки экономического роста также используют показатели ВВП, прибыли, банковской рентабельности, капитала [1; 6; 11; 21; 22; 25]. Вместе с тем в исследованиях оценка развития банковского сектора на основе показателей прибыли, рентабельности, капитала, рисков банковского сектора во взаимосвязи с величиной валового внутреннего продукта в динамике

с использованием эконометрического инструментария представлена в некоторой степени фрагментарно.

Аналогичные подходы к выбору показателей для оценки состояния и перспектив развития банковского сектора применяются и зарубежными исследователями. Так, J. Goddard, H. Liu, P. Molyneux, J.O.S. Wilson рассматривают прибыль банковского сектора, стабильность ее получения в сопоставлении с ВВП в качестве индикатора для оценки конкуренции. Авторы приходят к выводу, что чем выше темп прироста ВВП, тем менее стабильна в разные периоды времени величина прибыли банковского сектора [19].

Связь между ВВП и банковской прибылью изучают также W.J. Hippler, M.K. Hassan [20]. Авторы приходят к выводу, что чем сильнее в экономике кризисные проявления, тем ниже рентабельность всех фирм, включая финансовые. По мнению В. Williams, для австралийского банковского сектора характерно увеличение прибыли при росте ВВП [27].

Связи между рентабельностью, капиталом, прибылью, рисками национального банковского сектора и ВВП страны, бизнес-циклом оцениваются также иными зарубежными исследователями [см., напр., 12; 13; 15; 16; 17; 18; 24; 26].

В результате изучения влияния величины банковского капитала на показатель его рентабельности (ROE) и агрегированную величину рисков, влияния ВВП на рентабельность капитала банков на данных стран азиатского региона авторы С.-С. Lee, М.-F. Hsieh приходят к выводам о различии характера влияния в зависимости от динамики ВВП разных стран [24]. Для стран с низким приростом ВВП характерно значительное влияние величины капитала на ROE; для банков стран Центральной Азии выявлено наибольшее обратное влия-

ние размера капитала на агрегированную величину рисков. По мнению авторов, чем рентабельнее деятельность банков, тем менее устойчиво значение темпа прироста прибыли; для стран с низким уровнем ВВП было установлено, что чем больше капитал банка, тем выше рентабельность, эффект сильный. Аналогичный вывод о размере капитала и величине кредитного риска как о факторах, определяющих рентабельность банковского капитала, получен К. Djalilov, J. Piesse [17]. Взаимосвязь структуры капитала и прибыли банков изучалась М. Kořak, S. Li, I. Lončarski, M. Marinč [23]. В результате исследования связи между банковским капиталом, источниками его увеличения и рисками банков В. Samara, L. Lepetit, A. Tarazi сделали вывод об увеличении рисков, принимаемых банками, при увеличении доли субординированных долгов в портфеле капитала [14].

В настоящем исследовании для ретроспективной оценки российского банковского сектора были выбраны показатели, отражающие динамику экономического развития страны, прежде всего показатель валового внутреннего продукта, во взаимосвязи с важнейшими показателями, характеризующими банковский сектор, такими как прибыль, агрегированная величина рисков, принимаемых банковским сектором, банковская капитальная база (капитал) и ее структура.

Показатель ВВП используется для характеристики состояния экономики в большинстве стран, в значительной степени определяет экономическую политику государства [5; 21].

Одним из важнейших нормативных правовых стратегических документов общенационального значения, определяющих целевые ориентиры экономической политики, банковской системы, является «Концепция долгосрочного социально-

экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.», в которой целевыми ориентирами развития финансовой системы обозначены повышение вклада банковского сектора в финансирование инвестиций в основной капитал, повышение уровня банковского кредитования экономики с 40% ВВП в 2007 г. до 70–75% ВВП в 2015 г. и 80–85% ВВП в 2020 г. [7].

Данные об основных показателях, характеризующих развитие российского банковского сектора за последние 10 лет, представлены в *таблице 1*.

На основании данных таблицы можно сделать вывод о развитии масштабов деятельности российского банковского сектора, однако для выявления значимых факторов указанного развития необходимо провести дополнительный анализ прежде всего взаимосвязи ВВП и прибыли банковского сектора как финансового результата его деятельности в динамике, что находит отражение в исследованиях и зарубежных авторов.

Прогнозирование величины прибыли банковского сектора в зависимости от изменения важнейших показателей, оказывающих влияние на банковскую деятельность, обусловлено рядом причин.

Помимо того, что получение прибыли является целью деятельности кредитной организации (формально с этим можно не согласиться с той точки зрения, что цель деятельности коммерческой организации заключается в увеличении ее стоимости), тем не менее, значение прибыли нельзя недооценивать. Прибыль формирует ВВП страны; несет на себе фискальную функцию в том смысле, что является финансовым источником обязательных платежей, формирует доход бюджета; выступает важным источником капитализации банковского сектора, источником стоимости отдельной кредитной организации, способствует обеспечению устойчивости кредитных посредников. Прибыль в некоторой степени выполняет социальную функцию, поскольку способствует повышению благосостояния домашних хозяйств через материальное поощрение банковских сотрудников, благотворительную деятельность банков. В этой связи разработка модели, определяющей зависимость величины прибыли банковского сектора от иных экономических показателей, весьма целесообразна.

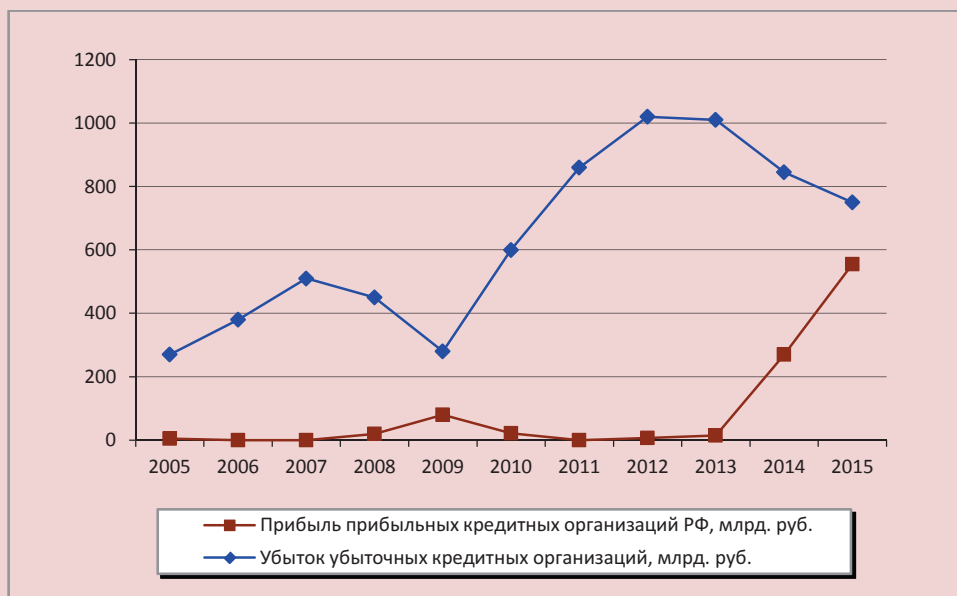
Данные о прибыли российского банковского сектора представлены на *рисунке 1*.

Таблица 1. Основные показатели, характеризующие развитие российского банковского сектора, на начало года, %

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Конец 2018 (прогноз)
Отношение активов банковского сектора к ВВП	51,9	60,5	67,9	75,8	73	69,7	74	80,8	99,7	103,2	120-125
Отношение капитала к ВВП	6,3	8	9,2	11,9	10,2	8,8	9,1	9,9	10,2	11,2	11,5
Отношение кредитов экономике к ВВП	29,8	37	40	41,5	39,2	39	41,4	45,7	52,5	54,7	70

Источники: составлено по: О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: Законодательство: Версия Проф. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru>; Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/finmarkets/files/development/onrfr_2016-18.pdf.

Рисунок 1. Динамика прибыли российского банковского сектора за период с 2005 по 2015 г.

Источник: Обзор банковского сектора Российской Федерации – 2005–2016 [Электронный ресурс] / Центральный банк Российской Федерации (Банк России). – Режим доступа: <http://cbr.ru/analytics/?Prtid=bnksyst>

В качестве первой гипотезы, которую необходимо проверить в рамках настоящего исследования, выдвигаем гипотезу о взаимосвязи между ВВП и прибылью банковского сектора России. Согласно теоретическим положениям, а также результатам зарубежных исследований, динамика этих двух показателей должна быть сопоставима, то есть в условиях поступательного развития экономики, характеризующегося относительно высоким темпом роста ВВП, прибыль банковского сектора должна увеличиваться, и наоборот.

Помимо прибыли важнейшими показателями, используемыми для оценки деятельности банковского сектора, считается достаточный собственный капитал (капитальная база), рентабельность капитала (ROE).

С одной стороны, капитал определяет возможность получения прибыли, увеличения стоимости банка. С другой стороны, прибыль влияет на капитал, обеспечивая

повышение банковской капитализации, укрепление банковской капитальной базы.

Современная теория банковского дела выделяет несколько моделей собственного капитала банка, и в каждой модели прибыль рассматривается источником собственных средств.

В модели балансового капитала, при определении его величины, используется размер прибыли, отраженный в банковском балансе. Балансовый капитал банка в современных условиях не используется ни при регулировании, ни при оценке банка (регулятивной или рыночной), его стоимости, в связи с чем величина балансового капитала не должна использоваться в качестве переменной в модели, определяющей прибыль банка, банковского сектора.

В модели экономического капитала, под которым понимается агрегированная совокупная величина рисков, принимаемых банком, прибыль рассматривается в качестве источника доступного внутреннего

капитала, который должен быть больше экономического. Модель экономического капитала для российской банковской практики является достаточно новой, отсутствуют статистические данные о размере доступного внутреннего капитала, доли прибыли в его величине, что не позволяет использовать величину доступного внутреннего капитала в качестве переменной модели, определяющей прибыль банковского сектора.

Модель рыночного капитала банка, получившая широкое распространение в зарубежных странах и предполагающая оценку стоимости банка через величину банковских собственных средств рейтинговым агентством, независимым оценщиком, иным участником финансового рынка, используется в отечественных условиях с ограничениями. Величина рыночного капитала определяется, как правило, при обращении акций банка на рынке, а также при сделках продажи банка, слияниях и присоединениях. В России обращение акций банков на финансовом рынке весьма ограничено, и имеющаяся информация не может быть использована в модели, определяющей прибыль банковского сектора. Что касается сделок по продаже, а также слияний и присоединений банков, то официальная информация об оценке рыночной стоимости банка в таких случаях отсутствует. Информацию о рыночном капитале банков не целесообразно использовать при построении модели также по причине единичного характера указанных сделок.

Регулятивный капитал банка для использования в качестве переменной в модели, определяющей прибыль банка, банковского сектора, обладает рядом преимуществ по сравнению с балансовым, рыночным, доступным внутренним капиталом. Регулятивный капитал, нормативные показатели его достаточности

определяются единообразно для всех национальных банков и с некоторыми погрешностями содержательно сопоставимы с аналогичными показателями зарубежных банков и банковских секторов. Основой единообразия выступает унификация регулятивных правил банковской деятельности в соответствии с рекомендациями Базельского комитета по банковскому надзору.

Недостаток применения регулятивного капитала и норматива его достаточности в качестве независимых переменных регрессионной модели заключается в различных методиках их расчета в разные временные интервалы в анализируемом периоде. Для нивелирования указанного недостатка разрабатываемую модель дополним такими переменными, как показатели структуры регулятивного капитала. При расчете структуры регулятивного капитала использован подход агрегирования элементов капитала в зависимости от источника или однородности капитальных инструментов, без разделения капитала на уровни (основной, дополнительный, базовый и добавочный). Структура величины регулятивного капитала банка по признаку однородности капитальных инструментов представлена уставным капиталом, эмиссионным доходом, резервным фондом, нераспределенной прибылью, положительными переоценками имущества, субординированными кредитами (депозитами, займами, облигационными займами), переоценкой имущества, а также иммобилизацией капитала, под которой понимаем совокупную величину элементов, уменьшающих капитал; при этом под пассивной иммобилизацией понимаем уменьшение капитала, вызванное ошибками управления, под активной – уменьшение капитала, обусловленное наличием активов, приносящих банку доходы, но не одобряемых регулятором [подробнее см. 3].

При построении модели, определяющей прибыль банковского сектора, выявляем значимость различных элементов структуры регулятивного капитала в формировании банковской прибыли.

Помимо регулятивного капитала в качестве переменной целесообразно использовать агрегированную величину рисков. Агрегированная величина рисков регулятивной модели, в состав которых Базельскими соглашениями о капитале, требованиями Банка России включаются кредитный, рыночный, операционный риски, в соответствии с теорией банковского дела определяет возможность банка получать доходы, генерировать прибыль. Это теоретическое положение рассматривается в качестве следующей гипотезы, а его проверка — одной из задач данного исследования. Использование агрегированной величины рисков в качестве переменной разрабатываемой модели имеет достоинства и недостатки по сравнению с иными переменными, такими как величина ссудной задолженности, данные о просроченных кредитах, вложения в ценные бумаги сторонних эмитентов, величина сформированных резервов. Достоинством агрегированной величины рисков в качестве переменной модели, позволяющей оценить прибыль банка, считаем охват указанной переменной широкого спектра наиболее важных с точки зрения регулятора рисков по балансовым и внебалансовым операциям банков. Еще одним достоинством агрегированной величины регулятивных рисков в качестве переменной разрабатываемой модели считаем предположительно высокую вероятность получения достоверной модели, поскольку исследование основано на данных официальной статистики, отсутствуют экспертные оценки, следовательно, погрешности и неточности в модели минимизируются. Недостатком

использования агрегированной величины регулятивных рисков в качестве переменной для выявления основных факторов, определяющих банковскую прибыль, считаем важнейший недостаток, который в целом присущ регулятивной модели капитала банков: агрегированная величина рисков определяется только по трем рискам и не учитывает возможные потери, а также возможные денежные притоки от иной деятельности банка. Кроме того, расчет самой агрегированной величины банковских рисков строго формализован требованиями регулятора и не учитывает различий в условиях функционирования, масштабах деятельности разных кредитных организаций.

Результаты

На основе данных за период с 2006 по 2015 г. проведен расчет коэффициентов корреляции Пирсона — показателя ВВП — с результатами деятельности банков РФ (прибылью, агрегированной величиной рисков (R_p), совокупным капиталом (K) и его структурой), результаты представлены в *таблице 2*.

Наличие корреляционной зависимости показывает наличие связи, но не показывает причинно-следственную зависимость, т.е. только по коэффициенту нельзя сказать, влияет ли деятельность банков на ВВП или ВВП определяет результативность работы банков. Проведены повторные замеры коэффициентов корреляции по смещенным временным рядам. В результате установлено, что если брать текущие показатели деятельности банковского сектора и прошлые значения ВВП, то возрастает связь ВВП с совокупным капиталом банков (при сдвиге на 1 период коэффициент корреляции между показателями составляет 0,0994) и снижается связь с прибылью кредитных организаций. Таким образом, состояние экономики по показа-

Таблица 2. Взаимосвязи показателей деятельности банковского сектора России с ВВП

Показатель	ВВП по РФ (в текущих ценах, в тыс. руб.)		ВВП от финансовой деятельности по РФ (в текущих ценах, в тыс. руб.)	
	Корреляция Пирсона	Знч. (2-сторон)	Корреляция Пирсона	Знч. (2-сторон)
Совокупный капитал банковского сектора, млрд. руб.	0,973**	0,000	0,565	0,113
Показатель достаточности регулятивного капитала по РФ, Н1 (Н1.0 с 2015 г.)	-0,421	0,299	-0,427	0,292
Агрегированная величина рисков банковского сектора, Ар, млрд. руб.	0,986**	0,000	0,713*	0,031
Прибыль банковского сектора РФ, млрд. руб.	0,841**	0,001	0,876**	0,000
Прибыль только по прибыльным кредитным организациям РФ, млрд. руб.	0,935**	0,000	0,920**	0,000
Уставной капитал кредитных организаций, млрд. руб.	0,974**	0,000	0,715*	0,013
Эмиссионный доход, млрд. руб.	0,964**	0,000	0,731*	0,011
Резервный фонд и нераспределенная прибыль, млрд. руб.	0,987**	0,000	0,794**	0,003
Субординированный долг, млрд. руб.	0,934**	0,000	0,625	0,040
Переоценка имущества, млрд. руб.	0,897**	0,000	0,569	0,068
Иммобилизация капитала, млрд. руб.	0,984**	0,000	0,783**	0,004

* Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.).
 ** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.).

тению ВВП определяет способность банков в течение ближайшего года формировать капитал; капитализация банковского сектора зависит от ВВП; в условиях сложной, кризисной ситуации (которая соответствует снижению/замедлению темпов роста ВВП) при необходимости увеличения капитала банковский сектор нуждается в дополнительных механизмах, в соответствующих мерах государственной поддержки (средствах государства).

При смещении временных рядов в части текущих значений ВВП и прошлых результатов деятельности банковского сектора повторные замеры коэффициентов корреляции свидетельствуют об усилении связи с банковской прибылью (при сдвиге на 1 период корреляция = 0,920 по всем кредитным организациям и 0,943 – по прибыльным) и одновременном ослаблении связи с капиталом и его структурой. Из чего следует вывод о положительном влиянии прибыли банковского сектора на ВВП, создании предпосылок для роста/сокращения ВВП в ближайшем году.

Оценка связи проводилась как с ВВП России в целом, так и с долей ВВП, полученной от финансовой деятельности. Наиболее сильные взаимосвязи прослеживаются с ВВП в целом по России, ВВП от финансовой деятельности значимо коррелирует только с таким показателем, как прибыль банковского сектора. Полученный результат в полной мере соответствует теоретическим представлениям, поскольку ВВП от финансовой деятельности определяется разностью соответствующих доходов и материальных затрат и прибыль банковского сектора определяется в значительной мере аналогично – как разница между доходами и расходами.

Из этого можно сделать вывод о том, что связь между показателями не равнозначна. Объем ВВП в целом по стране определяет совокупный капитал банков и его структуру, задает исходные условия деятельности и возможности для получения прибыли, в то же время полученный финансовый результат (прибыль кредитных организаций) формирует ВВП

от финансовой деятельности по РФ и, соответственно, увеличивает ВВП страны в целом. Схематично выявленные взаимосвязи могут быть представлены следующим образом:

$$\text{ВВП}_{n-1} \rightarrow (K_1+K_2+K_3+\dots)_n \rightarrow \text{Пр}_n \rightarrow \text{ВВП}_{n+1},$$

где n – текущий период, $n-1$ – прошлый период, $n+1$ – будущий период, $(K_1+K_2+K_3+\dots)$ – совокупный капитал банковского сектора и его структура, Пр – прибыль банковского сектора.

Как видно из таблицы 2, кроме нормативного показателя достаточности капитала (Н1), все остальные показатели связаны с ВВП, причем корреляции максимально значимы. Наиболее высока взаимосвязь ВВП с такими источниками банковского капитала, как резервный фонд и нераспределенная прибыль (коэффициент корреляции = 0,987), а также с уставным капиталом (0,974) и эмиссионным доходом (0,964), с совокупным капиталом банков коэффициент корреляции равен 0,973. Высока корреляция с показателем имобилизации.

Оценка внутренних взаимосвязей между показателями деятельности банковского

сектора (табл. 3) позволяет сделать вывод, что максимально значима только связь совокупного капитала с агрегированной величиной рисков регулятивной модели (Ar), что вполне закономерно.

Обращает на себя внимание тот факт, что рентабельность капитала оказывается практически ни с чем не связанной. Имеется умеренная обратная связь с совокупным капиталом (-0,723), т.е. получается, что чем выше суммарный совокупный капитал банков, тем ниже рентабельность капитала. Выявленная закономерность свидетельствует о снижении привлекательности банковской отрасли для инвесторов; умеренность связи позволяет утверждать, что она характерна в целом для отрасли, в то время как для отдельных кредитных организаций может подобным образом не проявиться. В условиях постепенного законодательного увеличения минимального размера капитала для действующего банка в 2010–2015 гг. малые банки наращивали капитал до 300 млн. рублей к началу 2015 г. более высокими темпами по сравнению с приносящими доходы активами, что отрицательным образом сказалось на рентабельности их капитала.

Таблица 3. Корреляции Пирсона между показателями деятельности банковского сектора РФ

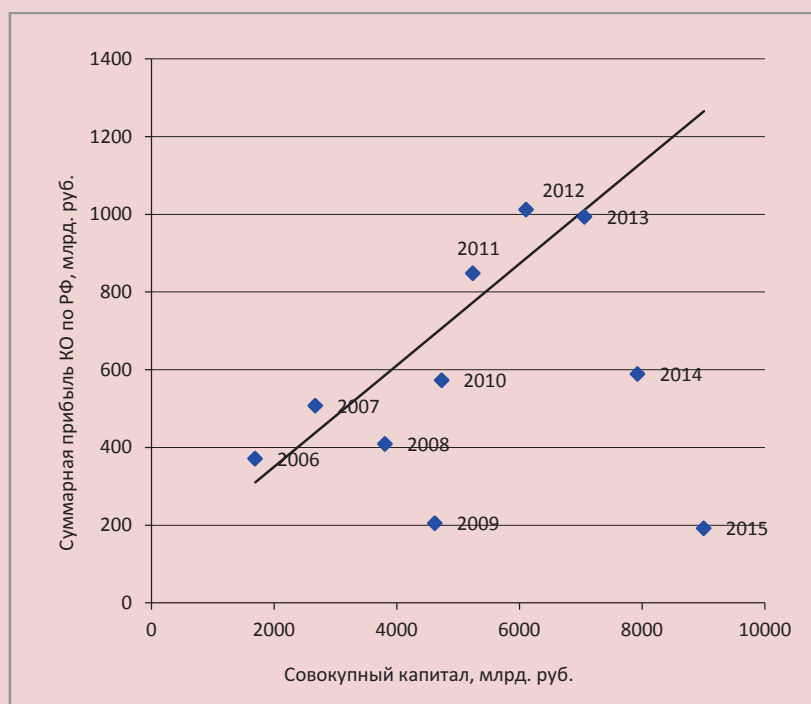
Показатель	Совокупный капитал банковского сектора, млрд. руб.	Н1 по РФ (Н1.0 с 2015 г.)	Ar, млрд. руб.	ROE по РФ, %	Прибыль банковского сектора РФ, млрд. руб.	Прибыль только по прибыльным кредитным организациям РФ, млрд. руб.
Совокупный капитал банковского сектора, млрд. руб.	1	-0,518	0,976**	-0,723*	0,180	0,684*
Н1 по РФ (Н1.0 с 2015 г.)	-0,518	1	-0,684*	-0,128	-0,413	-0,731*
Ar, млрд. руб.	0,976**	-0,684*	1	-0,602	0,205	0,727*
ROE по РФ, %	-0,723*	-0,128	-0,602	1	0,399	-0,035
Прибыль банковского сектора РФ, млрд. руб.	0,180	-0,413	0,205	0,399	1	0,871**
Прибыль только по прибыльным кредитным организациям РФ, млрд. руб.	0,684*	-0,731*	0,727*	-0,035	0,871**	1

* Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.).
 ** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.).
 Не отмеченные звездочкой коэффициенты корреляции не значимы (<0,05).

Оценка показателей корреляции (см. табл. 3) показывает различие в характере связи банковской прибыли с иными показателями по банковскому сектору в целом и по прибыльным кредитным организациям. В целом для отечественного банковского сектора не обнаруживается прямой значимой зависимости между прибылью и иными важнейшими показателями деятельности, что не согласуется с теоретическими положениями. Причиной видим значительные различия между внутренними факторами, влияющими на формирование прибыли отдельных банков, что требует дополнительных исследований. Для прибыльных кредитных организаций отмечается умеренная связь прибыли с нормативом достаточности капитала (Н1), агрегированной величиной рисков регулятивной модели (Ар) и совокупным капиталом. Среди причин выявленных зависимостей выделяем следующие:

- у прибыльных кредитных организаций грамотная финансовая политика, позволяющая генерировать в процессе деятельности доходы и прибыль с приемлемым уровнем риска, в то время как на совокупную прибыль по РФ влияет совокупный убыток убыточных кредитных организаций, что подтверждает теоретическое положение о несбалансированности их политики, проявляющейся в нарушении связей между важнейшими банковскими показателями;
- для российского банковского сектора в целом не отмечается четкой зависимости между прибылью и размером капитала, его структурой, но имеется связь с размером банка, т.е. крупные банки (по показателю величины капитала) более прибыльны, чем малые. Для проверки этого предположения была построена диаграмма рассеяния суммарной прибыли кредитных организаций по России и совокупного капитала (рис. 2). В целом предположение

Рисунок 2. Совокупная прибыль и совокупный капитал банковского сектора России

подтверждается (примерный тренд на графике обозначен линией); исключение отмечается в 2008–2009 и 2014–2015 гг. Ситуация 2008–2009 гг. отражает влияние на прибыль кризисной макроэкономической ситуации, ухудшение качества активов, сокращение доходов и прибыли, необходимость увеличивать резервы, обосновывает целесообразность реализации мер государственной поддержки финансового сектора. В 2014–2015 гг., помимо действия неблагоприятных макроэкономических и глобальных факторов, банковский сектор нес дополнительные расходы, связанные с переходом на стандарты Базель II и Базель III, что требует не только увеличения капитала, улучшения его качества, но и значительных затрат по созданию и функционированию внутрибанковских систем управления рисками и капиталом. При замене показателя совокупной прибыли банковского сектора на прибыль только прибыльных кредитных организаций (без учета совокупных убытков) выявленные отклонения нивелируются. Высокая концентрация активов, капитала и прибыли банковского сектора [см. 10] позволяет сделать вывод, что крупнейшие банки в результате получения государственной

поддержки, в отличие от других, более успешно адаптировались к действию негативных макроэкономических и глобальных факторов.

Оценивая взаимосвязь структуры капитала с показателем прибыли кредитных организаций по России (оценка в абсолютных значениях), можно отметить отсутствие значимых связей (табл. 4), при этом имеется связь с прибылью только по прибыльным кредитным организациям. Таким образом, прибыльные банки капитализируют полученную прибыль, укрепляют свою капитальную базу. Максимально значимы связи (0,866) с активной иммобилизацией капитала, которые подтверждают теоретическую предпосылку о том, что активная иммобилизация, хотя и не поощряемая ЦБ РФ, экономически оправданна, поскольку способствует генерированию прибыли, а также с резервным фондом и нераспределенной прибылью (0,843), что способствует укреплению капитальной базы, свидетельствует о ее возможности абсорбировать убытки без значительного сокращения источников капитала, в определенной степени обеспечивает получение прибыли в последующих периодах.

Таблица 4. Взаимосвязь структуры капитала с показателем прибыли банковского сектора России

Показатель	Прибыль банковского сектора РФ, млрд. руб.	Прибыль только по прибыльным кредитным организациям РФ, млрд. руб.
Уставной капитал, млрд. руб.	0,263	0,714**
Эмиссионный доход, млрд. руб.	0,540	0,843**
Резервный фонд и нераспределенная прибыль, млрд. руб.	0,455	0,843**
Субординированный долг, млрд. руб.	0,202	0,650*
Переоценка имущества, млрд. руб.	0,491	0,775**
Прочее увеличение, млрд. руб.	-0,431	-0,640*
Иммобилизация, млрд. руб.	0,242	0,708*
В т.ч. активная иммобилизация	0,498	0,866**
пассивная иммобилизация	-0,184	0,347

* Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.).
 ** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.).
 Не отмеченные звездочкой коэффициенты корреляции не значимы (<0,05).

Совокупный капитал и показатель агрегированной величины рисков (A_p) также связаны корреляционной зависимостью со всеми структурными элементами капитала. Наиболее сильна корреляционная зависимость с величиной резервного фонда и нераспределенной прибылью, уставным капиталом и субординированным долгом, т.е. прибыльные банки в полной мере получают возможность генерировать прибыль, располагая определенным капиталом; капитал, все его элементы используются именно для генерирования доходов и получения прибыли, а не для выполнения нормативных требований к минимальному размеру капитала, что характерно для малых банков.

Связь структуры капитала с прибылью оценивалась в абсолютных показателях (в млрд. руб.), для оценки связи с показателями достаточности капитала ($H1$) и рентабельности капитала (ROE) использовались относительные данные (доли структурных элементов капитала). Результаты представлены в *таблице 5*.

Как свидетельствуют данные таблицы, отмечается значимая обратная связь между показателем $H1$ и долей резервного фонда и нераспределенной прибыли, т.е. банки, имея капитал высокого качества (прибыль и резервный фонд в большинстве своем

элементы базового и основного капитала) проводят более рискованную политику, принимают на себя больше рисков. Рентабельность капитала (ROE) и доля субординированного долга в совокупном капитале также связаны обратной корреляционной зависимостью (*рис. 3*).

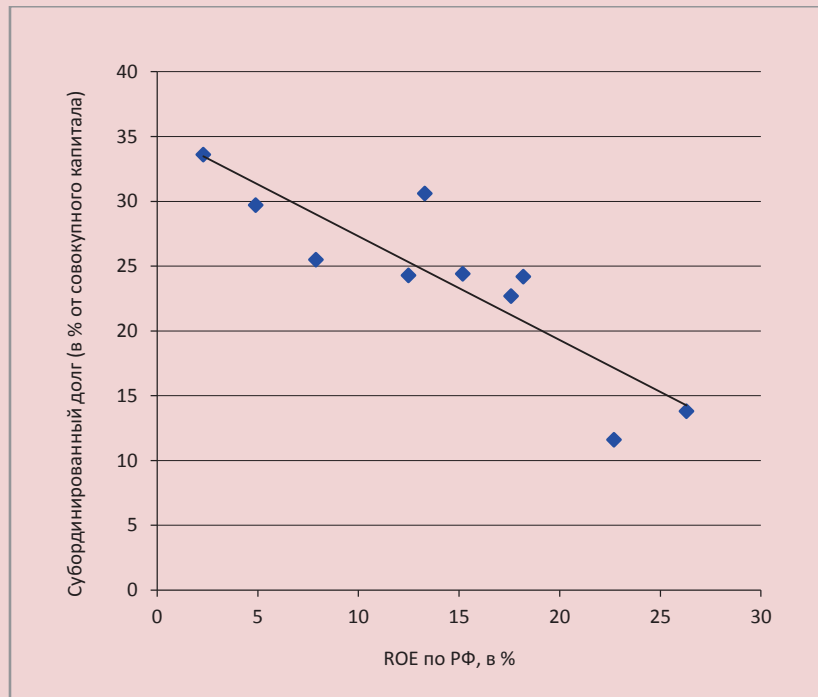
Субординированные долги изначально рассматриваются теорией банковского дела как антикризисный инструмент, их предоставление в рамках мер государственной поддержки российского банковского сектора в период 2008–2009 гг., а затем в 2015 г. было направлено на поглощение чрезмерного давления рисков плохих долгов на капитал, и их негативное влияние на прибыль показывает скрытую глубинную проблему: кризисное влияние макроэкономической ситуации на банковскую систему не преодолено, качество требований, генерирующих доходы и, следовательно, прибыль банков, низкое. В ситуации, когда банковские требования высокого качества, все элементы капитала обеспечивают адекватность принятия экономически оправданных рисков и аллокация капитала на покрытие проблемных долгов минимальна. Однако выявленный факт значительной обратной зависимости между рентабельностью банковского капитала и долей субординированных долгов в его

Таблица 5. Взаимосвязь структуры капитала банковского сектора России с показателями достаточности ($H1$) и рентабельности (ROE) собственных средств

Элементы капитала банковского сектора РФ	$H1$ по РФ ($H1.0$ с 2015 г.)	ROE по РФ, (%)
Уставной капитал, %	0,056	0,489
Эмиссионный доход, %	0,313	0,083
Резервный фонд и нераспределенная прибыль, %	-0,935**	0,061
Субординированный долг, %	0,090	-0,879**
Переоценка имущества, %	0,578	-0,121
Иммобилизация, %	0,571	0,651*

* Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.).
 ** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.).
 Не отмеченные звездочкой коэффициенты корреляции не значимы ($<0,05$).

Рисунок 3. Взаимосвязь рентабельности капитала и удельного веса субординированного долга в совокупном капитале банковского сектора РФ

структуре свидетельствует об обратной опасной ситуации: формально субординированные долги укрепляют капитальную базу; анализ выявил, что на рентабельность капитала российского банковского сектора увеличение субординированного долга в капитале влияет отрицательно.

Выявление и обоснование взаимосвязей между оцениваемыми показателями развития российского банковского сектора позволяет перейти к обоснованию прогнозной модели совокупной прибыли кредитных организаций России.

После определения в качестве целевой переменной суммарной прибыли банковского сектора России в анализ были включены в качестве переменных ВВП совокупный капитал банков, показатель достаточности капитала Н1 (Н1.0 с 2015 г.) по банковскому сектору РФ, рентабельность

банковского капитала (ROE), агрегированная величина рисков регулятивной модели капитала (A_p) и все показатели структуры капитала (уставной капитал, эмиссионный доход, резервный фонд и нераспределенная прибыль, субординированный долг, переоценка имущества, прочее увеличение капитала и иммобилизация). Затем с помощью пошагового отбора проведен подбор переменных для построения регрессионной модели. При этом независимые переменные, которые имеют наибольшие коэффициенты частичной корреляции с зависимой переменной, увязывались пошагово в регрессионное уравнение. В качестве критерия шагового отбора использована вероятность F-статистики (0,05 — для включения, 0,1 — для исключения). Включение переменных в расчет проведено за шесть итераций (табл. 6).

Таблица 6. Введенные или удаленные переменные*

Модель	Включенные переменные	Исключенные переменные	Метод
1	ВВП РФ, в млрд. руб.		Шаговый (критерий: вероятность F-включения \leq ,050, F-исключения \geq ,100).
2	Уставной капитал		Шаговый (критерий: вероятность F-включения \leq ,050, F-исключения \geq ,100).
3	Переоценка имущества		Шаговый (критерий: вероятность F-включения \leq ,050, F-исключения \geq ,100).
4	ROE по РФ		Шаговый (критерий: вероятность F-включения \leq ,050, F-исключения \geq ,100).
5	H1 по РФ (H1.0 с 2015 г)		Шаговый (критерий: вероятность F-включения \leq ,050, F-исключения \geq ,100).
6		Переоценка имущества	Шаговый (критерий: вероятность F-включения \leq ,050, F-исключения \geq ,100).

* Зависимая переменная: совокупная прибыль банковского сектора РФ.

Таблица 7. Коэффициенты регрессионного уравнения*

Модель	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	t	Знч.
	B	Стд. ошибка	Бета		
(Константа)	-3439,589	209,425		-16,424	0,000
ВВП РФ (в текущих ценах, в млрд. руб.)	0,056	0,003	2,449	21,216	0,000
Уставной капитал банковского сектора РФ	-0,494	0,098	-0,692	-5,062	0,007
ROE по РФ	49,869	3,134	1,191	15,912	0,000
H1 (H1.0 с 2015 г.) по РФ	104,704	6,881	0,969	15,217	0,000

* Зависимая переменная: совокупная прибыль банковского сектора РФ.

В результате в регрессионную модель в качестве переменных включены ВВП, уставной капитал кредитных организаций, рентабельность капитала (ROE) и достаточность собственных средств H1 (H1.0 с 2015 г.) банковского сектора РФ.

Мерой точности полученной модели служит коэффициент детерминации, который для нашей модели равен 0,998 (скорректированный 0,996).

В таблице 7 представлены полученные коэффициенты регрессионной модели. В результате оценки силы влияния каждого из факторов, включенных в регрессионную модель, осуществленной по стандартизированным коэффициентам, было выявлено, что наибольшее влияние на суммарную прибыль банковского сектора оказывает ВВП (2,449), далее ROE (1,191) и H1.0 (0,969).

Наименьшей силой влияния обладает уставной капитал банков (-0,692). Следовательно, собственники банков для обеспечения возможности получения прибыли увеличивают капитал за счет различных источников, за исключением уставного капитала.

Нестандартизированные коэффициенты регрессионного уравнения используются для прогнозирования целевой переменной, т.е., зная значения независимых факторов и подставив их в данную модель, можно рассчитать суммарную прибыль банковского сектора России. Помимо прогнозирования модель может применяться для оценки уже имеющихся результатов, т.е. для анализа расхождений (и выявления причин этих расхождений) между фактически получаемой прибылью и ее прогнозным значением.

Выводы

В результате исследования взаимосвязи показателя ВВП и важнейших показателей, позволяющих оценить деятельность российского банковского сектора, были получены следующие выводы.

Для российского банковского сектора в полной мере характерны значимые связи между макроэкономическими показателями и прибылью, капиталом, агрегированной величиной рисков российских кредитных организаций, что подтверждает соответствующие теоретические положения, и не противоречит аналогичным выводам, полученным зарубежными исследователями на основе данных по иным странам. При оценке факторов, влияющих на банковскую прибыль и рентабельность банковского капитала (ROE),

были выявлены различия в значимости воздействия одного и того же фактора на соответствующие показатели российского банковского сектора в целом и отдельно прибыльных кредитных организаций. Выявление и оценка связей между банковской прибылью и ВВП, а также уставным капиталом, рентабельностью и достаточностью регулятивного капитала позволили построить прогнозную модель прибыли российского банковского сектора, точность которой оценена по показателю детерминации (0,998). Выявленные особенности развития российского банковского сектора в разные периоды макроэкономической конъюнктуры определяют направления дальнейших исследований в целях активизации драйверов экономического роста.

Литература

1. Аганбегян, А.Г. Размышления о финансовом форсаже / А.Г. Аганбегян // Деньги и кредит. – 2015. – № 8. – С. 5-10.
2. Валовой внутренний продукт Российской Федерации в 2005–2015 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/33379.do>.
3. Воронова, Н.С. Подходы к структурированию понятийного аппарата теории банковского капитала / Н.С. Воронова, О.С. Мирошниченко // Финансы и кредит. – 2013. – № 34. – С. 9.
4. Выступление председателя Банка России Э.С. Набиуллиной на XXIV Международном банковском конгрессе 4 июня 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/Press/print.aspx?file=press_centre/Nabiullina_04062015.htm&pid=st&sid=ITM_10904.
5. Ильин, В.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и региона / В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Социологические исследования. – 2015. – № 8. – С. 34-41.
6. Мау, В. Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 году / В. Мау // Вопросы экономики. – 2016. – № 2. – С. 5-33.
7. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: Законодательство: Версия Проф. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru>.
8. Обзор банковского сектора Российской Федерации – 2005–2016 [Электронный ресурс] / Центральный банк Российской Федерации (Банк России). – Режим доступа: <http://cbr.ru/analytics/?Prtid=bnksyst>
9. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/finmarkets/files/development/onrfr_2016-18.pdf.
10. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора – 2005–2015 [Электронный ресурс] / Центральный банк Российской Федерации (Банк России). – Режим доступа: http://www.cbr.ru/publ/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=9883.
11. Сухов, М.И. Современная банковская система России: некоторые актуальные аспекты / М.И. Сухов // Деньги и кредит. – 2016. – № 3. – С. 3-6.

12. Albertazzi, U. Bank profitability and the business cycle / U. Albertazzi, L. Gambacorta // *Journal of Financial Stability*. – 2009. – Vol. 5. – Is. 4. – December. – Pp. 393-409.
13. Systemic risk, macroprudential policy frameworks, monitoring financial systems and the evolution of capital adequacy / B. Arnold, C. Borio, L. Ellis, F. Moshirian // *Journal of Banking & Finance*. – 2012. – No 36. – Pp. 3125-3132.
14. Camara, B. Ex ante capital position, changes in the different components of regulatory capital and bank risk / B. Camara, L. Lepetit, A. Tarazi // *Applied Economics Letters*. – 2013. – Vol. 45. – Is. 34. – Pp. 4831-4856.
15. Demirguc-Kunt, A. Bank Capital: Lessons from the Financial Crisis / A. Demirguc-Kunt, E. Detragiache, O. Merrouche // *Journal of Money, Credit and Banking*. – 2013. – Vol. 45. – Is. 6. – Pp. 1147-1164.
16. Dietrich, A. The determinants of commercial banking profitability in low-, middle-, and high-income countries / A. Dietrich, G. Wanzenried // *The Quarterly Review of Economics and Finance*. – 2014. – Vol. 54. – Is. 3. – August. – Pp. 337-354.
17. Djalilov, K. Determinants of bank profitability in transition countries: What matters most? / K. Djalilov, J. Piesse // *Research in International Business and Finance*. – 2016. – Vol. 38. – September. – Pp. 69-82.
18. Gander, J.P. Integrating bank profit and risk-avoidance decisions for selected European countries: A micro-macro analysis / J.P. Gander // *Economic Modelling*. – 2013. – Vol. 31. – Pp. 717-722.
19. The persistence of bank profit / J. Goddard, H. Liu, P. Molyneux, J.O.S. Wilson // *Journal of Banking & Finance*. – 2011. – Vol. 35. – Is. 11. – November. – Pp. 2881-2890.
20. Hippler, W.J. The impact of macroeconomic and financial stress on the U.S. financial sector / W.J. Hippler, M.K. Hassan // *Journal of Financial Stability*. – 2015. – Vol. 21. – December. – Pp. 61-80.
21. Ivanter, V.V. The new economic policy – the policy of economic growth / V.V. Ivanter etc. // *Studies on Russian Economic Development*. – 2013. – Vol. 24. – Is. 6. – Pp. 501-510.
22. Klaas, J. Tools for assessing and forecasting stability of the commercial bank under conditions of instability / J. Klaas, V. Vagisova // *Investment Management and Financial Innovation*. – 2014. – Vol. 11. – Is. 4. – Pp. 157-163.
23. Kořak, M. Quality of bank capital and bank lending behavior during the global financial crisis / M. Kořak, S. Li, I. Lončarski, M. Marinč // *International Review of Financial Analysis*. – 2015. – Vol. 37. – Pp. 168-183.
24. Lee, C.-C. The impact of bank capital on profitability and risk in Asian banking / C.-C. Lee, M.-F. Hsieh // *Journal of International Money and Finance*, February. – 2013. – Vol. 32. – Pp. 251-281.
25. Mazikova, E.V. Investment of banks in securities: the essence and development trends under current conditions / E.V. Mazikova, N.N. Yumanova // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. – 2015. – No 6(42). – Pp. 185-202.
26. Shim, J. Bank capital buffer and portfolio risk: The influence of business cycle and revenue diversification / J. Shim // *Journal of Banking & Finance*. – 2013. – Vol. 37. – Pp. 761-772.
27. Williams, B. Domestic and international determinants of bank profits: Foreign banks in Australia / B. Williams // *Journal of Banking & Finance*. – 2003. – Vol. 27. – Is. 6. – June. – Pp. 1185-1210.

Сведения об авторах

Наталья Степановна Воронова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории кредита и финансового менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет, экономический факультет (191123, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62, n.voronova@spbu.ru)

Ольга Сергеевна Мирошниченко – доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита, Тюменский государственный университет (625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10, olga2907@rambler.ru)

Анна Николаевна Тарасова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и логистики, Тюменский государственный университет (625003, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16, каб. 105, a.n.tarasova@mail.ru)

Voronova N.S., Miroshnichenko O.S., Tarasova A.N.

Determinants of the Russian Banking Sector Development as the Drivers of Economic Growth

Abstract. The paper substantiates the relationship between the situation in the national banking sector and Russia's economy. Using the data provided by the Bank of Russia [8; 9; 10], Federal State Statistics Service [2], IBM SPSS Statistics software product, the authors have carried out a regression-correlation analysis of the main indicators of the Russian banking sector in 2005–2015 and GDP. It has been found that there is the strongest positive correlation between GDP and aggregate banking risks and also the profit of credit institutions; the correlation between GDP and aggregate financial result of the banking sector is weaker; the return on equity has no significant relationship with major indicators of banking activities, except for a moderate negative relationship with the aggregate value of regulatory capital; the return on equity in the Russian banking sector is affected adversely by subordinated debt in the structure of capital. In a stable economic situation (2005–2007, 2010–2013) the authors point out a correlation between capital and the profit of the banking sector; in a crisis situation (2008–2009, 2014–2015), there is a correlation between capital and the profit of profitable credit institutions alone. A positive correlation has been revealed between the proportion of profit of the reserve fund in the structure of capital and risks undertaken. Taking into consideration the correlations identified, the authors make a forecast model for aggregate profits of Russia's banking sector.

Key words: banking; capital adequacy; profitability; business cycles; capital portfolio.

References

1. Aganbegyan A.G. Razmyshleniya o finansovom forsazhe [Reflections on financial boost]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2015, no. 8, pp. 5-10. (In Russian).
2. *Valovoi vnutrennii produkt Rossiiskoi Federatsii v 2005–2015 gg.* [Gross domestic product of the Russian Federation in 2005–2015]. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/33379.do>. (In Russian).
3. Voronova N.S., Miroshnichenko O.S. Podkhody k strukturirovaniyu ponyatiinogo apparata teorii bankovskogo kapitala [Approaches to the structuring of the conceptual apparatus of the theory of bank capital]. *Finansy i kredit* [Finances and Credit], 2013, no. 34, p. 9. (In Russian).
4. *Vystuplenie predsedatelya Banka Rossii E.S. Nabiullinoi na XXIV Mezhdunarodnom bankovskom kongresse 4 iyunya 2015 goda* [Speech of Chairman of the Bank of Russia Elvira Nabiullina at the 14th International Banking Congress, June 04, 2015]. Available at: http://www.cbr.ru/Press/print.aspx?file=press_centre/Nabiullina_04062015.htm&pid=st&sid=ITM_10904. (In Russian).
5. Ilyin V.A., Shabunova A.A. O nekotorykh tendentsiyakh v ekonomicheskom razvitii Rossii i regiona [About some trends in the economic development of Russia and region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2015, no. 8, pp. 34-41. (In Russian).
6. Mau V. Antikrizisnye mery ili strukturnye reformy: ekonomicheskaya politika Rossii v 2015 godu [Crisis response measures or structural reforms: Russia's economic policy in 2015]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economy], 2016, no. 2, pp. 5-33. (In Russian).
7. O Kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r [On the Concept for long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period till 2020: Resolution of the RF Government of 17 November 2008 No. 1662-R]. *SPS "Konsul'tantPlyus": Zakonodatel'stvo: Versiya Prof.* ["Consultant plus" reference and search system: Legislation: Prof. Version]. Available at: <http://base.consultant.ru>. (In Russian).

8. Obzor bankovskogo sektora Rossiiskoi Federatsii – 2005–2016 [Overview of the banking sector of the Russian Federation 2005–2016]. *Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii (Bank Rossii)* [Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)]. Available at: <http://cbr.ru/analytics/?Prtid=bnksyst>. (In Russian).
9. *Osnovnye napravleniya razvitiya finansovogo rynka Rossiiskoi Federatsii na period 2016–2018 godov* [Major directions of development of the financial market of the Russian Federation for 2016–2018]. Available at: http://www.cbr.ru/finmarkets/files/development/onrfr_2016-18.pdf. (In Russian).
10. Otchet o razvitii bankovskogo sektora i bankovskogo nadzora – 2005–2015 [Report on the development of the banking sector and banking supervision – 2005–2015]. *Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii (Bank Rossii)* [Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)]. Available at: http://www.cbr.ru/publ/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=9883. (In Russian).
11. Sukhov M.I. Sovremennaya bankovskaya sistema Rossii: nekotorye aktual'nye aspekty [Modern banking system of Russia: some topical aspects]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2016, no. 3, pp. 3-6. (In Russian).
12. Albertazzi U., Gambacorta L. Bank profitability and the business cycle. *Journal of Financial Stability*, 2009, vol. 5, no. 4, December, pp. 393-409.
13. Arnold B., Borio C., Ellis L., Moshirian F. Systemic risk, macroprudential policy frameworks, monitoring financial systems and the evolution of capital adequacy. *Journal of Banking & Finance*, 2012, no. 36, pp. 3125-3132.
14. Camara B., Lepetit L., Tarazi A. Ex ante capital position, changes in the different components of regulatory capital and bank risk. *Applied Economics Letters*, 2013, vol. 45, no. 34, pp. 4831-4856.
15. Demircuc-Kunt A., Detragiache E., Merrouche O. Bank capital: lessons from the financial crisis. *Journal of Money, Credit and Banking*, 2013, vol. 45, no. 6, pp. 1147-1164.
16. Dietrich A., Wanzenried G. The determinants of commercial banking profitability in low-, middle-, and high-income countries. *The Quarterly Review of Economics and Finance*, 2014, vol. 54, no. 3, August, pp. 337-354.
17. Djalilov K., Piesse J. Determinants of bank profitability in transition countries: What matters most? *Research in International Business and Finance*, 2016, vol. 38, September, pp. 69-82.
18. Gander J.P. Integrating bank profit and risk-avoidance decisions for selected European countries: A micro–macro analysis. *Economic Modelling*, 2013, vol. 31, pp. 717–722.
19. Goddard J., Liu N., Molyneux R., Wilson J.O.S. The persistence of bank profit. *Journal of Banking & Finance*, 2011, vol. 35, no. 11, November, pp. 2881-2890.
20. Hippler W.J., Hassan M.K. The impact of macroeconomic and financial stress on the U.S. financial sector. *Journal of Financial Stability*, 2015, vol. 21, December, pp. 61-80.
21. Ivanter V.V. et al. The new economic policy – the policy of economic growth. *Studies on Russian Economic Development*, 2013, vol. 24, no. 6, pp. 501-510.
22. Klaas J., Vagisova V. Tools for assessing and forecasting stability of the commercial bank under conditions of instability. *Investment Management and Financial Innovation*, 2014, vol. 11, no. 4, pp. 157-163.
23. Kořak M., Li S., Lončarski I., Marinč M. Quality of bank capital and bank lending behavior during the global financial crisis. *International Review of Financial Analysis*, 2015, vol. 37, pp. 168-183.
24. Lee C.-C., Hsieh M.-F. The impact of bank capital on profitability and risk in Asian banking. *Journal of International Money and Finance*, 2013, vol. 32, February, pp. 251-281.
25. Mazikova E.V., Yumanova N.N. Investment of banks in securities: the essence and development trends under current conditions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2015, no. 6 (42), pp. 185-202.
26. Shim J. Bank capital buffer and portfolio risk: The influence of business cycle and revenue diversification. *Journal of Banking & Finance*, 2013, vol. 37, pp. 761-772.
27. Williams B. Domestic and international determinants of bank profits: Foreign banks in Australia. *Journal of Banking & Finance*, 2003, vol. 27, no. 6, June, pp. 1185-1210.

Information about the Authors

Natal'ya Stepanovna Voronova – Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of Credit Theory and Financial Management, Saint-Petersburg State University, Faculty of Economics (62, Tchaikovsky Street, Saint Petersburg, 191123, Russian Federation, n.voronova@spbu.ru)

Ol'ga Sergeevna Miroshnichenko – Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Finance, Money Circulation and Credit, Tyumen State University (10, Semakov Street, Tyumen, 625003, Russian Federation, olga2907@rambler.ru)

Anna Nikolaevna Tarasova – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Management, Marketing and Logistics, Tyumen State University (16, Lenin Street, office 105, Tyumen, 625003, Russian Federation, a.n.tarasova@mail.ru)

Статья поступила 23.06.2016

Институциональные возможности развития инновационной деятельности в регионе

Алексей Александрович

РУМЯНЦЕВ

Институт проблем региональной экономики РАН

190013, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38

aarum1@yandex.ru

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования в рамках темы развития институтов инновационной сферы, трансфера научных результатов в реальный сектор экономики. Цель исследования – выявить институциональные возможности усиления реализации научных результатов, опираясь на функциональные свойства институтов применительно к инновационной деятельности. Методология работы заключается в применении известных методических принципов к решению новых задач (программный метод реализации фундаментального научного результата, отраслевые научно-исследовательские организации в новых условиях хозяйствования, статистический учет процессных инноваций по аналогии с учетом продуктовых). В статье выдвинуто и обосновано предложение о стратегической инновации как институте доведения результатов фундаментальных исследований до общественной практики путем объединения в единый процесс выполненных ориентированных фундаментальных исследований, прикладных исследований, инженерных разработок, опытных и других работ, воплощающихся в материальном объекте или услуге высшего технологического уровня. Отличием стратегической инновации является устремленность в будущее, решение перспективных задач. Достижения российской науки могут быть основой разработки стратегических инноваций. Приведены возможные области научных исследований, где могут быть разработаны стратегические инновации. Представлен механизм

Для цитирования: Румянцев, А.А. Институциональные возможности развития инновационной деятельности в регионе [Текст] / А.А. Румянцев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 184-198. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.10

For citation: Romyantsev A.A. Institutional capacity of innovation activity development in the region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 184-198. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.10

их осуществления в формате специализированной научно-производственной программы, сочетающей участие в ней государства и бизнеса. Приведены аргументы и пути развития института отраслевых научных организаций как проводников государственной технической политики в отраслях, регионах, координации импортозамещения, центров выстраивания коммуникаций с инжиниринговыми компаниями, выполнения прогнозно-аналитических исследований. Обоснована целесообразность развития института статистического учета инноваций путем введения в практику показателя удельного веса инновационных производственных технологий, имеющих особое значение для измерения инновационных процессов и управления ими в добывающих отраслях и регионах. Разработано предложение по развитию института научно-технического программирования путем составления на каждый год оперативного плана выполнения программы. Результаты исследования могут быть применены в практике программирования использования результатов фундаментальных исследований, а также могут использоваться федеральными и региональными органами управления в системе мер по развитию национальной и региональных инновационных систем. Исследование может быть продолжено в русле предлагаемых институтов в части уточнения государственного финансирования и предоставления преференций бизнес-структурам в рамках стратегической инновации, введения пилотных проектов измерения процессных инноваций, разработки краткосрочного плана выполнения научно-технической программы.

Ключевые слова: институт, стратегическая инновация, отраслевая прикладная научная организация, процессные инновации, оперативный план.

Состояние инновационной деятельности в контексте стоящих перед экономикой задач не может быть признано удовлетворительным. По статистическим данным доля инновационной продукции в период 2005–2014 гг. в Российской Федерации колебалась в диапазоне 5–9%.

В условиях не развитого еще у нас рынка новинок и изменяющейся внешней среды (падение цен на углеводородное сырье, ограничение импорта продукции) повышается роль государства в регулировании инновационной деятельности — изыскании и реализации путей преодоления в инновационной сфере препятствий ее усилению, в том числе путем развития в ней институциональных условий, то есть организационно-управленческих правил по упорядочению и стимулированию инновационной деятельности.

В экономической литературе институтам придается важное значение в экономическом и социальном развитии. Так, считается, что «к росту производительности

могут приводить как технологические изменения, так и институциональные перемены» [7, с. 78]. В подъеме технологий институтам отводится такая же большая роль, как экономическим и финансовым факторам [15].

Одно из основных назначений институтов состоит в снижении неопределенности в человеческих взаимоотношениях, обеспечении их определенности, которая может быть достигнута благодаря правилам и нормам [7, с. 79]. Неопределенность — имманентное свойство инновационной деятельности. «Неопределенности являются главной характеристикой инновационного процесса... Эти проблемы могут быть частично решены только через институты»¹. С развитием институтов инновационной деятельности связаны ожидания снижения неопределенности в отношениях между участниками сектора

¹ Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знаний / отв. ред. А.Н. Пилясов. — Смоленск: Ойкумена, 2012. — С. 449.

генерации знаний (фундаментальной, прикладной, корпоративной науки), инновационно-производственного сектора (инновационными компаниями, производителями и потребителями новшеств), инвесторами, установления доверия между ними.

Институты могут разрабатываться как на федеральном, так и на региональном уровнях. Институты, созданные на федеральном уровне (венчурное, посевное финансирование, стратегическое планирование инноваций и др.), проявляются в соответствующих региональных институтах. Они обычно связаны с выполнением федеральных норм, норм более высокого уровня². Кроме того, на региональном уровне могут действовать дополнительные местные институты поддержки инновационного бизнеса, исходя из возможностей регионального бюджета и из представления о целесообразности в данном регионе конкретного института, например субсидии на патентование, налоговые льготы, налоговые каникулы, поручительство по займам, компенсации части затрат по процентным ставкам и др. Они приемлемы и значимы в условиях данного региона. «Регионы должны найти собственные институциональные механизмы, которые отвечали бы потребностям инновационной деятельности на данный период времени»³.

Созданные в инновационной сфере институты играют позитивную роль. Однако уровень инновационной деятельности относительно других стран остается низким. И не в последнюю очередь его повышение может ассоциироваться с эволюцией институциональных условий. «Чтобы кардинально изменить положение

дел, повысить восприимчивость производственного сектора к нововведениям, необходимо интенсифицировать усилия по созданию требуемых для этого институциональных условий» [6, с. 200].

Статья подготовлена по материалам исследования, выполненного в Институте проблем региональной экономики РАН по выявлению путей, способов, которые положительно зарекомендовали себя в процессе преобразования научных результатов в продукцию, обеспечивающую жизнедеятельность людей, и которые, обладая признаками института, могут быть закреплены в виде правил, норм.

Объектами исследования были назревшие проблемы трансфера научных результатов в практику: использование достижений фундаментальных исследований, развитие отраслевых научных организаций, измерение процессных инноваций, как условия управления ими, планирование выполнения научно-технических программ. Исследование выполнялось на базе данных статистического учета, официальных документов, публикаций, опыта настоящего времени и прошлых лет. Содержание статьи можно отнести к институциональному проектированию [2, с. 39], то есть она направлена на обоснование возможных институтов организации и поддержки инновационной деятельности.

Стратегическая инновация на базе фундаментального исследования

Исходным пунктом, началом инновационного цикла являются результаты фундаментальных исследований. Однако инновационный процесс доведения их до готового продукта и реализации на рынке сложен и трудноосуществим. Его особенности во многом связаны с различием природы научных исследований, направленных на познание окружающего мира, и реального сектора экономики, ориенти-

² Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знаний / отв. ред. А.Н. Пилясов. – Смоленск: Ойкумена, 2012. – С. 77.

³ Там же. – С. 630.

рованного на производство материального продукта, неопределенностью достижения целей, рискованностью инвестиций, относительно длительным сроком их окупаемости. Существующие трудности частично преодолеваются введенными институтами, упомянутыми выше, тем не менее проблема реализации фундаментальных исследований остается. «В современной России наблюдается глубокое несоответствие и разрыв между различными звеньями цепочки, связывающей фундаментальные исследования с внедренными в хозяйственную практику технологиями» [6, с. 199]. «Проблемой российской инновационной системы было и остается слишком медленное освоение инновационных идей и создание на их основе новых продуктов, технологий и технико-технологических производств.» [13, с. 284]

На практике наблюдаются две формы использования фундаментальных исследований. Первая – когда решение глобальных проблем, например, атомной энергетики, космоса, ракетостроения, обороны непосредственно связано с постановкой задач фундаментальной науке, достижения которой затем используются в конкретных проектах. Вторая форма – когда производство с невысоким уровнем технологии может воспринять лишь отдельные результаты фундаментальной науки. Поэтому коммерциализируется лишь тонкий слой фундаментальных исследований. Расширение их прикладного значения может быть связано с разработкой особого типа инноваций, учитывающих природу фундаментальных исследований, которая заключается в открытии новых горизонтов в науке, грядущих путей развития. Поэтому инновации на их основе могут отражать стратегическую направленность, вектор кардинальных изменений. Они направлены на выход из существующей структуры

технологий, исчерпавшей потенциал роста производительности труда, на обновление конструкции производства с высокими начальными возможностями создания стоимости и знаменуют собой новый этап экономического развития предприятия, отрасли, региона. Речь в статье идет о стратегических инновациях, основанных на фундаментальных исследованиях и имеющих особенности как по конечным результатам, так и по организации инновационного процесса.

Стратегическая инновация – это результат вновь выполненных ориентированных фундаментальных исследований (продолжение в случае необходимости существующих наработок), прикладных исследований, инженерных разработок, воплощенный в материальном объекте или услуге как элемент нового технологического уклада или условия его приближения.

Термин «стратегическая инновация» не нов, он применяется как средство достижения стратегических целей корпорации [14; 20], в технологической гонке стран [16]. Наряду с ним встречается близкий по смыслу термин «радикальная инновация» [17; 18; 19]. Общим свойством этих терминов и используемого в статье термина «стратегическая инновация» является устремленность в будущее, решение перспективных задач. Отличие состоит в том, что основа термина «стратегическая инновация» в статье – результат фундаментального исследования. Этот термин «привязан» к фундаментальному исследованию, отражает его инновацию.

Цель стратегической инновации как института состоит в упорядочении инновационного процесса, создании инструмента доведения результатов фундаментальных исследований до практического применения. Стратегические инновации входят в систему стратегического планиро-

вания, разработки и реализации инновационной политики. Актуальность стратегического планирования обусловлена тем, что по экспертной оценке российская наука по большинству критических технологий не уступает мировому уровню или превосходит его в отдельных областях (табл. 1).

Стратегическая инновация как инструмент инновационной деятельности может иметь особое значение для регионов с развитой научно-образовательной сферой с академическими институтами и университетами — источниками фундаментальных научных результатов.

Таблица 1. Состояние исследований и разработок в области критических технологий в Российской Федерации [5, с. 220]

Уровень исследований соответствует мировому, а в отдельных областях Россия лидирует	
<i>Инновационно-коммуникационные системы</i>	<i>Рациональное природопользование</i>
Технологии производства программного обеспечения	Технологии мониторинга и прогнозирования состояния атмосферы и гидросферы
<i>Индустрия наносистем и материалы</i>	Технологии оценки ресурсов и прогнозирования состояния литосферы и биосферы
Технологии создания биосовместимых материалов Технологии создания мембран и каталитических систем	
<i>Живые системы</i>	<i>Энергетика и энергосбережение</i>
Технологии биоинженерии Биокаталитические, биосинтетические и биосенсорные технологии	Технологии атомной энергетики, ядерного топливного цикла, безопасного обращения с радиоактивными отходами и отработавшим ядерным топливом
Российские исследования в целом соответствуют мировому уровню	
<i>Инновационно-коммуникационные системы</i>	<i>Рациональное природопользование</i>
Биоинформационные технологии	Технологии снижения риска и уменьшения последствий природных и техногенных катастроф
<i>Индустрия наносистем и материалы</i>	Технологии переработки и утилизации техногенных образований и отходов
Технологии создания и обработки полимеров и эластомеров Технологии создания и обработки кристаллических материалов Технологии создания и обработки композиционных и керамических материалов	Технологии экологически безопасной разработки месторождений и добычи полезных ископаемых
<i>Живые системы</i>	<i>Энергетика и энергосбережение</i>
Биомедицинские и ветеринарные технологии жизнеобеспечения и защиты человека и животных Геномные и постгеномные технологии создания лекарственных средств	Технологии водородной энергетики Технологии создания энергосберегающих систем транспортировки, распределения и потребления тепла и электроэнергии
Технологии экологически безопасного ресурсосберегающего производства и переработки сельскохозяйственного сырья и продуктов питания	<i>Транспортные и авиационно-космические технологии</i>
	Технологии создания новых поколений ракетно-космической авиационной и морской техники
Российские исследования в целом уступают мировому уровню и лишь в отдельных областях уровень сопоставим	
<i>Инновационно-коммуникационные системы</i>	<i>Индустрия наносистем и материалы</i>
Технологии создания интеллектуальных систем навигации и управления Технологии обработки, хранения, передачи и защиты информации	Нанотехнологии и наноматериалы Технологии мехатроники и создания микросистемной техники
Технологии распределенных вычислений и систем Технологии создания электронной компонентной базы	<i>Живые системы</i>
	Клеточные технологии
<i>Энергетика и энергосбережение</i>	<i>Транспортные и авиационно-космические технологии</i>
Технологии новых возобновляемых источников энергии Технологии производства топлива и энергии из органического сырья	Технологии создания и управления новыми видами транспортных систем Технологии создания энергоэффективных двигателей для транспортных систем

Стратегическая инновация, реализуя фундаментальное исследование, может представлять собой крупномасштабный проект, содержащий весь цикл работ: фундаментальные, прикладные исследования, опытно-экспериментальные работы, освоение в производстве, продвижение продукта потребителю, то есть она направлена на восстановление длинных технологических цепочек от науки до промышленного освоения [3].

В качестве примера потенциальных стратегических инноваций можно привести следующие предложения Института электрофизики и электроэнергетики Российской академии наук (Санкт-Петербург) по реализации фундаментальных исследований.

1. Создание новых типов мощных генераторов плазмы для энергетики, плазмохимии и получения новых материалов. Срок реализации проекта – 2020 год, объем финансирования – 4,5 млрд. руб. Участники проекта: Институт электрофизики и электроэнергетики Российской академии наук, открытое акционерное общество Научно-производственное объединение «Искра», открытое акционерное общество «Силовые машины», закрытое акционерное общество «Союзтеплострой».

2. Создание промышленных установок по переработке органосодержащих веществ (дерево, твердые бытовые отходы, отходы сельского хозяйства) с целью генерации сингаза для производства электрической и тепловой энергии, а также жидких топлив. Срок реализации проекта – 2025 год, объем финансирования – 7,5 млрд. руб. Участники проекта: Институт электрофизики и электроэнергетики Российской академии наук, открытое акционерное общество Научно-производственное объединение «Искра», Научно-производственное объединение Центральный котлотурбинный

институт им. Ползунова, открытое акционерное общество «Силовые машины»⁴.

Стратегические инновации могут быть инструментом реализации критических технологий. Из состава научного задела по критическим технологиям важно выделить те, которые имеют преимущественное значение для переустройства экономики, могли бы быть конкретизированы в содержательном плане в виде стратегических инноваций, исходя из критериев актуальности в мире и потребности развития отечественной экономики.

Содержание стратегической инновации в опоре на фундаментальные исследования может содержать свойства, присущие формальному институту, ориентированному на снижение неопределенности в судьбе научного результата, разделение риска между государством и частным инвестором, координацию деятельности участников проекта.

Стратегическая инновация как институт соединяет в себе механизмы:

– финансирования государством начальных наиболее рискованных этапов работ (продолжение в случае необходимости фундаментальных исследований, прикладные исследования, опытные работы);

– организации взаимосвязей участников проекта, объединения их общей целью и цепочкой технологических работ и этапов;

– координации деятельности организаций и предприятий разных отраслей и видов компетенций в решении задач трансфера научных результатов;

– неоппортунистического поведения участников проекта, обусловленного взаимовыгодным интересом достижения общей цели – реализации новой продукции, технологии.

⁴ Приоритеты научно-технического развития Северо-Запада России. – СПб., 2011. – С. 210-211.

На первых порах стратегическая инновация может выступать в качестве неформального института и только с постепенным ее укреплением может быть доведена до нормы, правила (регионального или федерального уровня). Технологией ее создания может быть механизм разработки и осуществления специализированной целевой научно-производственной программы. Инициатором и субъектом ее может быть научная организация, университет в кооперации с партнерами из прикладной науки, бизнес-структур при организационной и финансовой поддержке государственного органа управления. Если в организации имеются научные результаты, которые могут быть ядром крупномасштабного проекта, имеющего перспективу на внутреннем и внешнем рынках, а также согласованной и принятой бизнесом оценки вероятного спроса, то они могут стать объектом для разработки научно-производственной программы. Программно-целевой метод решения сложных научно-производственных задач обусловлен необходимостью организации междисциплинарного и межфирменного взаимодействия многих предприятий, привлечения финансовых ресурсов из разных источников.

В формате целевой программы может быть реализован взаимозависимый нелинейный инновационный процесс, характеризующийся более стабильными, основанными на доверии отношениями с возможностью перетока неявного знания, заключенного в специалистах, рабочей силе, навыках, умениях или в организационной практике, которое здесь можно получить через совместную деятельность⁵. Внутренним свойством института стратегической инновации может быть создание

⁵ Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знаний / отв. ред. А.Н. Пилясов. – Смоленск: Ойкумена, 2012. – С. 449.

комфортного бизнес-климата, стимулирующего участие в ней бизнес-структур, когда затраты и риски начальных стадий инновационного процесса, имеющих высокую степень неопределенности, государство берет на себя, и вложение частного капитала, подстрахованное государственным участием, может рассматриваться как резервное с возможностью получения немалой прибыли в связи с появлением новых рынков и за счет присутствия в цене новой продукции интеллектуальной ренты. При разработке программы необходима кропотливая работа по ограничению бюджетных средств и мобилизации частных ресурсов, созданию разного рода поощрительных стимулов – от бонификации процентов до предоставления государственных гарантий и страхования рисков [4].

Являясь инструментом продвижения результатов фундаментальных исследований в общественную практику, стратегическая инновация может решать задачу сокращения еще «большого лага между появлением научно обоснованных предложений ученых и специалистов и принятием решений органами государственного управления» [1], что особенно важно в технологической гонке, импортозамещении на мировом уровне.

Институт отраслевых научно-исследовательских организаций в новых условиях хозяйствования

Реализация фундаментального исследования предполагает привлечение организаций прикладной науки различного профиля деятельности. Внедрение в практику фундаментальных исследований возможно при развитой в стране прикладной науке. В России этот процесс сдерживается ограниченным составом прикладных научных организаций. В ходе реформ 1990-х гг., вследствие обвального сокращения государственного финансирования научных

исследований, 80% отраслевых научно-исследовательских организаций изменили свой профиль и прекратили существование [3]. Ранее «было 132 отраслевых министерства, и у каждого были свои научные институты. Сейчас министерств нет, и министерская прикладная часть науки фактически уничтожена. Она была по большей части приватизирована, и новые хозяева не развивали доставшиеся им институты, а использовали их имущество в коммерческих целях»⁶. Отраслевая наука сохранилась в государственном секторе – оборонной, аэрокосмической, судостроительной и атомной промышленности и в некоторых регионах (субъектах Российской Федерации).

Упадок прикладной науки, длительные перерывы в проектировании оборудования, машин привели к нарушению преемственности инженерной мысли⁷, сокращению базы выпуска отечественного современного технологического оборудования и массовой закупке зарубежной техники. В 2011 году российские предприятия направили на инновации 358,9 млрд. руб. в основном на закупки импортных технологий (только 16% из них – отечественного производства) [10, с. 20]. По данным Торгово-промышленной палаты, лишь 13% закупленного оборудования сегодняшнего или завтрашнего дня, остальное все по дешевке покупают то, что уже ушло [8].

Для развития института отраслевой науки в стране есть необходимые предпосылки. Во-первых, опыт функционирования института отраслевых научных организаций. Считается, что «настоящее и будущее связаны с прошлыми социаль-

ными институтами, а применительно к экономической системе – с памятью, опытом, зафиксированными в них технологическими возможностями и преимуществами» [11, с. 27]. Во-вторых, есть влиятельные общественные силы, заинтересованные в создании института отраслевых научных организаций: государства – в интенсификации инновационной деятельности в экономике, стремлении решить стратегические долгосрочные задачи – поддержать и развивать конкурентоспособный сектор экономики; отрасли – в усилении обновления производственных технологий, проведении отраслевой технической политики; региона – в социально-экономическом развитии территории; бизнеса – в приобретении первоклассного отечественного оборудования, обеспечении стабильности и прибыльности функционирования. В академических кругах подчеркивается необходимость для государства поддерживать на надлежащем уровне прикладную науку. Специализация исключительно на фундаментальных исследованиях лишена экономического смысла [6, с. 199]. Прикладная наука хотя и медленно, но развивается в гражданских отраслях в форме акционерных обществ. Так, созданная государством в 2007 году государственная корпорация «Роснано» по мере развития, укоренения на рынке была в 2010 году преобразована в открытое акционерное общество «Роснано». В Свердловской области действуют порядка 70 прикладных научно-исследовательских институтов. В них имеются сильные научные и проектно-конструкторские школы, накоплен большой опыт научного сопровождения проекта [12]. Растет число инжиниринговых компаний, выполняющих услуги по проектированию, сопровождению проектов и другим работам.

⁶ Механик А. Задача управленца – не мешать хорошим людям работать: интервью с президентом Российской академии наук В. Фортовым // Эксперт. – 2015. – №41. – С. 49-55.

⁷ Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 27 ноября. – С. 8.

Образованная под эгидой министерства, ведомства отраслевая прикладная научная организация, размещаясь в регионе и вписываясь в его социально-экономическую систему с развитой опытно-производственной базой, способная предложить апробированную новую технологию и выпускать малые серии оборудования по мере расширения своей деятельности и укоренения на рынке, может быть затем переведена в статус акционерной компании. Понимание необходимости отраслевых научных организаций имеется в руководящих промышленных кругах. По мнению заместителя министра промышленности и торговли Российской Федерации, отсутствие отраслевых институтов – серьезная проблема для министерств и ведомств в части осуществления ими отраслевой политики⁸.

Отраслевые научные организации могли бы стать проводником государственной технической политики в отраслях, регионах, в том числе в реализации приоритетных направлений и критических технологий, центром координации политики импортозамещения производственных технологий и оборудования, а также могли бы выстраивать коммуникации с инжиниринговыми и другими производственно-технологическими компаниями, выполнять прогнозно-аналитические исследования межотраслевого, отраслевого и регионального характера. Серьезное воздействие на развитие инновационности экономики возможно только при сильной прикладной науке в отрасли, возглавляемой крупной отраслевой научной организацией с функциями научно-производственного объединения и системообразующего элемента.

⁸ Медовников Д., Механик А. Производительные силы, подъем! // Эксперт. – 2014. – №27. – С. 44-50.

Статистический учет процессных инноваций

Особое значение для России имеет использование результатов научных исследований в добывающих отраслях промышленности. Однако учет результативности инновационной деятельности показателем удельного веса инновационной продукции, который в настоящее время является основным в ее оценке, не полностью отражает технологический прогресс в добывающих производствах. В регионах со значительной долей добычи и переработки полезных ископаемых этот показатель очень низок. Например, в Республике Карелия, Архангельской области, Мурманской области он колеблется в диапазоне 0,1–3,6% (2006–2014 гг.). Можно допустить, что на величину низкого уровня показателя удельного веса инновационной продукции может оказывать влияние структура производственных отраслей в регионе. В упомянутых регионах инновационный процесс во многом связан с технологиями добычи и переработки сырья, то есть с разработкой и применением процессных инноваций. Добывающие отрасли становятся все более технически развитыми, и процессные инновации, играющие ведущую роль в их технологическом развитии, не должны выпадать из сферы измерения и управления.

В табл. 2 приведено соотношение продуктовых и процессных инноваций по видам экономической деятельности по показателям удельного веса организаций и удельного веса затрат организаций, осуществляющих инновационную деятельность.

Как видно из таблицы, в отрасли добычи полезных ископаемых преобладают процессные инновации над продуктовыми, в обрабатывающих производствах их соот-

Таблица 2. Соотношение продуктовых и процессных инноваций в 2012 году

Виды экономической деятельности и технологические инновации	Удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность, %	Затраты на инновационную деятельность, %
1	2	3
Добыча полезных ископаемых:		
- продуктовые инновации	29,4	16,5
- процессные инновации	82,6	83,2
Обрабатывающие производства:		
- продуктовые инновации	67,6	54,3
- процессные инновации	53,1	44,4
Высокотехнологичные производства:		
- продуктовые инновации	79,9	66,7
- процессные инновации	48,5	32,4

Источник: Индикаторы инновационной деятельности – 2014: стат. сб. – М.: Высшая школа экономики. – 472 с.

ношение примерно равное, и в высокотехнологичных производствах при высокой доле продуктовых инноваций процессные инновации имеют значимую величину. Следует также обратить внимание на то, что часть организаций осуществляют продуктовые и процессные инновации (графа 2). Данные таблицы подтверждают целесообразность введения статистического учета результативности инновационной деятельности в области не только продуктовых, но и процессных инноваций. По аналогии со статистическим показателем удельного веса инновационной продукции может быть предложен показатель измерения процессных инноваций – удельный вес используемых инновационных производственных технологий как отношение объема продукции, произведенной по вновь разработанным технологиям и технологиям, подвергавшимся в течение последних трех лет разной степени изменениям, к общему объему произведенной продукции в процентах [9].

Учитываемое государственной статистикой количество созданных и используемых передовых производственных технологий включает лишь технологические процессы, управляемые с помощью

компьютера или основанные на микроэлектронике, и не охватывает весь комплекс инновационных технологий. Наряду с этим важно иметь показатель, суммарно оценивающий объем процессных инноваций.

Потребность в измерении процессных инноваций обуславливает постановку вопроса о развитии института статистического учета инновационной деятельности. Измерение процессных инноваций могло бы дополнить целевую ориентацию и программное управление инновационным развитием как добывающих, так и обрабатывающих производств в русле представления об инновационной деятельности как неоднородном и многогранном процессе, нуждающемся в совершенствовании статистических наблюдений. Адекватность отражения реального положения инновационной деятельности – необходимое условие принятия верных управляющих решений.

Планирование выполнения региональных программ

Разрабатываемые на региональном уровне научно-технические программы далеко не всегда выполняются в полном объеме. Причин несколько: как недостаточная их проработка, особенно источ-

ников финансирования, так и влияние изменяющейся экономической среды и в итоге – несоответствие реалиям принятых в программе показателей. Не последнюю роль в их невыполнении играет отсутствие персональной ответственности за выполнение программы или ее блоков, «размытость» ее среди нескольких органов управления. Так, по итогам мониторинга выполнения «Комплексной научно-технической программы Северо-Западного федерального округа РФ на 2010–2030 гг.» в 2011 г. (второй год выполнения программы) было приостановлено из-за отсутствия финансирования 99 проектов и мероприятий, 20 – снято из программы и 22 – потребовали корректировки затрат на сумму, составляющую 22% от запланированной до 2030 г.

Наряду с развитием отечественного института программирования, нуждаются в разработке методы организации выполнения программы. Сведение их только к её мониторингу и корректировке не обеспечивает в полной мере выполнение ее обновленных параметров. Поэтому речь может идти о повышении действенности управления программой, в том числе путем «присоединения» к процессу программирования института планирования ее реализации. Тогда общая схема программного метода управления может быть представлена тремя последовательными стадиями разработки: стратегиями научно-инновационного развития (федерации, регионов), научно-инновационными программами соответствующего уровня, краткосрочными планами их выполнения.

В триаде управления научно-инновационной деятельностью «стратегия – программа – план» третья стадия по содержанию и функции будет иной по сравнению с индикативным планированием, которое, отражая индикаторы будущего, формирует

план-прогноз развития. В отличие от него план выполнения научно-инновационной программы может составляться на предстоящий год в качестве оперативного инструмента ее осуществления. Это его назначение предполагает уточнение параметров проектов программы на плановый год исходя из ожидаемых изменений рыночной конъюнктуры, сумм инвестиций, их источников, состава, функций контрагентов, анализа рисков, их возможной компенсации и др. Реальность плана может быть основана на заключении хозяйственных договоров исполнителей и подтверждении государственными органами взятых обязательств по бюджетным расходам, что обуславливает ответственность каждого участника за выполнение принятых плановых заданий. Если индикативный план – это план-прогноз, то план выполнения программы – это план-реализация согласованных действий на ближайший период. Важным шагом на пути повышения практической значимости программ могут стать «Методические указания по разработке и реализации государственных программ РФ» (утверждены в декабре 2012 г. Минэкономразвития)⁹, предусматривающие ежегодное составление плана реализации программы и детального плана-графика (сетевое) с фамилиями должностных лиц, ответственных за контрольные события программы (оказывающие существенное влияние на ее результаты). Необходимо, чтобы эта норма применялась не только на федеральном, но и региональном уровне.

Заключение

Развитие институциональных условий по реализации достижений фундаментальных исследований, укоренению отраслевых научных организаций, измерению процессных инноваций и планированию

⁹ Российская газета. – 2013. – 22 февраля.

выполнения региональных инновационных программ будет зависеть от усилий по продвижению этих идей в практику, от действий лиц, принимающих решения, прежде всего в федеральных и региональных органах управления.

Институциональное развитие потребует дополнительных финансовых расходов. Их ограниченность в период стагнации экономики может стать сдерживающим фактором институционального развития. В то же время необходимы решительные меры, чтобы изменить ситуацию в инновационной сфере и создать реальную почву для экономического роста. Имеющиеся возможности развития институциональных условий инновационной деятельности являются дополнительным инструментом трансфера научных результатов в реальный сектор экономики, подъема инновационной деятельности в регионе.

Результаты исследования могут быть использованы в практике программирования, планирования, координации доведе-

ния научных достижений до инноваций, особенно результаты фундаментальных исследований академических институтов и университетов, а также использоваться федеральными и региональными органами управления в системе мер по развитию национальной и региональных инновационных систем.

Выполненное исследование может быть продолжено в направлении развития полученных результатов – обоснования методов реализации институтов инновационной деятельности: определения целесообразности государственного финансирования и предоставления преференций бизнес-структурам в рамках стратегической инновации, анализа состояния прикладной науки в отраслях и регионах и определения необходимости отраслевых научных организаций, введения пилотного проекта измерений процессных инноваций, разработки краткосрочного оперативного плана выполнения региональной научно-технической программы.

Литература

1. Варшавский, А. Проблемы науки и ее результативность [Текст] / А. Варшавский // Вопросы экономики. – 2011. – № 1. – С. 151-157.
2. Власов, М.В. Содержание современного экономического института [Текст] / М.В. Власов, А.Ю. Веретенникова // Журнал экономической теории. – 2011. – № 4. – С. 33-45.
3. Глазьев, С. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики [Текст] / С. Глазьев // Российский экономический журнал. – 2013. – № 3. – С. 3-37.
4. Дементьев, В. О характере «догоняющей модернизации» и ее постиндустриальном обеспечении [Текст] / В. Дементьев // Российский экономический журнал. – 2005. – № 2. – С. 21-29.
5. Кузык, Б.Н. Инновационное развитие России: сценарный подход [Текст] / Б.Н. Кузык // Вестник Российской академии наук. – 2009. – № 3. – С. 216-223.
6. Некипелов, А.Д. Научно-технологическое обеспечение социально-экономического развития [Текст] / А.Д. Некипелов // Вестник Российской академии наук. – Т. 79. – 2009. – № 3. – С. 198-202.
7. Норт, Д. Институты и экономический рост: историческое введение [Текст] / Д. Норт // Альманах THESIS. – Т. 1. – 1993. – Вып. 2. – С. 69-91.
8. Примаков, Е. Выступление. Стенографический отчет о заседании Совета при Президенте по науке и образованию [Текст] / Е. Примаков // Инновации. – 2014. – № 12. – С. 3-16.
9. Румянцев, А.А. Процессные инновации: измерение и управление [Текст] / А.А. Румянцев // Инновации. – 2015. – № 6. – С. 37-40.
10. Рязанов, В.Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты [Текст] / В.Т. Рязанов // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2. – С. 17-25.

11. Сухарев, О.С. Государственное стратегическое планирование и направления развития экономики России [Текст] / О.С. Сухарев // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2. – С. 26-36.
12. Суховой, А.Ф. Приоритеты современного инновационного развития за рубежом и в России [Текст] / А.Ф. Суховой, И.М. Голова // Журнал экономической теории. – 2015. – № 2. – С. 43-62.
13. Татаркин, А.И. Инновационный потенциал территории в поведенческих оценках населения [Текст] / А.И. Татаркин, К.А. Новикова // Экономика региона. – 2015. – № 3. – С. 279-294.
14. Kodama, M. Strategy transformation through strategic innovation capability – a case study of Fanuc [Text] / M. Kodama, T. Shibata // R&D Management. – 2014. – № 44 (1). – С. 75-103.
15. Perez, C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages [Text] / C. Perez. – Edward Elgar, 2002. – 224 p.
16. Taco, C.R. van Someren. How to Win the Battle on Innovation? [Электронный ресурс] / Taco C.R. van Someren, Shuhua van Someren-Wang. – Режим доступа: http://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-642-36237-8_6 (date of access: 26.12.2015).
17. Troilo, G. More Innovation with Less? A strategic Contingency View of Slack Resources, Information Search, and Radical Innovation [Text] / G. Troilo, M.L. De Luca, K. Atuahene-Gima // Journal of Product Innovation Management. – 2014. – № 31 (2). – С. 259-277.
18. Turut, O. Innovation Strategy and Entry Deterrence [Text] / O. Turut, E. Ofek // Journal of Economics & Management Strategy. – 2012. – № 21 (3). – С. 583-631.
19. Micro-Institutional Affordances and Strategies of Radical Innovation [Text] / S. Van Dijk, H. Berends, M. Jelinek, A. G. L. Romme, M. Weggeman // Organization Studies. – 2011. – № 32 (11). – С. 1485-1513.
20. Voigt, K. Special topic: strategic innovations [Text] / K. Voigt // Review of Managerial Science. – 2011. – № 5 (4). – С. 263-264.

Сведения об авторе

Алексей Александрович Румянцев – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38, aarum1@yandex.ru)

Rumyantsev A.A.

Institutional Capacity of Innovation Activity Development in the Region

Abstract. The article presents the results of the study under the theme of development of institutions of innovation sphere, transfer of scientific results to the real sector of the economy. The purpose of the study is to reveal institutional capacities of strengthening the implementation of research findings, drawing on the functional properties of institutions with regard to innovation activities. The methodology is to apply well-known methodological principles to the solution of emerging challenges (software-based method for fundamental scientific result implementation, sectoral research organizations in the new management environment and statistical records of process innovations by analogy with product innovations). The article puts forward and justifies the proposal for strategic innovation as the institution of communicating the results of fundamental research to social practice by integrating into a single process the results of oriented fundamental research, applied research, engineering development, development and other works, which are realized in the form of a material object or service of a high technology level. The distinguishing feature of strategic innovation is a future-oriented outlook and the solution of long-term objectives. Russian scientific achievements can become the basis for strategic innovation development. The article gives examples of possible research field where strategic innovation can be developed and demonstrates an innovative implementation mechanism in the format of specialized research-and-production program

which combines government and business participation. The paper gives arguments and development ways of the institution of sectoral research organizations as providers of state technological policy in sectors and regions; coordination of import substitution; centers of communication establishment with engineering companies; analytical and predictive research. The study justifies the expediency of developing an institution for statistical innovation records by introducing the indicator of weight of innovative production technologies which are of particular importance to the measurement and management of innovation processes in extractive industries and regions. We have worked out a proposal for the development of the institution of scientific and technical programming by making an annual operational program implementation plan. The results of the study can be applied to fundamental research results programming and may also be used by federal and regional authorities in the system of measures for the development of national and regional innovation systems. The study can be pursued in line with the proposed institutions in terms of clarifying state financing and the provision of a preference for businesses units within strategic innovation, the introduction of pilot projects on the measurement of process innovation, the development of a short-term scientific and technical program implementation plan.

Key words: institution, strategic innovation, sectoral applied research organization, process innovations, operational plan.

References

1. Varshavskii A. Problemy nauki i ee rezul'tativnost' [Problems of science and its effectiveness]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2011, no. 1, pp. 151-157. (In Russian).
2. Vlasov M.V., Veretennikova A.Yu. Soderzhanie sovremennogo ekonomicheskogo instituta [The content of a modern economic institution]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian journal of economic theory], 2011, no. 4, pp. 33-45. (In Russian).
3. Glazyev S. Snova k al'ternativnoi sisteme mer gosudarstvennoi politiki modernizatsii i razvitiya otechestvennoi ekonomiki [Back to the alternative measure system of the state policy on the modernization and development of the national economy]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian economic journal], 2013, no. 3, pp. 3-37. (In Russian).
4. Dement'ev V. O kharaktere «dogonyayushchei modernizatsii» i ee postindustrial'nom obespechenii [On the character of the “catching-up modernization” and its postindustrial support]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian economic journal], 2005, no. 2, pp. 21-29. (In Russian).
5. Kuzyk B.N. Innovatsionnoe razvitie Rossii: stsennaryi podkhod [Russia's innovative development: scenario approach]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2009, no. 3, pp. 216-223. (In Russian).
6. Nekipelov A.D. Nauchno-tekhnologicheskoe obespechenie sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Scientific and technological support of the socio-economic development]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. 79, no. 3, pp. 198-202. (In Russian).
7. North D. Instituty i ekonomicheskii rost: istoricheskoe vvedenie [Institutions and economic growth: an historical introduction]. *Al'manakh THESIS* [Almanac “THESIS”], 1993, vol. 1, no. 2, pp. 69-91.
8. Primakov E. Vystuplenie. Stenograficheskii otchet o zasedanii Soveta pri Prezidente po nauke i obrazovaniyu [Speech. The verbatim record of the meeting of the Presidential Council for Science and Education]. *Innovatsii* [Innovations], 2014, no. 12, pp. 3-16. (In Russian).
9. Rumyantsev A.A. Protsessnye innovatsii: izmerenie i upravlenie [Process innovations: measurement and control]. *Innovatsii* [Innovations], 2015, no. 6, pp. 37-40. (In Russian).
10. Ryazanov V.T. Novaya industrializatsiya Rossii: strategicheskie tseli i tekushchie priority [New industrialization of Russia: strategic goals and current priorities]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2014, no. 2, pp. 17-25. (In Russian).
11. Sukharev O.S. Gosudarstvennoe strategicheskoe planirovanie i napravleniya razvitiya ekonomiki Rossii [National strategic planning and directions of Russia's economic development]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2014, no. 2, pp. 26-36. (In Russian).

12. Sukhovei A.F., Golova I.M. Prioritety sovremennogo innovatsionnogo razvitiya za rubezhom i v Rossii [Priorities of modern innovation development abroad and in Russia]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian journal of economic theory], 2015, no. 2, pp. 43-62. (In Russian).
13. Tatarkin A.I., Novikova K.A. Innovatsionnyi potentsial territorii v povedencheskikh otsenkakh naseleniya [Territory's innovation capacity in population's behavioral assessment]. *Ekonomika regiona* [Regional economy], 2015, no. 3, pp. 279-294. (In Russian).
14. Kodama M., Shibata T. Strategy transformation through strategic innovation capability - a case study of Fanuc. *R&D Management*, 2014, no. 44 (1), pp. 75-103.
15. Perez C. *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. Edward Elgar, 2002. 224 p.
16. Taco C.R. van Someren, Shuhua van Someren-Wang *How to Win the Battle on Innovation?* Available at: http://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-642-36237-8_6 (accessed 26.12.2015).
17. Troilo G., M.L. De Luca, K. Atuahene-Gima More Innovation with Less? A strategic Contingency View of Slack Resources, Information Search, and Radical Innovation. *Journal of Product Innovation Management*, 2014, no. 31 (2), pp. 259-277.
18. Turut, O., Ofek E. Innovation Strategy and Entry Deterrence. *Journal of Economics & Management Strategy*, 2012, no. 21 (3), pp. 583-631.
19. Van Dijk S., Berends H., Jelinek M., Romme A. G. L., Weggeman M. Micro-Institutional Affordances and Strategies of Radical Innovation. *Organization Studies*, 2011, no. 32 (11), pp. 1485-1513.
20. Voigt K. Special topic: strategic innovations. *Review of Managerial Science*, 2011, no. 5 (4), pp. 263-264.

Information about the Author

Aleksei Aleksandrovich Rumyantsev – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate, Institute of Regional Economy of the Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation aarum1@yandex.ru)

Статья поступила 01.06.2016

Исследование развития «умного» туризма в провинции Цзянси в рамках концепции «Интернет+»

Куан Сяоцянь

Центр международного обмена и сотрудничества
Академия общественных наук провинции Цзянси

Ай Шуцинь

Академия общественных наук провинции Цзянси

1. Проект и развитие «умного» туризма и концепции «Internet + Tourism»

Концепция «умного» туризма сформировалась на основе понятий «умная планета» и «умный город». В 2008 г. компания IBM внедрила бизнес-план в рамках инициативы «умная планета», и, хотя этот термин редко использовался внутри страны и за рубежом, распространение соответствующей информации в секторе

туризма уже началось. Информатизированное развитие китайской отрасли туризма достигло существенного прогресса, который в целом можно разделить на три этапа:

(1) Первый этап – профессиональный, включающий внедрение зарубежных компьютерных технологий в начале 1980-х годов и учреждение Государственного управления по делам туризма в 1990-х годах.

Для цитирования: Куан Сяоцянь. Исследование развития «умного» туризма в провинции Цзянси в рамках концепции «Интернет+» / Куан Сяоцянь, Ай Шуцинь // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 199-205. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.11

For citation: Kuang Xiaoqian, Ai Shuqin. Research on the development of smart tourism in Jiangxi Province under the background of the “Internet +”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 199-205. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.11

(2) Второй этап – начало осуществления проекта «Золотой туризм» (2001 г.), в рамках которого государство на всеобъемлющей основе поощряло распространение туристической информации; стали популяризироваться электронные методы управления и онлайн-коммерция, которые вскоре распространились на всю сферу туризма. Системы автоматизации делопроизводства, управления бизнесом и сети общего пользования изначально сформировали основу для развития информационной индустрии.

(3) Третий этап – период «умного» туризма, при котором всесторонняя максимизация экологических, культурных, общественных и экономических ценностей может поощряться в качестве достижения устойчивого развития сферы туризма с помощью таких информационных технологий, как интернет вещей, «облачные» вычисления, ГИС, виртуальная реальность и мобильный интернет. При этом необходимо осуществлять инновационную деятельность в применении этих технологий для удовлетворения требований туристического опыта, в сфере управления – для улучшения управленческой способности предприятия, в сфере обслуживания – для содействия трансформации управленческих функций.

Таким образом, концепция «умного» туризма является продолжением процесса информатизации сферы туризма и заключительным этапом развития информационных технологий. В ее основе лежит новое поколение информационных технологий («облачные» вычисления, создание сетей, мобильный интернет и технология «больших данных»), что позволяет уделить значительное внимание ориентации на людей, а также сделать акцент на их индивидуальных потребностях и опыте применения технологий.

В 2012 году Государственное управление по делам туризма выдвинуло инициативу по развитию национального «умного» бизнеса. Данная концепция была испытана в восемнадцати крупных городах, в частности в Пекине. Годом «умного» туризма был назван 2014-й. В сентябре 2015 года Государственное управление по делам туризма разработало проект Уведомления о проведении комплекса мероприятий по реализации программы «Интернет+Туризм» (далее – Уведомление). Уведомление подчеркивает, что туризм является обширной отраслью национальной экономики и важной движущей силой стимулирования экономического роста. Оно выдвигает на первый план разработку требований к мероприятиям по реализации программы «Интернет+Туризм», которые должны соответствовать основным принципам и целям данных требований. Планируется, что к 2020 году различные области сферы туристической индустрии в Китае достигнут комплексной интеграции с сетью Интернет как основной движущей силой и важной опорой их инновационного развития. В настоящее время инвестиции в онлайн-туризм составляют 15% всего объема прямых национальных инвестиций, в то время как на долю потребительских расходов на онлайн-туризм приходится 20% потребительских расходов на внутренний туризм.

«Умный» туризм – это модель объединенного развития туристической индустрии и инновационной технологии S&R, что является не только будущей тенденцией развития туристической индустрии, но и ключом к трансформации и модернизации современной сферы обслуживания. Новый этап мировой технологической революции, одной из движущих сил которой выступает Интернет, изменяет ход мирового экономического развития, человеческую жизнь и производство, что ведёт к новым изменениям

в развитии мировой туриндустрии. Глубокая интеграция процесса развития туриндустрии с Интернетом становится все более распространенной тенденцией современности.

По этой причине высокие результаты «умного» туризма могут быть достигнуты за счёт внедрения в туристическое потребление, управление производством и организацию управления и обслуживания концепции «Интернет+». Основываясь на модели «1+n» (например, пансионат, здравоохранение, жаркая весна, родители с детьми, ресторанное обслуживание, предоставление жилья, покупки, развлечения и т.д.), мы можем объединить в одно целое различные отраслевые элементы, активировав элементы естественной экологии, климатических условий, исторической культуры, промышленной продукции, потребительского цикла и инноваций с тем, чтобы сформировать комплексную отраслевую связь при взаимодействии трёх отраслей: первичной отрасли в основе, вторичной отрасли-опоры и третичной, узкоспециализированной.

В связи с этим туриндустрия продвигает и преобразует промышленное развитие, которое, в свою очередь, формирует новую экологию и новое будущее для промышленной интеграции.

2. Развитие и применение концепции «умного» туризма в провинции Цзянси

(1) Общие условия развития туриндустрии в провинции Цзянси

В последние годы туризм в провинции Цзянси стремительно развивается скачкообразными темпами (табл. 1 и 2). В 2010 году численность туристов достигла 100 млн. человек. В 2011 году общий доход от туризма превысил триллион юаней. В 2013 году насчитывалось уже 250 млн. туристов, что на 22% выше результата предыдущего года, а доход от туризма составил 18,9606 млрд. юаней, увеличившись на 36,18% соответственно. В 2014 году количество туристов составило 313 млн. человек – на 25,18% больше, чем в 2013 г., и общий доход от отрасли, достигший 26,497 млрд. юаней, был на 39,75% выше результата 2013 года.

Мероприятия по стимулированию бренда Beautiful Jiangxi Scenery, попавшие в десятку лучших классических рекламно-маркетинговых вариантов в 2011 году, получили награду за первое место по рекламе бренда в Китае, а также золотой приз в конкурсе Great Wall Awards of China Advertisement за лучшую рекламу. Туризм становится одной из ключевых отраслей провинции Цзянси, играющей важную роль в продвижении и стимулировании экономического и социального развития.

Таблица 1. Развитие туризма в провинции Цзянси

Год	Общий доход от отрасли, 100 млн. юаней	Доля отрасли в общем национальном доходе, %	Доля туризма в ВВП провинции, %	Доля третичной отрасли в ВВП провинции, %
2004	240,81	3,52	6,97	19,65
2005	320,02	4,16	7,89	22,67
2006	390,89	4,37	8,37	25,00
2007	463,67	4,23	8,43	26,44
2008	559,38	4,83	8,63	27,90
2009	675,61	5,20	8,83	25,62
2010	818,32	5,21	8,66	26,22
2011	1105,93	4,92	9,45	28,20
2012	1402,59	5,42	10,83	31,27
2013	1896,06	6,43	13,22	37,69
2014	2649,70	8,15	16,86	45,82

Таблица 2. Состояние туризма по регионам провинции Цзянси, 2014 г.

Регион	Число зарубежных туристов, 10000 чел.-раз	Доход от международного туризма, 10000 долл.	Число местных туристов, 10000 чел.-раз	Доход от внутреннего туризма, 100 млн. юаней	Число отелей, отмеченных звездами
Всего	171,68	55686,70	31134,47	2615,17	455
Наньчан	20,78	6802,91	4266,02	381,03	55
Цзиндэчжэнь	27,76	8831,12	2568,87	206,60	27
Пинсян	7,91	2563,69	2185,24	154,62	11
Цюцзян	31,35	11209,66	4329,57	385,25	76
Синьюй	2,63	784,63	1056,88	90,72	13
Интань	7,48	1867,35	1816,5	138,37	17
Ганьчжоу	16,33	5068,83	3079,37	269,14	71
Цзиань	20,05	6285,32	3762,02	298,66	47
Ичунь	7,89	2607,54	2158,59	175,37	47
Фучжоу	7,16	2518,55	1628,45	132,83	32
Шанжао	22,34	7147,10	4282,96	382,63	59

(2) Текущая ситуация развития «умного» туризма в провинции Цзянси

В феврале 2012 года в провинции Цзянси был разработан вебсайт «умного» туризма ([HTTP://WWW.JXZHLYW.COM/](http://WWW.JXZHLYW.COM/)), запустивший стратегическое сотрудничество между сферой туризма в провинции и публичной компанией Alibaba group. Он представляет собой многофункциональную электронную коммерческую платформу, представляющую собой демонстрацию продукции, рекламно-пропагандистскую деятельность, бронирование туристического продукта, осуществление онлайн-операций и предоставление услуг офлайн. Потребитель может пользоваться услугами сайта через стационарный компьютер, мобильный телефон и беспроводные устройства в любое время.

Вебсайт использует расширенный поиск туров, систему бонусов и систему смарт-карт для выполнения четырех основных функций: «умной» навигации, «умного» путевода, «умного» браузера и «умного» путевода по магазинам. Вебсайт анализирует поведение пользователей и их привычки в отношении путешествий, с тем чтобы автоматически разработать индивидуальную тур-программу. В то же время были подписаны договоры о сотрудничестве

по развитию микроблогов с интернет-компаниями Sina, Tencent and Sohu. Использование билетов с двухмерными кодами облегчает путешествие туристов по провинции.

Начиная с 2014 года в провинции Цзянси предпринимаются попытки оказания услуг в сфере сетевого маркетинга, онлайн-бронирования и онлайн-платежей. Лунхушань, являющаяся наиболее посещаемым живописным местом, куда бронируются билеты и гостиничные услуги с помощью приложения «WeChat», завершила стадию планирования развития живописных территорий в рамках «умного» туризма. Все GPS координаты главных достопримечательностей, санузлов, билетных касс, набережных, ресторанов и магазинов собраны и встроены в систему WeChat. Посетителям нужно лишь отсканировать QR-код Лунхушань, чтобы получить необходимую информацию о количестве билетов, наличии мест в отеле, местонахождении санузлов, или же использовать голосовой гид приложения WeChat.

Городской округ Цзиндэчжэнь запустил местное мобильное приложение для путешествий, с помощью которого туристы, нажав на кнопку мобильного телефона, могут получить своевременную достоверную и исчерпывающую информацию.

В городском округе Ичунь используются также сетевые структуры, оказывающие туристам комплексные услуги по демонстрации достопримечательностей в трехмерном пространстве.

3. Вызовы развития «умного» туризма в провинции Цзянси

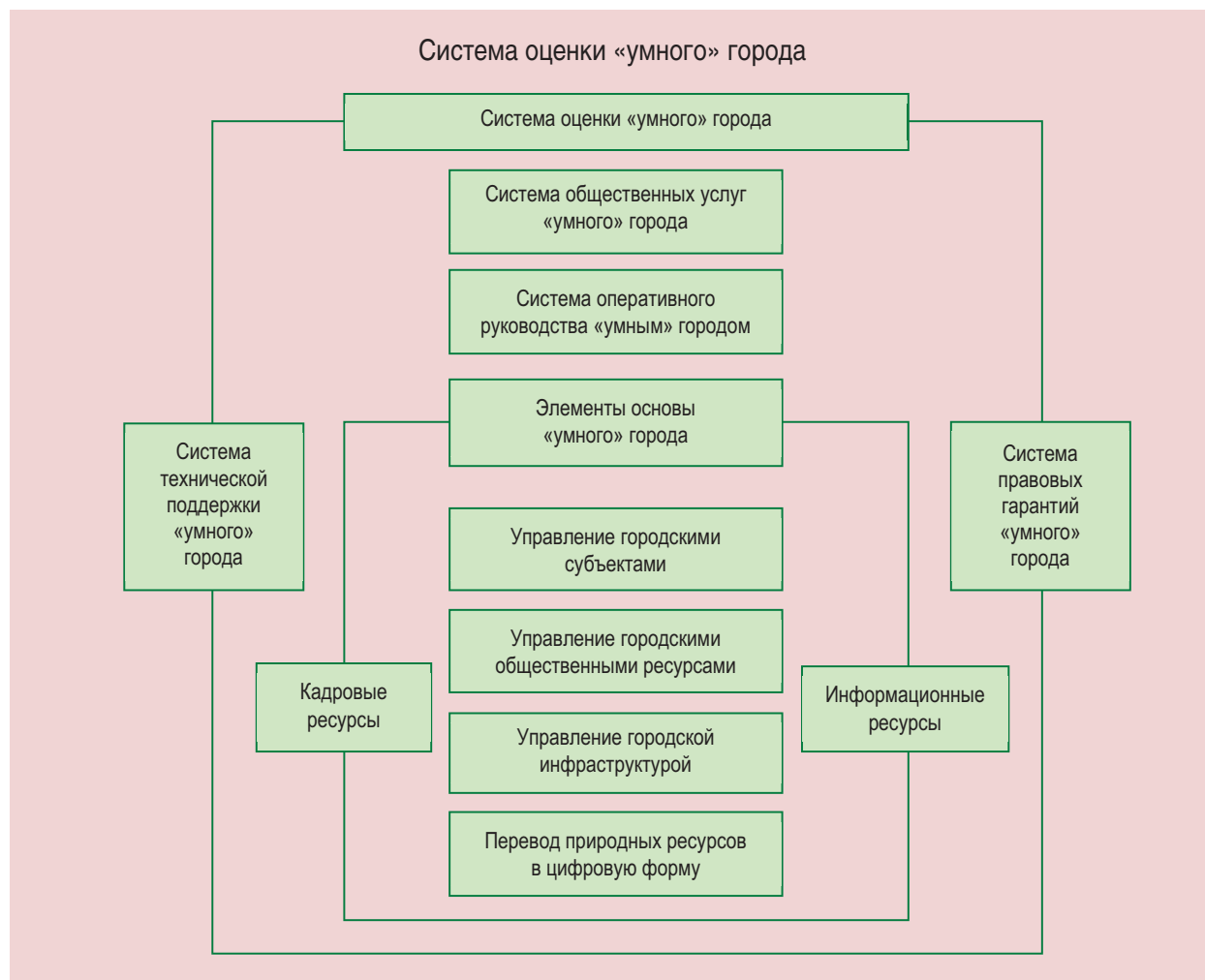
(1) Отсутствие унифицированной концепции на высшем уровне

В настоящее время отсутствуют как четкое представление о том, что собой представляет идея «умного» туризма внутри страны и за рубежом, так и единое понятие о национальных исследованиях туристической индустрии. Государственное управление по делам туризма обеспечило лишь инструктивный подход к созданию «умного» туризма, в рамках этого подхода

еще не сложились единые стандарты, концепции и система оценки технологий и услуг, что влечет за собой нечеткую постановку целей развития «умного» туризма. Независимые действия городов по его разработке приводят к потере большого объема инвестиций. При этом невозможна передача данных, что затрудняет туристические путешествия.

(2) Общий механизм концепции «умного» города на высшем уровне

В процессе определения общих стратегий «умного» туризма формирование значимых стандартов и системы оценки требуют единовременной разработки с нуля, внедрения проекта на высшем уровне, а также общего планирования и комплексного анализа (рисунк).

В ходе разработки на национальном уровне программы-гида с единой платформой, едиными стандартами и единой основой необходимо ускорить строительство корпоративной инфраструктуры с помощью стандартизации, повышения качества, программирования, информатизации и цифровизации. Необходимо также преобразовать достижения в развитии «умного» туризма с целью расширения спектра туристических услуг и повышения потенциала управления, например, с помощью ведения статистики туризма, обследования уровня удовлетворенности туристов и составления прогнозов их потока. Руководствуясь национальной политикой и учитывая местные условия и руководство, следует определить специализированный и индивидуализированный путь развития туристической индустрии. Слепое следование стандартам и ограниченное развитие нежелательны.

(3) Усиление внимания к разработке аппаратного обеспечения туристической индустрии

На сегодняшний день местные органы управления уделяют большое внимание разработке аппаратного обеспечения туризма, измеряя уровень его развития общим числом серверов и загрузкой сетей и т.д. Однако «умный» туризм не может развиваться только за счет технологий. Несмотря на их важную роль в развитии «умного» туризма, данная концепция не может полностью решить все проблемы с помощью определенных технологий. Поэтому необходима такая технология, которая бы обеспечивала более удобный и высокоэффективный доступ, предоставляла услуги и распространяла информацию среди посетителей. «Умный» туризм не должен слепо следовать за технологическими сложностями.

(4) Сложности устойчивого развития

Развитие концепции «умного» туризма – длительный процесс, требующий долгосрочного планирования и разработки механизма реализации.

Проект развития «умного» туризма на высшем уровне должен сочетаться с разработкой подобных проектов развития «умных» городов. В настоящее время у многих городов отсутствуют механизмы долгосрочного функционирования и управления, что делает их неспособными к стимулированию энтузиазма и творчества общественных сил и их участия в процессе разработки концепции «умного» туризма. Некоторым территориям не удастся определить объекты финансирования и их права с точки зрения их интереса к процессу развития «умного» туризма, а также к переходу от объекта финансирования к объекту интереса. Вследствие прямых государственных инвестиций, этой системе необходимы большие средства для долгосрочного обслуживания, что ведет к трудностям поддержания устойчивого развития.

(5) Нехватка талантов в сфере «умного» туризма

Для построения концепции требуется множество талантливых технических специалистов. Поскольку «умный» туризм – новация, привлекательность которой пока довольно низка, проблема поиска талантов является относительно важной для его развития. Поэтому для разработки концепции «умного» туризма и его развития необходима профессиональная команда в сферах туризма, информационных технологий, политики и регулирования, онлайн-коммерции и сетевого маркетинга для управления данной отраслью и её успешного развития.

Сведения об авторах

Куан Сяоцянь – научный ассистент, Центр международного обмена и сотрудничества, Академия общественных наук провинции Цзянси

Ай Шуцинь – научный ассистент, отдел кадров, Академия общественных наук провинции Цзянси

Kuang Xiaoqian, Ai Shuqin

Research on the Development of Smart Tourism in Jiangxi Province under the Background of the “Internet +”

Information about the Authors

Kuang Xiaoqian – Associate Researcher, International Exchange & Cooperation Center, Jiangxi Academy of Social Sciences

Ai Shuqin – Assistant Researcher, Personnel Department, Jiangxi Academy of Social Sciences

Статья поступила 16.05.2016

Неустойчивая занятость в Вологодской области: состояние и тенденции*

Александр Михайлович

ПАНОВ

Институт социально-экономического развития территорий РАН

160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

panov_isedt@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена неустойчивой занятости на уровне российских регионов. На сегодняшний день в социально-экономических науках не существует единой концепции неустойчивой занятости, применимой к российским условиям. Несмотря на значительный объём научно-практической литературы отечественных и зарубежных авторов, посвящённой проблеме неустойчивой занятости, критерии её статистической оценки применительно к российским условиям не определены. В то же время развитие феномена неустойчивой занятости угрожает социально-экономическому благополучию страны, поскольку создаёт риск таких нежелательных последствий, как неэффективная занятость, скрытая и явная безработица, снижение производительности труда, деградация человеческого капитала и др. В работе дан краткий обзор исследований по заявленной проблеме, приведено определение неустойчивой занятости. Предпринята попытка определить и обосновать перечень индикаторов, доступных в материалах официальной статистики, для оценки неустойчивой занятости в регионе. В исследовании выделено три блока индикаторов: индикаторы институционального регулирования, условий занятости и функционирования рынка труда. На основе этих показателей автор анализирует состояние и тенденции неустойчивой занятости в Вологодской области в период с 2001 по 2015 г. В отдельных

* Статья выходит при поддержке гранта РГНФ № 16-02-00290, проект «Неустойчивая занятость в России: возможности и ограничения повышения эффективности трудового потенциала».

Для цитирования: Панов, А.М. Неустойчивая занятость в Вологодской области: состояние и тенденции / А.М. Панов // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 206-222. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.12

For citation: Panov A.M. Precarious Employment in the Vologda Oblast: Current State and Trends. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 4, pp. 206-222. DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.12

случаях представлен сравнительный анализ с данными по Российской Федерации и Северо-Западному федеральному округу. Проведённый анализ позволил выявить положительные и отрицательные изменения, произошедшие в сфере неустойчивой занятости в Вологодской области. В частности, автор выделяет следующие проблемы: рост доли занятых в неформальном секторе, относительный рост числа работающих бедных, почти трёхкратный рост просроченной задолженности по заработной плате в сопоставимых ценах в пересчёте на одного работника. На основании проведённого анализа определены направления государственной политики по снижению неустойчивости занятости: развитие информационного взаимодействия между органами власти и населением, усиление контроля за динамикой просроченной задолженности по заработной плате в проблемных отраслях – сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности, строительстве.

Ключевые слова: неустойчивая занятость, рынок труда, неформальный сектор, институциональные изменения, заработная плата.

Неустойчивая занятость означает занятость в таких условиях, при которых работник рискует потерять рабочее место, лишиться заработка или его значительной части, получать доходы, недостаточные для воспроизводства рабочей силы, либо, при формальном сохранении рабочего места, фактически остаться без работы вследствие простоев, вынужденных отпусков, сокращения рабочего времени, несоблюдения работодателем законодательных требований, в частности социально-экономических гарантий, предоставляемых работникам [14]. Исследование неустойчивой занятости представляется актуальным, поскольку развитие данного феномена влечёт за собой такие неблагоприятные социальные последствия, как скрытая и явная безработица, неэффективная занятость, снижение уровня жизни работающего населения и в конечном счёте деградация человеческого капитала. По мнению Г. Стэндинга, неустойчивая занятость может угрожать национальной безопасности [8]. Гипотетически неустойчивая занятость может иметь некоторые преимущества: повышение адаптивности населения к изменяющимся условиям рынка труда, преодоление патерналистских установок в отношении работодателей, однако на

сегодняшний день эти положительные характеристики не имеют научного и эмпирического подтверждения. В связи с этим в контексте данного исследования неустойчивая занятость будет рассматриваться как неблагоприятное социально-экономическое явление. Вместе с тем используется также понятие «неустойчивость занятости», которое обозначает сущностный признак неустойчивой занятости, который может быть оценён по предложенным статистическим показателям.

Кроме того, при относительно высокой экономической активности, занятости и низкой безработице, о чём свидетельствует официальная российская статистика, положение значительного числа работников может быть нестабильным в связи с риском потери работы, отсутствием возможности трудиться регулярно или столько, чтобы заработка, получаемые от трудовой деятельности, удовлетворяли жизненные потребности работников и членов их семей. При этом масштабы названного явления до сих пор не изучены, в том числе потому, что термин «неустойчивая занятость» подразумевает значительную неопределённость. Неустойчивую занятость необходимо изучать и потому, что одним из стратегических приоритетов развития трудовых ресурсов

в стране и её регионах является создание гибкого рынка труда. Это положительное преобразование, поскольку предоставляет широкий выбор возможностей для реализации и использования человеческого капитала, однако шаги по созданию такого рынка без поправки на ситуацию с неустойчивой занятостью могут привести к ряду социально-экономических проблем – росту безработицы, снижению социальной защищённости работников.

Проблему неустойчивой занятости поднимали в своих трудах многие российские и зарубежные исследователи: С. Крэнфорд, Л. Воско [14] (концептуализация понятия «неустойчивая занятость» и её эмпирический анализ), Г. Стэндинг [8] (анализ феномена прекариата), Д. Фадж [15] (анализ гендерных аспектов неустойчивой занятости и её теоретический анализ), Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон [2] (анализ неформального рынка труда), М.К. Горшков [9] (социологическая оценка неустойчивой занятости) и другие.

Все названные подходы обладают высокой методологической (прежде всего теоретической) ценностью, но ни один из них не позволяет выделить чёткие критерии для количественной оценки неустойчивой занятости в России. Таким образом, определение масштабов неустойчивой занятости в условиях российских социально-экономических реалий является методологической проблемой. Методология статистического учёта разработана в очень немногих странах (в частности, такой учёт ведётся в Канаде), однако она является непригодной для нашей страны – прежде всего по причине отсутствия соответствующих статистических наблюдений. В настоящей статье мы попытаемся предложить и обосновать статистические показатели, с помощью которых возможно было бы оценить масштабы неустойчивой

занятости на уровне российского региона, и рассмотрим её состояние и тенденции на примере Вологодской области. Из-за отсутствия статистических данных за весь период исследования мы вынуждены были использовать различные периоды для различных показателей. Но, на наш взгляд, представленные данные позволяют проследить общие тенденции рассматриваемого явления.

В соответствии с требованиями, предъявляемыми к устойчивой занятости, выведенными нами на предыдущем этапе исследования, можно предложить три группы индикаторов: а) институциональные; б) условий занятости; в) конъюнктурные (*табл. 1*). Постараемся выделить основные из них.

Институциональные показатели должны отражать неформальную занятость и функционирование формальных институтов рынка труда.

1. Распространённость неформального сектора. Оценка распространённости неформальной занятости может быть проведена на основе официальной статистической информации. При этом следует разграничивать понятия «неформальный сектор» и «теневой сектор» («ненаблюдаемая экономика»). К неформальному сектору относятся мелкие хозяйственные единицы либо экономическая деятельность, осуществляемая на базе домохозяйств или индивидуально [1]. По методологии Росстата неформальный сектор включает в себя: а) индивидуальных предпринимателей; б) лиц, работающих по найму у индивидуальных предпринимателей и физических лиц; в) членов семьи, помогающих в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников; г) работающих на индивидуальной основе, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (самозанятых); д) заня-

Таблица 1. Статистические индикаторы устойчивости рынка труда

Блок показателей	Критерий оценки	Индикатор
Институциональные индикаторы	Занятость в неформальном секторе	Занятые в неформальном секторе в % к общей численности занятого населения
	Обеспечение трудовых прав, законность в социально-трудовых отношениях	Количество обращений в инспекцию труда по факту нарушений трудового законодательства на 1000 занятых в экономике региона
	Государственное регулирование оплаты труда	Отношение минимального размера оплаты труда к прожиточному минимуму, установленному для трудоспособного населения, %
Индикаторы условий занятости	Использование рабочего времени	Удельный вес работников списочного состава, работавших неполное рабочее время по инициативе работодателя, в общем числе работников списочного состава, % от общей численности занятых в экономике
		Удельный вес работников списочного состава, находившихся в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника, в общем числе работников списочного состава, в общей численности занятых в экономике, %
Конъюнктурные индикаторы	Достойная оплата труда	Удельный вес работников, получающих заработную плату ниже прожиточного минимума, в общей численности занятых в экономике, %
		Удельный вес работников списочного и несписочного состава, перед которыми организация имеет просроченную задолженность по заработной плате в численности занятых в экономике, %
Источник: составлено автором.		

тых в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена [14]. Неформальный сектор представляет собой неоднородную совокупность работников, однако все его участники – либо предприниматели, либо занятые в домохозяйствах. Таким образом, деятельность первых по определению связана с риском неблагоприятных изменений экономической конъюнктуры, а вторые не могут рассчитывать на институциональные гарантии. Таким образом, по распространённости неформального сектора мы можем судить о неустойчивости занятости.

В качестве индикатора распространённости неформальной занятости мы предлагаем использовать удельный вес неформально занятых в общем числе занятых в экономике (уровень неформальной занятости).

2. Объём государственных гарантий, соблюдение трудового законодательства. По нашему мнению, оценить на основе статистических данных занятость по этим критериям не представляется возможным. По-видимому, компромиссным решением является оценка количества обращений граждан по факту нарушения трудового законодательства. Такую информацию предоставляет Федеральная служба по труду и занятости России [14]. Этот показатель отражает соблюдение трудового законодательства работодателями. Для приведения показателя в сопоставимый вид можно рассчитать количество обращений в инспекцию труда по факту нарушений трудового законодательства на 1000 занятых в экономике региона.

Количество обращений не характеризует с абсолютной достоверностью ситуацию с соблюдением трудового законода-

тельства по ряду причин. Во-первых, не все работники осведомлены о возможности онлайн-обращения по вопросам трудового законодательства. Во-вторых, на российском рынке труда существуют неформальные институты – патерналистское отношение к работодателю, представления о том, что жаловаться в официальные инстанции «не принято», за рабочее место необходимо «держаться». На различных территориях такие институты могут проявляться по-разному, и эти территориальные особенности пока не изучены.

3. Отношение минимального размера оплаты труда к прожиточному минимуму, установленному для трудоспособного населения на соответствующей территории. Данный показатель отражает регулирование заработной платы в регионе и позволяет ответить на вопрос, как соблюдается законодательство о МРОТ (статья 133 ТК РФ, в соответствии с которой МРОТ не может быть меньше прожиточного минимума для трудоспособного населения [10]). Соответственно, чем выше это отношение, тем выше качество института МРОТ в регионе.

Индикаторы условий занятости. Как было сказано выше, мы считаем, что важный критерий, проводящий грань между нестандартной и неустойчивой занятостью, – добровольность, с которой работник принимает нетипичные условия труда. Основываясь на материалах официальной статистики, невозможно определить, как выполнялось то или иное условие – добровольно или по принуждению (вине) работодателя.

Исключение составляет одно измерение – рабочее время. Для оценки устойчивости занятости по этому критерию могут быть использованы следующие показатели:

1. Удельный вес работников списочного состава, работавших неполное рабочее

время по инициативе работодателя, в общем числе работников списочного состава.

2. Удельный вес работников списочного состава, находившихся в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника, в общем числе работников списочного состава.

Возможно, эти показатели не дают полной информации об использовании рабочего времени, поскольку официальная статистика учитывает численность работников, работавших неполное рабочее время по соглашению сторон, и, в силу распространённости патерналистского отношения и названных выше неформальных институтов, работодатель часто имеет возможность вынудить работника заключить «добровольное» соглашение. Однако данный вопрос видится спорным, а потому ограничимся индикаторами рабочего времени, приведёнными выше: при своей возможной неполноте они, по крайней мере, являются сопоставимыми и позволяют оценить временную динамику и территориальные различия.

Конъюнктурные индикаторы. Для оценки устойчивости занятости с точки зрения дохода можно предложить удельный вес занятых в экономике, получающих заработную плату ниже прожиточного минимума для трудоспособного населения. Соответственно, чем выше будет процент таких работников, тем менее стабильна занятость в регионе.

Ещё одним индикатором может служить показатель просроченной задолженности по заработной плате, которая отражает не размер дохода, а его регулярность, – численность работников списочного и неспичного состава, перед которыми организация имеет просроченную задолженность по заработной плате. Для приведения этого показателя в сопоставимый вид следует

рассчитать его удельный вес в численности занятых в экономике на соответствующий период времени.

Приведённые выше показатели могут использоваться при оценке занятости по признаку устойчивости (неустойчивости), поскольку отражают её существенные признаки.

Предложенные показатели выбраны по критерию доступности в материалах официальной статистики. Они не отражают всех сторон неустойчивой занятости, показывая лишь отдельные её признаки, но дают возможность получить общее представление о распространённости неустойчивой занятости на российских территориях.

В целом для страны и Северо-Западного округа период 2001–2013 гг. отмечен ростом занятости в неформальном секторе (табл. 2).

В России удельный вес занятых в неформальном секторе возрос на 5,4 процентных пункта, в СЗФО – на 1,4, в Вологодской области – на 6,1 п.п. В отдельных регионах (Калининградской, Мурманской,

Псковской областях) наблюдалось снижение этого показателя в пределах 2–3 п.п. По состоянию на 2013 г. Вологодская область характеризуется умеренным объёмом неформального сектора на рынке труда (20%; в среднем по стране он также составил 20%).

Следует отметить, что рост неформального сектора может быть связан с развитием индивидуального предпринимательства в России и её регионах. Однако рост неформального сектора, независимо от его структуры, влияет на устойчивость занятости. Мелкие хозяйственные единицы (относимые Росстатом к неформальному сектору) более уязвимы для кризисных явлений в экономике, это может быть обусловлено как снижением спроса на их товары и услуги, так и их высокой закредитованностью. Таким образом, рост неформального сектора за двенадцатилетний период даёт возможность говорить о снижении устойчивости занятости в стране и многих её регионах. В этом отношении Вологодская область в основном повторяет общую тенденцию.

Таблица 2. Занятость в неформальном секторе

Территория	2001 г.		2004 г.		2009 г.		2013 г.	
	Тыс. чел.	% от числа занятых	Тыс. чел.	% от числа занятых	Тыс. чел.	% от числа занятых	Тыс. чел.	% от числа занятых
Республика Карелия	29,4	8,2	37,2	10,4	43	12,8	51	16,9
Республика Коми	48,2	9,4	54,1	11,6	62	12,9	85,8	18,4
Архангельская область	81,0	11,7	101,1	15,8	115	18,2	126,4	21,3
Ненецкий автономный округ	1,3	5,6	1,5	7	3	13,1	2,9	13,7
Вологодская область	85,2	14,1	95,2	15,9	118	19,1	119,3	20,2
Калининградская область	77,1	19,1	143,4	30,6	113	24,7	79,5	16
Ленинградская область	92,8	11,4	100,2	12,1	73	8,6	134	14,5
Мурманская область	57,6	11,4	63,2	14	48	9,9	40,5	9,3
Новгородская область	58,4	16,9	44,5	13,6	51	15,7	65,9	20,5
Псковская область	60,8	18,1	79,9	22,7	68	21,1	53	16,2
г. Санкт-Петербург	104,2	4,5	104,5	4,2	67	2,6	77,7	2,8
Северо-Западный федеральный округ	694,8	10,1	823,4	11,8	758	10,7	832,9	11,5
Российская Федерация	9190,3	14,3	11500,0	17,1	13490	19,5	14096,3	19,7

Источник: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. – Реж. дост.: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 21.01.2016).

Ещё один показатель — количество обращений в органы Федеральной службы по труду и занятости по вопросам трудового законодательства. Заметим, что доступны данные официальной статистики с 2013 г., однако количество обращений в 2013 г. было крайне небольшим, что не позволяет использовать такие данные в качестве объективного источника. Для приведения этого показателя в сопоставимый вид мы рассчитали количество обращений на 1000 человек (табл. 3).

Мы можем отметить увеличение числа обращений на 1000 человек за двухлетний период: в России с 0,60 до 0,75; в Вологодской области с 0,38 до 0,51. Согласно полученным данным наиболее распространёнными в Российской Федерации и в Вологодской области являются нарушения, связанные с выплатой заработной платы.

В общих чертах ситуация выглядит следующим образом. Относительный рост

числа обращений граждан по фактам нарушений трудового законодательства означает, что их трудовые права стали нарушаться чаще. Это, в свою очередь, говорит о том, что законность трудовых отношений обеспечивается хуже. Соответственно, тем менее устойчивой оказывается занятость на данной территории.

Одна из причин ухудшения ситуации с устойчивостью занятости кроется в ухудшении экономической конъюнктуры. Общую оценку этих изменений можно провести с помощью показателей безработицы и заработной платы (потеря работы и увольнение — основные проблемы, с которыми работники обращаются в службу по труду и занятости). За 2014–2015 гг. уровень безработицы в стране в целом возрос на 0,4 п.п. (с 5,2 до 5,6%), в Вологодской области — на 1,2 п.п. (с 5,6 до 6,8%). Реальная заработная плата за тот же период сократилась на 8 и 10% соответственно [13].

Таблица 3. Количество обращений граждан в органы Федеральной службы по труду и занятости по вопросам соблюдения трудового законодательства

Тематический раздел трудового законодательства	Россия		Вологодская область		Россия		Вологодская область	
	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.
	Общее количество обращений				Количество обращений на 1000 занятых			
Время отдыха	372	457	2	4	0,01	0,01	0,00	0,01
Заработная плата	15463	21119	61	111	0,22	0,29	0,10	0,20
Изменение условий труда	619	1121	0	4	0,01	0,02	0,00	0,01
Общие гарантии и компенсации	0	0	0	0	0,00	0,00	0,00	0,00
Ответственность работника перед работодателем	696	593	1	3	0,01	0,01	0,00	0,01
Ответственность работодателя	5393	4451	54	41	0,08	0,06	0,09	0,07
Охрана труда	70	119	1	2	0,00	0,00	0,00	0,00
Прием на работу	604	926	5	3	0,01	0,01	0,01	0,01
Прочие вопросы	5154	6990	18	46	0,07	0,10	0,03	0,08
Рабочее время	395	587	5	6	0,01	0,01	0,01	0,01
Увольнение	12916	16793	67	65	0,18	0,23	0,11	0,11
Условия труда отдельных категорий работников	1186	1224	10	7	0,02	0,02	0,02	0,01
Всего обращений	42868	54380	224	292	0,60	0,75	0,38	0,51

Источники: Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости. – Режим доступа: <http://xn--80akibcicpdbetz7e2g.xn--p1ai/statistics> (дата обращения: 21.01.2016); расчёты автора.

Однако конъюнктурные условия нельзя рассматривать как единственное основание для изменений устойчивости занятости, в отрыве от институциональных изменений, произошедших в России и её регионах.

Под институциональными изменениями мы в данном случае подразумеваем сдвиги в отношении россиян к окружающей действительности. Современные социологические исследования свидетельствуют о снижении среди них патерналистских настроений. По мнению коллектива авторов монографии «Российское общество: трансформации в региональном дискурсе», к 2015 году сложилась группа «самодостаточных россиян» – тех, кто способен обеспечивать жизнедеятельность самостоятельно, не ожидая поддержки от государства, принимать на себя ответственность за происходящее в их жизни и в жизни общества [5]. Не желая зависеть от работодателя, они могут отстаивать свои права более активно, не опасаясь обращаться с жалобами и заявлениями (что в российских условиях может быть связано с риском потерять работу или утратить ценность для работодателя). Как можно предположить, появление такой социальной прослойки в перспективе изменит

патерналистскую модель отношений между работником и работодателем.

Кроме того, получили распространение механизмы получения государственных услуг в электронном виде, стали более популярными и доступными – это сделало обращение в государственные органы (в том числе в службу по труду и занятости) более удобным для населения, что также отразилось на числе обращений. Рассмотренные институциональные изменения затрудняют оценку влияния конъюнктуры на нарушение трудовых прав и, как следствие, устойчивость занятости. Тем не менее мы можем с уверенностью предположить, что снижение устойчивости занятости в России зависит от конъюнктурных факторов.

К институциональным основам устойчивости занятости относится регулирование заработной платы, в частности её минимального размера (табл. 4).

В период с 2001 по 2013 г. наблюдается тенденция роста соотношения минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума: в Вологодской области – на 56 п.п., по России в целом – на 55 п.п. В начале рассматриваемого периода этот показатель составлял 13% как в стране в

Таблица 4. Величина прожиточного минимума для трудоспособного населения и минимальный размер оплаты труда

Территория	2001 г.	2004 г.	2007 г.	2009 г.	2013 г.
<i>Величина прожиточного минимума для трудоспособного населения, в рублях</i>					
Российская Федерация	1513	2502	3993	5497	7633
Вологодская область	1513	2313	3998	5633	7545
<i>Размер минимальной оплаты труда (МРОТ)</i>					
Российская Федерация	200	600	2300	4330	5205
Вологодская область	200	600	3300	4330	5205
<i>Отношение МРОТ к прожиточному минимуму, %</i>					
Российская Федерация	13,2	24,0	57,6	78,8	68,2
Вологодская область	13,2	25,9	82,5	76,9	69,0
Источники: Минимальный размер оплаты труда [Электронный ресурс] : справочная информация // КонсультантПлюс; Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. – Реж. дост.: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 21.01.2016); расчёты автора.					

целом, так и в регионе, в котором он достиг своего пика в предкризисном 2007 году (83%), так как в этом году было заключено дополнительное региональное соглашение об установлении минимального размера оплаты труда, отличного от федерального [6]. В России этот пик пришёлся на кризисный 2009 год. К 2013 г. рассматриваемый показатель снизился, составив 69% по стране в целом и 68% по Вологодской области. Его рост был обусловлен прежде всего поэтапным увеличением минимального размера оплаты труда и изменением его институциональной функции: если ранее он использовался как инструмент, позволявший определить величину штрафов за правонарушения, то впоследствии он стал выполнять свою прямую функцию — устанавливать нижний порог оплаты труда.

Подобную динамику демонстрирует и другой показатель борьбы с бедностью населения — индекс Кейтца (соотношение МРОТ и среднемесячной начисленной заработной платы): в 2001 г. он составлял в России и Вологодской области 6%; в кризисном 2009 году — 23 и 26%; в 2013 г. — 16 и 21% соответственно.

Хотя в изменениях явно имеет место положительная динамика, в российском законодательстве до сих пор наблюдается правовая коллизия, связанная с размером МРОТ: согласно ст. 133 ТК РФ, он не должен быть ниже прожиточного минимума [11]. Однако, несмотря на указанное противоречие, сложившаяся ситуация свидетельствует об усилении институциональных основ устойчивости занятости в России и на Вологодчине.

Можно предположить, что органы федеральной и региональной власти, опасаясь возможных неблагоприятных последствий (повышение цен на товары и услуги, массовые высвобождения рабочей силы), избегают резкого повышения мини-

мальной оплаты труда и обеспечивают её поэтапный рост, усиливая регулирование в кризисные периоды (что представляется оправданным и закономерным). Следует отметить, что руководство Вологодской области демонстрирует в этом отношении некоторый недостаток правотворческой инициативы: в регионе действуют стандарты МРОТ, установленные на федеральном уровне. При этом механизмы регулирования МРОТ у российских регионов имеются: согласно п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ [3] вопросы трудового законодательства находятся в совместном ведении федерации и регионов. В случае возникновения кризисных ситуаций региональные власти могли бы задействовать и этот механизм.

Один из индикаторов устойчивости занятости — её стабильность с точки зрения рабочего времени. Иллюстративными в этом отношении являются показатели численности занятых, работавших неполное рабочее время (табл. 5).

За период с 2002 по 2014 г. доля занятых, работавших неполное рабочее время по инициативе работодателя, сократилась в Вологодской области на 1,2 п.п. (в 2014 году — 0,2%), в СЗФО — на 1,5 п.п. (0,2%), по стране в целом — на 2,7 п.п. (0,3%). Причём с 2010 г. в официальной статистике стали учитываться показатели рабочего времени, пропущенного вследствие простоев, которые, на наш взгляд, также следует учитывать. Ранее такая статистика не велась, поскольку на практике бывает довольно трудно установить, было ли рабочее время фактически пропущено по инициативе работодателя или по обстоятельствам, не зависящим от сторон трудовых отношений. Проблема состоит в том, что работодатель не всегда сообщает, что перевод сотрудников на неполное время происходит по его инициативе, чтобы избежать

Таблица 5. Работники списочного состава, работавшие неполное время, по отдельным группам работников, тыс. чел., % от среднесписочной численности работников

Территория	2002 г.		2004 г.		2010 г.		2014 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
<i>Численность работников списочного состава, работавших неполное рабочее время по инициативе работодателя</i>								
Вологодская область	5,8	1,4	1,1	0,3	1,0	0,6	0,7	0,2
Северо-Западный федеральный округ	69,4	1,7	34,7	0,9	10,7	0,6	8,2	0,2
Российская Федерация	1213,4	3,0	533,9	1,4	186,5	1,2	96,6	0,3
<i>Численность работников списочного состава, находившихся в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника*</i>								
Вологодская область	-	-	-	-	1,5	0,9	2,0	0,7
Северо-Западный федеральный округ	-	-	-	-	8,2	0,5	15,8	0,4
Российская Федерация	-	-	-	-	126,9	0,8	236,3	0,7
* В период с 2000 по 2010 г. статистический учёт не осуществлялся. Источник: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. – Реж. дост.: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 21.01.2016).								

ухудшения делового имиджа предприятия или исполнения обязательств по трудовому соглашению. Тем не менее инициатива работодателя как таковая не имеет для нас важного значения, так как любые причины (кроме волеизъявления самого работника) указывают на неустойчивость занятости на предприятии. Объединив показатели численности работников, занятых неполное время по инициативе работодателя и по причинам, от него не зависящим (исключая личное заявление работника), мы можем заключить, что в 2014 г. удельный вес работников, работающих неполное время, составил в Вологодской области 0,9%, в Российской Федерации – 1%, в Северо-Западном федеральном округе – 0,6%. Следовательно, доля работников, работающих неполное время, сократилась, и с этой точки зрения устойчивость занятости по сравнению с показателями предыдущих периодов повысилась. Мы не исключаем случаев, когда работодатель, используя своё должностное положение, авторитет и зная о патерналистских настроениях работников, принуждает их писать заявления о сокращении рабочего времени «по собственному желанию»,

однако, не обладая достоверными социологическими данными, останавливаться на этом не будем.

Устойчивость занятости состоит также в вознаграждении за труд – заработной плате, позволяющей поддерживать стабильный и приемлемый уровень жизни. Одним из показателей, несомненно указывающих на низкий уровень жизни отдельных категорий работников, является уровень бедности работающего населения. Применительно к данному исследованию показателем числа работающих бедных будет доля занятых, получающих заработную плату ниже прожиточного минимума, в общей численности занятых (табл. 6).

В 2005 г., когда страна и многие регионы находились на стадии восстановления после кризиса 1998 г., на российском Северо-Западе и в Вологодской области удельный вес работающих бедных был существенно меньше (16 и 17%), чем в стране в целом (24%). С 2005 г. наметилась тенденция к снижению этого показателя, причём в 2006 году Вологодская область, демонстрировавшая относительный рост удельного веса работающих бедных, на 4,5 п.п. опережала СЗФО, а к кризисному

Таблица 6. Удельный вес численности работников, имеющих заработную плату ниже величины прожиточного минимума, %

Территория	2005 г.*	2006 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2015 г.
Российская Федерация	24,4	22,2	16,5	10,4	13,1	7,8	10,7
Северо-Западный ФО	16,3	13,9	10,4	7,5	8	4,7	8,4
Вологодская область	16,5	18,4	13,7	13,3	16,1	9,8	14,2

* Статистический учёт за более ранние годы не осуществлялся.
Источник: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. – Реж. дост.: www.gks.ru/ (дата обращения: 21.01.2016).

2009 году обогнала страну в целом. Возможными причинами такой ситуации стали слабая диверсификация экономики, значительная роль промышленности, вследствие чего регион оказался уязвимым для экономического кризиса. После 2011 г. доля работающих бедных сократилась, но к 2015 г. наступил новый кризис, вызванный политической ситуацией в России и её политикой на международной арене, повлекший новое увеличение рассматриваемого показателя. Однако к 2015 году аутсайдером вновь оказалась Вологодская область: удельный вес работающих бедных составил 14% (на 2,3% меньше, чем в 2005 г.). Таким образом, несмотря на общее улучшение ситуации с работающими бедными, с точки зрения оплаты труда занятость в регионе остаётся менее устойчивой, чем в России и Северо-Западном округе.

В настоящее время, когда экономический кризис переходит на новый виток, в регионе остаётся напряжённой и ситуация с просроченной задолженностью по заработной плате (табл. 7).

В период с 2002 по 2015 год задолженность по заработной плате не демонстрировала однозначного тренда и изменялась скачкообразно. Наибольшая численность работников, перед которыми имелась задолженность, наблюдалась в 2002 году (39,6 тыс. чел.), но самый крупный размер задолженности на одного работника (36 тыс. руб.) пришёлся на 2015 год. С одной стороны, это может быть объяснено ростом заработной платы в реальном выражении. Повышение заработной платы привело, соответственно, и к повышению задолженности. Заметим, что сложившаяся ситуация свидетельствует об усугублении дифференциации на рынке труда и, как следствие, социального неравенства. Работники, которые в условиях общего роста заработных плат оказываются лишены средств к существованию, испытывают социальное отчуждение, теряют удовлетворённость трудом и жизнью в целом, не заинтересованы в качественном выполнении своих трудовых функций. Как и следовало ожи-

Таблица 7. Показатели просроченной задолженности по заработной плате в Вологодской области в ценах 2015 г.

Показатель	2002 г.	2006 г.	2009 г.	2013 г.	2015 г.
Сумма просроченной задолженности, тыс. руб.	48583,1	8901,6	44933,1	7342,7	72439
Численность работников, перед которыми имелась просроченная задолженность	39615	602	3474	516	2007
В расчёте на одного работника, перед которыми имелась просроченная задолженность, руб.	12263,9	14787,5	12933,5	14230,6	36093

Источник: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. – Реж. дост.: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 21.01.2016).

дать, в 2009 г., когда экономический кризис затронул рынок труда, все показатели задолженности по заработной плате резко ухудшились, что в очередной раз подтверждает тезис об уязвимости занятости по отношению к неблагоприятным условиям экономической конъюнктуры.

По состоянию на 2015 год отраслями, в которых эта проблема находит наиболее чёткое проявление, оказались сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность. В этих видах экономической деятельности доля работников, перед которыми имеется задолженность, составила 36 и 35% соответственно. Для сравнения: в 2009 г. в наибольшей степени пострадало сельское хозяйство. В данной отрасли было занято 65% от всех работников, перед которыми работодатель имел задолженность. Таким образом, отраслевой характер рассматриваемого явления сохраняется, но в меньшей степени, чем в предыдущие кризисные периоды. Отметим, что за рассматриваемый период доля занятых в сельском хозяйстве не претерпела значительных изменений – сократилась лишь на 0,7 п.п. (с 10,2 до 9,5%). Чтобы избежать поверхностных выводов, мы не предполагаем какую-либо корреляционную связь между динамикой занятости в отрасли и просроченной задолженностью по оплате труда. Вероятно, прямой взаимосвязи между этими показателями нет, что объясняется особенностями российской модели рынка труда: работники стараются сохранить рабочие места даже в случае снижения или задержки оплаты труда, опасаясь, что найти другую работу будет сложно, в результате чего поддерживается стабильный уровень занятости. Однако очевидно, что устойчивость занятости дифференцируется в том числе по видам экономической деятельности.

Рассмотрев некоторые показатели неустойчивой занятости, мы можем заключить, что в регионе, в стране в целом и СЗФО сложились противоречивые тенденции. С одной стороны, в экономике произошло существенное усиление неформального сектора. Сам по себе неформальный сектор не представляет однозначно негативный феномен, поскольку в него входят и фермеры, и индивидуальные предприниматели, и иные мелкие хозяйствующие единицы. Многие из них являются рыночными агентами, рост их числа ведёт к развитию конкурентной среды, что может рассматриваться как положительная тенденция. С другой стороны, анализ показал уязвимость рынка труда к неблагоприятным явлениям экономической конъюнктуры, то есть в условиях кризиса указанные субъекты рынка труда находятся в группе риска. В связи с этим мы можем говорить о снижении устойчивости занятости.

С точки зрения законодательного регулирования можно отметить улучшения. Так, увеличение МРОТ относительно прожиточного минимума стало устойчивой и положительной тенденцией. Однако государственные гарантии минимальной оплаты труда, установленные законом, по-прежнему не выполняются. Не используется механизм установления минимального порога оплаты труда и на региональном уровне, хотя, поскольку изменения потребительских цен в Вологодской области близки к среднероссийским, это не критично.

Как можно подчеркнуть, механизм рассмотрения обращений работников в надзорные органы по труду стал более прозрачным и удобным для граждан. Это связано с созданием информационной интернет-платформы, позволяющей под-

готовить обращение (вопрос, жалобу) в федеральные органы по труду и занятости. Поскольку данный проект появился недавно, в настоящей работе мы воздержимся от значимых выводов относительно динамики числа обращений, чтобы избежать поверхностных заключений. Но можно утверждать, что сам факт создания такой интернет-площадки является положительным институциональным изменением, способствующим повышению устойчивости занятости.

Улучшилась ситуация и с использованием рабочего времени, что выразилось в существенном сокращении числа работников с неполной занятостью. Такая ситуация имеет положительные стороны как для работников, так и для работодателей и в конечном итоге для экономики в целом. Мы можем констатировать, что с позиций использования рабочего времени устойчивая занятость в регионе в целом повысилась.

Ситуацию с оплатой труда можно назвать противоречивой. С одной стороны, положительным моментом является практически повсеместное сокращение доли работников с заработной платой ниже прожиточного минимума. Однако Вологодская область находится в данном случае не в выигрышном положении: доля работающих за вознаграждение ниже прожиточного минимума в ней выше, чем в СЗФО и в России в целом, а относительно 2005 года, с которого ведётся учёт данного показателя, он сократился всего на 2,3 п.п. Например, территориальное соседство с экономически благополучным Санкт-Петербургом ослабляет конкурентные преимущества Вологодчины на Северо-Западе страны. Такая ситуация усугубляется и увеличением просроченной задолженности по заработной плате на одного работника. При этом доля работников, перед которыми имеется

задолженность, сократилась. Проблема просроченной задолженности по заработной плате имеет отраслевой характер: наибольшая доля работников, не получающих вознаграждение в срок, сосредоточена в сферах сельского хозяйства, строительства, обрабатывающей промышленности. Мы предполагаем, что это может спровоцировать рост объёмов теневого рынка труда и усугубить ситуацию с неустойчивой занятостью и прекаризацией работающего населения в регионе.

На сегодняшний день механизмов, направленных на преодоление неустойчивой занятости как таковой, не разрабатывается. Вопрос о том, необходимо ли выделять неустойчивую занятость как отдельную проблему в сфере управления социально-трудовыми отношениями, может быть дискуссионным. В то же время одним из стратегических вызовов современного рынка труда, по мнению ряда исследователей и представителей государственной власти, является формирование т.н. гибкого рынка труда, то есть рынка, предоставляющего широкий выбор возможностей для реализации рабочей силы. В частности, такого мнения придерживаются авторы «Стратегии развития трудовых ресурсов Вологодской области до 2020 г.» [7]. Однако меры по созданию гибкого рынка труда могут усугубить существующие проблемы. Поэтому для управления гибкостью рынка труда необходимо, на наш взгляд, иметь представление об устойчивости занятости.

1. Для получения большей информации об устойчивости занятости следует совершенствовать механизмы взаимодействия Федеральной службы занятости и научного сообщества. В частности, Федеральная служба занятости могла бы выпускать информационный бюллетень, содержащий данные об обращениях

граждан в региональном разрезе. В настоящее время информация является открытой и размещается в сети Интернет, вместе с тем доступ к полному массиву данных ограничен вследствие особенностей работы интернет-портала.

2. Необходимо поддерживать политику поэтапного увеличения МРОТ, возможно, это следовало бы делать с поправкой на различия в потребительских ценах в России и Вологодской области. При этом МРОТ в Вологодской области не может быть ниже, чем в России в целом: Федерация определяет минимум, а регионы, в зависимости

от экономической ситуации, устанавливают надбавки и повышательные коэффициенты. Это, как нам видится, будет способствовать урегулированию проблемы работающих бедных, чья заработная плата находится на уровне ниже прожиточного минимума (но не ниже МРОТ).

3. Требуется усилить контроль за ситуацией с просроченной задолженностью по заработной плате в отраслях промышленности, строительства и прежде всего сельского хозяйства.

На наш взгляд, эти меры позволят повысить устойчивость занятости в регионе.

Литература

1. Гимпельсон, В.Е. Российский рынок труда: между нормой и аномалией [Электронный ресурс] / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников // Электронный журнал «OpenSpace». – Режим доступа: <http://www.openspace.ru/article/771>. – 27. 12. 2012. Дата обращения: 01.12.2013.
2. Гимпельсон, В. Неформальная занятость в России (Ч. I) [Электронный ресурс] / В. Гимпельсон // Демоскоп Weekly. – 2003. – №107. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0107/tema01.php>.
3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс.
4. Минимальный размер оплаты труда [Электронный ресурс] : справочная информация // КонсультантПлюс.
5. Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений) : монография / кол. авт. ; под науч. рук. акад. РАН, д.ф.н. М.К. Горшкова, д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 446 с.
6. Соглашение о минимальной заработной плате в Вологодской области [Электронный ресурс] : утв. 6 ноября 2007 года // КонсультантПлюс.
7. Стратегия развития трудовых ресурсов Вологодской области до 2020 года [Электронный ресурс] : принята Постановлением Правительства Вологодской области от 23.12.2013 № 1349) // КонсультантПлюс.
8. Стэндинг, Г. Прекариат – новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
9. Тихонова, Н.Е. Классы в современной России: миф или реальность? / Н.Е. Тихонова, М.К. Горшков (ред.) // Россия реформирующаяся: ежегодник. – Вып. 7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 62-92.
10. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят 30.12.2001, № 197-ФЗ : ред. от 23.04.2012 // КонсультантПлюс.
11. Ускова, Т.В. Проблемы эффективности государственного управления / Т.В. Ускова, А.И. Поварова // Сборник научных докладов и сообщений Учёного совета ИСЭРТ РАН. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – Вып. 9. – С. 4-58.
12. Федеральная служба по труду и занятости: официальный сайт. – Режим доступа: <http://xn--80akibcicpdbhz7e2g.xn--plai/statistics> (дата обращения: 21.01.2016).
13. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 21.01.2016).
14. Cranford, C.J. Precarious employment in the Canadian labor market: a statistical portrait [Электронный ресурс] / C.J. Cranford, L.F. Vosko, N. Zukevich // Just Labor. – 2003. – Vol. 3. – Режим доступа: <http://www.justlabour.yorku.ca/volume3/pdfs/cranfordetal.pdf>.

15. Fudge, J. Precarious work, women and the new economy: the challenge to legal norms / J. Fudge, R. Owens. – Onati International Series in Law and Society. Oxford: Hart Publishing. – 2006. – Pp. 3-28.
16. Ilyin, V.A. Problems of regional development as the reflection of the effectiveness of public administration / V.A. Ilyin, A.I. Povarova // Economy of Region. – 2014.
17. Rodgers, G. (1989). Precarious Work in Western Europe / G. Rodgers and J. Rodgers (eds) // Precarious Jobs in Labour Market Regulation: The Growth of Atypical Employment in Western Europe. – Belgium: International Institute for Labour Studies. – Pp. 1-16.
18. Standing, G. (2009) Work after Globalization. Building Occupational Citizenship. Cheltenham, UK, and Northampton, MA, USA. Edgar Elgar. 366 pp. : Book review // Nordic journal of working life studies. – 2014. – Pp. 75-80.
19. Tangian, A.S. Is flexible work precarious? A study based on the 4th European survey of working conditions 2005 / A.S. Tangian // WSI-Diskussionspapier. – 2004. – Nr. 153. – 77 p.

Сведения об авторе

Александр Михайлович Панов – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, panov_isedt@mail.ru)

Panov A.M.

Precarious Employment in the Vologda Oblast: Current State and Trends

Abstract. The paper is devoted to the study of the phenomenon of precarious employment in Russian regions. Today, the socio-economic sciences lack a single concept of precarious employment applicable to Russian conditions. Despite the considerable amount of scientific and practical works of domestic and foreign authors on the issue of precarious employment, the criteria of its statistical evaluation as applied to Russian conditions have not been determined. At the same time, the development of precarious employment threatens the country's socio-economic welfare, because it creates the risk of unwanted effects such as poor employment, hidden and open unemployment, lower labor productivity, degradation of human capital, etc. The paper provides a brief review of research on the problem stated, and defines precarious employment. The author makes an attempt to determine and substantiate the list of indicators available in official statistics for assessing precarious employment in the region. The study allocates three blocks of indicators: indicators of institutional regulation, conditions of employment and functioning of the labor market. Based on these indicators, the author analyzes the status and trends of precarious work in the Vologda Oblast in the period from 2001 to 2015. In some cases, the author presents a comparative analysis of the data for the Russian Federation and Northwestern Federal District. The analysis has helped identify positive and negative changes in the field of precarious employment in the Vologda Oblast. In particular, the author identifies the following problems: an increase in the share of those employed in the informal sector, a relative increase in the number of the working poor, an almost three-fold growth of overdue debts on wages in comparable prices per worker. On the basis of this analysis, the author identifies the directions of the state policy that can help reduce precarious employment: development of information interaction between authorities and population, strengthening of control over the dynamics of overdue debt on wages in troubled sectors – agriculture, manufacturing and construction.

Key words: precarious employment, labor market, informal sector, institutional change, wages.

References

1. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I. Rossiiskii ryok truda: mezhd u normoi i anomaliei [Russian labor market: between the norm and anomaly]. *Elektronnyi zhurnal "Openspace"* [Electronic journal "Openspace"]. Available at: <http://www.openspace.ru/article/771>. (accessed 01.12.2013). (In Russian).
2. Gimpel'son V. Neformal'naya zanyatost' v Rossii (Ch. I) [Informal employment in Russia (Part 1)]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2003, no. 107. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0107/tema01.php> (In Russian).
3. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [The Constitution of the Russian Federation: adopted by the nationwide vote on December 12, 1993 (as amended by laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 05, 2014 No. 2-FKZ, of July 21, 2014 No. 11-FKZ)]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus reference and search system]. (In Russian).
4. Minimal'nyi razmer oplaty truda: spravochnaya informatsiya [The minimum wage: reference information]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus reference and search system]. (In Russian).
5. *Rossiiskoe obshchestvo: transformatsii v regional'nom diskurse (itogi 20-letnikh izmerenii): monografiya* [Russian society: transformation in the regional discourse (the results of 20 years of measurements): monograph]. Team of authors under the scientific supervision of RAS Academician Doctor of Philosophy M.K. Gorshkov, Doctor of Economics Professor V.A. Ilyin. Vologda: ISERT RAN, 2015. 446 p.
6. Soglasenie o minimal'noi zarabotnoi plate v Vologodskoi oblasti: utv. 6 noyabrya 2007 goda [The agreement on the minimum wage in the Vologda Oblast: approved November 06, 2007]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus reference and search system].
7. Strategiya razvitiya trudovykh resursov Vologodskoi oblasti do 2020 goda: prinyata Postanovleniem Pravitel'stva Vologodskoi oblasti ot 23.12.2013 No. 1349) [Strategy for development of labor resources in the Vologda Oblast up to 2020: adopted by the Decree of the Vologda Oblast Government of December 23, 2013 No. 1349)]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus reference and search system].
8. Standing G. Prekariat – novyi opasnyi klass [The precariat: the new dangerous class]. Moscow: Ad Marginem Press, 2014. 328 p.
9. Tikhonova N.E. Klassy v sovremennoi Rossii: mif ili real'nost'? [Classes in contemporary Russia: a myth or reality?]. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik* [Reforming Russia: yearbook], no. 7. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2008. Pp. 62-92.
10. Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii: prinyat 30.12.2001, № 197-FZ : red. ot 23.04.2012 [The Labor Code of the Russian Federation: adopted December 30, 2001, No. 197-FZ: as amended on April 23, 2012)]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus reference and search system].
11. Uskova T.V., Povarova A.I. Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Public administration efficiency issues]. In: *Sbornik nauchnykh dokladov i soobshchenii Uchenogo soveta ISERT RAN* [Collection of scientific papers of ISERT RAS Academic Council]. Vologda: ISERT RAN, 2014. No. 9. Pp. 4-58.
12. *Federal'naya sluzhba po trudu i zanyatosti: ofitsial'nyi sait* [Federal Service for Labor and Employment: official website]. Available at: <http://xn--80akibcicpdbez7e2g.xn--p1ai/statistics> (accessed 21.01.2016).
13. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki: ofitsial'nyi sait* [Federal State Statistics Service: official website]. Available at: <http://www.gks.ru/> (accessed 21.01.2016).
14. Cranford C.J., Vosko L.F., Zukevich N. Precarious employment in the Canadian labor market: a statistical portrait. *Just Labor*, 2003, vol. 3. Available at: <http://www.justlabour.yorku.ca/volume3/pdfs/cranfordetal.pdf>
15. Fudge J., Owens R. *Precarious work, women and the new economy: the challenge to legal norms. O ~nati International Series in Law and Society*. Oxford: Hart Publishing, 2006. Pp. 3-28.
16. Ilyin V.A., Povarova A.I. Problems of regional development as the reflection of the effectiveness of public administration. *Economy of Region*, 2014.

17. Rodgers G. Precarious Work in Western Europe. In: G. Rodgers and J. Rodgers (eds): *Precarious Jobs in Labour Market Regulation: The Growth of Atypical Employment in Western Europe*. Belgium: International Institute for Labour Studies, 1989. Pp. 1-16.
18. Standing G. Work after Globalization. Building Occupational Citizenship. Cheltenham, UK, and Northampton, MA: Edgar Elgar, 2009. 366 pp.: Book review. *Nordic journal of working life studies*, 2014, pp. 75-80.
19. Tangian A.S. Is flexible work precarious? A study based on the 4th European survey of working conditions 2005. *WSI-Diskussionspapier*, 2004, no. 153, 77 p.

Information about the Author

Aleksandr Mikhailovich Panov – Junior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, panov_isedt@mail.ru)

Статья поступила 14.07.2016

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

DOI: 10.15838/esc.2016.4.46.13

Итоги Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2015 года

Всероссийский конкурс на лучшую научную книгу проводится с 2003 г. среди преподавателей высших учебных заведений и сотрудников научно-исследовательских учреждений. Его организаторы – Фонд развития отечественного образования и Российская академия образования.

Основная цель конкурса – поддержка научных исследований в области экономики и управления, юриспруденции, гуманитарных наук, педагогики и психологии, технических наук. Активное участие в нём принимают ученые из Института социально-экономического развития территорий РАН, и, судя по итогам очередного этапа конкурса, подведенным в июне т. г., оно вновь стало успешным.

В номинации «Экономика и управление» дипломы лауреатов присуждены:

• **Д.э.н. А.А. Шабуновой, к.ф.н. Т.А. Гужавиной, И.Н. Дементьевой, Т.П. Кожиной, Д.А. Ластовкиной, к.с.н. Д.А. Афанасьеву за монографию «Региональное гражданское общество: динамика развития».**

В монографии рассмотрены теоретико-методологические основы, социальная значимость и важность развития граждан-

ского общества на современном этапе. Представлена комплексная характеристика гражданского общества на региональном уровне (на примере Вологодской области). На базе данных официальной статистики и социологических измерений выполнен анализ деятельности общественных институтов, определены категории населения, составляющие ядро и периферию гражданского общества, выявлены специфика институционального и межличностного доверия, особенности протестного поведения населения.

Книга предназначена научным работникам, специалистам региональных и муниципальных органов управления, преподавателям высших учебных заведений, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами регионального развития.

• **Д.э.н., профессору В.А. Ильину за книгу «Эффективность государственного управления: точка зрения главного редактора».**

В книге собраны статьи д.э.н., профессора В.А. Ильина, главного редактора издаваемого ИСЭРТ журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», открывавшие его выпуски в период 2012–2015 гг. Ключевая тема данных публикаций – проблемы повышения эффективности государственного управления на всех уровнях власти в современной России: федеральном, региональном, местном. В статьях представлен обширный материал о путях решения этой проблемы, базирующийся на собственных исследованиях автора и сотрудников научного коллектива, который он бессменно возглавлял 25 лет. Автором обосновывается неотложная необходимость реального перехода страны к инновационному развитию, созданию условий для такого перехода. Характеризуются болевые узлы, замедляющие экономические и социальные преобразования в стране: приверженность властной элиты к компрадорскому олигархическому капиталу, проникшая во все этажи власти коррупция, разрастающаяся дифференциация уровня жизни населения. Предлагаются конкретные меры по защите безопасности страны и регионов, обеспечению господства в российском государстве принципов социальной справедливости, непрерывного наращивания человеческого капитала. Статьи сопровождаются таблицами и графиками для наглядности характеристик динамики отношения населения к различным ветвям власти, выполненных по результатам многолетних мониторинговых исследований, проводимых ИСЭРТ.

Книга будет полезна и интересна работникам органов государственной власти, специалистам научно-исследовательских учреждений, преподавателям, аспирантам, студентам вузов экономического и социального профиля.

• **Д.э.н. Т.В. Усковой, Н.В. Ворошилову за монографию «Региональная политика территориального развития».**

Монография посвящена актуальным вопросам региональной политики по развитию муниципальных образований. Предложены балльная методика ее оценки и направления повышения эффективности, в частности создание шести управленческих округов, координационного совета по развитию муниципальных образований, а также алгоритм выбора формы осуществления территориальных преобразований; обобщены рекомендации по согласованию стратегических документов субъекта РФ и муниципальных образований.

Книга адресована научным работникам и специалистам органов государственного и муниципального управления, преподавателям, студентам учебных заведений по специальностям и направлениям подготовки «Государственное и муниципальное управление» и «Национальная экономика».

* * *

Напомним, что в 2010 году дипломы лауреатов конкурса получили Л.В. Костылева за книгу «Социально-экономическое неравенство населения региона» в номинации «Экономика» и К.А. Задумкин за книгу «Стратегическое управление жизнью: советы менеджера» в номинации «Менеджмент и маркетинг».

Одной из лучших научных книг 2013 года в номинации «Экономика и управление» экспертами Фонда признана моно-

графия под общей редакцией А.А. Шабунновой «Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования».

Лауреаты 2014 года – В.А. Ильин, А.И. Поварова за монографию «Проблемы эффективности государственного управле-

ния. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации» и Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко, А.Н. Чекавинский за книгу «Продовольственная безопасность региона».

ПРАВИЛА
приёма рукописей статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Экономические и социальные перемены:
факты, тенденции, прогноз» (в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (1 стр. ≈ 1800 знаков). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 24 страницы (≈ 43000 знаков). К публикации принимаются также рецензии на книги, информация о научных конференциях, событиях научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензентов; учитываются новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В печатном виде в редакцию представляются:

Статья с подписью автора на первой странице. Для аспирантов и соискателей необходима заверенная надлежащим образом подпись научного руководителя (печать должна быть четкая).

Полные данные об авторе на отдельной странице: Ф.И.О., ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактная информация (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail).

Письменное обязательство автора статьи не публиковать её в других печатных и/или электронных изданиях до выхода в свет журнала с данной статьей.

Материалы направляются по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, редакция научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз».

В электронном виде в редакцию представляются:

Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .doc либо .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.doc).

Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.

Таблица со сведениями об авторе.

Фотография автора в формате .jpeg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов направляется на электронный адрес: common@vscc.ac.ru.

Требования к оформлению текста статьи

(образцы оформления см. на сайте журнала в Правилах приёма рукописей...)

Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры, при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов, нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно представить вместе с файлом.

Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

Первая страница статьи.

В правом верхнем углу указывается индекс УДК, под ним – индекс ББК, знак ©, фамилия и инициалы автора. Заголовок статьи должен быть выровнен по центру. Ниже, без абзацных отступов, приводятся аннотация и ключевые слова, выделенные курсивом и выравненные по ширине. Далее следует текст статьи.

Аннотация.

Объём текста аннотации должен составлять от 250 до 300 слов. В обязательном порядке должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов; кратко сформулированы перспективы дальнейшего исследования в указанной области.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rskb73ae013ofk4g8nrv1>.

Ключевые слова.

Должно быть приведено не более 8 ключевых слов.

Таблицы.

Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами табличного редактора MS WORD. Недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка.

В заголовке слово «Таблица» и её номер не выделяются, заголовок выполняется полужирным шрифтом, выравнивается по центру.

Рисунки (схемы, графики, диаграммы).

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, блок-схем – MS WORD, MS VISIO, формул – MS Equation. Рисунки, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

– в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

– в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

Подпись к рисунку и его номер располагаются под рисунком. Слово «Рисунок» не выделяется. Подпись выполняется полужирным шрифтом, выравнивается по центру.

Библиографическое описание источников под таблицами и рисунками.

Пишется: или «Источник:», или «Составлено по:», или «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

Постраничные сноски.

Оформление сносок производится в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5.–2008.

Список литературы.

Источники располагаются в списке строго по алфавиту (сначала русскоязычные, затем – иностранные). Их библиографическое описание выполняется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы составляет не менее 20-ти, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество включенных в список работ автора не должно превышать 10% общего количества приведенных в списке литературы источников.

Не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивные материалы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. На указанные источники рекомендуется давать соответствующие постраничные сноски.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Правила приёма рукописей статей, направляемых в редакцию научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», размещены на сайте журнала (<http://esc.vscs.ac.ru>).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, оформление которых не соответствует требованиям издательства, к рассмотрению не принимаются!

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. **Лицензиар** и **Лицензиат** несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____/_____
подпись ф. и. о. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____ в печатной/электронной версии для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № ____ от « ____ » _____ 20__ года.

Передал
Лицензиар:

Принял
От Лицензиата:

_____ / _____
подпись

_____ / _____
ф. и. о. полностью

_____ / _____ / _____
подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

- 1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Бушманова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-10 (доб. 387), адрес электронной почты: bushmanova@vscc.ac.ru).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 29.08.2016.
Дата выхода в свет 31.08.2016.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 27,2. Тираж 500 экз. Заказ № 222.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru